РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова

№ 2

От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке

К 90-летию академика Юрия Дерениковича Апресяна

МОСКВА
2020

ISSN 2311–150X

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор
А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:
Л. Л. Иомдин, доктор филол. наук (Москва, Россия);
И. М. Богуславский, доктор филол. наук (Москва, Россия).

Редакционный совет
А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);
Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);
Яннис Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);
Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);
Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь
канд. филол. наук А. Е. Сомова

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020
©Авторы, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute

№ 2

From Semantic Quarks to the Universe in Alphabetical Order

In Honour of Academician Yuri Derenikovich Apresjan for his 90 th Annivesary

MOSCOW
2020

ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief
Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editors of the Issue
Leonid L. Iomdin, D.Sc. (Moscow, Russia);
Igor M.Boguslavsky, D.Sc. (Moscow, Russia)

Editorial board
Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);
Tore Nesset, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary
Alexandra E. Somova

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:
18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2020
© by Authors, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Молдован А. М. (Россия, Москва)
Красота и смысл слова. Предисловие 11
Крысин Л. П. (Россия, Москва)
Юра 15

Морфология и синтаксис

Бенаккьо Р. (Италия, Падуя)
Значения и функции перфектизирующего суффикса *-nu-* в резьянском диалекте (в сопоставлении с русским языком) 18
Пиперски А. Ч. (Россия, Москва)
Корпусные наблюдения над смешением родительного и предложного падежей русских существительных 32
Циммерлинг А. В. (Россия, Москва)
Одушевленность. Русский язык 43
Reuther Tilmann. (Австрия, Клагенфурт)
Глагольный префикс — между грамматикой и словарем: словарное решение на примере префикса *вз-* 57
Вайс Даниэль. (Швейцария, Цюрих)
Конструкция с препозитивной относительной клаузой 91
Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. (Канада, Монреаль)
Местоимения КТО и КОТОРЫЙ в определительном придаточном 107

Теоретическая семантика

Апресян В. Ю., Рахилина Е. В. (Россия, Москва)
Две стороны фасадности: двери и окна 136
Bogusławski Andrzej. (Польша, Варшава)
Equivalence: $p \equiv$ someone knows that p 148
Wierzbicka Anna. (Австралия, Канберра)
The meaning of the Christian confession of faith: explaining the nicene creed through universal human concepts 150
Крылов С. А. (Россия, Москва)
К вопросу о различении поверхностной и глубинной семантики 170

История языка, философия языка, языковая картина мира

Бабаева Е. Э. (Россия, Москва)
Об одной особенности системы предикатов положения в пространстве во французском языке 190
Птенцова А. В. (Россия, Москва)
Глагол *кануть*: семантическая история и структура многозначности 205

Соботка Петр. (Польша, Варшава)
Этимология, развитие и древние функции польского że
в историко-сравнительном освещении 216
Zaron Zofia. (Польша, Варшава)
O wdzięczności 230
Nomachi Motoki. (Япония, Саппоро)
How Do Russians Verbalize the Art of Kissing 241
Шмелев А. Д. (Россия, Москва)
Еще раз о гордости в истории русского языка и русской культуры:
от «демонской твердыни» к чувству собственного достоинства 257
Зельдович Г. М. (Польша, Варшава)
Способность модифицировать содержание предтекста
как примета первого дискурсивного плана в лирическом произведении 277
Ляпон М. В. (Россия, Москва)
Стратегии комического. Перифразирование идиомы (кроссворд, анекдот) 292

CONTENT

A. M. Moldovan (Russia, Moscow)
Beauty and meaning of the word. Preface 11
L. P. Krysin (Russia, Moscow)
Yura 15

Morphology and Syntax

R. Benacchio (Italy, Padova)
The Meanings and Functions of the perfectivizing suffix *-nu-* in the resian dialect (in comparison with russian) 18
A.Ch. Piperski (Russia, Moscow)
Corpus-based observations on the confusion of genitive and locative in russian nouns 32
A. V. Zimmerling (Russia, Moscow)
Animacy: lessons from russian. 43
Tilmann Reuther (Austria, Klagenfurt)
The verbal prefix – between grammar and dictionary: a dictionary solution exemplified by the russian verbal prefix VZ- 57
Daniel Weiss (Switzerland, Zurich)
Constructions with preposed relative clauses. 91
L. N. Iordanskaja, I. A. Mel'čuk (Canada, Montreal)
Pronouns KTO 'who' and KOTORYI 'which' in a relative clause 107

Semantic Theory

V. J. Apresjan, E. V. Rakhilina (Russia, Moscow)
Two sides of frontness: doors and windows. 136
Andrzej Bogusławski (Poland, Warsaw)
Equivalence: P ≡ someone knows that P 148
Anna Wierzbicka (Australia, Canberra)
The meaning of the christian confession of faith: explaining the nicene creed through universal human concepts 150
S. A. Krylov (Russia, Moscow)
On the question of distinguishing surface and deep semantics 170

Language history, language philosophy, language and culture

E. E. Babayeva (Russia, Moscow)
On one particular feature of the system of predicates of position in space in french. 190
A. V. Ptentsova (Russia, Moscow)
Russian verb KANUT' 'disappear': semantic history and the polysemy structure 205
Piotr Sobotka (Poland, Warsaw)
The etymology, development and older functions of the polish że in the historical and comparative perspective 216

Zofia Zaron (Poland, Warsaw)
About the syntactic-semantic properties of the polish word WDZIĘCZNOŚĆ ‘gratitude’ 230
Motoki Nomachi (Japan, Sapporo)
How do russians verbalize the art of kissing? An appendix to jurij d. Apresjan’s analysis of the verb CELOVAT’ ‘to kiss’ 241
A. D. Shmelev (Moscow, Russia)
Gordostʹ ‘pride’ in the history of the Russian language and Russian culture: from the stronghold of demons to self-respect 257
G. M. Zeldovich (Poland, Warsaw)
Ability of modifying the meaning of earlier parts of text as a property of foreground in lyrical discourse 277
M. V. Lyapon (Russia, Moscow)
Strategies of the comic. Paraphrasing an idiom (the crossword puzzle and the joke) 292

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.1

А. М. Молдован

КРАСОТА И СМЫСЛ СЛОВА (К 90-ЛЕТИЮ Ю. Д. АПРЕСЯНА)

2 февраля 2020 г. исполнилось 90 лет академику Юрию Дерениковичу Апресяну — выдающемуся ученому, руководителю Московской семантической школы, имя которого известно не только профессиональному кругу лингвистов, но и далеко за его пределами.

Обширная научная деятельность Ю. Д. Апресяна устремлена к пониманию устройства человеческого представления о мире и его отражения в языке, при этом весь его исследовательский путь кажется последовательным исполнением однажды задуманного плана. Разумеется, этот план менялся, и труды Ю. Д. Апресяна отражают непрерывный поиск методологии и инструментария, способных дать точное представление о языковых объектах. Так действует опытный мастер, пробующий инструменты перед началом работы и подыскивающий среди них такие, которые лучше подходят для извлечения «из тяжести недоброй» скрытых смыслов. Рано оценив нераскрытые возможности и перспективы изучения лексической семантики, Ю. Д. Апресян последовательно доказывает, что в этой области языка действуют такие же закономерности, как в грамматике. Эта мысль обосновывается во всех теоретических монографиях Ю. Д. Апресяна, начиная с замечательного аналитического обзора «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (1966) и «Экспериментального исследования семантики русского глагола» (1967), знаменитой «Лексической семантики» (1974) и вышедших позднее книг «Интегральное описание языка и системная лексикография» (1995) и «Исследования по семантике и лексикографии» (2009). Публикация этих книг всегда была и остается ярким научным событием. Их переводят на разные языки, без них невозможно представить современное лингвистическое образование. После этих трудов семантика стала осознаваться как базовый элемент лингвистического описания.

Созданная Ю. Д. Апресяном теория во всех ее элементах опирается на широкий, во многом исчерпывающий массив современной русской лексики. Полнота привлеченного материала позволяет автору идти дальше, используя полученные теоретические результаты для разработки проектов и концепций фундаментальных академических словарей. Важным этапом на этом пути была совместная работа Ю. Д. Апресяна с создателями теории «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским. Ее результатом стал «Толково-комбинаторный словарь русского языка» (1984), где впервые была представлена модель развернутого семантического описания русской лексики. Словарь был высоко оценен лингвистами, его идеи стали применяться при описании французского, английского, польского,

немецкого, японского и других языков. В это же время был создан контрастивный русско-венгерский словарь «Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость» (в соавторстве с Э. Палл, 1982).

Публикации этих словарей, использующих в своем научном аппарате новейшую лингвистическую теорию, демонстрировали широкие возможности системной лексикографии и знаменовали начало нового этапа в русской словарной традиции. Наряду с требованием полноты корпуса текстов фундаментальным отличием этой новой традиции стал выдвинутый Ю. Д. Апресяном принцип интегральности описания языка, состоящий в согласованном представлении его словаря и грамматики: в построении грамматики должны учитываться лексические свойства слов, а при создании словаря — их грамматические параметры. Последовательное развитие этот принцип получил в ходе работы Ю. Д. Апресяна над системами компьютерной обработки естественного языка, которой он посвятил значительную часть своей научной деятельности.

Обращение к этой тематике было связано с событиями внешней биографии Апресяна. С 1960 по 1972 г. он работал в секторе структурной лингвистики Института русского языка АН СССР. Это время было чрезвычайно плодотворным для него, но политическая атмосфера в стране сгущалась, и это принесло молодому ученому немало испытаний и трудностей. Он не был диссидентом — он просто стоял за правду, жертвуя ради нее благополучием и рискуя возможностью заниматься любимым делом. Когда в конце 1960-х стали разворачиваться политические репрессии, Ю. Д. Апресян был среди тех, кто выступал в защиту несправедливо осуждаемых и поддерживал друзей и товарищей, протестовавших против преступлений советской власти. Позднее в своих воспоминаниях о Константине Бабицком, с которым он подружился в Институте русского языка и который вместе с другими участниками демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию 25 августа 1968 г. на Красной площади в Москве был приговорен к нескольким годам ссылки, Апресян с восхищением писал: «Для него “жить не по лжи” было абсолютно органично. Его поступки отличались спокойной силой, достоинством и какой-то естественной красотой». Эти слова в полной мере приложимы и к самому Юрию Дерениковичу, не скрывавшему свое несогласие с аморальной властью и заплатившего за свои убеждения изгнанием из института. За этим последовали негласные запреты и ограничения, препятствовавшие его научной и преподавательской деятельности; советские научные журналы не принимали к публикации его статьи, а из работ коллег удалялись ссылки на его труды.

В 1972–1985 гг. Ю. Д. Апресян получил научное пристанище в московском НИИ «Информэлектро», где вокруг него стали собираться талантливые лингвисты и программисты. В 1985 г. часть этого коллектива перешла вместе с Апресяном в Институт проблем передачи информации АН СССР. Это был период интенсивных поисков в области создания формальных моделей языка и систем автоматического перевода научно-технических текстов. Ценность этой работы определялась тем, что она давала уникальную возможность верифицировать лингвистические гипотезы и построения, подвергая их экспериментальной проверке. Результатом

стало создание системы машинного перевода, получившей название «ЭТАП». Все это время действовал знаменитый московский семинар по теоретической семантике под руководством Ю. Д. Апресяна, из его постоянных участников сформировалась Московская семантическая школа.

Идеи и построения в области лингвистической теории перевода находили практическое применение и в созданных Ю. Д. Апресяном и под его руководством новых двуязычных англо-русских словарях, к числу которых относится многократно издававшийся «Англо-русский синонимический словарь» (в соавторстве с Т. Э. Латышевой, М. А. Мосягиной, А. И. Розенманом и В. В. Ботяковой, 1979) и ряд других англо-русских словарей, в том числе трехтомный «Новый большой англо-русский словарь» (1993) — один из наиболее объемных и подробных двуязычных словарей в мире (250 тыс. словарных статей).

Политические перемены 1990-х принесли официальное признание научным заслугам ученого, имя которого к тому времени пользовалось мировой известностью. В эти годы он читает лекции и спецкурсы по машинному переводу, семантике и системной лексикографии в российских и зарубежных университетах. Его избирают действительным членом РАН (1992), ему присуждается престижная научная премия Гумбольдта (1993), звание почетного профессора Московского университета (1999), а позднее также доктора honoris causa Софийского университета с присуждением почетной «Синей ленты» (2005) и доктора honoris causa Варшавского университета (2012).

В 1990 г. Ю. Д. Апресян был вновь приглашен в Институт русского языка РАН, где в скором времени создал и возглавил сектор теоретической семантики. Его возвращение стало знаковым событием для института, вновь обретавшего высокую научную репутацию в мире. Коллектив сектора приступил к созданию синонимического словаря русского языка принципиально нового типа, опиравшегося на программные идеи и принципы Московской семантической школы: интегральность грамматики и словаря, системность описания семантических связей слова; установку на реконструкцию заложенной в языке «наивной» картины мира, позволяющую выделить специфичные элементы русского языка; толкование сложных значений через более простые. Итогом этой работы стал «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (1997–2003; 2-е изд., испр. и доп., — 2004) — беспрецедентный по объему информации словарь, описывающий семантические, синтаксические, сочетаемостные, просодические, коммуникативные и другие свойства синонимов современного русского языка. За значительный вклад в развитие лексикологической теории и создание «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» Ю. Д. Апресян был награжден академической золотой медалью имени В. И. Даля (2004).

Следующей амбициозной задачей, над решением которой трудится сейчас коллектив лексикографов под руководством Ю. Д. Апресяна, стало создание «Активного словаря русского языка». Цель этой работы — сообщение исчерпывающего объема сведений о каждом слове в каждом из его значений, которое обеспечивает не только понимание этого слова в произвольном контексте, но и его правильное

использование в речи говорящих. Кажется, что этот словарь достигает той степени совершенства, когда научный результат воспринимается как установленная истина.

Вся профессиональная деятельность Ю. Д. Апресяна — чистейший образец гражданственного служения. Мало кто из наших современников трудится с такой верностью своей специальности и профессии, с таким ясным сознанием своего научного долга. Благодаря Ю. Д. Апресяну отечественные семантические исследования вышли на принципиально новый уровень, во многом превосходящий аналогичные результаты коллег в других странах. Конечно, подобные достижения в науке бывают и случайными, во всяком случае, понять их первопричину часто бывает непросто. И все же, оглядываясь с гордостью на эти достижения, мы видим, что они были бы невозможны без воодушевляющего энтузиазма Апресяна, без выдающихся качеств его личности, в которой мужество соединено с сердечностью и дружелюбием, а невеселый жизненный опыт уживается с детской непосредственностью и готовностью удивляться и восхищаться. В его монографии «Исследование по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика» (2009) есть эпиграфы, которые дают некоторое представление об импульсах, питающих его творчество.

Первый эпиграф — из Гете, он про необходимость научного *смирения*: «Сагу следует рассказывать так, как она происходила. Реальность укладывается в любую теорию лишь на тот лад, на какой живое тело подходит ко всякому кресту, на котором оно распинается». Второй — из Пушкина, это про то, что *любовь* превыше всего: «И нет истины, где нет любви». Третий эпиграф — из Пастернака — про *чудо* языка: «Язык — родина и вместилище красоты и смысла — сам начинает говорить за человека». Наконец, четвертый эпиграф взят из речи Дашковой на открытии Российской академии. На фоне первых трех он выглядит буднично и деловито, но все ведет к нему, и он говорит про *призвание* и гражданский *долг* ученого: «Сочинение грамматики и словаря — да будет первым нашим упражнением».

Такие высокие понятия не могут оставлять коллег равнодушными. Работать под руководством Апресяна — значит сообща заниматься интересным делом в атмосфере дружеских бесед и дискуссий. Характерный для Ю. Д. Апресяна, этот стиль на самом деле воплощает идеалы и традиции свободного академического творчества. Мы все учимся у Юрия Дерениковича тому, как можно и нужно трудиться, благоустраивая мир и заботясь друг о друге, стремясь к тому, чтобы наша деятельность приносила радость и пользу.

90-летие академика Апресяна — это наш общий праздник. Друзья и коллеги сердечно приветствуют юбиляра своими публикациями и желают ему доброго здоровья, сил и бодрости.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.2

Л. П. Крысин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
leonid-krysin@mail.ru

ЮРА

Я познакомился с Апресяном в 1960 году, когда он пришел на работу в Институт русского языка АН СССР. Мы оба были молоды (хотя Юра немного старше) и поэтому называли друг друга по именам, а не по именам-отчествам. И навсегда, даже сейчас, в нашей старости, он для меня Юра, а не Юрий Дереникович.

Юра — человек многогранный. И сколько бы ни говорить о разных гранях его характера и интеллекта, нет риска повториться или исчерпать примеры, иллюстрирующие ту или иную грань.

Я хочу сказать несколько слов о таких чертах Юры, которые на первый взгляд кажутся мало совместимыми в одном человеке. Это, с одной стороны, спокойное терпение, терпеливость и терпимость, а с другой — горячность, страстная непримиримость, крайняя неуступчивость.

Юра необыкновенно терпелив и терпим в общении с друзьями. Вот пример этих его свойств.

Ровно полвека тому назад, в конце марта 1969 года, мы вчетвером — Юра, Марина, я и Юрин «походный» приятель Вилен Фельдман — отправились в Хибины в лыжный поход. Мне достались широкие лыжи, принадлежавшие Косте Бабицкому, окантованные металлической полосой и поэтому очень прочные, но довольно тяжелые. Когда мы выгрузились на станции Апатиты и стали на лыжи, я понял — к сожалению, поздно, — что ходьба на лыжах с тридцатикилограммовым рюкзаком за плечами — это совсем не тот вид лыжного хода, к которому мы, жители равнинного города Москвы, привыкли.

В первые минуты я просто не мог двинуть ногами и пойти вперед. Кое-как приноровившись к новому виду передвижения, я поплелся за своими товарищами и, несмотря на приличный мороз, взмок уже на первых ста метрах. Сразу понял, что буду обузой для остальных. Но ни от кого, и прежде всего от Юры, который, естественно, считался капитаном нашей группы, я не услышал ни звука упрека.

А ведь это были еще цветочки. Когда после ночевки мы подошли к перевалу (был ли это Чоргорр или Кукисвумчорр, я сейчас не помню), вверх, по длинному

пологому тягуну, я двигался сносно, а на спуске кувыркался так, что лыжи летели в одну сторону, очки — в другую, рюкзак — в третью, а я зарывался глубоко в сугроб. И так несколько раз. Все это было бы смешно, но мы были далеко от жилья и от людей. И если бы я сломал лыжи или, еще хуже, руку или ногу, несладко пришлось бы не только мне, но и всем нам. Юра это понимал, но с потрясающим терпением опекал меня, помогая спускаться в долину.

В этом же походе я мог наблюдать и другое из упомянутых свойств Апресяна — горячность в сочетании с бесстрашием и настойчивостью.

Поход наш заканчивался, и нам предстояло выбираться к Кировску, откуда можно ехать уже на поезде. Но до Кировска было километров двадцать пять заснеженной безлюдной хибинской тундры. От стоянки геологов, к которой мы подошли, несколько раз в неделю ходил вездеход. В его кузове нам разрешили устроиться.

Долгое ожидание отправки. Наконец почти на четвереньках приползают трое в дым пьяных водителей. Садятся в кабину, прихватив с собой большую бутыль спирта (который продолжают пить во время движения). Марину мы посадили с ними, потому что в кабине намного теплей, чем в кузове.

Примерно в середине пути мы с Юрой (а Вилен, закутавшись в спальный мешок, безмятежно проспал всю дорогу!) замечаем, что вездеход идет как-то странно: то двигается в одном направлении, то начинает идти обратно, то поворачивает под прямым углом и ползет на невысокие горы, которые окружают абсолютно безжизненную, но какую-то совсем не страшную долину. Словом, как нам казалось, машина кружит на одном месте.

Стучим изо всех сил по крыше кабины, чтобы остановить вездеход. Наконец останавливают.

Юра спрыгивает вниз и начинает яростно ругаться с водителями, которые совершенно потеряли человеческий облик. К тому же во время движения они еще и подрались, так что один из них был в крови.

В отличие от бесстрашного Юры я вел себя совсем иначе: я испугался и в то же время понял, что криком от этих мужиков, которые привыкли и к ругани начальства, и к постоянному крутому мату, ничего не добьешься. Я стал их уговаривать ехать именно в Кировск, взять нужное направление движения. Конечно, эти жалобные уговоры были столь же безрезультатны, сколь и Юрин крик. Но Юра по крайней мере действовал, а не только ругался с водителями: заставив их остановиться, он с компасом в руках отбежал на несколько метров вперед (чтобы металлический корпус вездехода не влиял на стрелку компаса) и стал определять направление движения. К его и моему удивлению, оказалось, что смертельно пьяные водители ехали правильно…

Пример Юриной непримиримости — из более близкой всем нам «окололингвистической» действительности.

В середине 1960-х годов одна из наших коллег защищала в Институте русского языка диссертацию. После защиты было застолье, звучал магнитофон, и вот этот магнитофон «Днепр», довольно тяжелый, надо было после банкета доставить в один дом, который хотя и был недалеко от Института, но все же не рядом. Один

из гостей, известный и успешный человек, был с машиной. Он предложил отвезти магнитофон на машине. Но Юра, который давно не любил этого человека (и было за что), не позволил ему это сделать. Он взял магнитофон (а «Днепр», если кто еще помнит, представлял собой весьма увесистый ящик), взвалил его себе на плечо и понес. Машина ехала рядом, человек за рулем уговаривал Юру прекратить эту бессмысленную, с его точки зрения, акцию. Но Юра был неумолим и непримирим. Так и донес магнитофон до нужного дома.

Я хочу закончить вот чем. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим замечательным человеком, которого я знаю вот уже в течение почти шестидесяти лет и которого почитаю как старшего брата и люблю как близкого друга.

L. P. Krysin
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
leonid-krysin@mail.ru

YURA

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.3

Розанна Бенаккьо
Падуанский университет
Департамент языковых и литературных исследований
(Италия, Падуя)
rosanna.benacchio@unipd.it

ЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИИ ПЕРФЕКТИВИРУЮЩЕГО СУФФИКСА *NU-* В РЕЗЬЯНСКОМ ДИАЛЕКТЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

В статье анализируется употребление перфективирующего суффикса *nu-* в резьянском диалекте, принадлежащем к группе сохранившихся словенских лингвистических островов, бытующих в Северо-Восточной Италии, на границе со Словенией. В последние годы появились разные работы по поводу суффикса *ну-* в русском (особенно разговорном) языке, которые подчеркивают его многослойную семантику, выражающую как семельфактивную, так и просто перфективирующую функцию. Подобная картина встречается и в резьянском диалекте, где суффикс *nu-* характеризуется сложной семантикой, выражающей как семельфактивное (см., например, *pjüwat* / *pjüwnut* ‘плевать / плюнуть’, *kapat* / *käpnut* ‘капать / капнуть’), так и результативное значение, чаще всего в сочетании с префиксом *за-* (см., например, *garmët* / *zagyrmnut* ‘греметь / прогреметь’, *lajat* / *zalajnut* ‘лаять / пролаять’). Несмотря на это, в резьянском диалекте просто перфективирующая функция суффикса *nu-* не распространена так широко, как в русском языке, и его (исконная) семельфактивная функция более сохранна. Анализ еще раз подтверждает архаичный характер резьянского диалекта и его значение для реконструкции процесса грамматикализации славянского глагольного вида.

Ключевые слова: глагольный вид, семельфактивный способ действия, суффикс *nu-*, резьянский диалект, русский язык.

1. Постановка вопроса

Как известно, глагольный суффикс **nǫ-*, имеющий перфективирующую функцию, встречается уже в старославянском языке (где он появляется как n▯-) и засвидетельствован во всех современных славянских языках. Он является наследием праславянского, имеющим корни в индоевропейском языке [Schuyt 1990:

263–287][1]. Этот суффикс считается одной из главных морфем, участвующих в выражении категории славянского глагольного вида.

О суффиксе *ну-* (и вообще о семельфактивном значении) в русском языке в последние годы писали разные ученые [Зализняк, Шмелев 2000; Падучева 1996; Плунгян 2000; Dickey 2001; Dickey, Janda 2009; Makarova, Janda 2009; Nesset 2013; Sokolova 2015; Горбова 2016, и др.]. Все они подчеркивают сложную семантику данного суффикса, включающую как семельфактивную, так и просто перфективирующую функции. На эту особенность обращалось внимание и раньше [см.: Исаченко 1960; Мелиг 1994; Храковский 1989; 1998, и др.], однако на настоящем этапе исследований, основывающихся на материале [НКРЯ] и вообще на языковом материале интернета, все ярче проявляется присутствие в русском языке (особенного в разговорном стиле) последней, т. е. просто перфективирующей, функции. Это заставляет нас снова обратиться к изучению данного суффикса и еще раз тщательно проанализировать перечисленные выше исследования.

А. В. Исаченко в своей фундаментальной работе, все еще играющей ключевую роль в русской современной грамматической науке, детально анализирует «способы действия» (в его терминологии — «совершаемости»), в частности «однократную совершаемость». Прежде всего, он возражает авторам академической «Грамматики» 1960 г., которые приписывают *ну*-глаголам значение не только однократности, но и мгновенности. По его мнению, второе значение (точнее, оттенок значения) не является первичным: оно связано не с однократностью, выраженной *ну*-глаголом, а с индивидуальным лексическим значением самого глагола: «семантика однократных глаголов сама по себе не содержит указаний на “мгновенность” или “моментальность” действия» [Исаченко 1960: 253].

Подобным же образом Исаченко возражает также против «либерализма» тех, кто считает суффикс *ну-* просто морфологическим показателем совершенного вида (далее — СВ), наравне с префиксами. Он полностью разделяет мнение Ю. С. Маслова, считающего, что данный суффикс всегда связан с определенными способами действия, чаще всего — с семельфактивными, и что в процессе перфективации через *ну-* «не возникает форма, вполне тождественная исходной по своему лексическому значению» [Маслов 2004: 448].

Исаченко добавляет, что многофазисный характер действия может утрачиваться и образования на *ну-* могут выражать чистовидовое значение только в определенных случаях. Прежде всего это касается тех приставочных *ну*-глаголов, по поводу которых можно сказать, что в языке уже потерялось сознание деривационной связи с исходным глаголом. См., например, *вспыхнуть* / *вспыхивать* (в русском

[1] Как отмечает автор, этот суффикс с самого начала его появления (т. е. уже в старославянском языке) имел двойную функцию, образуя не только глаголы совершенного вида (мотивированные глаголами), но также (хотя в меньшей мере) и несовершенного вида (мотивированные прилагательными) [Schuyt 1990: 263]. Та же самая ситуация наблюдается и в современных славянских языках. О ситуации в русском языке см., например, [РГ 1980/1: 347–348]. Однако объектом нашего анализа будут только те глаголы, в которых данный суффикс имеет перфективирующую функцию.

языке нет больше глагола *пыхать*), *заснуть* / *засыпать* (нет больше бесприставочного глагола, соответствующего глаголу *заснуть*) [Исаченко 1960: 254].

Такой эффект слияния чистовидового и однократного значения может проявляться и у бесприставочных *ну*-глаголов. По утверждению Исаченко, однако, если детальнее рассмотреть семантику таких глаголов, то видно, что речь идет об омонимии исходных бессуффиксных глаголов, которые в определенных условиях могут выражать нерасчленимую семантику, а в других — расчленимую, многофазисную. В первом случае суффикс *ну*- образует просто коррелят СВ (т. е. несет чистовидовое значение), во втором он образует однократный способ действия. См., например, *зевать*$_1$ (производить один зевок) / *зевнуть*$^{св\ рез}$ и *зевать*$_2$ (производить зевки) / зевнуть$^{св\ сем}$. См. также глаголы *прыгать* / *прыгнуть*, *плевать* / *плюнуть*, *глотать* / *глотнуть* и др. [Исаченко 1960: 255–257; см. также: Мелиг 1994: 598].

Исаченко выделяет еще один случай стирания однократного значения у бесприставочных *ну*-глаголов и замены его чистовидовым. Это случай глаголов типа *коснуться*, *тронуться* и т. д., характеризующихся тем, что соответствующие бесприставочные, имперфективные глаголы *касаться*, *трогаться* уже не представляются внутренне расчленимыми [Исаченко 1960: 257–258, сноска 1].

Несмотря на эти отдельные случаи первичной функцией суффикса *ну*- (у глаголов СВ) является именно выражение многократного способа действия (от многофазисных глаголов).

Другой интересный момент работы Исаченко, не потерявший свою актуальность, — это перечисление классов *ну*-глаголов, выражающих семельфактивное значение. Это прежде всего глаголы, обозначающие «конкретные действия человека или животного», типа *бодать — боднуть*, *зевать — зевнуть*, *клевать — клюнуть*, *хлестать — хлестнуть*, *чихать — чихнуть* и т. д. [Исаченко 1960: 258–259]. Другой класс — это глаголы, обозначающие «звуки или действия, сопровождаемые звуками», типа *гавкать — гавкнуть*, *квакать — квакнуть*, *мяукать — мякнуть*, *кричать — крикнуть*, *хлопать — хлопнуть* и т. д. [Там же: 259–260]. Представлены также глаголы, обозначающие разные оптические эффекты, также воспринимаемые как расчленимые. Это, например, *блестеть — блеснуть*, *мелькать — мелькнуть* и т. д. Наконец, автор упоминает разные неологизмы, все чаще появляющиеся в разговорном языке, необязательно производные от многофазисных глаголов, имеющие шутливый оттенок, типа *хохотать — хохотнуть*, а также *агитировать — агитнуть*, *пасовать* (*мяч*) — *паснуть* и т. д. Как мы увидим далее, подобные замечания появляются и в [Nesset 2003].

В своем исследовании об итеративных конструкциях, проведенном в типологическом ракурсе, В. С. Храковский также связывает семельфактивы с определенным классом глаголов, т. е. с глаголами, которые он вслед за Масловым называет *мультипликативами*. Это непредельные глаголы несовершенного вида (далее — НСВ), обозначающие серии регулярно повторяющихся «(микро)действий»[2], остающихся тождественными себе в течение всего периода их совершения и составляющих

[2] В другой, более поздней работе автор употребляет термин *кванты* [Храковский 1998: 487].

в совокупности прерывистый процесс. Автор уточняет также, что речь идет о глаголах, обозначающих «непосредственно воспринимаемые органами чувств человека конкретные физические действия или (непоступательные) движения» и что «многие из этих глаголов можно охарактеризовать как светоизобразительные или образные» [Храковский 1989: 25].

Подобным же образом Мелиг [1994: 598–599] связывает сингулятивы с мультипликативами (которые он рассматривает наравне с индивидуативами и континуативами относительно имен существительных) и не принимает «расширенного» определения семельфактивного значения.

В рамках такого традиционно сложившегося подхода, предпочитающего «узкое» определение русского семельфактива, В. Плунгян снова возвращается к проблеме чистовидового значения суффикса *ну*-, конкурирующего с «каноническим» семельфактивным значением. В одной работе, проведенной в типологическом ключе [Плунгян 2000], он тщательно анализирует разные возможные значения суффикса *ну*-, выделяя четыре класса *ну*-глаголов, а именно:

▪ «кванты» — это производные бесприставочные глаголы, см. *кашлянуть* (< *кашлять*), *шагнуть* (< *шагать*);

▪ «события» — это в основном непроизводные глаголы, в которых суффикс *ну*- является показателем мгновенности, см.: *звездануть*, *кокнуть*, *хлынуть*;

▪ «комплетивы» — это глаголы, производные от приставочных предельных глаголов НСВ, с которыми они образуют видовые пары. Иными словами, суффикс *ну*- является здесь просто морфологическим показателем СВ. Подтверждая мнение, выраженное в свое время А. В. Исаченко, Плунгян отмечает, что у этих глаголов стирание семельфактивной семантики произошло под влиянием приставок. См.: *придвинуть* / *придвигать*, *заснуть* / *засыпать*;

▪ «свертки» — это очень продуктивный в современном русском языке класс разговорных (и сленговых) глаголов, обозначающих «сокращенные» процессы. Функция суффикса *ну*- у этих глаголов — передать оттенок «ущербности», «второстепенности». См.: *гульнуть*, *курнуть*, *пугнуть*, *психануть*.

Анализ Плунгяна является исчерпывающим: хотя «настоящие» семельфактивы (кванты) трактуются отдельно, тем не менее выделяются и точно определяются и другие существующие в русском языке типы *ну*-глаголов, включая те, которые все больше распространяются в разговорном языке.

Следует также упомянуть работы, проведенные в когнитивной перспективе норвежской исследовательской группой CLEAR [Sokolova 2015; Makarova, Janda 2009, и др.]. В них суффикс *ну*- в русском современном, особенно нестандартном, языке считается маркирующим аспектуальным элементом квазиуниверсального характера (*a near-universal aspectual marker*). Среди этих исследований особенно интересна, с нашей точки зрения, работа [Nesset 2013], выполненная в диахроническом ключе, в которой излагается история развития семельфактивного способа действия в русском языке (начиная со старославянского). Семельфактивность анализируется как радиальная категория, организованная вокруг прототипического значения (прототипа), который составляют четыре свойства: 1) нерасчлененность

(*uniformity*), 2) моментальность (*instantaneousness*), 3) нерезультативность (*non-rezultativity*), 4) семельфактивность (*single occurrence*).

По данным, собранным автором, семельфактивное значение у *ну*-глаголов распространилось в таком порядке: сначала (XI в.) оно появляется у глаголов, выражающих телесное движение (*Bodily acts, mouth- and hand-based*), потом (XII в.) — у глаголов, обозначающих акустические действия (*Auditory verbs*), вслед за этим (XIII в.) — оптические явления (*Optical verbs*)[3]. Только позднее (XVII в.) оно стало появляться и у глаголов, обозначающих перемещение тела из одной позиции в другую (*Verbs of physical movement*). В старославянском языке представлены только глаголы первого типа (*Bodily acts*), в то время как другие типы глаголов встречаются начиная с древнерусских памятников [подробнее см.: Nesset 2013: 146–156]. Автор заканчивает замечанием, что в последние годы в русском языке стала все ярче проявляться тенденция к образованию *ну*-глаголов с результативным значением от глаголов, обозначающих в основном поведение человека (так называемые *Behavior* / *Miscellaneous verbs*)[4].

Другой вопрос, вызывающий разногласия у языковедов, занимающихся семельфактивным способом действия в русском языке, касается статуса префикса *с-* с такой же, семельфактивной, функцией. Иными словами, вопрос состоит в том, являются ли, например, глаголы *сглупить*, *сробеть*, *соригинальничать* алломорфами глаголов СВ, образованных посредством суффикса *ну-*. Исаченко, например, считает, что эти глаголы несут чисто семельфактивное значение точно так же, как *ну*-глаголы, несмотря на то, что лексические классы, к которым они принадлежат, отличаются от тех, которые порождают *ну*-глаголы [Исаченко 1960: 266].

Похожего мнения придерживаются Л. Янда и С. Дики [Dickey, Janda 2009], которые на основе морфологического, а также диахронического анализа считают *с-* и *-ну-* алломорфами, поскольку они обладают одинаковой функцией — образовывать семельфактивные глаголы. Дики, в частности, прибавляет, что в русском языке префикс *с-* приобрел семельфактивное значение в XVII–XVIII вв, после того как в русском языке префиксация стала главным формальным показателем перфективации, частично заменяя суффикс *ну-*, который постепенно утратил свою специфичность и стал «универсальным маркером» СВ.

Противоположное мнение выражает М. А. Шелякин, который считает нецелесообразным выводить семельфактивное значение за пределы мультипликативов, трактуя *с-* наравне с *ну-* [Шелякин 2007: 160–161]. Подобное мнение недавно выражала и Е. Горбова [2016].

Настоящей работой нам бы хотелось внести свой вклад в дискуссию о семантике и функции перфективирующего суффикса **nǫ-* в славянском языковом ареале. Мы будем исходить из результатов рассмотренных выше исследований,

[3] Глаголы, обозначающие оптические действия, интересны тем, что являются неконтролируемыми — в отличие от предыдущих глаголов, для которых характерна контролируемость.

[4] Автор включает также контролируемые глаголы, связанные с компьютером и вообще с кибернетическим пространством [Nesset 2013: 162].

проведенных в основном на материале русского языка, но имеющих теоретическое значение в применении к славянским языкам вообще. Данные результаты мы будем проверять на материале резьянского диалекта — лингвистического острова на периферии славянского ареала, в итальянской области Фриули, на границе со Словенией. Благодаря своей периферийной (и несколько изолированной) позиции этот диалект характеризуется разными архаическими чертами и тем самим представляет большой интерес для более полного определения свойств славянской категории глагольного вида [см.: Бенаккьо 2018; 2019].

Корпус, на котором будет проводиться анализ, составляет материал, собранный Х. Стэнвейком в городке Сан-Джорджо (резьянское наименование — *Била*) [см.: Steenwijk 1992: 237–338], и данные, полученные нами в результате опроса информантов из того же самого населенного пункта.

При анализе резьянских фактов мы будем трактовать отдельно случаи употребления суффикса *nu-* в бесприставочных (2.1) и приставочных (2.2) глаголах.

2. Суффикс *nu-* в резьянском диалекте

2.1. Суффикс nu- *с бесприставочными глаголами*

2.1.1. Бесприставочные глаголы с *nu-* в резьянском диалекте — это в основном глаголы, которые в классификации, приведенной выше, Плунгян называет «квантами», т. е. это семельфактивные глаголы, производные от мультипликативов:

kapat — käpnut ‘капать — капнуть’,
kïmat — kymnut ‘клониться (о голове, от усталости)’,
kïnkat — kynknut ‘лягать — лягнуть’, ‘пинать — пнуть’,
pïjat — pyhnut ‘дуть — дунуть’,
pïkat — pyknut ‘клевать — клюнуть (о курице, птице)’,
pjüwat — pjüwnut ‘плевать — плюнуть’,
pyrdët — pyrdnut ‘пердеть, –пернуть’,
rïgat — rygnut ‘рыгать — рыгнуть’,
stopat — stopnut ‘ступать — ступить’,
šlepat — šlepnut ‘шлепать — шлепнуть’,
švïgat — švygnut ‘стегать — стегнуть’,
trüšat — trüšnut ‘бодать — боднуть’.

Как можно увидеть, все эти глаголы образованы от бесприставочных форм НСВ, являющихся непредельными глаголами (деятельностями), обозначающими серии регулярно повторяющихся квантов. Форма СВ, образованная от этих глаголов, обозначает единичный квант, входящий в серию, и выражает не просто СВ, а семельфактивный способ действия. Это можно увидеть по следующим примерам, где употребление бесприставочной формы НСВ с функцией итеративности или процессуальности сопоставляется с *nu-*формой СВ, выражающей семельфактивную семантику:

(1а) *Rubinët an* ***kapjë*** ‘Кран капает’.
(1б) *Rubinët an jë* ***kapal***, *ma dopo somö ga sjortali* ‘Кран капал, но мы его починили’.
(1в) *To jë* ***käpnulu***. *To lïjë* ‘Закапал дождь. Идет дождь’.

(2а) *To wžë pözdë. Mamö jtyt. Utrucy* ***kïmajo*** ‘Уже поздно. Пора идти. У детей голова клонится’.
(2б) *Dëd an jë rüdi* ***kïmal*** *ta-prid tilivižjun* ‘У деда всегда клонилась голова перед телевизором’.
(2в) *An je* ***kymnul*** *anu se zbüdil na din bot* ‘У него склонилась голова, и он проснулся’.

(3а) *Stuj atent! Ni stuj se parbližnjit mäsa muć. Müš an* ***kïnka*** ‘Осторожно! Не подходи слишком близко. Осел лягается’.
(3б) *Müš an jë rüdi* ***kïnkal*** ‘Осел всегда лягался’.
(3в) *Nur müš an jë* ***kynknul*** *anu me wdaril le jzdë, ta-na lanito* ‘Однажды осел лягнул меня и попал мне в щеку’.

То же самое можно сказать о следующих примерах, где (транзитивный) глагол обозначает действие человека (‘пинать / пнуть’):

(4а) *Wotrök an* ***kïnka*** *balun ta-na dwurü* ‘Ребенок пинает мяч во дворе’.
(4б) *Wčera utrucy* so **kïnkali** balun ta-na dwurü wsë pujütrë ‘Вчера дети пинали мяч во дворе все утро’.
(4в) *An jë* ***kynknul*** *balun anu jë scipil verin* ‘Он пнул мяч ногой и разбил стекло’.

Примеры а) и б) показывают употребление бесприставочных мультипликативных глаголов НСВ соответственно в презенсе (актуально-длительное значение) и в прошедшем времени (многократное или узуальное значение), в то время как в примерах в) глаголы СВ, образованные посредством суффикса *nu-*, обозначают реализацию одного из квантов деятельности.

Аналогичные примеры можно привести со всеми остальными глаголами.

Большинство из перечисленных выше глаголов встречается также в списках семельфактивых *ну*-глаголов, представленных в процитированных выше работах [Исаченко 1960; Nesset 2013], составленных соответственно на материале современного русского языка и старославянских и древнерусских памятников. Как и эти глаголы, приведенные нами резьянские глаголы также — с точки зрения лексической семантики — обозначают в основном конкретные физические действия — телесные движения человека или животного, чаще всего сопровождаемые звуками.

Исключение составляет только глагол *kapat — käpnut*, который выражает не телесное движение, а просто звук, регулярно повторяющийся через небольшие интервалы времени. Этот глагол также засвидетельствован (хотя весьма редко) в старославянском языке, см. καπατι — κανυτι [Nesset 2013: 132].

2.1.2. Среди резьянских бесприставочных глаголов с *nu-* нашлись только два глагола, принадлежащих к классу «событий» (по классификации Плунгяна), т. е. к классу глаголов, в которых суффикс *nu-* является показателем мгновенности:

bocat — bocnut[5] ‘колоть — кольнуть; совать — сунуть’,
mučat — muknut ‘молчать — умолкнуть’.

Ср. следующие примеры:

(5а) *Stuj atent! Jë din tyrn ki an* ***boca*** ‘Осторожно! Там колючка. Она колется’.
(5б) *Jte tyrn an me* ***bocnul*** ‘Шип кольнул меня’.

(6а) *An jë rüdi* ***mučal*** *ko rumunïla njagä žanä* ‘Он всегда молчал, когда говорила его жена’.
(6б) *Na jë vidala nu* ***muknula*** ‘Она увидела и замолкла’.

Легко убедиться в том, что в данных случаях *nu*-глаголы не выражают семельфактивный способ действия. Они скорее являются коррелятами СВ соответствующих бесприставочных глаголов, хотя характеризующий их прибавочный оттенок мгновенности не позволяет строго определять данные глаголы как видовые пары[6].

2.1.3. Отдельно следует рассмотреть следующие глаголы, регулярно встречающиеся в резьянском диалекте и обозначающие в основном акустические явления, т. е. (контролируемые) действия, сопровождаемые звуками, чаще всего у животных. Характеристика этих глаголов состоит в том, что у них формы СВ образуются посредством циркумфикса *za-…nu-*, передающего «ослабленное» семельфактивное значение, в то время как «простые» формы с *nu-* (с чисто семельфактивным значением) практически не появляются[7]. Это можно увидеть по следующему списку[8]:

bawkat — zabawknut — ʔbawknut ‘гавкать — гавкнуть’,
blejat — zablejnut — ʔblejnut ‘блеять — проблеять’,
bükat — zabüknut — ʔbüknut ‘мычать — промычать’,
lajat –zalajnut — ʔlajnut ‘лаять — пролаять’,
garmët –zagyrmnut — ʔgyrmnut ‘греметь — прогреметь’.

Можно сказать, что в приведенных выше глаголах циркумфиксная форма образует своего рода коррелят СВ бесприставочной формы НСВ, однако с дополнительным оттенком: называется действие, которое только что произошло (точнее, звук, который только что раздался). См. следующие примеры:

(7а) *Pys jë* ***bawkal*** *wso nuć* ‘Собака гавкала всю ночь’.
(7б) *Si čüla? Pys jë* ***zabawknul*** ‘Ты слышала? Собака гавкнула’.

---

[5] Этимология этого глагола неясна.

[6] О проблематичном статусе *ну*-глаголов, обозначающих «события» в русском языке, см. [Плунгян 2000: 219–220].

[7] Некоторые информанты не исключают существование этих *nu*-форм, но считают их устаревшими.

[8] Количество этих глаголов гораздо больше: такой циркумфикс является очень продуктивным со всеми глаголами, принадлежащими к вышеуказанному лексическому классу.

(8а) *Kozä (na) jë* ***blejala*** *wso nuć* ‘Коза блеяла всю ночь’.
(8б) *Si čüla? Na jë* ***zablejnula*** ‘Ты слышала? Коза проблеяла’.

(9а) *Krawa na* ***bükala*** *wso nuć* ‘Корова мычала всю ночь’.
(9б) *Si čüla? Krawa na jë* ***zabüknula*** ‘Ты слышала? Корова только что промычала’.

2.2. Суффикс **nu-** *с приставочными глаголами*

В резьянском диалекте встречается также некоторое количество глаголов, образованных посредством суффикса *nu-* от приставочных глаголов. Это «комплетивы» по классификации Плунгяна.

Как было замечено в исследованиях по русскому языку, указанных в начале работы, в данном случае речь идет не о семельфактивах, а просто о парных перфективах, где *ну-* является просто морфологическим показателем СВ. Семантическая (семельфактивная) стертость комплетивов произошла под влиянием приставок, чаще всего у тех глаголов, у которых потерялось «осознание» (деривационной) связи *ну*-глагола с исходным глаголом.

То же самое можно сказать по поводу резьянского диалекта: у всех найденных в нашем корпусе комплетивов исходные, бесприставочные формы НСВ практически больше не употребляются или являются периферийными. См., например:

nagledat — naglednut ‘вдруг увидеть — заметить’,
splaknüwat — spläknut (*büle*) ‘полоскать — сполоснуть (белье)’,
wsanüwat — wsanüt ‘засыпать — заснуть, уснуть’,
wzdigüwat — wzdygnut ‘поднимать — поднять’.

3. Суффикс *nu-* и префикс *s-*

Как было сказано в начале статьи, другой вопрос, волнующий русских аспектологов, касается статуса префикса *с-*, который в русском языке в применении к определенным глаголам (правда, принадлежащим к другим лексическим классам по сравнению с теми, которые употребляются с суффиксом *ну-*) образует глаголы СВ, для которых характерно семельфактивное (или близкое к семельфактивному) значение.

В резьянском диалекте ситуация несколько иная. Если принимать во внимание проанализированные выше «кванты» (2.1.1), а также глаголы, прибегающие к циркумфиксу *za-…nu-* (2.1.3), легко убедиться, что практически у всех этих глаголов есть «вариант», образованный префиксом *s-*. Однако образованные посредством суффикса или префикса глагольные формы СВ не имеют такого же (семельфактивного) значения, и называть их алломорфами невозможно. По мнению информантов, эти формы различаются тем, что суффикс *nu-* всегда придает глаголу семельфактивное значение[9], в то время как префикс *s-* скорее выражает чистовидовое

[9] Правда, в случае употребления циркумфикса *za-…nu-* такое значение является ослабленным.

значение и обозначает действие, которое имело место не один раз, а несколько раз в короткий промежуток времени. В первом случае, как мы уже видели, речь идет о «семельфактивном» способе действия, во втором — о корреляте СВ, образующем пару с исходным, бесприставочным глаголом. См., например, следующие пары, образованные от тех же мультипликативов, от которых при помощи суффикса *ну-* образуются «кванты» (см. выше 2.1.1): *kapat — skapat*, *kïnkat — skïnkat*, *pïjat — spïjat*, *pïkat — spïkat*, *pjüwat — spjüwat*, *pyrdët — spyrdët*, *rïgat — zrïgat*, *trüšat — strüšat.*

Если привести примеры, в которых появляются формы СВ этих глаголов, образованные посредством префикса *s-*, и сравнить их с соответствующими примерами, проанализированными выше (где глаголы образованы с суффиксом *nu-*), то разница в значении двух аффиксов бросается в глаза: глаголы с префиксом *s-* выражают чистовидовое значение, в то время как глаголы с *nu-* всегда сохраняют свою семельфактивную семантику. Ср., например:

(10) *To jë* ***skapalö*** ‘Покапало’.
(11) *An jë* ***skïnkal*** *balun, ma an se štufäl anu an šyl spet gledat tilivižjun* ‘Он попинал мяч, но ему надоело, и он пошел снова смотреть телевизор’.

Если сравнить эти примеры с примерами (1в) и (3в), становятся очевидными различные значения и функции двух аффиксов в резьянском диалекте. В (10) и (11) выражается недолго длившаяся, прекратившаяся деятельность, в то время как (1в) и (3в) выражают семельфактивное действие.

См. еще следующие примеры, первый их которых (12а) описывает семельфактивную ситуацию, а второй (12б) — ситуацию, являющуюся результатом действия, которое имело место не один, а несколько раз (точнее, не в одном, а в разных местах):

(12а) *Kača me jë* ***pyknula*** ‘Змея меня укусила’.
(12б) *Pukrïwa mi jë* ***spïkala*** ‘Крапива меня покусала’.

Как уже было сказано, аналогичные примеры можно привести и для других просмотренных выше *nu*-глаголов, обозначающих акустические явления (см. 2.1.3).

Заключение

В резьянском диалекте глаголы с *nu-*, имеющие семельфактивное значение, представлены только в тех лексических классах глаголов, которые Т. Нессет определяет как прототипические [Nesset 2013]. Они свидетельствуют, возможно, об одинаковом историческом порядке распространения, в частности о первых его фазах.

То же самое можно сказать по поводу класса *ну*-глаголов, выделенных Плунгяном в русском языке: в резьянском представлены в основном кванты и, реже, комплетивы. Так называемые события почти не встречаются, а свертки не представлены никак. Видимо, значение семельфактива как кванта оказывается основным, исходным.

Что касается предполагаемого слияния (отождествления) аффиксальных форм *ну-* и *с-* в русском языке, то это не подтверждается данными резьянского диалекта, для которого характерно регулярное распределение значений *s-* и *nu-*, легко признаваемое всеми информантами. Видимо, семельфактивная функция префикса *с-* (если можно назвать ее таковой) в русском языке вторична.

Еще одно интересное замечание: из всех способов действия, которые распространились в русском языке (а также — более или менее — в других славянских языках), в резьянском диалекте представлен практически только семельфактивный, суффиксальный способ действия.

Итак, как мы уже видели в предыдущих работах [Бенаккьо 2018; 2019], резьянский диалект благодаря своей периферийности (и некоторой изолированности), а также благодаря тому, что он представляет собой малонормированный языковой вариант, не основанный на авторитетной письменной традиции, может оказаться полезным для реконструкции процесса формирования славянской аспектуальности.

Литература

Бенаккьо Р. Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект // Славистика. 2018. №22 (1). С. 9–20.

Бенаккьо Р. Резьянский диалект и грамматикализация славянского глагольного вида // Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani / ur. P. Stankovska, A. Derganc, A. Šivic-Dular. Ljubljana: Filozofska Fakulteta Univerze v Ljubljani, 2019. S. 271–283.

Горбова Е. Русские семельфактивы и непрототипическая алломорфия // Russian Linguistics. 2016. №40. P. 57–78.

Зализняк Анна А., *Шмелев А.Д.* Введение в русскую аспектологию. М. : Языки русской культуры, 2000. 225 с.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава: Словацкая Академия наук, 1960. 577 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru

Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // *Маслов Ю.*С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 445–476.

Мелиг Х.Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени. О категории глагольного вида в русском языке // Revue des études slaves. 1994. №66 (3). S. 585–606.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М. : Языки русской культуры, 1996. 465 с.

Плунгян В. ‘Быстро’ в грамматике русского и других языков // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна / ред. Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М. : Studia philologica, 2000. С. 212–223.

РГ 1980 — Русская грамматика в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Храковский 1989 — Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. 310 с.

Храковский В. С. Типология семельфактива // Типология вида. Проблемы, поиски, решения / ред. М. Ю. Черткова. М. : Studia philologica, 1998. С. 485–490.

Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М. : URSS, 2007. 272 с.

Dickey S. "Semelfactive" *-nǫ-* and the Western Aspect Gestalt // Journal of Slavic linguistics. 2001. № 9/1. P. 25–48.

Dickey S., *Janda L.* Хохотнул, схитрил: the relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian // Russian Linguistics. 2009. № 33. P. 229–248.

Makarova A., *Janda L. A.* Do it once: a case study of the Russian *-nu-* semelfactives // Scandoslavica. 2009. № 55/1. P. 78–99.

Nesset T. The history of the Russian semelfactive: the development of a radial category // Journal of Slavic linguistics. 2013. № 21 (1). P. 123–169.

Schuyt R. The morphology of Slavic verbal aspect. A descriptive and historical study. Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1990. 435 p.

Sokolova S. "Rabotnul na slavu — Gul'ni smelo!". "Nu" as a universal aspectual marker in non-standard Russian // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития / ред. M. Kitajo. Kyoto : Университет Киото Сангё, 2015. С. 271–277.

Steenwijk H. The Slovene dialect of Resia. San Giorgio. Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1992. 352 p.

Rosanna Benacchio
University of Padova
Department of Linguistic and Literary Studies
(Italy, Padova)
rosanna.benacchio@unipd.it

THE MEANINGS AND FUNCTIONS OF THE PERFECTIVIZING SUFFIX *NU-* IN THE RESIAN DIALECT (IN COMPARISON WITH RUSSIAN)

The article deals with the use of the perfectivizing suffix *nu-* in the Slovene dialect of Resia, which is spoken by a Slavic linguistic minority in North-Eastern Italy, at the border with Slovenia. In recent years, various scholars have written about this suffix in Russian (especially in the colloquial register), emphasizing its complex semantics, which reflects both the semelfactive and purely perfective meanings. We found similar features also in the Resian dialect. Here, too, the suffix *nu-* displays a complex semantics, designating both semelfactive (e.g. *pjüwat*/*pjüwnut* 'to spit,' *kapat*/*käpnut* 'to drip') and purely resultative meanings, especially in combination with the prefix *za-* (e.g. *garmët*/

zagyrmnut ‘to rattle,’ *lajat*/*zalajnut* ‘to bark’). Nevertheless, in the Resian dialect the suffix *nu*- is not spreading as a simple perfectivizing morpheme as it has in Russian, and its semelfactive function is more preserved. Under this analysis, the Resian dialect confirms once again its archaic character and its importance for the reconstruction of the process of grammaticalization of the Slavic verbal aspect.

Keywords: aspect, semelfactive actionsart, suffix -*nu*-, Resian, Russian.

References

Benakk'o R. [Integration of borrowed verbs into the Slavic aspectual system: Rezian dialect]. *Slavistika*, 2018, no. 22(1), pp. 9–20. (In Russ.)

Benakk'o R. [Rezian dialect and the grammaticalization of the Slavic aspectual system]. *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani* [Rajko Nahtigal and 100 years of Slavic Studies at the University of Ljubljana]. P. Stankovska, A. Derganc, A. Šivic-Dular (Eds.). Ljubljana, Ljubljana Univ. Publ., 2019, pp. 271–283. (In Russ.)

Dickey S. “Semelfactive” -*nǫ*- and the Western Aspect Gestalt. *Journal of Slavic linguistics*, 2001, no. 9/1, pp. 25–48.

Dickey S., Janda L. *Khokhotnul*, *skhitril*: the relationship between semelfactives formed with -*nu*- and *s*- in Russian. *Russian Linguistics*, 2009, no. 33, pp. 229–248.

Gorbova E. [Russian semifactive verbs and non-prototypic allomorphy]. *Russian Linguistics*, 2016, no. 40, pp. 57–78. (In Russ.)

Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Ch. 2.* [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak. Morphology. Part 2]. Bratislava, Slovakian Academy of Sci. Publ., 1960. 577 p.

Khrakovskii V. S. (Ed.). *Tipologiya iterativnykh konstruktsii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 310 p.

Khrakovskii V. S. [Typology of semelfactive]. *Tipologiya vida. Problemy, poiski, resheniya* [Typology of the verbal aspect. Problems, researches, solutions]. M.Yu. Chertkova (Ed.). Moscow, Studia philological Publ., 1998, pp. 485–490. (In Russ.)

Makarova A., Janda L. A. Do it once: a case study of the Russian -*nu*- semelfactives. *Scandoslavica*, 2009, no. 55/1, pp. 78–99.

Maslov Yu.S. [The role of so-called perfectivation and imperfectivation in the rise of the Slavic verbal aspect]. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works: Aspectology. General linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 445–476. (In Russ.)

Melig Kh.R. [Homogeneity and heterogeneity in space and time. On the category of verbal aspect in Russian]. *Revue des études slaves*, 1994, no. 66(3), pp. 585–606. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National corpus of the Russian language]. Available at: http://www.ruscorpora.ru

Nesset T. The history of the Russian semelfactive: the development of a radial category. *Journal of Slavic linguistics*, 2013, no. 21(1), pp. 123–169.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic researches]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 465 p.

Plungyan V. ['Fast' in the grammar of Russian and other languages]. *Slovo v tekste i v slovare. Sb. statei k 70-letiyu akad. Yu.D. Apresyana* [The word in the text and in the dictionary. For the 70th anniversary of Acad. Yu.D. Apresyan]. L. L. Iomdin, L. P. Krysin (Eds.). Moscow, Studia philological Publ., 2000, pp. 212–223. (In Russ.)

Schuyt R. *The morphology of Slavic verbal aspect. A descriptive and historical study*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi, 1990. 435 p.

Shelyakin M. A. *Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola* [Category of aspectuality of the Russian verb]. Moscow, URSS Publ., 2007. 272 p.

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vols. 1–2.

Sokolova S. "Rabotnul na slavu — Gul'ni smelo!". "Nu" as a universal aspectual marker in non-standard Russian. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya* [Aspectual semantic zone: typology of systems and diachronic development scenarios]. M. Kitajo (Ed.). Kyoto, Kioto Sange Univ. Publ., 2015, pp. 271–277.

Steenwijk H. *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi, 1992. 352 p.

Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. Vvedenie v russkuyu aspektologiyu [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 225 p.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.4

А. Ч. Пиперски
НИУ «Высшая школа экономики»
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
apiperski@gmail.com

КОРПУСНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СМЕШЕНИЕМ РОДИТЕЛЬНОГО И ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖЕЙ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В статье рассматривается смешение форм родительного и предложного падежей во множественном числе русских существительных: *в тринадцати предыдущих случаев*, *из многочисленных публикациях* вместо *в тринадцати предыдущих случаях*, *из многочисленных публикаций*. Такое смешение известно уже с XV в., но все же остается за пределами нормативной грамматики. Оно особенно вероятно после определений, которые не различают родительный и предложный падежи во множественном числе. На основе данных интернет-корпуса «Araneum Russicum Maius» показано, что это смешение отчасти обусловлено фонетическими и морфологическими факторами: местом ударения в формах родительного и предложного падежей и ненулевым окончанием родительного падежа (формы родительного падежа с безударным ненулевым окончанием больше похожи на предложный падеж и легче подвергаются смешению). Однако есть и другие факторы, способствующие смешению, а именно некоторые синтаксические конструкции («*у* + определение + предложный падеж вместо родительного», «*в* / *о(б) одном* / *каждом* / *любом* / *некоторых из* + определение + предложный падеж вместо родительного») и стилевая принадлежность текста (в текстах официально-делового стиля часто встречается замена предложного падежа на родительный).

Ключевые слова: русский язык, морфология, корпус, вариативность, падежный синкретизм.

Исследователи давно обращали внимание на тот факт, что в современном русском языке часто наблюдается смешение форм родительного и предложного падежей. Особенно распространено оно во множественном числе:

(1) *Жозе впервые отыгрался, проигрывая два мяча в ЛЧ.* ***В тринадцати предыдущих случаев*** *все заканчивалось поражением* [Sports.ru] (вместо *В тринадцати предыдущих случаях*).

Это явление подробно исследовалось в работах М. Я. Гловинской [1996; 1998; 2008; 2012]. Оно отмечается уже с XV в., и древнейшие примеры обычно объясняются южнославянским, в частности сербским, влиянием [Гловинская 2012, со ссылкой на: Keipert 1968; Казимова 2019]. Однако такое совпадение двух форм не требует внешнего объяснения и выглядит вполне естественным и с точки зрения системы русского языка: если выстроить шесть основных русских падежей в таком порядке, чтобы синкретизм наблюдался только между соседними падежами [Plank 1991; Саһа 2009], получим следующую последовательность, в которой Р. и П. действительно стоят рядом:

И. — В. — Р. — П. — Д. — Т.[1]

На фонематическом уровне родительный падеж совпадает с предложным в следующих категориях форм:

1) существительные III склонения и разносклоняемые существительные в единственном числе, например *двери*, *пути*, *знамени*;

2) прилагательные и причастия (в том числе субстантивированные) и местоимения-прилагательные женского рода в единственном числе, например *большой*, *красивой*, *кондитерской*, *моей*;

3) прилагательные и причастия (в том числе субстантивированные) и местоимения-прилагательные во множественном числе, например *больших*, *красивых*, *чаевых*, *моих*;

4) большинство количественных числительных, например *полутора*, *двух*, *двадцати*, *сорока*.

Если учесть также случаи, где родительный падеж совпадает с предложным на фонетическом уровне, после действия редукции гласных, к этому списку добавляется еще несколько случаев:

1) существительные I склонения с основой на мягкий согласный, например Р. *доли* ≈ П. *доле*;

2) существительные II склонения среднего рода с основой на мягкий согласный, например Р. *чудовища* ≈ П. *чудовище.*

Неудивительно, что в таких условиях говорящие на русском языке часто путают формы Р. и П. Смешение форм у существительных кажется особенно вероятным во множественном числе в случае, когда они стоят после определений, у которых Р. и П. и так совпадают: *на этих* ***принципов***; *о других* ***переговоров***; *от своих* ***лидерах***; *повторение каких-то механических* ***жестах***. По наблюдению М. В. Русаковой, «неадекватное предложно-падежное оформление словоформы существительного является одним из самых частотных сбоев, фиксируемых в русской речи» [Русакова 2013: 126]. Одним из типов таких сбоев является «неадекватное подстраивание под словоформу с адъективными окончаниями. Причина сбоя связана

[1] Здесь и далее русские падежи обозначаются общепринятыми сокращениями по первой букве названия: И(менительный), Р(одительный), Д(ательный), В(инительный), Т(ворительный), П(редложный).

с синкретизмом в парадигме адъективного склонения» [Там же: 127]. Еще один важный фактор — фонетическая близость безударных окончаний *-ов* и *-ах*, которую мы наблюдаем во всех приведенных выше примерах [Гловинская 2012: 180].

Как отмечает М. Я. Гловинская, «строго научный результат дало бы статистическое обследование: постоянное наблюдение над речью одной и той же группы испытуемых в течение одного и того же длительного времени и подсчет соотношения правильных форм и ошибок». Однако она сразу же добавляет, что «статистическое обследование в таких случаях невозможно и технически, и содержательно» [Гловинская 2012: 180].

Как бы то ни было, другой тип статистического исследования — корпусный анализ примеров со смешением падежей — кажется в данном случае вполне уместным. Во-первых, можно проверить гипотезу о том, что некоторые классы существительных более склонны к смешению Р. ↔ П., чем другие. Во-вторых, корпусный анализ позволит выделить контексты, в которых такое смешение окажется более вероятным.

Правда, классические корпуса русского языка, такие как основной подкорпус «Национального корпуса русского языка» или «СинТагРус», плохо подходят для решения этой задачи, поскольку обычно содержат хорошо вычитанные тексты — а для того, чтобы изучать явление, которое говорящими на русском языке все же воспринимается как ошибка, нужен корпус более спонтанных текстов. Поэтому для того, чтобы получить выборку примеров и статистику, был использован корпус «Araneum Russicum Maius» [Araneum Russicum Maius; Benko 2014] общим объемом 1 млрд словоформ, который содержит тексты, автоматически скачанные из интернета.

При использовании корпуса возникает проблема: невозможно легко установить, является ли произвольно выбранная форма Р. или П. законной или представляет собой результат смешения. Возможный путь состоит в том, чтобы вручную просматривать случайную выборку существительных, определенных как Р. или П., отбирая ошибочные формы, однако это потребовало бы ручной обработки слишком большого объема материала, поскольку мы имеем дело с крайне редким явлением. Поэтому был выбран другой путь: исследуются факторы, которые влияют на смешение Р. и П. во множественном числе существительных только в тех контекстах, где ожидаемый падеж легко предсказывается окружением, а именно после характерных для Р. и П. предлогов в сочетании с определением. Разумеется, это очень сильно сужает объем исследуемого материала, однако такое сужение можно считать оправданным, во всяком случае, для первого корпусного приближения к проблеме.

Примеры замены Р. → П. извлекались из корпуса с помощью следующего запроса:

[lc="без|для|до|из|из-за|из-под|от|у"] [lc=".*х"] [lc=".*[ая]х" & tag="N.*"]

(1-е слово — предлог *без*, *для*, *до*, *из*, *из-за*, *из-под*, *от*, *у*;
2-е слово — любое слово, оканчивающееся на *-х*;
3-е слово — любое не менее чем двухбуквенное слово, оканчивающееся на *-ах* или *-ях*, автоматически размеченное как существительное N).

Примеры замены П. → Р. извлекались из корпуса с помощью следующего запроса:

[lc="при|о|об"] [lc=".*[^ая]х" & lc!="них"] [tag="N..pg.*" & lc!=".*[ыи]х"]

(1-е слово — предлог *при*, *о* или *об*;

2-е слово — любое не менее чем двухбуквенное слово, оканчивающееся на *-х*, перед которым следует не *а* и не *я* (чтобы исключить в этой позиции существительные), но не слово *них*;

3-е слово — любое слово, автоматические размеченное как существительное (N) в родительном падеже (g) множественного числа (p), не оканчивающееся на *-ых* или *-их*, чтобы исключить словосочетания с субстантивированными прилагательными типа *о хороших кондитерских*, где нельзя говорить о смешении падежей).

По первому запросу (Р. → П.) было найдено 1887 примеров; ручная обработка случайной выборки, состоящей из 400 примеров, позволила обнаружить 178 контекстов, действительно иллюстрирующих интересующее нас явление. Таким образом, точность запроса составляет 44,5 %, что позволяет ожидать, что при рассмотрении всего материала было бы обнаружено около 1887 × 0,445 = 840 примеров смешения Р. → П.

По второму запросу (П. → Р.) было найдено 1574 примера; ручная обработка случайной выборки, состоящей из 400 примеров, позволила обнаружить ровно столько же — 178 примеров, действительно иллюстрирующих замену П. → Р. Таким образом, и в этом случае точность запроса составляет 44,5 %, а значит, при рассмотрении всего материала было бы обнаружено около 1574 × 0,445 = 700 примеров смешения Р. → П.

Для проверки были сформулированы три гипотезы о факторах, связанных с видом ожидаемого (правильного) и наблюдаемого (неправильного) окончаний, которые способствуют смешению Р. ↔ П.:

(i) ожидаемое окончание не должно быть слишком заметным, т. е. ударным: иными словами, ударение в ожидаемой форме должно быть на основе;

(ii) ожидаемое и наблюдаемое окончания должны быть похожи друг на друга фонетически — различаться только одним звуком, что возможно лишь для безударных окончаний Р. [-ъф] и П. [-ъх] или Р. [-ьй] и П. [-ьх];

(iii) наблюдаемое окончание не должно быть слишком заметным, т. е. ударным; иными словами, ударение в наблюдаемой форме должно быть на основе.

В зависимости от схемы ударения и окончания в Р. мн. ч. (*-ов*(*-ев*)/*-ей* / нулевое) можно выделить шесть типов существительных, которые, как мы ожидаем, будут в разной мере склонны смешивать родительный и предложный падежи. Эти типы представлены в табл. 1.

Естественно предполагать, что наиболее часто смешение будет наблюдаться в словах типа *завóдов*, *рáдостей*, а в остальных типах — реже. Для того чтобы проверить это, сформулируем ту же гипотезу иначе: мы ожидаем, что в выборке примеров со смешением Р. ↔ П. встретится заметно больше слов типа *завóдов*, *рáдостей*, чем в контрольной выборке примеров без смешения.

Табл. 1

Типы существительных и факторы, способствующие смешению Р. ↔ П.[2]

Пример (Р.)	Пример (П.)	Ударение в Р. на основе	Похожие окончания	Ударение в П. на основе
завóдов	*завóдах*	+	+	+
рáдостей	*рáдостях*	+	+	+
стрáн	*стрáнах*	+	–	+
мéст	*местáх*	+	–	–
столóв	*столáх*	–	–	–
долéй	*долях*	–	–	–

Для того чтобы получить контрольную выборку без смешения, был использован корпус [СинТагРус], в котором проведено ручное снятие морфологической омонимии. Из этого корпуса было извлечено по 178 случайных форм Р. мн. ч. и П. мн. ч. существительных. Вот для примера по 15 форм из этих двух выборок:

Р.: *пунктов*, *политиков*, *альпинистов*, *переговоров*, *узников*, *аллюзий*, *блоков*, *стран*, *союзников*, *рельсов*, *форм*, *граждан*, *ботинок*, *работников*, *сил*;

П.: *вариантах*, *женщинах*, *похоронах*, *направлениях*, *районах*, *силах*, *школах*, *случаях*, *окрестностях*, *рублях*, *странах*, *проявлениях*, *цилиндрах*, *лесах*, *корпусах*.

Следующий шаг исследования — сравнить частотность форм с теми или иными характеристиками в выборке примеров со смешением и в выборках законных форм Р. и П. из [СинТагРус]. Так, например, из 178 примеров со смешением Р. → П только в четырех случаях мы обнаруживаем в получившейся форме ударение на окончании:

(2) … *мы рады приветствовать Вас* ***у наших берегах***…

(3) *Антиквариатом принято считать вещи, сделанные* ***до 1930-х годах***…

(4) … *для преследуемого украинца* ***из Восточных областях*** *логично уехать в Западные области и наоборот*.

(5) ***У курортных местах*** *своя жизнь, которая как магнит притягивает мир криминала*.

Много это или мало — 4 примера из 178 с ударением на окончании в П. и, наоборот, 174 примера из 178 с ударением на основе? Чтобы понять это, надо выяснить, у какой доли слов, законно употребленных в форме Р., при постановке в П. получилось бы ударение на основе и на окончании. Для 178 примеров, извлеченных из [СинТагРус], оказывается, что ударение на основе имело бы 161 слово, а на окончании — 17. Таким образом, в выборке со смешением оказывается 174 / 178 = 97,8% слов с ударной основой, а в выборке правильно употребленных форм Р. — 161 / 178 = 90,4% таких слов. Применяя к этим данным двухвыборочный тест пропорций (prop.test в R), можно убедиться, что результат достаточно статистически значим (p = 0,007). Таким образом,

[2] Сюда не включены единичные случаи, в которых Р. и П. различаются ударением, но это различие не обусловлено только нулевым окончанием в Р., как в типе *мéст — местáх*. Так устроены, по крайней мере, слова *людéй ~ лю́дях*, *детéй ~ дéтях*, а также (в идиолекте автора статьи, который здесь расходится со словарями) *мéсяцев ~ месяцáх*.

мы проверили гипотезу, обозначенную выше как (iii): слова, у которых в результате смешения Р. → П. получается ударное окончание в форме П., менее склонны подвергаться этому смешению, чем слова, у которых получается ударная основа.

Практически такой же результат дает проверка гипотезы (i): слова, которые имеют ударное окончание в форме Р., менее склонны подвергаться смешению Р. → П., чем слова с ударной основой. В выборке со смешением таких примеров всего три, а именно (2)–(4); пример 5 выпадает, поскольку в слове *ме́ст* ударение в Р. благодаря нулевому окончанию стояло бы на основе. Итак, доля ударений на основе составляет здесь 175 / 178 = 98,3 %. Среди законных Р. доля ударений на основе — 163 / 178 = 91,6 %. И в этом случае двухвыборочный тест пропорций показывает, что различие достаточно значимо ($p = 0{,}008$).

Аналогичным образом можно протестировать и гипотезу (ii). Поскольку ударение мы уже проверили, причем дважды, ограничимся только проверкой фонемного состава окончаний. Гипотеза (ii) обращает внимание на схожесть двухфонемных окончаний Р. и П. (*-ов*/*-ей* и *-ах*/*-ях*) и несхожесть нулевого окончания Р. с двухфонемным окончанием П. Иными словами, мы предполагаем, что двухфонемное окончание Р. благоприятствует смешению Р. → П., а нулевое препятствует смешению; таким образом, в выборке со смешением доля ненулевых окончаний будет больше, чем среди законных форм Р. Эта закономерность действительно соблюдается: ненулевых окончаний Р. у слов со смешением — 132 / 178 = 74,2 %, а без смешения — 99 / 178 = 55,6 % ($p = 0{,}0004$).

Можно проверить и комбинации факторов, опираясь на выделенные выше типы слов. Под табл. 1 была высказана гипотеза, что слова типа *завóдов*, *рáдостей* будут значимо чаще встречаться в выборке со смешением, чем среди законных форм Р., — и действительно, в первой выборке их 129 / 178 = 72,5 %, а во второй — 83 / 178 = 46,7 % ($p = 0{,}000001$).

Итак, статистические данные позволяют считать, что ударность основы в формах Р. и П. и ненулевое окончание в форме Р. действительно способствуют смешению Р. → П. Обобщим это в виде табл. 2.

Следующий исследовательский вопрос состоит в том, есть ли какие-то конструкции, которые особенно способствуют смешению Р. → П. Материал слишком мал, чтобы делать уверенные количественные обобщения, однако просмотр примеров позволяет выделить два характерных типа употреблений.

Первый из них — это конструкция обладания с предлогом *у*, которая легко может быть переинтерпретирована как конструкция места. Эти случаи можно описать так: автор использовал предлог *у*, но продолжает предложение так, как будто использовал предлог *в*. Смешению способствует и фонетическая близость *у* и *в*. Именно так устроен пример 5, а также примеры 6–7:

(6) *… на баке* ***у некоторых моделях*** *авто установлен топливный насос…* (≈ *в некоторых моделях*);

(7) ***У вентиляционных решетках*** *для каминов предусмотрены отверстия* (≈ *В вентиляционных решетках*).

Табл. 2

Сравнение выборки со смешением Р. → П. с законными формами Р

Смешение Р. → П.		Законные Р. [СинТагРус]
Ударение на основе в Р.		
175 / 178 = 98,3 %	>	163 / 178 = 91,6 %
	p = 0,008	
Ненулевое окончание в Р.		
132 / 178 = 74,2 %	>	99 / 178 = 55,6 %
	p = 0,0004	
Ударение на основе в П.		
174 / 178 = 97,8 %	>	161 / 178 = 90,4 %
	p = 0,007	
Тип *завóдов*, *рáдостей*		
129 / 178 = 72,5 %	>	83 / 178 = 46,7 %
	p = 0,000001	

Во второй конструкции, способствующей смешению, П. копируется с более высокого уровня синтаксической структуры. Речь идет о случаях типа *в* / *о(б) одном* / *каждом* / *любом* / *некоторых из* Adj X:

(8) *… ни в одной* ***из многочисленных публикациях*** *в СМИ об убийстве Аксельрода толком не сказано, чем занимался погибший…* (≈ *ни в одной публикации*);

(9) *На одном* ***из юридических форумах*** *обсуждалась данная тема…* (≈ *на одном форуме*);

(10) *… в некоторых* ***из бедных поселках*** *были поджоги палаток для голосования* (≈ *в некоторых поселках*).

Теперь рассмотрим обратное явление — смешение П. → Р., например:

(11) *Есть смысл говорить* ***о местных чиновников****, которые продвигают проект застройки…*

Можно было бы ожидать, что оно будет стимулироваться теми же факторами, что и смешение Р. → П., а именно ударением на основе в Р. и П. и ненулевым окончанием Р., однако это не вполне подтверждается (см. табл. 3).

Как видно из табл. 3, ненулевое окончание не оказывается значимым фактором и тип *завóдов*, *рáдостей* не представлен среди примеров со смешением слишком многочисленно. Более того, тип *стрáн* (ударение на основе в Р. и П. и нулевое окончание Р.) даже ближе подходит к принятому порогу статистической значимости 0,05.

Объяснение этому факту обнаруживается при анализе примеров. Если примеры Р. → П. в основном происходят из разговорных текстов, то стилистический облик текстов с П. → Р. совсем иной:

(12) *Причиной* (sic! — *А. П.*) *неразвитости данной связи лежит как в объективных условиях: относительная недоступность лизинговых услуг для клиентов «с улицы» и непривлекательность лизинговых услуг для них* ***при существующих условий*** *финансирования, так и в субъективных…*

Табл. 3

Сравнение выборки со смешением П. → Р. с законными формами П

Смешение П. → Р.		Законные П. [СинТагРус]
	Ударение на основе в Р.	
174 / 178 = 97,8 %	>	158 / 178 = 88,8 %
	p = 0,002	
	Ненулевое окончание в Р.	
81 / 178 = 45,5 %	≈	90 / 178 = 50,6 %
	p = 0,40	
	Ударение на основе в П.	
174 / 178 = 97,8 %	>	147 / 178 = 82,6 %
	p = 0,000004	
	Тип *завóдов*, *рáдостей*	
77 / 178 = 43,3 %	≈	70 / 178 = 39,3 %
	p = 0,52	
	Тип *стрáн*	
95 / 178 = 53,4 %	≈	77 / 178 = 43,3 %
	p = 0,07	

(13) *В первую очередь изучается их высокая способность снижать уровень холестерина и их восстановительные свойства* ***при определенных видов*** *рака*.

(14) *В связи с тем, что вышеуказанные нормативные правовые акты направлены на предотвращения совершения правонарушений в сфере ценообразования, доведение до сведения субъектов предпринимательства более полной информации* ***об обязательных требований*** *действующего законодательства в определенной сфере деятельности, предлагаемый к разработке проект Методических рекомендаций фактически продублирует нормы действующего федерального и регионального законодательства.*

Легко видеть, что смешение П. → Р. характерно для текстов официально-делового стиля (или, говоря резче, но яснее: для канцелярита, с которым автор не справился). В таких текстах частота Р. повышена по сравнению с общеязыковой, и неудивительно, что возникает неосознанное желание еще увеличить число форм Р. А частотность существительных на *-ние* среди примеров со смешением (ср. в примере 14: *требований* вместо *требованиях*), которые имеют нулевое окончание Р., способствует тому, что для смешения П. → Р. фактор ненулевого окончания Р. оказывается незначимым.

Поскольку выше проанализирована лишь небольшая выборка удобных для автоматического извлечения контекстов, полученные результаты нельзя считать полным описанием смешения Р. ↔ П. во множественном числе русских существительных. Однако на основании корпусного анализа можно все же достаточно уверенно сказать, что это смешение отчасти обусловлено фонетическими и морфологическими факторами (местом ударения в формах Р. и П. и ненулевым окончанием Р.), но есть и другие факторы, способствующие ему, а именно некоторые синтаксические конструкции и стилевая принадлежность текста.

Литература

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 237–304.

Гловинская М. Я. Просто оговорки или тенденция к аналитизму? // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Л. Л. Касаткина / отв. ред. М. Л. Каленчук. М. : ИРЯ РАН, 1998. С. 304–316.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 187–270.

Гловинская М. Я. О чем свидетельствует реакция носителей языка на грамматические инновации // Вопросы культуры речи. Вып. 11 / отв. ред. А. Д. Шмелев. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 178–185.

Казимова Г. А. О возможном сербском компоненте в связи с меной генитива и локатива мн. ч. существительных в славянском тексте гомилий Василия Великого на псалмы и некоторых других святоотеческих текстах (ГИМ, Син-238, лл. 456–786), считающихся переводами Максима Грека // Црквене студије. 2019. № 16/2. С. 659–672.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2013. 568 с.

СинТагРус — GitHub — UniversalDependencies/UD_Russian-SynTagRus: Russian data from the SynTagRus corpus [Электронный ресурс]. URL: https://github.com/UniversalDependencies/UD_Russian-SynTagRus

Araneum Russicum Maius — Comenius NoSkE: Araneum Russicum Maius [Электронный ресурс]. URL: http://unesco.uniba.sk

Benko V. Yet another family of (comparable) Web corpora // Text, Speech and Dialogue. 17th International Conference (Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014) / ed. by P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pala. Cham : Springer International Publishing Switzerland, 2014. P. 247–256.

Caha P. The nanosyntax of case : PhD dissertation / University of Tromsø. Tromsø, 2009. 321 p.

Keipert H. Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des «Vremennik Ivana Timofeeva» : Inauguraldissertation / Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. Bonn, 1968. 287 p.

Plank F. Rasmus Rask's dilemma // Paradigms: The economy of inflection / ed. by F. Plank. Berlin : Mouton de Gruyter, 1991. P. 161–196.

A.Ch. Piperski
Higher School of Economics
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)
apiperski@gmail.com

CORPUS-BASED OBSERVATIONS ON THE CONFUSION OF GENITIVE AND LOCATIVE IN RUSSIAN NOUNS

The paper describes the confusion of the genitive and of the locative in the plural of Russian nouns: *v trinadcati predyduščix slučaev*, *iz mnogočislennyx publikacijax* instead of *v trinadcati predyduščix slučajax* 'in thirteen previous cases,' *iz mnogočislennyx publikacijax* 'from numerous publications.' This confusion has been known since the 15th century, but it is still not accepted as grammatically correct in Standard Russian. It is especially likely in nouns after attributes (adjectives, pronouns, and numerals) that do not distinguish the genitive and the locative in the plural. The analysis of the data from *Araneum Russicum Maius* corpus shows that this confusion is partly due to phonological and morphological factors, namely the location of stress in genitive and locative plural and the presence of a non-zero ending in the genitive (if a noun has a non-zero unstressed ending in the genitive plural, the use of the incorrect form is more probable). However, there are some other factors favoring confusion. It is more likely in some syntactic constructions (*u* + attribute + locative instead of genitive 'in X,' *v* / *o(b) odnom* / *každom* / *ljubom* / *nekotoryx iz* + attribute + locative instead of genitive 'in / about one / each / any / some of X') and in formal style, where the genitive is substituted for the locative.

Key words: Russian language, morphology, corpus linguistics, linguistic variation, case syncretism.

References

Araneum Russicum Maius — Comenius NoSkE: Araneum Russicum Maius. Available at: http://unesco.uniba.sk (accessed 31.01.2020).

Benko V. Yet another family of (comparable) Web corpora. *Text, Speech and Dialogue. 17th International Conference (Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014).* P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pala (Eds.). Cham, Springer International Publishing Switzerland, 2014, pp. 247–256.

Caha P. *The nanosyntax of case*. Dr. phil. sci. diss. Tromsø, 2009. 321 p.

Glovinskaya M.Ya. [Active processes in grammar (based on innovations and frequent linguistic mistakes)]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian language of the end of the 20th century (1985–1995)]. E. A. Zemskaya (Ed.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, pp. 237–304. (In Russ.)

Glovinskaya M.Ya. [Active processes in grammar]. *Sovremennyi russkii yazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [The Modern Russian Language: Active

processes at the turn of the 21st century]. L. P. Krysin (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 187–270. (In Russ.)

Glovinskaya M.Ya. [Mere slips of the tongue or a shift to analytism?]. *Yazyk: izmenchivost' i postoyanstvo. K 70-letiyu L. L. Kasatkina* [Language: variability and stability. On the occasion of Leonid Kasatkin's 70th birthday]. M. L. Kalenchuk (Ed.). Moscow, Vinogradov Russ. Language Inst. Publ., 1998, pp. 304–316. (In Russ.)

Glovinskaya M.Ya. [What can we infer from the reaction of speakers to grammatical changes?]. *Voprosy kul'tury rechi. Vyp. 11* [Topics in correct linguistic usage. Iss. 11]. A. D. Shmelev (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2012, pp. 178–185. (In Russ.)

Kazimova G. A. [On eventual Serbian influence exhibited in the confusion of the genitive and the locative plural in the Slavic text of Basil the Great's homilies and some other patristic texts (State Historical Museum, Syn-238, ff. 456–786) assumed to be translated by Maximus the Greek]. *Tsrkvene studije*, 2019, no. 16/2, pp. 659–672. (In Russ.)

Keipert H. *Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des "Vremennik Ivana Timofeeva"*. Dr. phil. sci. diss. Bonn, 1968. 287 p.

Plank F. Rasmus Rask's dilemma. *Paradigms: The economy of inflection*. F. Plank (Ed.). Berlin, Mouton de Gruyter, 1991, pp. 161–196.

Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* [The Elements of anthropocentric grammar of the Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2013. 568 p.

SynTagRus — GitHub — UniversalDependencies/UD_Russian-SynTagRus: Russian data from the SynTagRus corpus. Available at: https://github.com/UniversalDependencies/UD_Russian-SynTagRus (accessed 31.01.2020).

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.5

А. В. Циммерлинг
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
fagraey64@hotmail.com

ОДУШЕВЛЕННОСТЬ. РУССКИЙ ЯЗЫК*

В статье рассматривается роль синтактико-семантического признака одушевленности в реализации ряда грамматических конструкций русского языка. Классифицирующая категория одушевленности существительного (одушевленность I) задает шкалу объектов, ранжируемых по степени одушевленности, в то время как синтаксически значимый признак одушевленности (одушевленность II) дискретен и не предполагает скалярности. В русском языке сложилось нетривиальное соотношение между классификатором «одушевленность I» и синтаксическим признаком «одушевленность II». Разные типы аргументов глагольных имперсональных и связочных предикативных конструкций обнаруживают разные настройки бинарного признака ± одушевленность II. Кроме того, разные настройки признака ± одушевленность II свойственны разным группам предикатной лексики, обслуживающим данные конструкции. Переходные безличные предложения не образуются от глаголов, обозначающих действия, в исходной диатезе выполняемые исключительно одушевленным субъектом (*видеть*, *подрезать автомобиль*). Большинство говорящих также не допускает в данной конструкции каузативные предикаты (*ставить*, *уменьшить*). Напротив, неопределенно-личная конструкция с глаголом в 3 л. мн. ч. образуется только от тех предикатов, которые в исходной диатезе допускают одушевленный субъект. Тем самым переходная безличная и неопределенно-личная конструкции в большинстве групп глагольной лексики оказываются в дополнительной дистрибуции. Оформляемый дат. п. субъект дативно-предикативных предложений (*Х-у стыдно*, *нужно*, *тяжело*) может быть только одушевленным. Напротив, субъект дативно-инфинитивных предложений, оформляемый тем же дат. п., может быть неодушевленным. Взаимодействие ограничительных условий, накладываемых на выбор предикатов и предикатных аргументов, обеспечивает воспроизводство русской грамматики в ее нынешнем виде.

Ключевые слова: одушевленность, русский язык, релевантные признаки, шкалы, субкатегоризация, грамматические категории, клауза, конструкции.

* Я благодарю Л. Л. Иомдина и И. Б. Левонтину за ценные замечания. Ответственность за все недочеты лежит на авторе статьи.

Юрию Дерениковичу с искренним восхищением

1. Релевантные признаки в описании

Классическое определение естественного языка предполагает, что у него, как и у некоторых распознаваемых формальных языков [см.: Гладкий, Мельчук 1969: 24–26], два базовых компонента: грамматика, т. е. совокупность правил вывода сложных выражений, и словарь, т. е. инвентарь элементарных выражений, хранящихся в памяти. Урок Московской семантической школы, извлекаемый из трудов Ю. Д. Апресяна, его соратников и учеников, состоит в том, что и словарь, и грамматика системны [Апресян 1974], при этом представление словарной статьи в теоретической лексикографии, в том числе в словаре активного типа [Апресян et al. 2004; 2017; ср.: Мельчук, Жолковский 1984], должно включать грамматическую информацию (набор семантических и синтаксических актантов, модель управления и т. д.).

Граница между словарной и грамматической информацией в разных моделях языка проводится по-разному. Это дает повод для утверждений о том, что между словарем и грамматикой есть промежуточная зона [Копотев, Стексова 2016]. В наибольшей степени такой подход оправдан для двух явлений — описания так называемых синтаксических идиом, или фразем (в терминах [Апресян et al. 2010]), и анализа релевантных синтактико-семантических признаков (*s-selection*) [Хомский 1972: 107–119], например ограничения на одушевленность / неодушевленность референта.

Фонология была первой областью естественного языка, формализованной в рамках лингвистического структурализма в 1930-е гг. Представление о релевантном синтактико-семантическом признаке можно понимать как фонологическую метафору. М. И. Стеблин-Каменский в заметке, первоначально опубликованной в 1967 г., ставит знак равенства между экстраполяцией понятийного аппарата фонологии в другие области лингвистики и постулатом об изоморфизме всех уровней языка и всех знаковых систем, т. е. направлением, которое можно назвать семиотикой [Стеблин-Каменский 2003: 648]. Однако фонологическая метафора, т. е. представление о сходстве некоторых аспектов звукового и грамматического строя, может использоваться и вне связи с постулатами об изоморфизме и принципах семиотики.

Релевантным признается признак, который «работает» в данной фонологической системе, т. е. противопоставляет группы фонем в этом языке друг другу. Так, в русском и немецком языках признак «звонкость vs. незвонкость»[1] релевантен, поскольку в этих языках действуют процессы оглушения звонких сегментов

[1] Обсуждение того, описывается ли противопоставление сегментов по звонкости в конкретном языке наилучшим образом в терминах привативной бинарной оппозиции «звонкость vs. незвонкость» или же эквиполентной оппозиции «звонкость vs. глухость», выходит за рамки статьи. В порядке дискуссии выскажем мнение о том, что некоторые фрагменты грамматики больше соответствуют структуралистскому идеалу привативной оппозиции, чем фонологические реалии.

(нейтрализации противопоставления согласных фонем по глухости / звонкости). Для древнерусского и древнеисландского языков признак «передний vs. непередний ряд» релевантен в силу того, что разные группы сегментов проявляют разные свойства при процессах палатализации и палатальной перегласовки. Точно так же релевантным признаком, или, в иной терминологии, грамматическим ограничением, мотивированным выражением некоторой семантики, будет тот, который противопоставляет друг другу разные группы слов и/или разные конструкции. И в том и в другом случае релевантный признак важен для моделирования всей системы фонем / согласованной системы грамматических ограничений: правомерно потребовать, чтобы при описании конкретного языка учитывались только релевантные признаки. Такую установку на словах никто не оспаривает, но она не всегда подтверждается анализом материала.

Селективные ограничения (субкатегоризация, *s-selection*) на одушевленность аргументов связывают между собой грамматику и семантику, отделяя прототипические употребления от непрототипических. В русском и других языках[2] роль инструмента обычно предполагает неодушевленного участника, а роль агенса — одушевленного[3]. Аномальные или игровые предложения типа (1) и (2) только подтверждают эту интуицию. Предложение 1 маргинально допустимо лишь в непрототипической ситуации, когда зайца убило физическое тело охотника, а не целенаправленная деятельность последнего, связанная с применением ружья, лука, пращи, рогатки или силка [Зализняк 2002: 625]. В порожденном журналистом примере 2 предикаты *сбежать от хозяина* и *подрезать автомобиль* намекают на наличие у самолета злой воли: соответствующее употребление у тех, кто его допускает, связано с персонификацией транспортного средства.

(1) **Зайца убило* ***охотником*** **/** ***Иваном Петровичем***.

(2) ??*Самолет* ***сбежал от хозяина, подрезал автомобиль*** *и разбился о забор* [https://lenta.ru/news/2019/01/31/crashedplane/].

Несоответствие прототипическому для второго дополнения значению [- ANIM] — достаточное, но не необходимое условие неграмматичности примера 1 и аналогичных предложений, построенных по схеме переходной безличной конструкции «X-а убило Y-м». В русском языке предложения типа **Зайца убило*

[2] Можно предположить, что ориентация семантической роли на прототип универсальна и не зависит от языка, но в данной статье мы этот тезис не рассматриваем.

[3] Определение агенса (субъекта действия) можно задать, исключив выполнение этой роли неодушевленным участником. Для этого надо выдвинуть дополнительное условие о том, что агенс всегда контролирует производимое действие, что невозможно при неодушевленном участнике. В таком случае внешне не выраженный семантический аргумент в переходных безличных предложениях типа *Улицу засыпало песком* (в результате неконтролируемого стихийного процесса) и неопределенно-личных предложениях типа *Улицу засыпали песком* (в результате действия некоторой неопределенной группы лиц) будет соответствовать двум разным семантическим ролям, ср. допустимость предложения *Улицу засыпали песком умышленно* при невозможности **Улицу засыпало песком умышленно*. В данной статье мы соответствующего допущения не делаем.

ружьем при правильном *Зайца убило пулей* тоже не являются стандартными. Поэтому описание-инструкция в словаре активного типа, указывающее, как надо использовать конструкцию «X-а убило Y-м» и чем может быть выражен актант Y в этой конструкции в литературном русском языке, не может сводиться к указанию на значение признака [± ANIM] и должно учитывать более сложную комбинацию факторов. Однако в перспективе описания самой русской грамматики в терминах ограничительных условий констатации того, что значение [+ ANIM] отсекает возможность употребления ряда существительных в позиции актанта Y, достаточно.

Приглядимся к русским переходным безличным предложениям внимательней и оценим, важны ли настройки признака [± ANIM] для самой безличной конструкции. Оказывается, что, помимо ограничений на заполнение внешне выраженных синтаксических актантов X и Y, нужно учитывать также ограничения, накладываемые на выбор самой предикатной глагольной лексики.

(3) ?*Троллейбус* ***постоянно*** $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***дергало со скрежетом****, плотно, один к другому, стоящих в проходе* ***грузно*** $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***раскачивало****,* $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***оживляло до вскриков*** (В. Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана, 2003) [НКРЯ].

Экспериментальное употребление русского писателя в примере 3 необычно не только тем, что оно допускает персонификацию троллейбуса (из контекста неясно, кого или что *оживляло до вскриков — троллейбус* или *стоящих в нем людей*), но и тем, что в переходной безличной конструкции, указывающей на то, что источником процесса является неконтролируемая внешняя сила, каузативные глаголы типа *оживлять*, *успокаивать*, *сажать* в стандартном русском языке не употребляются [Zimmerling 2013]. Вслед за [Mel'čuk 1995] будем использовать для указания на нулевой синтаксический аргумент, соответствующий данной семантике, обозначение $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$, с той поправкой, что под таксон $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ мы, в отличие от И. А. Мельчука, подводим не только природные явления ($\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***затопило*** *дом*, $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***замело*** *улицу*, $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***сорвало*** *ветром трубу* и т. п.), но и любые случаи воздействия неконтролируемой внешней силы на пациентивного участника, выраженного дополнением переходного глагола.

Появление в примере 3 неодушевленного существительного в позиции пациенса глагола *оживлять* — авторская вольность. Она не свидетельствует о каких-либо сдвигах в словаре и грамматике русского языка и полностью объясняется гипотезой о персонификации. Но употребление самого глагола *оживлять* в безличной конструкции, в других терминах — использование нулевого агенса $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ при глаголе *оживлять*, уже является попыткой обойти ограничения русской грамматики. Или — если часть носителей русского языка решительно отвергает пример 3, а некоторое число носителей его допускает — отражением сложившегося грамматического варьирования.

2. Одушевленность I vs. одушевленность II

В русском языке одушевленность — не только селективный признак, но и классифицирующая категория, тесно связанная с морфологическим падежом[4]: одушевленные (*охотник*, *заяц*, *комар*, *девушка*, *муха*) и неодушевленные существительные (*стол*, *троллейбус*) получают разные окончания. У одушевленных существительных формы им. п. и вин. п. неомонимичны, а формы вин. п. и род. п., напротив, омонимичны (синкретичны — в терминах моделей падежа). Противопоставление разных групп слов по линии классифицирующей категории «одушевленность vs. неодушевленность» манифестируется не только на уровне словоформ, но на уровне словоизменительных парадигм [см.: Крысько 1994].

(i) Им. п. ≠ вин. п. & род. п. = вин. п. vs. Им. п. = вин. п. & род. п. ≠ вин. п.

Как и в случае с классифицирующей категорией рода, большинство русских существительных относится ровно к одному классу — они либо одушевленные, либо неодушевленные. Вне зависимости от авторского подхода к *комарам* и *троллейбусам*, породить предложения ***я убил комар** или ***я вижу троллейбуса* и приписать *ad hoc* первому слову значение [- ANIM], а второму — [+ ANIM] нельзя. В то же время некоторые слова, ср. *призрак*, *микроб*, *эмбрион*, *вибрион*, могут трактоваться и как одушевленные, и как неодушевленные: *Фермер увидел **призрак(а)*** и т. п. В зависимости от темперамента лингвиста этот эмпирический факт может объясняться и сугубо формально (существительные типа *призрак*, принимающие значение [± ANIM], сходны с существительными так называемого общего рода типа *судья*, *староста*, *неряха*, принимающими как значение муж. р., так и значение жен. р.[5]), и когнитивно — как отражение особенностей менталитета и культурных стереотипов, мотивирующих разные группы носителей русского языка на выбор одной из конкурирующих форм[6].

Одушевленность как морфологическая категория-классификатор (далее — ANIM I) совместима со скалярностью, так как в середине шкалы обнаруживаются слова типа *призрак*, *микроб*, которые могут иметь как характеристику [**+** ANIM I], так и характеристику [- ANIM I]. Напротив, одушевленность как релевантный признак конструкций (далее — ANIM II) дискретна и не связана со скалированием каких-либо сущностей или классов слов. По этой причине трудно принять тезис о том, что классифицирующая категория одушевленности — просто более

[4] О понятии так называемого синтаксического падежа, т. е. приписывания падежа именным группам в соответствии с механизмами построения предложения, см. [Лютикова 2017: 62–87].

[5] Опускаем обсуждение вопроса о том, чем род существительных отличается от согласовательного класса [Зализняк 1967: 73–75] и следует ли использовать общий термин для слов типа *судья*, *неряха* (где морфология склонения на *-а* не показывает, какого грамматического рода относящееся к нему слова) и *учитель*, *врач* (которые морфологически относятся к муж. р.).

[6] Утверждалось, что члены профессиональных сообществ, например люди, изучающие *микробов* / *микробы*, склонны трактовать подобные спорные сущности как одушевленные. Это мнение правдоподобно, но репрезентативные статистические исследования нам не известны.

грамматикализованное отражение того же признака, который ограничивает разумную интерпретацию предложений типа *??Зайца убило* ***охотником*** непрототипическими ситуациями, где заяц погиб в результате падения на него физического тела охотника. Описание, сводящее ANIM I и ANIM II к единой категории, не имеет ясных перспектив.

Релевантные признаки — часть аппарата описания в терминах бинарных привативных оппозиций. Такое описание оправданно, если в грамматике или системе фонем конкретного языка есть фрагменты, где введение соответствующего признака объясняет функционирование противопоставленных друг другу наборов единиц или конструкций. В качестве релевантного синтактико-семантического признака, ограничивающего или блокирующего маргинальные и аномальные предложения 1, 2, 3, признак [± ANIM II] не предполагает никаких эффектов скалярности, которых можно бы ждать, если бы, допустим, замена нарицательного имени *охотник* на имя собственное *Иван* и т. п. в контексте **Зайца убило* ***Иваном*** / ***охотником*** меняла степень приемлемости примера[7]. Далее признак [± ANIM II] будет рассмотрен на базе двух групп русских предложений без внешне выраженного подлежащего в им. п. — глагольных имперсональных конструкций с нулевым подлежащим (раздел 3) и связочных предложений с субъектным аргументом в дат. п. (раздел 4).

3. Имперсональные конструкции и ANIM II

Признак [ANIM II] играет ключевую роль в противопоставлении двух русских конструкций, которые принято называть имперсональными, т. е. связанными с устранением подлежащего / агентивного аргумента из поверхностно-синтаксической схемы. Одна из них — переходные безличные предложения с нулевым подлежащим $\varnothing^{\text{ELEMENTS}} \approx$ ‘неконтролируемая внешняя сила’ — упоминалась выше. Вторая — предложения с глаголом в 3 л. мн. ч. типа *Улицу перекрыли*, называемые в русской лингвистической традиции неопределенно-личными. В работе [Mel’čuk 1995] такие предложения интерпретируются как структуры с нулевым подлежащим $\varnothing^{\text{PEOPLE}} \approx$ ‘неопределенная группа лиц’. В [Zimmerling 2009] было отмечено, что $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ и $\varnothing^{\text{PEOPLE}}$ находятся в дополнительной дистрибуции по признаку [± ANIM II]. Очевидно, что нулевое подлежащее неопределенно-личных предложений всегда является одушевленным, а нулевое подлежащее переходных безличных предложений одушевленным ни при каких условиях быть не может. При этом описание в терминах бинарного признака [± ANIM II] точнее, чем буквальное прочтение ярлыков $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ и $\varnothing^{\text{PEOPLE}}$ как иконических знаков, соответственно, для ситуаций проявления сил природы и для ситуаций, связанных с действиями людей. Так, в контексте примера 4 неясно, осуществляется ли действие *закусать*

[7] Популярное в типологии представление об одушевленности как о шкале [Silverstein 1976] обобщает эффекты последнего типа, когда в одном и том же синтаксическом контексте разные классы именных и местоименных выражений получают разные падежи. Например, личные местоимения, имена собственные и имена деятеля маркируются падежом A, а прочие выражения — падежом B.

до смерти людьми или иными существами (комарами, крысами, фольклорными вампирами и т. п.), но все эти сущности будут признаны одушевленными на шкале, заданной классификатором [ANIM I][8].

(4) *Тебя тут* $\varnothing^{\text{PEOPLE}}$ [+ ANIM II] ***закусают*** [+ ANIM II] *до смерти*.

Признак [± ANIM II] важен и для отбора предикатной лексики, обслуживающей имперсональные конструкции. Переходная безличная конструкция в современном русском языке продуктивна (нет закрытого списка глаголов, которые сочетаются с $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$), но лексически избирательна. Не дают дериватов с $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ глаголы трех групп — эксперенциальные (ср. невозможность *$\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***слышало звон***, *не* $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***знало***, *где он*), прочие глаголы, обозначающие действия, которые не могут осуществляться неодушевленным субъектом (ср. *$\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***скушало суп***, *$\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***подрезало машину*** *на дороге*), и каузативные глаголы, ср. *$\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***подвесило пакет*** *на ветке*, *$\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***увеличило бицепс*** и т. п. [Циммерлинг 2018]. Первые два ограничения выдерживаются жестко, в то время как применительно к каузативам [НКРЯ] фиксирует некоторое число специальных (ср. морской термин $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ [- ANIM II] ***посадило*** [- ANIM II; + CAUS] *корабль на мель*) и окказиональных употреблений вроде ??*Центробежной силой его вновь* $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ *толкнуло к борту и* $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***усадило*** [- ANIM II; + CAUS] *на место* (С. Вишенков. Испытатели, 1947).

Регулярное использование глагола *убить* в переходной безличной конструкции — 585 примеров в [НКРЯ] — на фоне спорадических употреблений других каузативов льет воду на мельницу А. Вежбицкой, утверждавшей, что глагол «убить» не является каузативом к глаголу «умереть» [Wierzbicka 1975].

(5) *У матери на войне* $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***убило*** *всех четверых братьев, а у погибшего отца — всех троих* (С. Шаргунов. Мой батюшка, 2011) [НКРЯ].

Не являются исключением 12 корпусных примеров типа $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***ело глаза***, ***в горле*** $\varnothing^{\text{ELEMENTS}}$ ***ело слезой*** (А. Малышкин. Люди из захолустья, 1938): в них реализуется не требующий одушевленного субъекта глагол *есть*$_1$ ‘принимать пищу’, а омонимичный глагол *есть*$_2$ в значении ‘разъедать, раздражать органы восприятия’. Такое решение принято и в «Активном словаре синонимов русского языка», где соответствующие значения отнесены к разным лексемам [Апресян и др. 2017: 346–347].

Конструкция с $\varnothing^{\text{PEOPLE}}$ менее селективна, но в ней невозможны глаголы, сочетающиеся только с неодушевленным субъектом, ср. *искрить*, *ти́кать* ‘издавать звук тиканья’ в (6а). Подходят глаголы, которые либо требуют одушевленного субъекта, ср. *кряхтеть* в (6б), либо допускают его, ср. *скрипеть* в (6в–г), параллельно сочетаясь и с неодушевленным субъектом, ср. (6д–е).

[8] Введение разных синтаксических аргументов — $\varnothing^{\text{PEOPLE}}$ vs. $\varnothing^{\text{ANIMALS}}$ vs. $\varnothing^{\text{VAMPIRE}}$ — для различения людей, животных и нечисти в позиции нулевого подлежащего не кажется оптимальным решением.

(6а) **В этой палате громко* $\varnothing^{\text{PEOPLE}}$ [+ ANIM II] ***тикают*** [- ANIM II] (подробное значение — ‘в этой палате громко тикают часовые механизмы’).
(6б) *В этой палате громко* $\varnothing^{\text{PEOPLE}}$ [+ ANIM II] ***кряхтят*** [+ ANIM II].
(6в) *В этой палате громко* $\varnothing^{\text{PEOPLE}}$ [+ ANIM II] ***скрипят половицей*** [± ANIM II].
(6г) *Дед громко* ***заскрипел половицей*** [+ ANIM II].
(6д) ***Заскрипела*** [- ANIM II] *половица. Неужели это он?*
(6е) *Осина* ***заскрипела на ветру*** [- ANIM II].

4. Дативно-предикативные структуры и ANIM II

В русском языке имеется обширный класс неглагольных предикативов, семантический субъект которых маркируется дат. п. и которые могут реализоваться в дативно-предикативной структуре «дат. п. лица — связка — предикатив» (далее — ДПС), ср. *Мне было холодно*, *Ему было нужно выйти*, *Коле было приятно, что Саша выиграл* и т. п. Субъект ДПС имеет характеристику [+ ANIM II] независимо от того, обозначает ли предикатив физическое ощущение, переживание, вид модальности и т. п. Другая продуктивная конструкция — с дат. п. субъекта и инфинитивом в качестве лексической вершины сказуемого (дативно-инфинитивная структура, далее — ДИС) — этому условию не удовлетворяет. В позиции субъекта ДИС возможны как одушевленные, так и неодушевленные выражения, включая имена событий, ср. *Мне еще писать отчет*, *Конференции — быть*, *Грузовикам здесь не проехать* и т. п. Приведение ДПС и ДИС к единому структурному типу, ср. попытку [Митренина 2017], проблематично по семантическим и формальным причинам. Признак [ANIM II] четко противопоставляет предложения ДПС с характеристикой [+ ANIM II], предложениям ДИС, имеющим характеристику [± ANIM II] и не накладывающим ограничений на одушевленность субъектного аргумента в дат. п.

Требуют обсуждения два случая, когда в позиции дативного аргумента предложения, соответствующего схеме ДПС, появляется неодушевленное выражение. Пример 7 — подлинное предложение ДПС, на которое наложена персонификация или троп, уподобляющий некий механизм, ср. *самолет*, оператору этого механизма ≈ ‘пилот самолета’.

(7) ***Такому самолету*** *трудно пролететь под Эйфелевой башней* (подробное значение — ‘на таком самолете <**пилоту**> трудно пролететь под Эйфелевой башней’).

Сложнее оценить пример 8, где неодушевленное существительное в дат. п. не может быть субъектом деонтической модальной установки.

(8) ***Пирогу*** [- ANIM II] *надо остыть* (‘надо, чтобы пирог остыл’).

У рус. *надо* есть бесспорные употребления в качестве предикатива ДПС при одушевленном субъекте, ср. *Васе надо выходить из дому*. Поэтому надо решить, нарушает ли пример 8 условие одушевленности субъекта ДПС или же (8) не является предложением ДПС. В [Циммерлинг 2018] мы обосновали второе решение:

пирог в (8) — не субъект предикатива *надо*, а аргумент инфинитива *остыть*, перемещенный из инфинитивной клаузы в главную. Тем самым (8) — не предложение ДПС, а преобразованное предложение ДИС типа *конференции — быть*, **пирогу — *остыть* в позиции зависимой предикации. Это преобразование, так называемую операцию подъема аргумента, показывает запись 9:

(9) ***Пирогу*** *надо* [*остыть* ~~***пирогу***~~].

Семантический субъект омонимичных предложений ДПС (*Васе надо остыть* / *выйти из дома*) порождается в той же клаузе, что и предикатив. Тем самым предложения ДПС и ДИС противопоставлены как в плане формального синтаксиса, так и по значениям признака «одушевленность II».

Таблица

Одушевленность II и синтаксис предложений с дативным субъектом

	Предложения ДПС	**Предложения ДИС**
Субъектный аргумент в дат. п.	[+ ANIM II] *Мне холодно / приятно / стыдно.* **Конференции приятно.* **Грузовику холодно.* **Пирогу стыдно.*	[± ANIM II] *Мне еще писать отчет.* *Конференции — быть.* *Грузовикам здесь не проехать.* *Пирогу еще остывать и остывать.*
Подъем аргумента в дат. п.	Невозможен.	Маргинально возможен в предложениях типа *Пирогу надо остыть.*

При неодушевленном участнике в дат. п. при предикативе *надо* (*пирогу надо остыть*, *чаю надо завариться* и т. п.) интерпретация (9) не имеет альтернативы. При одушевленном участнике при том же наборе элементов возникает омонимия предложений ДПС и ДИС, которая разрешается, если контекст позволяет установить тип модальности — внешняя (алетическая) ≈ ‘надо, чтобы событие Р, связанное с Х-м, произошло’ vs. внутренняя (деонтическая) ≈ ‘Х должен совершить Р’.

Разные свойства двух русских конструкций с субъектным аргументом в дат. п. — ДПС и ДИС — более фундаментальный факт, нежели выбор синтаксического формализма, где эти свойства описываются. Сам по себе формализм составляющих с оператором подъема кому-то может нравиться или не нравиться, использоваться или не использоваться в том или ином лингвистическом процессоре. Существенно, что постулированные различия в синтаксисе предложений ДПС и ДПС интерпретируют различия не только между двумя предикатными конструкциями в конкретном языке, но и между предположительно универсальными типами модальности — внешней / алетической (ДИС) и внутренней / деонтической (ДПС). Эти различия между двумя типами модальности в предложениях с предикативом *надо* выявляются благодаря тому, что им в русском языке соответствуют конструкции с разным синтаксисом.

Различие между алетическими и деонтическими модальными операторами может проявляться в русском языке не только на уровне формального синтаксиса, но и на уровне просодии фразы. Алетическая интерпретация неоднозначного

предложения 10 с одушевленным субъектным аргументом в дат. п. связана с постановкой фразового ударения на субъектную именную группу в дат. п., см. (11), в то время как интерпретация деонтическая связана с тем, что акцентоноситель выбирается из состава инфинитивного оборота, см. (12). В примерах 11 и 12 акцентоноситель ремы помечается символом ↘, который ставится перед соответствующей словоформой.

(10) Васе надо было подавать на грант.

(11) ↘ **Васе** надо было подавать на грант <Надо было, чтобы на грант подавал Вася. Катя не справилась>.
(Тип модального оператора: алетический.
Грамматическая конструкция: ДИС.
Акцентоноситель ремы: субъектный аргумент в дат. п.)

(12) Васе надо было подавать **на ↘ грант** <Это было бы правильным действием со стороны Васи>.
(Тип модального оператора: деонтический.
Грамматическая конструкция: ДПС.
Акцентоноситель ремы: несубъектный элемент инфинитивной группы.)

Принципы выбора акцентоносителя в русском языке существенным образом связаны с синтаксической структурой [Янко 2008: 43–58]. Но упорядочение семантической, синтаксической и просодической информации — уже вопрос интегрального описания русского языка. В рамках настоящей статьи позволительно ограничиться выводом, что разные настройки семантико-синтаксического признака [± ANIM II] в русском языке характеризуют наблюдаемые свойства противопоставленных друг другу грамматических конструкций.

5. Выводы

Мы показали нетривиальное соотношение между представленной в русском языке категорией-классификатором «одушевленность I» (ANIM I) и синтактико-семантическим признаком «одушевленность II» (ANIM II), регулирующим употребление грамматических конструкций. Разные типы аргументов глагольных имперсональных и связочных предикативных конструкций обнаруживают разные настройки бинарного признака [± ANIM II]. Кроме того, разные настройки признака [± ANIM II] свойственны разным группам предикатной лексики, обслуживающим данные конструкции. Взаимодействие ограничительных условий, накладываемых на выбор предикатов и предикатных аргументов, обеспечивает воспроизводство русской грамматики в ее нынешнем виде.

Литература

Апресян В. Ю., *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Галактионова И. В.*, *Гловинская М. Я.*, *Григорьева С. А.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*,

Левонтина И. Б., *Птенцова А. В.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянских культур, 2004. 1488 с.

Апресян В. Ю., *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Галактионова И. В.*, *Гловинская М. Я.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Лопухина А. А.*, *Птенцова А. В.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка. Т. 3 : Д–З / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М. : Наука, 1974. 367 с.

Апресян Ю. Д., *Богуславский И. М.*, *Иомдин Л. Л.*, *Санников В. З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М. : Языки славянских культур, 2010. 407 с.

Гладкий А. В., *Мельчук И. А.* Элементы математической лингвистики. М. : Наука, 1969. 192 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М. : Наука, 1967. 373 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С приложением избранных работ по русскому языку и общему языкознанию. М. : Языки славянских культур, 2002. 752 с.

Копотев М. В., *Стексова Т. И.* Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М. : Языки славянских культур, 2016. 168 с.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М. : Lyceum, 1994. 221 с.

Лютикова Е. А. Формальные модели падежа. Теории и приложения. М. : Языки славянских культур, 2017. 384 с.

Мельчук И. А., *Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien : Wiener Slawistischer Almanach, 1984. 992 с.

Митренина О. В. Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4 : Материалы междунар. конф. «Типология морфосинтаксических параметров — 2017» / под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 64–70.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru [Дата обращения: 30.01.2020]

Стеблин-Каменский М. И. Изоморфизм и «фонологическая метафора» // *Стеблин-Каменский М. И.* Труды по филологии. СПб. : СпбГУ, 2003. С. 647–651.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. с англ. В. А. Звегинцева. М. : Изд-во МГУ, 1972. 259 с.

Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи. М. : Языки славянских культур, 2008. 312 с.

Mel'čuk I. Syntactic or Lexical Zero // *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл–Текст». М. ; Вена : Языки славянских культур, 1995. С. 169–211.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / ed. by R. M.W. Dixon. Canberra : Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. P. 112–171.

Wierzbicka A. Why "kill" does not mean "cause to die": the semantics of action sentences // Foundations of Language. 1975. № 13 (4). P. 491–528.

Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian // Studies in formal Slavic phonology, morphology, syntax, semantics and discourse structure / ed. by G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup. Frankfurt : Peter Lang, 2009. P. 253–265.

Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2013. Вып. 12 (19). С. 723–737.

A. V. Zimmerling
Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow)
fagraey64@hotmail.com

ANIMACY: LESSONS FROM RUSSIAN

This paper is addressed the role of the animacy feature in the Russian grammar, with focus on Russian verbal impersonal constructions and copular structures with non-verbal predicatives. I argue that animacy as the classifying category of Russian nouns (ANIM I) is a scalar feature, while animacy as the restrictive condition blocking ill-formed combinations of syntactic elements (ANIM II) is construed as a discrete binary feature. Different arguments of the verbal impersonal and copular predicative constructions display different settings of the binary feature ANIM II. Moreover, different settings of ± ANIM II characterize different groups of the predicative lexicon used in these Russian constructions. Transitive impersonals with a silent agentive subject are not licensed in Russian with verbs denoting actions which are only fulfilled by an + ANIM II subject in the basic diathesis in the active voice (*видеть*, *подрезать автомобиль*). The majority of speakers do not license causative predicates like *ставить*, *уменьшить* in this construction. On the contrary, the arbitrary impersonals with the verb form in 3Pl are only licensed in Russian with those verbs that license an + ANIM II subject. These facts prove that Russian transitive impersonals and Russian arbitrary impersonals are distributed complementarily in the majority of the lexical groups. The subject argument of the Russian dative-predicative-structures (*Х-у стыдно*, *нужно*, *тяжело*) case-marked with the dative case is invariably specified as + ANIM II, while the subject argument of the Russian dative-infinitive-structures overtly marked by the same case has the setting + ANIM II, i.e. can be both animate and non-animate. The combination of the constraints imposed on

the selection of the predicates with the factors constraining the choice of their arguments sets outs the settings of the Russian grammar in its present shape.

Key words: animacy, Russian, relevant features, scales, s-selection, grammatical categories, clause, syntactic constructions.

References

Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Grigor'eva S.A., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. i dop.* [The New explanatory dictionary of synonyms in Russian. 2nd ed., corrected and supplemented]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004. 1488 p.

Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Lopukhina A.A., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 3: D–Z* [The Active dictionary of the Russian language. Vol. 3. D–Z]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.

Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics (the synonymous tools of language)]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 367 p.

Apresyan Yu.D., Boguslavskii I.M., Iomdin L.L., Sannikov V.Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of the Russian syntax. The Interaction of grammar and lexicon]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. 407 p.

Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, M.I.T. Press, 1965. 251 p. (Russ. ed.: Khomskii N. *Aspekty teorii sintaksisa*. V.A. Zvegintsev (Transl.). Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1972. 259 p.).

Gladkii A.V., Mel'chuk I.A. *Elementy matematicheskoi lingvistiki* [The Elements of mathematical linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 192 p.

Kopotev M.V., Steksova T.I. *Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: transition units in grammar and in lexicon]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2016. 168 p.

Krys'ko V.B. *Razvitie kategorii odushevlennosti v istorii russkogo yazyka* [The Evolution of the category of animacy in the history of the Russian language]. Moscow, Lyceum Publ., 1994. 221 p.

Lyutikova E.A. *Formal'nye modeli padezha. Teorii i prilozheniya* [The Formal models of case. Theories and applications]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2017. 384 p.

Mel'čuk I. Syntactic or Lexical Zero. Mel'chuk I.A. *Russkii yazyk v modeli «Smysl–Tekst»* [The Russian language in the Meaning–Text Perspective]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1995, pp. 169–211.

Mel'chuk I.A., Zholkovskii A.K. *Tolkovo-kombinatornyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka: opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoi leksiki* [The

Explanatory combinatory dictionary of contemporary Russian: Experiments in semantic and syntactic description of Russian vocabulary]. Vienna, Wiener Slawistischer Almanach, 1984. 992 p.

Mitrenina O. V. [The Russian dative-infinitive construction as a preposition phrase]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Vyp. 4: Materialy mezhdunar. konf. «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov — 2017»* [The Typology of morphosyntactic parameters. Vol. 4. Proceedings of the international conference "Typology of Morphosyntactic Parameters — 2017"]. E. A. Lyutikova, A. V. Tsimmerling (Eds.). Moscow, Pushkin Rus. Language Inst. Publ., 2017, pp. 64–70. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National corpus of the Russian language]. Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed 30.01.2020)

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical Categories in Australian Languages*. R. M.W. Dixon (Ed.). Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976, pp. 112–171.

Steblin-Kamenskii M. I. [The Isomorphism and the "phonological" metaphor]. *Trudy po filologii* [Papers in philology]. St Petersburg, St Petersburg St. Univ. Publ., 2003, pp. 647–651. (In Russ.)

Tsimmerling A. V. [Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2018, no. 5, pp. 7–33. (In Russ.)

Wierzbicka A. Why "kill" does not mean "cause to die": the semantics of action sentences. *Foundations of Language*, 1975, no. 13(4), pp. 491–528.

Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi* [The Intonation strategies of Russian speech]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 312 p.

Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [The Russian nominal inflexion]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 373 p.

Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie. S prilozheniem izbrannykh rabot po russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu* [The Russian nominal inflexion. Supplemented by selected papers in Russian and general linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2002. 752 p.

Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian. *Studies in formal Slavic phonology, morphology, syntax, semantics and discourse structure*. G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup (Eds.). Frankfurt, Peter Lang, 2009, pp. 253–265.

Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 2013, no. 12(19), pp. 723–737.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.6

Тильманн Ройтер
Альпийско-Адриатический университет Клагенфурта
(Австрия, Клагенфурт)
tilmann.reuther@aau.at

ГЛАГОЛЬНЫЙ ПРЕФИКС — МЕЖДУ ГРАММАТИКОЙ И СЛОВАРЕМ: СЛОВАРНОЕ РЕШЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ПРЕФИКСА *ВЗ-*

Исходя из существующих попыток описания значения и сочетаемости глагольных аффиксов с компонентом ВЗ- (ВЗО-, ВС-, ВСО-) в грамматиках, морфемных словарях и специальных исследованиях, дается новое описание в формате, близком к формату «Активного словаря русского языка» (ср.: *Апресян Ю. Д.* Об Активном словаре русского языка // Активный словарь русского языка. Т. 1 : А–Б / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 5–36). Результатом исследования являются словарные статьи 11 аффиксов с компонентом ВЗ-. Выделяются три морфемных омонима. Предложенные толкования морфем сопоставляются с толкованиями всех глаголов с компонентом ВЗ- в «Активном словаре русского языка» (ср.: Активный словарь русского языка. Т. 2 : В–Г / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014). Количество рассмотренных лексем — 63. В работе содержится ряд уточнений по сравнению с информацией о морфемах, приводимой в академической «Грамматике русского языка» (Русская грамматика. Т. 1 : Фонетика. Словообразование. Морфология / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980), и таблица с указанием связей между толкованиями *вз*-морфем и *вз*-лексем в формате «Активного словаря русского языка».

Ключевые слова: русский язык, грамматика, словарь, аффикс, толкование.

Посвящается академику РАН Ю. Д. Апресяну,
*к девяностолетию**

0. Постановка задачи и структура статьи

Глагольные префиксы и префиксальные глаголы представлены в грамматиках и толковых словарях русского языка, естественно, по-разному. В грамматиках глагольным префиксам, как правило, посвящены отдельные параграфы в разделе «Словообразование»: перечисляются значения префиксов, отмечаются особенности мотивирующей основы и продуктивность / непродуктивность префикса, приводятся иллюстративные примеры префиксальных глаголов. В толковых словарях русского языка мы находим словарные статьи префиксальных глаголов, но нет словарных статей префиксов: это оправдано тем, что префиксы являются не лексическими единицами языка, а всего лишь их составляющими. Лексикографическую обработку префиксы русского языка нашли в специализированных словообразовательных словарях [Ефремова, Кузнецова 1986; Ефремова 1996; Ивлиева 2013]. Следуя идеям интегрального описания языка (ср., например, раздел «Принцип интегральности лингвистических описаний» в [Апресян 2006]), мы в данной работе займемся — на примере префикса ВЗ- — вопросом о том, в каком лексикографическом формате лучше представить значение и функционирование префиксов, т. е. попытаемся разобраться в словарном решении задачи включения префиксов в интегральное описание языка, взяв за основу «Активный словарь русского языка» (в основном [АС 2])[1].

Статья имеет следующую структуру. В разделе 1 мы представим информацию о префиксе ВЗ- (и его алломорфах ВЗО-, ВС-, ВСО-), содержащуюся в академических грамматиках и словарях русского языка [АГ 1970; АГ 1980; АС 2; Ефремова 1996; Ивлиева 2013; Gaschkowa 2007], а также в специальных исследованиях [например: Gallant 1979]. Раздел 2 посвящен разбору материала, представленного для большей наглядности чаще всего в табличной форме с комментариями, и содержит блок предварительного словарного оформления информации о префиксе ВЗ-. В разделе 3 собрана итоговая словарная форма «блока» ВЗ- в духе «Активного словаря русского языка» и Московской семантической школы. Раздел 4 посвящен выводам из данного исследования и перспективам намеченного здесь пути.

* Идеи, стремления и личный пример Ю. Д. Апресяна и уникальный круг его коллег и друзей (прежде всего И. А. Мельчука и Л. Н. Иорданской, а также членов рабочих групп ИППИ и ИРЯ РАН) определили мой путь в лингвистике, а также — в значительной степени — в жизни. На разных этапах работы над настоящей статьей в обсуждении примеров принимали участие Анна А. Зализняк, Л. Н. Иорданская, И. Б. Левонтина, И. А. Мельчук, Н. В. Перцов и коллеги «Константского кружка» (*Konstanzer Kreis*). Первый вариант статьи прочитали и прокомментировали И. А. Мельчук и Л. Н. Иорданская. Благодарю этих друзей и коллег за время и внимание к данной работе.

[1] Наше решение обратиться к «Активному словарю русского языка» связано с тем, что именно этот словарь содержит подробную лексикографическую информацию о более чем двух десятках *вз*-глаголов и призван функционировать как в системе интегрального описания языка, так и самостоятельно, для широкого круга пользователей.

1. Источники

1.1. Академические грамматики

Префиксу ВЗ- посвящен § 855 в [АГ 1980], где выделяются четыре типа глаголов с этим префиксом.

1. Глаголы со значением «поднять(ся) вверх, наверх с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *взлететь* ‘летя, подняться вверх’, *взлезть* (разг.), *взмести*, *взойти*, *взъехать*, *вскарабкаться*, *вскатить*, *встащить* (разг.). У некоторых глаголов значение направления вверх выражено мотивирующей основой: *взлохматить*, *вскоробить* (прост.), *встопорщить* (разг.). В отличие от мотивирующих многие глаголы этого типа сильно управляют вин. п. с предлогом *на*: *взлететь на дерево* [см.: АГ 1980: § 882, п. 1, 1]. Переходный глагол *взвеять* мотивируется непереходным *веять* [см.: Там же: п. 1, 2]. Ряд глаголов мотивируется глаголами сов. в.: *взбросить* (разг.), *вздернуть* (разг.), *взмахнуть*, *взметнуть*, *вскинуть*, *вспорхнуть*, *вспрыгнуть*. Тип продуктивный; окказ.: *всторошенный лед* (газ.); *ветер дым взмесил* (устн. речь); *землю взмотыжил* (устн. речь).

2. Глаголы со значением «интенсивно или резко, внезапно совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *взвизгнуть* ‘сильно или внезапно визгнуть’, *вскрикнуть*, *вздорожать*, *взмокнуть*. Часть глаголов мотивируется глаголами сов. в. Тип продуктивный; окказ.: *вспискнуло перо* (Фед.); *волны тихо взбулькнули* (В. Конецкий); *молодуха громко всхохотнула* (В. Битюков).

3. Глаголы со значением «интенсивно или резко, внезапно начать действие, названное мотивирующим глаголом»: *взволноваться* ‘сильно заволноваться’, *взвыть*, *взреветь*. Тип продуктивный; окказ.: *мотор... взрычав*, *смолкал* (Фед.); *взгудели мужики* (Леон.); *– Немца держите*! *— взвопили в блиндаже* (Бык.).

Примечание. Ряд глаголов с префиксом *вз-* совмещает в себе значения направленности действия вверх и интенсивного начала действия [АГ 1980: § 882, п. 1, 3]: *вспениться* ‘сильно запенившись, подняться вверх’, *взбурлить* ‘сильно забурлив, подняться вверх’.

4. Глаголы со значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *взрастить* (высок.) ‘совершить, довести до результата действие по глаголу *растить*’, *взбесить*, *вскипеть*, *вскружить*, *вскормить*, *вспотеть*. Тип проявляет продуктивность.

Примечание. Не соответствует норме употребление префикса *вз-* в глаголах со значением «поместить(ся), проникнуть во что-н., внутрь чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим словом», например *взойти* вместо *войти*.

Те же четыре типа были представлены еще раньше, в [АГ 1970: § 611], с незначительными расхождениями, во-первых, в примерах (там их меньше), во-вторых, в оттенках продуктивности (там тип 2 объявлен как всего лишь проявляющий продуктивность) и, в-третьих, в стилистических пометах (там их меньше); отсутствует в [АГ 1970] также синтаксическая информация (об управлении) под типом 1[2].

[2] Отметим, что в грамматиках описан также префикс *воз-* [ср.: АГ 1980: § 856; АГ 1970: § 612] с указанием тех же четырех значений, как и для *вз-*. Разница в том, что префикс *вз-* считается

1.2. Словообразовательный словарь [Ефремова 1996]

В уникальном «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» [Ефремова 1996] представлены пять словарных статьей интересующего нас глагольного префикса: **ВЗ**1- (ВЗ-/ВЗО-/ВО-)[3], **ВЗ**2- (ВЗ-/ВЗО-/ВС-), **ВЗ**2-**…-СЯ** (ВЗ-…-СЯ/ВС-…-СЯ), **ВЗ**3- (ВЗ-/ВЗО-/ВС-), **ВЗ***-**…-НУ**2-ТЬ (ВЗ-…-НУ-/ВС-…--НУ-). Информация в словарных статьях состоит из текстов, довольно похожих на тексты в академических грамматиках, с некоторыми дополнениями и уточнениями. Ср., например, текст о типе 1 в [АГ 1980] выше и информацию о префиксе **ВЗ**1- в [Ефремова 1996: 94]:

> **ВЗ**1- (ВЗ-/ВЗО-/ВС-)
> Регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением «поднять (или подняться) вверх (или наверх) с помощью действия, названного мотивирующим словом», например: *вздернуть*, *взмахнуть*, *взойти*, *вкарабкаться*, *вспорхнуть* (иногда это значение уже заложено в мотивирующем слове, как *лохматить — взлохматить*).
> Присоединяется к мотивирующей основе, принадлежащей глаголам преимущественно несовершенного (*лететь — взлететь*), реже — совершенного (*прыгнуть — вспрыгнуть*) вида, примыкая непосредственно к корню.
> Ударение падает на мотивирующую основу (на тот же слог, что и в мотивирующем глаголе).

Подробный разбор информации, содержащейся в «словарных статьях» [Ефремова 1996], мы проведем ниже. Здесь мы обратим внимание лишь на то, что **ВЗ**1- равно типу 1 из [АГ 1980; АГ 1970], **ВЗ**2- равно типам 2 и 3, а **ВЗ**3- равно типу 4 и что разрывные двучленные морфемы **ВЗ**2-**…-СЯ** и **ВЗ***- …-**НУ**2- представлены в других параграфах [АГ 1980]: ВЗ-…-СЯ — в § 938, в разделе «Префиксально-постфиксальные глаголы», а ВЗ-…-НУ- — в § 923, в разделе «Префиксально-суффиксальные глаголы». О возможных «словарных» статьях для этих морфем см. ниже[4].

продуктивным, между тем как префикс *воз-* объявлен то полностью, то частично непродуктивным: В [АГ 1970: § 612] говорится, что все четыре семантических типа префикса *воз-* непродуктивные и что «все глаголы с префиксом *воз-* относятся к книжной или высокой лексике»; [АГ 1980] сохраняет непродуктивность префикса *воз-* за типами 1 и 2, а типы 3 и 4 характеризует как проявляющие продуктивность. Кроме того, в [АГ 1980: § 856] дается более точная стилистическая характеристика префиксальных *воз-*глаголов: «Большая часть глаголов с префиксом *воз-*/*возо-* относится к высокой или книжной лексике. Многие из них употребляются шутливо или иронически». Префикс *воз-* и образованные с его участием глаголы, безусловно, заслуживают внимания, в частности в противопоставлении с префиксом *вз-* и префиксальными *вз*-глаголами. В рамках данной статьи мы, однако, не можем заниматься этой задачей.

[3] Правильное написание **ВЗ**1- (ВЗ-/ВЗО-/ВС-). В скобках указаны алломорфы.

[4] Мимоходом отметим довольно удивительную вариативность в понятиях и в терминологии. В [АГ 1980] говорится о «мотивирующей основе» наряду с «мотивируется глаголом»;

1.3. Модификационный словарь [Ивлиева 2013]

Капитальное исследование глагольного словообразовательного потенциала — на примере глаголов звучания [Ивлиева 2013] — имеет прямое отношение к нашим *вз*-глаголам, ср. выше примеры в [АГ 1980], тип 2 (*взвизгнуть*, *вскрикнуть*), и тип 3 (*взвыть*, *взреветь*). Автор разработала «оригинальные словарные статьи, демонстрирующие синтез русского глагола и его основные составляющие: исходный глагол, модификатор, модификация» [Ивлиева 2013: аннотация]; при этом исходный глагол — это бесприставочный глагол, образованный от данной основы, модификатор — это аффикс (в нашем случае префикс ВЗ- и составные аффиксы с ним), а модификация — это аффиксальный глагол (в нашем случае *вз*-глагол). В первой части словаря представлены три релевантные для нас словарные статьи, а именно [ср.: Там же: 34–37]: **ВЗ-**/**ВС-** — трехкомпонентный модификатор (**начало**, **один раз**, **спонтанно**)[5], **ВЗ-/ВС-…-ИВА-** (**-ЫВА-/-ВА-**) – двухкомпонентный модификатор (**начало**, **спонтанно**), а **ВЗ-/ВС-…-НУ-** (**-АНУ-**) – трехкомпонентный модификатор (**начало**, **мгновенно**, **один раз**). Во второй части словаря находим довольно много словарных статей интересующих нас бесприставочных глаголов и их модификаций, например **ВИЗЖАТЬ** — **ВИЗГНУТЬ** — **ВЗВИЗГНУТЬ** — **ВЗВИЗГИВАТЬ** [Там же: 111 и след.], **ВЫТЬ** — **ВЗВЫТЬ** — **ВЗВЫВАТЬ** [Там же: 117 и след.] и т. п. Мы вернемся к этому материалу ниже, в разделе 2.

1.4. Русско-немецкий словарь ингрессивных глаголов [Gaschkowa 2007]

Если [Ивлиева 2013] отбирает материал по лексико-семантическому параметру («глагол звучания»), в результате чего охвачены три типа глаголов по [АГ 1980] (все типы, кроме первого, со значением перемещения), то [Gaschkowa 2007] отбирает материал по грамматико-семантическому параметру «ингрессивный глагол» (т. е. тип 3 *вз*-глаголов по [АГ 1980]). Работа [Gaschkowa 2007], к сожалению, выполнена несистематично. Толкования глаголов (ср. ниже) даются то через разложение на более мелкие «смыслы»[6] (‘начать’, ‘привести’, ‘усиленно’, ‘неожиданно’), то через синонимы с префиксом *за-*. Кроме того, встречаются немецкие эквиваленты: то сомнительные (??*losstaunen*), то стилистически иначе маркированные (*Lust*

в [Ефремова 1996] встречаются «мотивирующее слово», «мотивирующий глагол», «мотивирующая основа», примыкание префикса «непосредственно к корню».

[5] «Компоненты» — это указанные в скобках «смыслы».

[6] Слово *смысл* мы ставим в кавычки-«елочки», когда употребляем его в нестрогом смысле, т. е. когда мы характеризуем «понимание семантических элементов толкования» в работах традиционной лингвистики. В такие же кавычки ставим сами «элементы толкования», приводимые в текущем тексте статьи из работ традиционной лингвистики. В очевидных цитатах и в таблицах мы кавычек не ставим. Когда мы имеем в виду смыслы или сем(ем)ы в понимании Московской семантической школы и модели «Смысл ↔ Текст», мы заключаем эти элементы в марровские кавычки (‘’).

verspüren, den Wunsch verspüren стилистически никак не «разг.», как *вздумать*, а «книж.»). Приведем в доказательство сказанному четыре «словарные статьи» из [Gaschkowa 2007]:

взахаться *сов.*, *устар.*, *прост.* Начать усиленно ахать, выражая какое-либо чувство. Losstaunen *vi* (изумление), losstöhnen *vi* (заныть)[7];

взволновать *сов.*, *перех.*

1. Привести в колебательное движение, вызвать волны. In Wellenbewegung versetzen.
2. Привести в состояние волнения, встревожить. Aufregen *vt*, beunruhigen *vt*, in Aufregung versetzen, aus der Fassung bringen;

взвопить *сов.*, *неперех.*

Завопить. Losbrüllen *vi*, losheulen *vi*, losschreien *vi*;

вздумать *сов.*, *неперех.*, *разг.*

Неожиданно задумать, захотеть. Lust verspüren, Lust bekommen, Lust kriegen, den Wunsch verspüren.

1.5. Толковый идеографический словарь [Бабенко 1999]

В авторском идеографическом словаре представлено шесть десятков *вз*-глаголов, в том числе такие большие группы, как глаголы движения [Бабенко 1999: 49 и след.], глаголы перемещения [Там же: 88 и след.] и др. Толкуются, как правило, глаголы несов. в., а при них указываются соответствующие глаголы сов. в., язык толкования традиционный. Для примера приведем две словарные статьи — один глагол движения, и один глагол перемещения:

ВЗЛЕТАТЬ, несов. (сов. *взлететь*). Подниматься (подняться) на что-л., достигать (достичь) верха чего-л. очень быстро; стремительно взбегать (взбежать), взъезжать (въехать) на какое-л. возвышение;

ВЗБРАСЫВАТЬ, несов. (сов. *взбросить*), *что*. *Разг*. Заставлять (заставить) что-л. перемещаться (переместиться) вверх (обычно толчком, взмахом руки, движением какой-л. части тела); **син**. *вскидывать*;

Словарь [Бабенко 1999] не представляет ничего нового в плане языка и точности толкований, но дает возможность ориентироваться в тематических группах *вз*-глаголов. В соответствующем месте мы ниже вернемся к этому словарю.

[7] Пометы *vi* и *vt* означают соответственно «Verbum intransitivum» и «Verbum transitivum».

1.6. Активный словарь русского языка [АС]

Привлечение материалов из «Активного словаря русского языка» обусловлено, как было отмечено выше, богатством эксплицитной информации о лексемах[8]. В [АС 2] представлены вокабулы, т. е. словарные «суперстатьи», целого ряда аффиксальных глаголов с префиксом ВЗ-, а под вокабулами собраны словарные статьи отдельных глагольных лексем со своими значениями в следующем объеме:

1) взбесить (ср. выше, тип 4) с отсылкой к бесить [см.: АС 1] (1 значение),
2) взбеситьСЯ с отсылкой к беситьСЯ [см. АС 1] (4 значения),
3) взбивать с отсылкой к взбить (3 значения),
4) Взбираться с отсылкой к взобраться (1 значение),
5) взвешивать с отсылкой к взвесить (2 значения),
6) взволновать, несов. нет (1 значение),
7) Взглядывать с отсылкой к взглянуть (3 значения),
8) вздрагивать с отсылкой к ВЗдрогнуть (3 значения),
9) вздумать (1 значение)[9],
10) вздыхать с частичной отсылкой к вдохнуть (2 значения),
11) вздыхать, сов. нет (2 значения),
12) взлетать с отсылкой к Взлететь (ср. выше, тип 1) (7 значений),
13) взбираться с отсылкой к Взобраться (1 значение),
14) взойти (ср. выше, тип 1) с отсылкой к всходить (4 значения) и отсылкой к восходить (4 значения),
15) Взрывать с отсылкой к взорвать (2 значения),
16) Взрываться с отсылкой к взорваться (4 значения),
17) взыскать, несов. взыскивать (2 значения)[10],
18) вскипятить, несов. кипятить (1 значение),
19) ВСКРЫТЬ с отсылкой к ВСКРЫВАТь (4 значения),
20) всплывать с отсылкой к всплыть (3 значения),
21) всполошиться, несов. нет (1 значение),
22) ВСПОМНИТЬ с отсылкой к вспоминать (2 значения),
23) вспоминаться с отсылкой к вспомниться (1 значение),
24) вспыхивать с отсылкой к вспыхнуть (6 значений).

Количество вокабул, подлежащих рассмотрению, — 25, а количество лексем — 63. Нас будет интересовать вопрос о том, насколько можно изолировать в них значение префикса ВЗ- или, если стать на позицию синтеза (от смысла к тексту [ср.: Мельчук 2012]), какие смыслы выражены префиксом, а какие — другими частями смыслового комплекса данного аффиксального глагола.

---

[8] *Лексема* — это «слово, взятое в одном из имеющихся у него значений, со всеми присущими ему в этом значении лингвистически существенными свойствами» [Апресян 2014: 7].

[9] Информация о виде, а также о видовой паре и о связи с бесприставочным ДУМАТЬ отсутствует в [АС 2].

[10] В [АС 2] нет вокабулы ВЗЫСКИВАТЬ с отсылкой к ВЗЫСКАТЬ.

1.7. Специальные исследования

1.7.1. [Gallant 1979]

Нам известно всего лишь одно специальное исследование префикса ВЗ- — монография [Gallant 1979][11]. Автор рассматривает все (!) приведенные в 17-томном академическом словаре *вз*-глаголы — их ровно 200, если считать их по представленным глагольным корням, и приводит более чем 600 их толкований в семантическую систему, ср.:

> The SSRLJa lists exactly 200 *вз*-verbs. (A *вз*-verb is defined as *вз*- plus one verbal root: e.g., the forms *взкрикнуть*,[12] *вскричать*, *вскричаться*, *вскрикивать* count as one.) Working with such a small corpus provides an opportunity to examine not merely the primary meanings of each verb but also the secondary and figurative meanings as well.
>
> The SSRLJa gives more than 600 definitions for verbs prefixed with *вз*-. The object of this study will be to organize all this material into a coherent pattern and show that all *вз*-verbs are partial synonyms not merely because they contain the *вз*- features [+ horizontal + transgression], but also because they share other features as well. We shall see that there are numerous semantic relationships among the different kinds of verbs which occur with *вз*-. An examination of these relationships will be important for the study of the metaphoric capabilities of these verbs: one finds that the metaphoric range of individual verbs does not extend beyond the semantic range of *вз*-verbs as a whole [Gallant 1979: 64].

Использование систем семантических признаков довольно характерно для структурной лингвистики того времени[13]. Учесть некоторые результаты комплексного

[11] Я обязан Д. Вайсу (*Daniel Weiss*) тем, что он обратил мое внимание на эту работу.

[12] Правильное написание: *вскрикнуть*.

[13] Ср. [Gallant 1979: 48–49]: «I will assume that Russian possesses a finite number of semantic features constituting an abstract, coherent conceptual system, the interrelationships of whose members can be stated as rules of implication or entailment. <…> I will treat semantic features as constitutive, i.e., as features selected by the speaker to constitute the semantics of his message. I will assume, with Chafe (1970: 96 ff.), that the verb is the control center of the sentence, that the semantics of the verb governs the choice of the kinds of actants participating in the action. The generation (formation) of a sentence might be conceived in the following fashion. The speaker, operating on a hierarchically ordered list of the semantic features of his language, delineates the global contours of his message by specifying the most general features of the verbal notion he wishes to express (e.g., [action], [state], [relationship], etc.), gradually defining the argument (the verb itself) and its terms (e.g., [agent], [patient], etc.) as well as his view of the action (e.g., [perfective], [prefixal features]). I will assume that the speaker performs only one kind of operation, viz. specifying (marking +) the features which will constitute his message. The presence of features selected by the speaker can, by rules of entailment, cause other features, as yet unspecified, to become marked, i.e., as [+ feature] (explicitly included in the message) or [– feature] (explicitly excluded from the message). Features not selected by the speaker or marked through the operation of rules of entailment remain unspecified, i.e., [0 feature] (not explicitly included in the message or excluded from it)».

исследования функционирования префикса ВЗ- в [Gallant 1979] было бы интересно, однако в рамках данной статьи мы не можем заниматься этой задачей.

1.7.2. Кроме монографического исследования префикса ВЗ-, имеется довольно большое количество монографий и статей, посвященных глагольным префиксам (приставкам), в которых упомянута морфема ВЗ-, чаще всего в контексте так называемого начинательного / ингрессивного / инхоативного способа глагольного действия [например: Кронгауз 1998; Зализняк и др. 2015]. В результате чаще всего обсуждаются типы 2 и 3 по [АГ 1980] (см. выше). См. также краткое изложение в [Зализняк, Шмелев 2012: 381]:

> … в русском языке имеется множество слов с приставкой *вз-*, обозначающих резкое, внезапное, непредсказуемое возникновение отрицательных эмоций (вариантов гнева) и плохо контролируемых действий (вариантов ругани), ср.: *взбелениться*, *взбеситься*, *взбаламутиться* (*взбалмошный*), *вспылить* (= ‘прийти в состояние гнева’), *вскинуться* (= ‘наброситься с бранью’), *вскипеть* (= ‘прийти в состояние раздражения’), *вспыхнуть* (= ‘внезапно разгневаться’), ср. *вспыльчивый*; *взвиться* (= ‘внезапно рассердиться’), *взорваться* (= ‘разразиться бранью’). Ср. также другие глаголы с приставкой *вз-*, описывающие внезапный и обычно неконтролируемый переход в некоторое эмоциональное или ментальное состояние: *вспомниться*, *всполошиться*, *вскружить* (кому-то) голову, *встрепенуться*, *встревожиться*, *взбодриться*, *взбудоражиться*, *взбунтоваться*, *взбушеваться*, *вздуриться*, *вздумалось*, *взбрело в голову*, *взыграть* (*взыграло самолюбие*). Имеется также ряд глаголов речи и издаваемых человеком (или животным) звуков: *взмолиться*, *вскрикнуть*, *взвизгнуть*, *взреветь*. Во всех этих словах идея внезапности, непредсказуемости и неконтролируемости поддерживается — или наводится — приставкой *вз-* [ср.: Gallant 1979].

2. Разбор материала

2.1. Префикс ВЗ- в [АГ 1980: § 855] и словарное решение

Если исходить из материала [АГ 1980; АГ 1970], то несложно представить семантическую информацию в словарной форме. Следует, видимо, различать семь значений, образующих три омонимических словарных входа:

ВЗ1- с двумя семантически связанными значениями «подняться вверх, наверх с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» и «поднять вверх, наверх с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»;

ВЗ2- с четырьмя семантически связанными значениями «интенсивно или резко совершить действие, названное мотивирующим глаголом», «интенсивно или резко начать действие, названное мотивирующим глаголом», «внезапно совершить действие, названное мотивирующим глаголом», «внезапно начать действие, названное мотивирующим глаголом»;

ВЗ3- с одним значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом».

Предложим теперь словарное описание по образцу «Активного словаря русского языка», состоящее из таких частей:

▪ вход / имя вокабулы-морфемы и ее грамматические характеристики;

▪ имя морфемы / имена морфем, собранных под данной вокабулой (ср. имя лексемы / имена лексем, собранных под ключевым словом / входом),

▪ иллюстративные примеры с глаголами, образованными с помощью данной морфемы[14],

▪ толкуемый «контекст» употребления морфемы[15] (ср. толкуемая сентенциональная форма для лексем),

▪ значение (толкование) данной морфемы.

В результате получаем блок «словарных статей морфем». В них переменная X символизирует мотивирующую основу, а элемент **/v/** — тематический гласный, прибавленный к основе при образовании глагольных форм[16].

Блок 1

Фрагмент «словарных статьей» ВЗ-морфем на базе [АГ 1980: § 855] в формате «Активного словаря русского языка»

/ВЗ1**/+/X/+/v/+/ть/** ПРЕФИКС; образует ГЛАГ СОВ от основы /X/.
Афганским свистом с клекотом он подозвал своего то ли коня, то ли верблюда, то ли страуса, взлетел в седло — ковбой, видите ли! — и медленно с важным цокотом поскакал в сторону Биверли-хиллз (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп); *Димка дернул удилище. Что-то блестящее взлетело вверх, обдало его водой и крепко стукнуло по голове* (М. Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й); *Слон пододвинулся к пеньку, и Ежик первый вскарабкался на него, а за ним — Ослик и Медвежонок* (С. Козлов. Правда, мы будем всегда?); *Они* [девчата] *взмели такую тучу пыли над площадкой, что вертящиеся пары скоро окутались плотным клубящимся туманом* (Н. Дубов. На краю земли); *Мы еще выпили по бокалу и пошли танцевать. Она доверчиво положила руки мне на плечи, ее пальцы взлохматили мне волосы на затылке* (Г. Николаев. Вещие сны тихого психа).
ЗНАЧЕНИЕ
(α) *A1 вз-X-ил из A3 в A2* ‘A1 X-ил из A3 в A2 и A2 расположено выше A3’

[14] Все примеры к нашим *вз*-глаголам взяты из [НКРЯ].

[15] Ср. решение в монографии [Мельчук 2006] для глаголов типа ***до-…-ся***: *X* ***до****+Z+ил+****ся*** *до Y-а* = ‘Сделав слишком много Z, такого, что X контролирует это Z, ‖X испытывает последствия Y от того, что он делал Z, причем Y является злом для X’ [Там же: 115].

[16] В «сентенциональной» форме в части ЗНАЧЕНИЕ (см. ниже) эту позицию заполним условным тематическим гласным *и* (для сов. в.) или *а* (для несов. в.).

(β) *А1 вз-Х-ил А2 из А4 в А3* ‘А1 Х-ил А2 из А4 в А3 и А3 расположено выше А4’ [17].

***

/ВЗ2/+/Х/+/v/+/ть/ ПРЕФИКС; образует ГЛАГ СОВ от основы /Х/.

/вз2/+/х/+/v/+/ть/ 1.1
По сравнению с концом 50-х годов продукты питания вздорожали в среднем на 28,1 процента, жилье — на 29,8, транспорт стал дороже на 30,7, медицинское обслуживание — на 57,4 процента и т. д. (Н. Стрельцова. Америка, Америка, благословенный край...).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 сильно или сразу сильно Х-ил’[18].

/вз2/+/х/+/v/+/ть/ 1.2
Почему, собственно, я так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай? — рассуждал поэт (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 начал сильно Х-ить’[19].

/вз2/+/х/+/v/+/ть/ 2.1
В комнату кто-то вошел. Томка взвизгнула: – Ай, девчата, кто-то сюда прется! (И. Грекова. На испытаниях); *Алексей Тихонович рванулся. Взвизгнула машина. Взвизгнул женский голос* (А. Слаповский. Не сбылась моя мечта).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 внезапно Х-ил’[20].

/вз2/+/х/+/v/+/ть/ 2.2
– Гадина! Гадина! — взвыл Гриша и кинулся к двери (Л. Улицкая. Пиковая дама); *Вечером, в семь тридцать, как обычно, объявили тревогу. Взвыли сирены* (И. Грекова. Первый налет).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 внезапно начал Х-ить’.

***

/ВЗ3/+/Х/+/в/+/ть/ ПРЕФИКС; образует ГЛАГ СОВ от основы /Х/
Эта древняя и священная земля взрастила великих ученых, мыслителей, политиков, полководцев (Б. Чухович. Памятник Независимости. Мифология сферы и дискурсы власти).

---

[17] Для подтипа (α) ср. *взлететь* — «летя, подняться вверх» [АГ 1980: § 155]; подтип (β) описывает каузативное значение, например *вскатить* [Там же].

[18] Для нашего словарного описания выбираем сему ‘сильно’ для представления смысла «интенсивно», употребляемого в [АГ 1980: § 855]. Тогда смысл «резко» можно представить как ‘сразу сильно’.

[19] Ср. *взволноваться* — «сильно заволноваться» [АГ 1980: § 855].

[20] Ср. *взвизгнуть* — «сильно или внезапно визгнуть» [АГ 1980: § 855]. Об альтернативном взгляде на глагол *взвизгнуть* и о глаголах с циркумфиксом *вз-...-ну-* см. ниже.

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 Х-ил и закончил Х-ить с нужным результатом[21].

***

Такой подход, естественно, предполагает, что мотивирующая для *вз*-глагола основа /Х/ существует в русском языке как языковой знак со своей формой, своим значением и своей синтактикой (о языковом знаке ср., например, [Мельчук 2012: 89 и след.]). Для приведенных в наших предварительных словарных статьях иллюстративных примеров это условие выполнено относительно формы, в чем можно убедиться, если проверить словообразовательный состав *вз*-глаголов, например, по словарю [Ефремова, Кузнецова 1986], ср. *взлететь* – /лет/, *вскарабкаться* – /карабк/, *взмести* – /мет/, *взлохматить* – /лохмат/, *вздорожать* – /дорож/, *взволновать* – /волн/, *взвыть* – /вой/, *взвизгнуть* – /визг/, *взрастить* – /рас/.

Другой вопрос — выполнено ли условие семантически, т. е. по смысловому соотношению между основой бесприставочного глагола и *вз*-глаголом. Подробнее об этом см. в разделах 2.2 и след.

ПРИМЕЧАНИЕ:

С точки зрения формы основы и ее синтактики применительно к основе префиксального глагола можно различить три типа основ:

(1) основа, образующая самостоятельный бесприставочный глагол (самый удобный тип для извлечения значения префикса);

(2) основа, не образующая самостоятельного бесприставочного глагола, но являющаяся мотивирующей для разных приставочных глаголов (сложный тип для извлечения значения префикса);

(3) основа, не образующая никаких других глаголов, кроме данного префиксального глагола (основа с уникальной сочетаемостью).

С точки зрения значения основы и ее синтактики применительно к основе префиксального глагола можно различить несколько типов основ:

(а) основа, имеющая ровно одно значение и задающая одно-единственное значение префиксального глагола;

(б) основа, имеющая ровно одно значение и задающая одно из нескольких значений префиксального глагола;

(в) основа, имеющая несколько семантически связанных значений, одно из которых задает одно-единственное значение префиксального глагола;

(г) основа, имеющая несколько семантически связанных значений и задающая одно из нескольких значений префиксального глагола;

(д) основа, имеющая несколько семантически связанных значений и задающая несколько значений префиксального глагола;

(е) основа, имеющая несколько семантически не связанных значений, одно из которых задает одно-единственное значение префиксального глагола

и т. д.

[21] Ср. *взрастить* — «совершить, довести до результата действие по глаголу *растить*» [АГ 1980: § 855].

В результате получается довольно большое количество комбинаций отношений между префиксальным глаголом и его «мотивирующей» основой. Трактовка префикса ВЗ- (и вообще префиксов) в академических грамматиках и в словообразовательных словарях, естественно, не учитывает такого количества комбинаций в явном виде. Разбор всех комбинаций тем не менее нужен для полноты картины, но выходит за рамки данной статьи.

2.2. Префикс ВЗ- и составные с ним морфемы в [Ефремова 1996; АГ 1980: § 923, 938]

В толковом словообразовательном словаре [Ефремова 1996] различаются пять интересующих нас морфем. Главным моментом в дополнение к [АГ 1980: § 855] является включение сюда составной морфемы **ВЗ**2-**…-СЯ** со значением «интенсивно начать действие, которое названо мотивирующим словом» [ср. также: АГ 1980: § 938] и морфемы-циркумфикса **ВЗ***-**…-НУ**2- со значением «в недлительном времени с незначительной интенсивностью совершить действие, которое названо мотивирующим глаголом» [ср. также: АГ 1980: § 923]. Для других морфем **ВЗ**1-, **ВЗ**2-, **ВЗ**3- приводятся толкования, близкие тем, которые были приведены выше, в результате чего **ВЗ**1- равно типу 1 из [АГ 1980; АГ 1970], **ВЗ**2- равно комбинации из типов 2 и 3, а **ВЗ**3- равно типу 4.

Информацию, содержащуюся в словарных статьях [Ефремова 1996], мы приведем в полном объеме и — для большей наглядности — в табличном виде, ср. табл. 1 (ВЗ-морфемы и их семантические и комбинаторные свойства по [Ефремова 1996]) ниже.

Табл. 1

ВЗ-морфемы и их семантические и комбинаторные свойства по [Ефремова 1996]

Префикс	Значение префикса, его продуктивность (с учетом стилей речи), видовая принадлежность полученного глагола	Комбинаторика относительно мотивирующей основы, особенности ударения полученного глагола	Примеры
ВЗ1- (ВЗ-/ВЗО-/ ВС-)	«Поднять (или подняться) вверх (или наверх) с помощью действия, названного мотивирующим словом» (иногда это значение уже заложено в мотивирующем слове). Регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида.	Присоединяется к мотивирующей основе, принадлежащей глаголам преимущественно несовершенного, реже — совершенного вида, примыкая непосредственно к корню. Ударение падает на мотивирующую основу (на тот же слог, что и в мотивирующем глаголе).	*вздернуть*, *взмахнуть*, *взойти*, *вкарабкаться*, *вспорхнуть* *лохматить — взлохматить*, *лететь — взлететь*, *прыгнуть — вспрыгнуть*

Префикс	**Значение префикса, его продуктивность (с учетом стилей речи), видовая принадлежность полученного глагола**	**Комбинаторика относительно мотивирующей основы, особенности ударения полученного глагола**	**Примеры**
ВЗ2- (ВЗ-/ВЗО-/ ВС-)	«Резко, внезапно или интенсивно совершить (иногда — начать совершать) действие, названное мотивирующим словом». Достаточно регулярная и продуктивная (особенно в разговорной речи) словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида.	Присоединяется к мотивирующей основе, принадлежащей глаголам преимущественно несовершенного, реже — совершенного вида, примыкая непосредственно к корню. Ударение падает на мотивирующую основу (на тот же слог, что и в мотивирующем глаголе).	*взвизгнуть*, *взволноваться*, *взвыть*, *вздорожать*, *взреветь*, *вскрикнуть* *мокнуть — взмокнуть*, *тряхнуть — встряхнуть* Ср. *воз-*: *взрыдать — возрыдать*
ВЗ2-**…-СЯ** (ВЗ-…-СЯ/ ВС-…-СЯ)	«Интенсивно начать действие, которое названо мотивирующим словом». Достаточно регулярная, (но продуктивная лишь в разговорной речи) словообразовательная единица, образующая непереходные глаголы совершенного вида.	При образовании используются глаголы несовершенного вида. Словообразующая единица безударна, а ударение падает на мотивирующую основу (на тот же слог, что и в мотивирующем глаголе).	*взахаться*, *всплакаться* *ахать — взахаться*
ВЗ3- (ВЗ-/ВЗО-/ ВС-)	«Довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом». Достаточно регулярная и продуктивная, преимущественно формообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида.	Присоединяется к мотивирующей основе, принадлежащей глаголам несовершенного вида, примыкая непосредственно к корню. Ударение падает на мотивирующую основу (на тот же слог, что и в мотивирующем глаголе).	*взбесить*, *вскипеть*, *вскружить*, *вспотеть*, *взрастить*
ВЗ*-**…-НУ**2-(ТЬ) (ВЗ-…-НУ-/ ВС-…-НУ-)	«В недлительном времени с незначительной интенсивностью совершить действие, которое названо мотивирующим глаголом». Достаточно регулярная в разговорной речи и продуктивная словообразовательная единица, образующая непереходные глаголы совершенного вида.	При образовании используются глаголы несовершенного вида. При этом наблюдается отсутствие гласных финалей основ мотивирующих инфинитивов (в отдельных случаях — с одновременным чередованием конечной парной мягкой согласной с соответствующей твердой). Словообразующая единица ударна: ударение падает на ее суффиксальную часть.	*взгрустнуть*, *вздремнуть*, *всплакнуть*, *всхрапнуть* *храпеть — всхрапнуть*

Комментарии

1. Как было отмечено выше, три префикса (**ВЗ**1-, **ВЗ**2-, **ВЗ**3-) охарактеризованы набором деталей, близких к тем, которые характеризуют четыре типа префикса ВЗ- в [АГ 1980: § 855]. Некоторые грамматические характеристики более подробны

(видовая принадлежность и переходность / непереходность мотивирующей базы и *вз*-глагола). Если пренебречь несущественной для наших целей информацией об ударении, то по существу **ВЗ**2- равно типу 1 из [АГ 1980; АГ 1970], **ВЗ**2- равно комбинации из типов 2 и 3, а **ВЗ**3- равно типу 4. Поэтому следующие четыре примечания относятся как к [Ефремова 1996], так и к [АГ 1980].

(а) Критическим с точки зрения современной (!) семантики является использование понятия «действие» (ср. для **ВЗ**1- «поднять (или подняться) вверх (или наверх) с помощью действия, названного мотивирующим словом…»; для **ВЗ**2- «… совершить (иногда — начать совершать) действие, названное мотивирующим словом», для **ВЗ**3- «… действие, названное мотивирующим словом»). Отметим, однако, что слово *действие* в традиционных грамматических текстах охватывает все то, что сегодня заложено в более точных понятиях типа «действие», «деятельность», «занятие», поведение» и т. д. (о понятиях современной семантики, представленной работами Московской семантической школы, см. главу «Фундаментальная классификация предикатов» в [Апресян 2006: 75–109]).

(б) Необоснованным / непонятным представляется использование «смысла» ‘резко’ в толковании префикса **ВЗ**2-, и поэтому мы предлагаем отказаться от него целиком. В противоположность этому смыслы ‘внезапно’ и ‘интенсивно / сильно’ оправдали себя как семемы, поэтому мы сохраняем их для наших толкований.

(в) Наконец, формулировка «довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом» в сочетании с формулировкой «присоединяется к мотивирующей основе, принадлежащей глаголам несовершенного вида» свидетельствует о том, что речь идет об образовании видовой пары, ср. «достаточно регулярная и продуктивная, преимущественно формообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида»[22].

2. Статус составной морфемы **ВЗ**2-**…-СЯ** неоднозначен: с одной стороны, приведенные в [Ефремова 1996] примеры *??взахаться* и *?всплакаться* спорные — компетентные носители русского языка считают, что таких глаголов либо вовсе нет, либо они — окказионализмы. С другой стороны, если примеры считать верными, то *взахаться* включает суффикс *-ся* в обязательном порядке (в толковых словарях нет ***взахать***[23]*), между тем как, например, к всплакаться* имеется стилистически маркированный глагол (поэт.) *всплакать*.

В результате есть слабое основание считать **ВЗ**2-**…-СЯ** вариантом **ВЗ**2- в значении «начать усиленное действие, которое названо мотивирующим словом». Если

[22] Ср.: «К префиксальным видовым парам с чистовидовыми префиксами относятся следующие (пара условно обозначается по видообразующему префиксу). Глаголы с префиксом *вз*-: ‘доводить — довести действие до результата’: *кипятить — вскипятить*, *бесить — взбесить*, *будоражить — взбудоражить*, *кормить — вскормить*, *пахать — вспахать*; ‘приходить — прийти в какое-либо состояние’: *потеть — вспотеть*, *кипеть — вскипеть*…» [АГ 1980: § 1395].

[23] Ср., однако, *взахать*, прост. ‘начать усиленно ахать, сожалея о чем-л., удивляясь чему-л.’: «Взахал (государь) ужасно: – Ах, ах, ах, — говорит, — как это так… как это можно так тонко сделать!» (Лесков, Левша) [Ивлиева 2013: 89].

все-таки добавить эту составную *вз*-морфему к блоку ВЗ-морфем, то можно представить себе следующий формат:

/ВЗ2**/+/Х/+/v/+/ть/+/СЯ/** ПРЕФИКС в сочетании с ПОСТФИКСОМ; образует ГЛАГ СОВ от основы /Х/.
Но одной жить иногда так паршив… Друг на друга глядючи, улыбнешься; на себя глядючи — только ***всплачешься*** (О. Новикова. Каждый убивал).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ился* ‘А1 начал сильно Х-ить’

Отметим, что данная составная морфема описана в [АГ 1980: § 938] (раздел «Префиксально-постфиксальные глаголы») следующим образом:

Глаголы с префиксом *вз-* и постфиксом *-ся* имеют значение «интенсивно начать действие, названное мотивирующим глаголом»: *взахаться* (разг.) ‘начать усиленно ахать’, *вздуриться* (прост.), *всплакаться* (устар.), *взбушеваться* (нар.-поэт.). Тип проявляет продуктивность в разговорной речи и просторечии; окказ.: *взбубнилась злоба* (Маяковский); *а то еще немцы взгалдятся* (Г. Бакланов).

3. Статус составной морфемы **ВЗ***-**…-НУ**2- тоже требует обсуждения. С формальной точки зрения это циркумфикс. Для утверждения его самостоятельного статуса нужны три фактора: формальный, содержательный и комбинаторный. Формальный фактор сводится к вопросу, возможно ли альтернативное решение, а именно двушаговый словообразовательный цикл: суффиксация -НУ- и последующая префиксация ВЗ-, или нет. Содержательный фактор заключается в оправданности значения «недлительно и неинтенсивно». Наконец, комбинаторный фактор касается количества и качества потенциальных мотивирующих основ для предполагаемого циркумфикса. Рассмотрим приведенные в работе [Ефремова 1996] примеры. Формальная сторона обеспечена, ср. *взгрустнуть* (нет **грустнуть*), *вздремнуть* (нет **дремнуть*), *всплакнуть* (нет **плакнуть*), но *всхрапнуть* (есть *храпнуть*)[24]. Содержательная сторона тоже выполнена, ср. «смысл» «недлительно и неинтенсивно» и толкования из [Ефремова 2006] с выделенными нами прописными буквами элементами значения:

взгрустнуть сов. неперех. разг. Почувствовать легкую грусть;
вздремнуть сов. неперех. разг. 1. Побыть погруженным в дремоту некоторое время. 2. Задремав, поспать какое-то — обычно короткое — время;
всплакнуть сов. неперех. разг. 1. Немного поплакать. 2. Тихо, незаметно поплакать.

[24] Глагол *всхрапнуть*, при существовании беспрефиксного *храпнуть*, требует, по-видимому, отдельного рассмотрения. Для *всхрапнуть* отмечено два значения: 1) ‘*разг.* поспать некоторое время (обычно днем или в неурочное время)’, 2) ‘однокр. к гл. *всхрапывать*’ [ср.: Ефремова 2006].

Количество мотивирующих основ в нашем материале небольшое. В результате есть слабое основание добавить циркумфикс **ВЗ-…-НУ-** к нашему блоку ВЗ-морфем.

/ВЗ/+/Х/+/НУ/+/ть/ ЦИРКУМФИКС; образует ГЛАГ СОВ от основы /Х/.
Радость — на нуле. — Конструктор чего-то вдруг ***взгрустнул****. — Настоящей творческой работы мало. Так — мелочишка суффиксов и флексий… устаю.* (В. Шукшин. Печки-лавочки).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ну-л* ‘А1 внезапно недлительно и несильно Х-ил’.

Циркумфикс с таким значением описан в [АГ 1980: § 923] (раздел «Префиксально-суффиксальные глаголы») следующим образом:

Глаголы с суффиксом -*ну*$_2$- относятся к сов. в. и мотивируются глаголами несов. в. Глаголы с префиксом *вз-* и суффиксом -*ну*$_2$- имеют значение «за короткое время и с небольшой интенсивностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *всплакнуть* ‘немного поплакать’, *взгрустнуть*, *вздремнуть*, *всполоснуть*, *всхрапнуть* в значении ‘немного поспать’. Все глаголы принадлежат разговорной речи или просторечию. Тип непродуктивен.

Отметим, однако, что данное описание вступает в противоречие (!) со значением компонента -*ну*$_2$- в его самостоятельном употреблении: «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [ср.: АГ 1980: § 836][25]. Поэтому считаем необходимым постулировать, с отрывом от суффикса -НУ-, самостоятельный (!) циркумфикс ВЗ-…-НУ- со значением ‘внезапно, недлительно и несильно’.

Примечание: Забегая вперед, отсылаем читателя к нижеследующему разделу 2.3 и постулируемому там второму, омонимичному циркумфиксу ВЗ-…-НУ-, в котором представлено привычное значение ‘один раз’.

4. Грамматические характеристики в табл. 1 сообщают в своей сумме о том, что результатом присоединения префикса является всегда глагол сов. в., а при его образовании используются преимущественно глаголы несов. в. (или основы, принадлежащие глаголам несов. в.), а реже — сов. в.[26] Кроме того, характеристика словообразовательного механизма отсылает нас к корню словообразовательной базы (ВЗ- примыкает «непосредственно к корню»), а в случае разрывных морфем даются дополнительные сведения об особенностях состыковки словообразовательной базы и второго элемента морфемы. В результате приведенные

[25] «Суффикс -*ну*$_2$-. Глаголы с суффиксом -*ну*$_2$- (фонемат. |ну|) имеют значение ‘однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом’. Они принадлежат к сов. в., к 3 кл. (соотношение основ |ну/н|, I спр. <…>). В качестве мотивирующих выступают глаголы несов. в., преимущественно со значением действия, состоящего из ряда однородных актов: *махать — махнуть*, *толкать — толкнуть*» [АГ 1980: § 836].

[26] Статус утверждения о существовании основ (?!) несов. в. vs. основ (?!) сов. в. мы здесь обсуждать не будем.

характеристики дают приближенное представление о трех основных грамматических свойствах *вз*-глаголов: о словообразовательных моментах на стыке морфем, о синтаксисе и о видовой принадлежности как исходных, так и результирующих языковых элементов.

2.3. Префикс ВЗ- и составные с ним морфемы в [Ивлиева 2013] и суффиксы -ИВА-, -НУ- в [АГ 1980]

Если обратиться к материалам модификационного словаря [Ивлиева 2013], то там имеются три словарные статьи модификаторов, а именно (1) **ВЗ-/ВС-**, (2) **ВЗ-/ВС-…-ИВА-** (**-ЫВА-/-ВА-**) и (3) **ВЗ-/ВС-…-НУ-** (**-АНУ-**), и 25 словарных статей *вз*-глаголов к 13 исходным глаголам. Информацию, содержащуюся в словарных статьях [Ивлиева 2013] относительно наших аффиксов, исходных глаголов и аффиксальных *вз*-глаголов, приведем в полном объеме и — для большей наглядности — в табличном виде, ср. табл. 2 («ВЗ-морфемы и их семантические свойства по [Ивлиева 2013]») и табл. 3 («ВЗ-морфемы и их комбинаторные свойства по [Ивлиева 2013]») ниже.

Табл. 2

ВЗ-морфемы и их семантические свойства по [Ивлиева 2013]

Префикс	Компоненты значения	Комментарий
ВЗ-	начало один раз спонтанно	При образовании глаголов звуковой семантики обозначает: резкость, внезапность или силу возникающего, начинающегося действия или состояния; начало звукового действия и спонтанность его возникновения.
ВЗ-…-НУ-	начало мгновенно один раз	Комплекс приставки *вз-* (резкость, внезапность начинающегося действия или состояния) и суффикса *-ну-* (*-ану-*) в значении моментальности и однократности действия при образовании глаголов звучания придает им значение силы и внезапности возникающего звука.
ВЗ-…-ИВА-	начало спонтанно	Приставка *вз-* в сочетании с кратностью действия, на которую указывает суффикс *-ива-* (*-ыва-*, *-ва-*), при образовании глаголов звучания обозначает: резкость, внезапность или силу возникающего, начинающегося действия или состояния.

Табл. 3

ВЗ-морфемы и их комбинаторные свойства, включая результирующие глаголы звучания, по [Ивлиева 2013]

Исходный глагол	ВЗ-/ВС- начало, один раз, спонтанно	ВЗ-/ВС-…-НУ- (-АНУ-) начало, мгновенно, один раз	ВЗ-/ВС-…-ИВА- (-ЫВА-/-ВА-) начало, спонтанно
АХАТЬ	ВЗАХАТЬ	–	
ВИЗЖАТЬ		ВЗВИЗГНУТЬ	ВЗВИЗГИВАТЬ
ВЫТЬ	ВЗВЫТЬ	–	ВЗВЫВАТЬ
ГОВОРИТЬ	ВЗГОВОРИТЬ	–	

ГРЕМЕТЬ	ВЗГРЕМЕТЬ	–	
КЛОКОТАТЬ	ВСКЛОКОТАТЬ	–	
КРИЧАТЬ	ВСКРИЧАТЬ	ВСКРИКНУТЬ	ВСКРИКИВАТЬ
КРЯКАТЬ		ВСКРЯКНУТЬ	ВСКРЯКИВАТЬ
ПЕТЬ	ВСПЕТЬ		ВСПЕВАТЬ
ПЛАКАТЬ	ВСПЛАКАТЬ	ВСПЛАКНУТЬ	ВСПЛАКИВАТЬ
РЕВЕТЬ	ВЗРЕВЕТЬ	–	ВЗРЁВЫВАТЬ
ХЛИПАТЬ		ВСХЛИПНУТЬ	ВСХЛИПЫВАТЬ
ХРАПЕТЬ	ВСХРАПЕТЬ	ВСХРАПНУТЬ	ВСХРАПЫВАТЬ

КОММЕНТАРИИ

1. Данная трактовка семантики аффиксов (см. табл. 2) включает известные из [АГ 1980; АГ 1970; Ефремова 1996] «смыслы»: «начало / возникновение», «один раз / однократность», «спонтанно / внезапность», «мгновенно / моментальность», а также «резкость», «сила», «действие», «и», «или»; к ним прибавлены грамматико-семантические «смыслы» «состояние» (как альтернатива к «действию»), и «кратность» (в рамках характеристики аффиксального комплекса **ВЗ-…-ИВА-**). Словообразовательные характеристики (типа «образовано от…») к *вз*-морфемам не даются.

2. Что касается включенных в «Словарь модификации» и приведенных выше *вз*-глаголов звучания, то их словарные статьи имеют следующий вид (образцы приводятся нами в сокращенном виде, без иллюстративных примеров и только с интересующими нас здесь аффиксами от *визжать*, ср.[27]:

ВИЗЖАТЬ 1. Пронзительно, резко кричать (о человеке или животном). 2. Производить высокие, резкие, неприятные звуки (о музыкальных инструментах); производить резкие, пронзительные звуки при трении (о металлических, деревянных и т. п. предметах). 3. Петь резким, визгливым голосом.

ВИЗГНУТЬ = ИГ **+** М4 = **визжать + *-ну-*** (*мгновенно* + *один раз*). 1. Пронзительно, резко крикнуть (о человеке или животном). 2. Произвести высокие, резкие, неприятные звуки (о музыкальных инструментах); производить резкие, пронзительные звуки при трении (о металлических, деревянных и т. п. предметах). 3. Сказать, крикнуть резким, визгливым голосом.

ВЗВИЗГНУТЬ = ИГ **+** М19 = **визжать + *вз-ну-*** (*начало* + *мгновенно* + *один раз*). 1. Издать отрывистый, резкий визг; о резком, отрывистом звуке, издаваемом чем-л.

ВЗВИЗГИВАТЬ = ИГ **+** М15 = **визжать + *вз-ива-*** (*начало* + *спонтанно*). 1. Издавать отрывистый, резкий визг; о резком, отрывистом звуке, издаваемом чем-л. [Ивлиева 2013: 111–112].

3. Рассмотрим теперь ВЗ-морфемы из табл. 2 и приведенные к ним в табл. 3 *вз*-глаголы.

(а) Префикс **ВЗ-**. Сопоставление лексикографического описания глаголов из второго столбца табл. 2 (по [Ивлиева 2013]), с одной стороны, и данных

[27] ИГ — исходный глагол, М — модификационная модель со своим номером.

из толкового словаря [Ефремова 2006], с другой стороны, дает следующий результат: нет глагола **взахать*, а другие глаголы описаны в [Ефремова 2006] неодинаково — присутствует либо элемент «начать» (например, *взговорить* — то же, что *возговорить* (нар.-поэт.) ‘начать говорить’; *всклокотать* ‘начать клокотать’; *всхрапеть* ‘начать храпеть’), либо элемент «внезапно» (*взреветь* ‘внезапно издать рев’), либо элемент «неожиданно» вместе с имплицитным смыслом «начать» (*взгреметь* ‘неожиданно загреметь’). Тем не менее совершенно очевидно, что мы имеем дело с тем или иным префиксом из словарной «вокабулы» **ВЗ**2-.

(б) Циркумфикс **ВЗ-…-НУ**-. Вспомним, что в разделе 2.3 выше уже обсуждался циркумфикс **ВЗ-…-НУ**- со значением ‘А1 внезапно, недлительно и несильно Х-ил’. В дальнейшем мы покажем, что рассматриваемый циркумфикс имеет еще другое значение. Для этого обратимся к данным из [Ивлиева 2013; Ефремова 2006].

($б_i$) Во-первых, два глагола из табл. 3 допускают альтернативное описание — либо как образованные с помощью циркумфикса **ВЗ-…-НУ**-, либо как дериваты с помощью префикса **ВЗ**-, прибавленного к глаголу с суффиксом **-НУ**-, ср., *крикнуть* > *вскрикнуть*, *крякнуть* > *вскрякнуть*. В отличие от этих двух глаголов три оставшихся глагола нельзя интерпретировать таким образом — это *всплакнуть*[28], *всхлипнуть*, *всхрапнуть*: не существует в русском языке суффиксальных глаголов **плакнуть*, **хлипнуть*, **храпнуть*[29]. Следовательно, мы имеем дело с четырьмя глаголами, образованными с помощью циркумфикса **ВЗ-…-НУ**-.

($б_{ii}$) Во-вторых, значение всех приведенных здесь глаголов одинаковое: однократное к глаголам несов. в., причем соответствующие глаголы указаны в табл. 3 рядом, в четвертом столбце.

На фоне этих фактов (специфики формы, значения и комбинаторики) есть основание предложить словарную статью следующей *вз*-морфемы:

/ВЗ/+/Х/+/НУ/+/ть/ ЦИРКУМФИКС; образует ГЛАГ СОВ от основы /Х/.
Курт несколько насупился и вздохнул. – Да, да, — сказал он прочувствованно. — Бедная госпожа Мезонье! Профессора я уже не жалею. Раз его нет, так и жалеть некого. А госпожу Мезонье… И так помрачнел, что казалось, вот-вот всхлипнет. – Очень жалеете? — иронически спросил Ганка. – Очень! — печально кивнул головой Курт (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ну-л* ‘А1 внезапно один раз сильно Х-ил’.

Примечание: Имеется расширенный вариант данной составной морфемы с префиксом **ВЗ**-, суффиксом **-НУ**- и постфиксом **-СЯ**, ср. [АГ 1980: § 960]: «*встрепенуться* (*трепетать*, с отсечением фонем |а| и |т|)», причем значение по [Ефремова 2006] такое: «1. Сделать порывистое движение, вздрогнуть всем телом. ||

[28] Глагол *всплакнуть* представляет особый случай, так как он представлен и в [Ивлиева 2013], и в [Ефремова 1996].

[29] Под вопросом статус *взвизгнуть*. Глагол *визгнуть* представлен в [Ивлиева 2013], но объявлен как несуществующий в русском языке компетентными носителями языка, т. е. **визгнуть*. Мы считаем, что *взвизгнуть* образован с помощью префикса *вз-* от *визгнуть*, ср. блок 1 выше.

Встряхнуть перьями, крыльями (о птицах). 2. *перен*. Задрожать, затрепетать (о листьях, траве и т. п.). 3. *перен*. Выйти из состояния неподвижности, задумчивости; оживиться». Данный случай считаем вариантом морфемы **/ВЗ/+/Х/+/НУ/+/ть/** с прибавленным постфиксом **-СЯ**.

(в) Циркумфикс **ВЗ-…-ИВА**-. Постулирование такого циркумфикса в работе [Ивлиева 2013] является, насколько нам известно, нововведением по сравнению с существующими грамматическими описаниями префикса **ВЗ-**, тем более что с его помощью образуются глаголы несов. в. Мы считаем включение его в комплекс ВЗ-морфем возможным. Рассмотрим языковой материал.

($в_{i}$) Глаголы, допускающие описание типа «мотивирующая основа Х плюс циркумфикс **ВЗ-…-ИВА**-» собраны в четвертом столбце табл. 3. Если не считать их образованными с помощью циркумфикса **ВЗ-…-ИВА**-, то альтернативное описание предполагает образование по типу вторичной имперфективации с помощью суффикса **-ИВА**- от префиксальных *вз*-глаголов, ср.:

> Глаголы с суффиксом *-ива-*, мотивированные глаголами сов. в., имеют значение несов. в. Они отличаются от мотивирующих глаголов лишь своим видовым значением. <…> Глаголы с морфом *-ива-* мотивируются глаголами следующих классов: <…> III: *взмахнуть — взмахивать* <…> V, 3: *взреветь — взревывать* <…> изолированными глаголами: <…> с морфом *-$а_{3}$-* <…> III: *вздохнуть — вздыхать* <…>. Глаголы с морфом *-ива-* продуктивны: окказ.: <…> *Желваки взбугривались* (И. Корнилов); <…> *темные инстинкты* (газ.) [АГ 1980: § 843].

($в_{ii}$) Единого для перечисленных глаголов формата толкования, по данным из [Ефремова 2006], нет. Встречаются элементы «время от времени» (*взрёвывать* ‘время от времени издавать рев’), «внезапно» (*вскрикивать* ‘внезапно издавать крик’), «отрывистый» и «резкий» (*взвизгивать* ‘издавать отрывистый, резкий визг’). Путь к решению вопроса находим в [АГ 1980: § 913]:

> Окказиональные глаголы образуются также с помощью префикса *вз-* и суффикса *-ива-* — по образцу таких глаголов, как *взвизгивать*, *вскрикивать*, непосредственно мотивированных префиксальными глаголами сов. в. с префиксом *вз-* (*взвизгнуть*, *вскрикнуть*) и опосредствованно — глаголами без этого префикса (*визгнуть*, *визжать*; *крикнуть*, *кричать*). Эти окказиональные глаголы имеют значение «многократно и интенсивно или резко, внезапно совершать действие, названное мотивирующим глаголом»: *взмелькивало барашками бескрайнее море* (Е. Носов); [голубь] *мел хвостом землю*, *взгогатывая* (Н. Воронов).

В результате есть основание дополнить словарное описание ВЗ-морфем следующей словарной статьей:

/ВЗ/+/Х/+/ИВА/+/ть/ ЦИРКУМФИКС; образует ГЛАГ НЕСОВ от основы /Х/.
Он вдруг захлебнулся, затрясся, его забило, и, ***взвизгивая****, глотая сопли, он* ***вскрикивал****: «Мама… маманька… маманька»* (В. Гроссман).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ива-л* ‘А1 внезапно, несколько раз подряд, сильно Х-ал’.

На наш взгляд, такое значение представляет собой вполне системный случай **интенсивно-кратного способа глагольного действия**, ср.:

Глаголы интенсивно-кратного способа действия означают, что действие производится усиленно, с повторением и выделением отдельных своих компонентов. Такие глаголы образуются при помощи префиксов *вы-*, *от-*, *на-*, *за-* и морфов *-ива-* и *-ва-* от глаголов несов. в.; они имеют разговорную окраску: *вызванивать*, *выделывать*, *выплясывать*; *названивать*, *нахлестывать*; *отплясывать*, *откалывать*; сюда же: *выкамаривать* (прост.), *наяривать* (прост.) [АГ 1980: § 1429].

В результате следует добавить префикс ВЗ- к числу префиксов, перечисленных выше, в [АГ 1980: § 1429].

2.4. ВЗ-глаголы в «Активном словаре русского языка» и типы морфем ВЗ-

Если исходить из материала «Активного словаря русского языка», то нужно сначала разобраться во всех представленных там вокабулах, потом в лексемах и их толкованиях и, наконец, во внутрисловарных перекрестных ссылках. Количество вокабул, подлежащих рассмотрению, — 24, а количество лексем — 63. Сделать это удобнее всего в табличной форме и в сокращенном виде.

Табл. 4 («ВЗ-глаголы и информация об их семантике из [АС 1, 2]»), самая важная в нашей статье, организована следующим образом.

Первый столбец указывает порядковый номер примера (для ссылки в комментариях).

Второй столбец содержит интересующую нас вокабулу из «Активного словаря русского языка» и «адрес» (= словарную статью) с полной информацией о ней.

Третий столбец содержит «центральный» компонент толкования каждой *вз*-лексемы в «Активном словаре», т. е. выдержку из зоны ЗНАЧЕНИЕ словарной статьи *вз*-глагола. Курсивом выделены те части толкования, которые имеют отношение к «итоговым» значениям префикса ВЗ-[30]**.**

В четвертом столбце приводится глагол, который, очевидно, следует считать «референтным» безаффиксным для данного *вз*-глагола, и (если такой глагол описан в «Активном словаре») минимальная информация о его значении (значениях). Кроме того, указывается, насколько данный *вз*-глагол представлен в словарной статье референтного безаффиксного глагола (естественно, только для

[30] Приведенные в таблице *вз*-глаголы из «Активного словаря русского языка», естественно, представлены также и в известных средних и больших толковых словарях. Соответствующие словарные статьи и, в частности, толкования в них следуют традициям русской лексикографии, отличным от формата толкований в «Активном словаре русского языка». Напомним, что вышеупомянутое капитальное исследование [Gallant 1978] базируется на материале 17-томного академического словаря русского языка [ССРЛЯ]. [Ивлиева 2013] использует в основном словари [Ожегов 1986; МАС].

тех глаголов, для которых разработаны словарные статьи в опубликованных до сих пор томах «Активного словаря», т. е. для букв А–З).

Наконец, пятый столбец содержит корень, от которого образован как исходный глагол, так и *вз*-глагол[31], а также итоговый «тип» префикса ВЗ-, т. е. ту морфему, которая включена в итоговый блок словарного представления морфемы ВЗ- (см. раздел 3).

Типы аффиксов обозначим сокращенно:

ВЗ1 = ВЗ^{1}-вверх,

ВЗ2 = ВЗ^{2}-сильно / ВЗ^{2}-начать&сильно / ВЗ^{2}-внезапно / ВЗ^{2}-внезапно начать / ВЗ^{2}-…-СЯ — начать&сильно, ВЗ^{2}-…-ИВА- — несколько раз подряд, ВЗ^{2}-…-НУ- — один раз, ВЗ^{4}-…-НУ- — недлительно&несильно,

ВЗ3 = ВЗ^{3}-результ.

Табл. 4

ВЗ-глаголы и информация об их семантике из [АС 1, 2]

	Вокабула из [АС]	**Значение *вз*-лексемы / *вз*-лексем из словарных статей [АС] (в сокращенном виде)**	**Референтный беспрефиксный глагол (для букв Б, В, Г, Д из [АС], с имеющейся там информацией)**	**Корень и тип аффикса**
1	взбесить с отсылкой к **бесить**	см. БЕСИТЬ	БЕСИТЬ СОВ *взбесить* ‘А2 вызывает *сильное* раздражение у А1’	/бес/ **ВЗ3-результ**
2	взбеситьСЯ с отсылкой к **беситьСЯ**	см. БЕСИТЬСЯ	БЕСИТЬСЯ СОВ *взбеситься* 1.1. ‘А2 вызывает *сильное* раздражение у А1’, 1.2. ‘А1 оживленно двигается, громко говорит’, 2.1. ‘А1 заболел бешенством’, 2.2. ‘А1 беспрерывно двигается – как бы бесится 2.1’	/бес/ **ВЗ3-результ**
3	взбивать с отсылкой к **взбить**	1.1. ‘сделал так, что *на поверхности появилась* пена или…’, 1.2. ‘сделал так, что *получился* пищевой продукт’, 2. ‘делает так, что объект *становится* более пышным’	БИТЬ 1.1 … 13 *взбить* не упоминается!	/БиJ/ **ВЗ1-вверх ?**
4	Взбираться с отсылкой к **взобраться**	‘*переместилось* в место, находящееся *выше*’	БРАТЬ 1.1 … 4 2. ‘Перемещаясь в А3, А1 перемещает вместе с собой А2’ *взобраться* не упоминается!	/1 БР/ **ВЗ1-вверх**

[31] В пятом столбце мы приводим морфемное «ядро» *вз*-глаголов, т. е. корень по [Ефремова, Кузнецова 1986].

	Вокабула из [АС]	**Значение *вз*-лексемы / *вз*-лексем из словарных статей [АС] (в сокращенном виде)**	**Референтный беспрефиксный глагол (для букв Б, В, Г, Д из [АС], с имеющейся там информацией)**	**Корень и тип аффикса**
5	взвешивать с отсылкой к **взвесить**	1. ‘желая знать, сколько весит, *поместил на весы*’, 2. ‘обдумал и оценил – как бы взвесил 1’	ВЕСИТЬ ‘физическое тело А1 имеет вес А2’ *взвесить* не упоминается!	/1 вес/ **ВЗ1-вверх ?**
6	**взволновать** несов нет	‘*начал* испытывать волнение’	волновать 1. ‘явление А1 является причиной того, что человек А2 находится в тревожном или возбужденном состоянии’, 2. ‘явление А1 является причиной того, что поверхность большого водного объекта А2…’ *взволновать* не упоминается!	/волн/ **ВЗ2-начать**
7	Взглядывать с отсылкой к **взглянуть**	1.1. ‘*быстро* посмотрел’, 1.2. ‘посмотреть с целью воспринять главное’, 2. НЕСОВ нет. ‘Начал думать’	глянуть ГЛЯДЕТЬ 1.1 … 8 *взглянуть* не упоминается!	/Гля/ **ВЗ2- недлительно & несильно**
8	вздрагивать с отсылкой к **ВЗдрогнуть**	1. ‘совершил *быстрое* несильное непроизвольное движение’, 2. ‘совершил *быстрое* колебательное движение’, 3. только 1-Л МН и ПРОШ МН, НЕСОВ нет. ‘Говорящий предлагает выпить’	дрогнуть 1.1 … 4 *вздрогнуть* упоминается к 1.1 как АНА к 1.2 как СИН	/1 ДРОГ/ **ВЗ2-недлительно & несильно**
9	**вздумать**	‘решил сделать, для чего, по мнению говорящего, не было достаточных причин’	думать 1 … 4 *вздумать* упоминается к 3.1 как СИН 3.1. ‘у человека А1 есть намерение сделать А2, от которого он может отказаться, если изменятся обстоятельства’	/дум/ **?**
10	вздыхать 1.1, 1.2 с отсылкой к **вздохнуть**	1.1. ‘сделал вздох 1.2. ‘сделал вздох из-за…’	ДЫШАТЬ 1.1 … 8 *вздохнуть* не упоминается! *дохнуть* упоминается как АНА к дышать 3.1, 3.2, 3.3.	/дох/ **ВЗ3-результ**

	Вокабула из [АС]	**Значение *вз*-лексемы / *вз*-лексем из словарных статей [АС] (в сокращенном виде)**	**Референтный беспрефиксный глагол (для букв Б, В, Г, Д из [АС], с имеющейся там информацией)**	**Корень и тип аффикса**
11	**вздыхать 2.1, 2.2** сов нет	2.1. ‘сожалеет’, 2.2. ‘влюблен, не говорит’		/дых/ **?**
12	взлетать с отсылкой к **Взлететь**	1.1. ‘*подниматься*, летя’, 1.2. ‘*переместиться вверх* от удара’, 1.3. ‘*переместиться вверх*’, 2.1. ‘*переместился с земли* в место, находящееся *выше*’, 2.2. ‘*очень быстро поднялся* по лестнице’, 3. ‘*быстро поднялся* на *высокую* ступень’, 4. ‘параметр *быстро стал больше*’	ЛЕТЕТЬ	/лет/ **ВЗ1-вверх**
13	взойти с отсылкой к **всходить**	1. ‘*перемещается* на *возвышение*’, 2. ‘*высоко над землей* и *начинает* быть *выше* линии горизонта’, 3. ‘появляется *над поверхностью* земли = восходить 3’, 4. ‘увеличивается в объеме’	идти	/Й/, /ход/ **ВЗ1-вверх**
14	взойти с отсылкой к **восходить**	1. ‘желая оказаться в *верхней* точке горы, лезет’, 2. СОВ нет. ‘Частицы *подымаются* в пространство’, 3. ‘*появляется над поверхностью* земли = всходить’ 3, 4. СОВ нет. ‘*Началось* в отдаленный период времени’	идти	/Й/, /ход/ **ВЗ1-вверх**
15	Взрывать с отсылкой к **взорвать**	1. ‘*взрывом* разрушал’, 2. ‘была причиной, что *внезапно* утратил контроль’	рвать	/рв/ **ВЗ2-внезапно**
16	Взрываться с отсылкой к **взорваться**	1. ‘*мгновенно* распался на части’, 2.1. ‘*неожиданно* выразили криком’, 2.1. ‘состояние *неожиданно* сменилось очень громкими звуками’, 3. ‘выразил чувства *резким* высказыванием’	рвать	/Рв/ **ВЗ2-внезапно**
17	**взыскать** несов *взыскивать*	1. *офиц.* ‘заставил заплатить сумму’, 2. *уходящ.* ‘наказал’		/ЫСК/ **?**

	Вокабула из [АС]	**Значение *вз*-лексемы / *вз*-лексем из словарных статей [АС] (в сокращенном виде)**	**Референтный беспрефиксный глагол (для букв Б, В, Г, Д из [АС], с имеющейся там информацией)**	**Корень и тип аффикса**
18	**вскипятить** несов *кипятить*	‘сделал так, что *стало* кипеть’	кипятить 1. «с помощью нагревания доводить жидкость до состояния кипения», 2. «дезинфицировать путем опускания в воду и нагреванием до состояния кипения»	/1 кип/ **ВЗ3-результ**
19	ВСКРЫТЬ с отсылкой к **ВСКРЫВАТЬ**	1. ‘разрушает оболочку, чтобы *стало* доступно’, 2.1. ‘разрезает тело’, 2.1.‘разрезает, обычно с целью исследовать внутренние органы’, 3. ‘явление *становится* доступным для наблюдения’	**??**	/кры/ **?**
20	всплывать с отсылкой к **всплыть**	1. ‘*поднялся на поверхность*’, 2. ‘*появилась* информация’, 3. ‘*появилось* в сознании человека’	плыть	/плы/ **ВЗ1-вверх**
21	**всполошиться** несов нет	‘*внезапно* пришел в беспокойство и *начал* очень *быстро* что-то делать’	полошить *кого, что прост.* «пугать, волновать, вызывать переполох» ПОЛОШИТЬСЯ (обл.) «пугаться, беспокоиться»	/полош/ **ВЗ2-внезапно**
22	ВСПОМНИТЬ с отсылкой к **вспоминать**	1. ‘воспроизводить в своем сознании’, 2. *преим. в форме* НЕСОВ. ‘Рассказывает’	помнить	/мн/ **?**
23	вспоминаться с отсылкой к **вспомниться**	‘снова *возникли* в сознании’	помнить	/мн/ **?**
24	вспыхивать с отсылкой к **вспыхнуть**	1. ‘*мгновенно начать* гореть’, 2.1. ‘*мгновенно начать* светить’, 2.2. ‘*мгновенно начать* блестеть’, 3.1.‘*внезапно сильно по*краснеть’, 3.2. ‘*внезапно рас*сердиться’, 4. ‘*мгновенно начаться*’	пыхнуть	/ПЫХ/ **ВЗ2-внезапно начать**

Комментарии

1. В большинстве случаев толкуемой в «Активном словаре» единицей является *вз*-глагол сов. в. Это хорошо соотносится с характеристикой *вз*-глаголов в [АГ 1980; АГ 1970; Ефремова 1996], где говорится о том, что префикс **ВЗ-** образует глаголы

сов. в. Относительно видовых характеристик в [АС] обращают на себя внимание следующие *вз*-глаголы:

(а) Глаголы (1) ВЗБЕСИТЬ, (2) ВЗБЕСИТЬСЯ даны как глаголы сов. в. (со знаком ≈) к БЕСИТЬ, БЕСИТЬСЯ; толкуются глаголы несов. в., а в них уже вложен смысл ‘сильно’. Следовательно, налицо префикс **ВЗ3-результ**[32]**.**

(б) Глаголы (6) ВЗВОЛНОВАТЬ, (21) ВСПОЛОШИТЬСЯ толкуются самостоятельно, но к ним не даны глаголы несов. в., хотя в [АС 2] имеется вокабула ВОЛНОВАТЬ, а «Викисловарь» [https://ru.wiktionary.org/] дает и ПОЛОШИТЬ, и ПОЛОШИТЬСЯ; в словаре Ушакова ПОЛОШИТЬСЯ толкуется как обл. «пугаться, беспокоиться». Следовательно, налицо один из подтипов префикса **ВЗ2**- (скорее всего, **ВЗ2-внезапно начать**).

(в) Для глагола (9) ВЗДУМАТЬ не указано никакой связи с другим глаголом, между тем как у глагола ДУМАТЬ есть упоминание о *вздумать* как о синониме к **думать 3.1.** Следовательно, информация в [АС] не даст возможности решить вопрос о префиксе **ВЗ**-.

(г) Глаголы (11) ВЗДЫХАТЬ 2.1, ВЗДЫХАТЬ 2.2 являются единственными случаями *вз*-глаголов только (!) несов. в. и из-за своего морфемного состава выпадают из поля нашего исследования.

(д) Глаголы (17) ВЗЫСКАТЬ и (18) ВСКИПЯТИТЬ толкуются самостоятельно и при них приведены, соответственно, глагол *взыскивать* несов. в. и глагол *кипятить* несов. в. В поле нашего рассмотрения находится только *кипятить* / *вскипятить*, налицо случай префикса **ВЗ3-результ**.

(е) Сложны для разбора глаголы (22) ВСПОМНИТЬ и (23) ВСПОМНИТЬСЯ. Вопрос об их подведении под один из типов префикса **ВЗ**- мы оставляем открытым.

2. В дальнейшем наша задача состоит в том, чтобы сгруппировать *вз*-глаголы по аффиксам, условно обозначенным (см. выше) как **ВЗ1** = …, **ВЗ2** = …, **ВЗ3** = … . Самый простой путь, пожалуй, — это проверка по этапам: сначала по формальному критерию, а потом по семантическому.

(а) **ВЗ2-…-НУ- — недлительно&несильно**. Имеются четыре претендента на включение в эту группу: (7) ВЗГЛЯНУТЬ, (8) ВЗДРОГНУТЬ, (10) ВЗДОХНУТЬ, (24) ВСПЫХНУТЬ. К данным глаголам сов. в., т. е. к их словарным статьям, есть внутри «Активного словаря русского языка» ссылки от глаголов несов. в. (ВЗГЛЯДЫВАТЬ, ВЗДРАГИВАТЬ, ВЗДЫХАТЬ, ВСПЫХИВАТЬ). Кроме того, в русском языке существуют глаголы сов. в., образованные от тех же корней с помощью суффикса **-НУ-**, но без префикса **ВЗ-** (**глянуть**, **дрогнуть**, **дохнуть**, **пыхнуть**), причем либо с пометой «однокр. к…» (**глядеть** — **глянуть**, **пыхать** — **пыхнуть**), либо с имплицитной однократностью (**дохнуть** — «сделать выдох, *реже* — вдох»;

[32] Подчеркнем в связи с этим важный принцип нашей работы с толкованиями. Если глагол представлен более чем одной лексемой (большинство глаголов именно такие), то важно лишь, чтобы нужный смысл был представлен в одной — желательно первой по порядку — лексеме.

дрогнуть — «сделать судорожное движение»)[33]. В результате мы видим следующее распределение: глаголы сов. в. на суффикс **-НУ-**, с одной стороны, и глаголы сов. в. на циркумфикс **ВЗ-…-НУ-**, с другой стороны, существуют параллельно и имеют разные значения, причем интересующие нас *вз*-глаголы делятся на три подтипа — ВЗГЛЯНУТЬ ‘*быстро* посмотрел’, ВЗДРОГНУТЬ ‘совершил *быстрое*, несильное, непроизвольное движение’ (это тип **ВЗ2-…-НУ- — недлительно&несильно**); ВСПЫХНУТЬ ‘мгновенно начать…’ (это тип **ВЗ2-внезапно начать**). В этом контексте ВЗДОХНУТЬ ‘сделать вздох’ представляет собой изолированный случай.

(б) **ВЗ2-…-СЯ – начать&сильно**. Имеется пять формальных претендентов на включение в эту группу: (2) взбеситьСЯ, (4) ВЗОБРАТЬСЯ, (16) ВЗОРВАТЬСЯ, (21) ВСПОЛОШИТЬСЯ, (23) ВСПОМНИТЬСЯ. Из них мы уже рассматривали три глагола, остались два: (4) ВЗОБРАТЬСЯ, (15) ВЗОРВАТЬСЯ. Они оба не вписываются в данную группу.

(в) В силу значения **брать 2** мы включаем ВЗОБРАТЬСЯ в группу **ВЗ1-вверх**. Для глалола *рвать* еще не опубликовано [АС]-описание, однако на основе [АС]-толкования самого глагола ВЗОРВАТЬСЯ включаем его, а также глагол (15) ВЗОРВАТЬ предварительно в группу **ВЗ2-внезапно**.

(г) **ВЗ1- = ВЗ1-вверх**. Имеется шесть претендентов на включение в эту группу: (3) ВЗБИТЬ, (4) ВЗОБРАТЬСЯ, (5) ВЗВЕСИТЬ, (12) ВЗЛЕТЕТЬ, (13) и (14) ВЗОЙТИ, (20) ВСПЛЫТЬ. Глагол ВЗОБРАТЬСЯ мы уже включили в данную группу, см. (в). *Вз*-глаголы ВЗЛЕТЕТЬ, ВЗОЙТИ, ВСПЛЫТЬ с корнями ‘двигаться из места L_2 в место L_1’ (т. е. с корнями, образующими группу «глаголов движения») представляют собой классические случаи реализации значения **ВЗ1-вверх** (ср. также их место в [Бабенко 1999: 49 и след.]). Остаются для рассмотрения глаголы ВЗБИТЬ и ВЗВЕСИТЬ. Обоим припишем значение префикса **ВЗ1-вверх** условно.

(д) Один-единственный глагол (19) ВСКРЫТЬ представляет тот нередкий случай, когда для префиксального глагола нет подходящего исходного глагола. Общее решение для таких случаев требует отдельного рассмотрения и выходит за рамки настоящей работы.

3. Итоговая словарная форма блока ВЗ- в духе «Активного словаря русского языка»

В данном разделе собраны словарные статьи из предыдущих разделов, с той поправкой, что вместо характеристики «образует ... от основы /X/», пожалуй, правильнее написать «образует … от корня /X/» и отдельно оговорить исключения. Циркумфиксы **ВЗ-…-НУ-** подведены под одну «морфемную вокабулу» /

[33] Проверка велась по интернет-ресурсу «Викисловарь» [https://ru.wiktionary.org/]. В [АС 2] ситуация такая: в словарной статье «ГЛЯДЕТЬ» нет ни *глянуть*, ни *взглянуть*; в словарной статье «ДРОГНУТЬ» упоминается *вздрогнуть* как аналог и как синоним; наконец, в словарной статье «ДЫШАТЬ» упоминается *дохнуть* как аналог. Словарных статей для ПЫХАТЬ — ПЫХНУТЬ в трех опубликованных томах [АС] (буквы А–З), естественно, нет.

ВЗ2/+/**Х**/+/**НУ**/+/**ть**/. В результате имеем три морфемных омонима, шесть морфемных вокабул и одиннадцать словарных статей морфем с компонентом **ВЗ-** в своем означающем.

/ВЗ1/+/**Х**/+/**v**/+/**ть/** ПРЕФИКС; образует ГЛАГ СОВ от корня /Х/.
Афганским свистом с клекотом он подозвал своего то ли коня, то ли верблюда, то ли страуса, взлетел в седло — ковбой, видите ли! — и медленно с важным цокотом поскакал в сторону Биверли-хиллз (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп); *Димка дернул удилище. Что-то блестящее взлетело вверх, обдало его водой и крепко стукнуло по голове* (М. Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й); *Слон пододвинулся к пеньку, и Ежик первый вскарабкался на него, а за ним — Ослик и Медвежонок* (С. Козлов. Правда, мы будем всегда?); *Они* [девчата] *взмели такую тучу пыли над площадкой, что вертящиеся пары скоро окутались плотным клубящимся туманом* (Н. Дубов. На краю земли); *Мы еще выпили по бокалу и пошли танцевать. Она доверчиво положила руки мне на плечи, ее пальцы взлохматили мне волосы на затылке* (Г. Николаев. Вещие сны тихого психа).
ЗНАЧЕНИЕ
(α) *А1 вз-Х-ил из А3 в А2* ‘А1 Х-ил из А3 в А2 и А2 расположено выше А3’;
(β) *А1 вз-Х-ил А2 из А4 в А3* ‘А1 Х-ил А2 из А4 в А3 и А3 расположено выше А4’.

***

/ВЗ2/+/**Х**/+/**v**/+/**ть/** ПРЕФИКС; образует ГЛАГ СОВ от корня /Х/.

/вз2/+/**х**/+/**v**/+/**ть/ 1.1**
По сравнению с концом 50-х годов продукты питания вздорожали в среднем на 28,1 процента, жилье — на 29,8, транспорт стал дороже на 30,7, медицинское обслуживание — на 57,4 процента и т. д. (Н. Стрельцова. Америка, Америка, благословенный край...).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 сильно или сразу сильно Х-ил’.

/вз2/+/**х**/+/**v**/+/**ть/ 1.2**
Почему, собственно, я так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай? — рассуждал поэт (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 начал сильно Х-ить’.

/вз2/+/**х**/+/**v**/+/**ть/ 2.1**
В комнату кто-то вошел. Томка взвизгнула: – Ай, девчата, кто-то сюда прется! (И. Грекова. На испытаниях); *Алексей Тихонович рванулся. Взвизгнула машина. Взвизгнул женский голос* (А. Слаповский. Не сбылась моя мечта).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 внезапно Х-ил’.

/вз2/+/**х**/+/**v**/+/**ть/ 2.2**

– Гадина! Гадина! — взвыл Гриша и кинулся к двери (Л. Улицкая. Пиковая дама); *Вечером, в семь тридцать, как обычно, объявили тревогу. Взвыли сирены* (И. Грекова. Первый налет).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 внезапно начал Х-ить’.

/ВЗ2/+/Х/+/v/+/ть/+/СЯ/ ПРЕФИКС в сочетании с ПОСТФИКСОМ; образует ГЛАГ СОВ от корня /Х/.
Но одной жить иногда так паршиво… Друг на друга глядючи, улыбнешься; на себя глядючи — только всплачешься (О. Новикова. Каждый убивал).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 начал сильно Х-ить’.

/ВЗ2/+/Х/+/ИВА/+/ть/ ЦИРКУМФИКС; образует ГЛАГ НЕСОВ от корня /Х/.
Он вдруг захлебнулся, затрясся, его забило, и, взвизгивая, глотая сопли, он вскрикивал: «Мама… маманька… маманька» (В. Гроссман. Жизнь и судьба).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ива-л* ‘А1 внезапно несколько раз подряд сильно Х-ил’.
/ВЗ2/+/Х/+/НУ/+/ть/ ЦИРКУМФИКС; образует ГЛАГ СОВ от корня /Х/.

/вз2/+/х/+/ну/+/ть/ 1.1
Курт несколько насупился и вздохнул. – Да, да, — сказал он прочувствованно. — Бедная госпожа Мезонье! Профессора я уже не жалею. Раз его нет, так и жалеть некого. А госпожу Мезонье… И так помрачнел, что, казалось, вот-вот всхлипнет. – Очень жалеете? — иронически спросил Ганка. – Очень! — печально кивнул головой Курт (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ну-л* ‘А1 внезапно один раз сильно Х-ил’.

/вз2/+/х/+/ну/+/ть/ 1.2
Радость — на нуле. — Конструктор чего-то вдруг взгрустнул. — Настоящей творческой работы мало. Так — мелочишка суффиксов и флексий… устаю (В. Шукшин. Печки-лавочки).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ну-л* ‘А1 внезапно недлительно и несильно Х-ил’.

***

/ВЗ3/+/Х/+/v/+/ть/ ПРЕФИКС; образует ГЛАГ СОВ от корня /Х/.
Эта древняя и священная земля взрастила великих ученых, мыслителей, политиков, полководцев (Б. Чухович. Памятник Независимости. Мифология сферы и дискурсы власти).
ЗНАЧЕНИЕ. *А1 вз-Х-ил* ‘А1 Х-ил и закончил Х-ить с нужным результатом’.

4. Выводы и перспективы исследования

1. В настоящей статье мы дали словарное описание — от входа до значения — морфем с компонентом **ВЗ-** в формате «Активного словаря русского языка». Осталось добавить в каждую словарную статью другие зоны словарного описания,

прежде всего — зону «Сочетаемость морфемы» и зону «Морфемный мир (морфемы-синонимы, морфемы-антонимы, морфемы-аналоги)», ср. «Лексический мир лексемы» в [Апресян 2014: 28 и след.].

2. Была учтена информация о морфемах, приводимая в академической грамматике русского языка [АГ 1980], предложен ряд уточнений; обсуждены и использованы идеи и результаты работ последних лет, имеющие отношение к морфеме **ВЗ**-; обсуждены другие, в целом менее информативные, формы словарного описания морфем с компонентом **ВЗ**-.

3. Были рассмотрены все *вз*-глаголы, получившие описание в «Активном словаре русского языка», а также примеры менее полного описания таких глаголов в специальных и толковых словарях.

4. Предложенное нами словарное описание морфем было «проверено на взаимосоотносимость» с описанием *вз*-глаголов в «Активном словаре русского языка». Осталось найти ответ на небольшое количество открытых вопросов, отмеченных в настоящей статье.

5. В дальнейшем будет необходимо проделать аналогичную работу с двумятремя другими аффиксами (например, префиксами *за-* и *по-* и суффиксом *-ну-*), чтобы убедиться в полезности предложенного нами пути для интегрального описания языка в духе трудов Ю. Д. Апресяна.

Литература

АГ 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1970. 767 с.

АГ 1980 — Русская грамматика : в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1 : Фонетика. Словообразование. Морфология. М. : Наука, 1980. 789 с.

Апресян Ю. Д. Принцип интегральности лингвистических описаний // *Апресян В. Ю.*, *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2006. С. 41–52.

Апресян Ю. Д. Об Активном словаре русского языка // *Апресян В. Ю.*, *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Гловинская М. Я.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Лопухина А. А.*, *Птенцова А. В.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка. Т. 1 : А–Б / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 5–36.

АС — *Апресян В. Ю.*, *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Гловинская М. Я.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Лопухина А. А.*, *Птенцова А. В.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1 : А–Б. 408 с. ; Т. 2 : В–Г. 736 с.

Бабенко 1999 — Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. 698 с.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М. : Русский язык, 1996. 639 с.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ, 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/efremova#

Ефремова Т. Ф., *Кузнецова А. И.* Словарь морфем русского языка. М. : Русский язык, 1986. 1136 с.

Зализняк Анна А., *Микаэлян И. Л.*, *Шмелев А. Д.* Русская аспектология: в защиту видовой пары. М. : Языки славянской культуры, 2015. 392 с.

Зализняк Анна А., *Шмелев А. Д.* Вздор: слово и дело // *Зализняк Анна А.*, *Левонтина И. Б.*, *Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 379–387.

Ивлиева И. В. Экспериментальный модификационный словарь русского языка (на материале глаголов звучания). М. : Азбуковник, 2013. 467 с.

Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М. : Языки русской культуры, 1998. 288 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 5. М. ; Вена : Языки русской культуры, 2006. 290 с.

Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М. : Языки славянской культуры, 2012. 176 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Gallant J. Russian Verbal Prefixation and Semantic Features: An Analysis of the Prefix *vz-*. München : Sagner, 1979. 463 p.

Gaschkowa M. Wörterbuch der ingressiven Verben. Russisch — Deutsch. Regensburg : S. Roderer Verlag, 2007. 138 S.

Tilmann Reuther
University of Klagenfurt
(Austria, Klagenfurt)
tilmann.reuther@aau.at

THE VERBAL PREFIX — BETWEEN GRAMMAR AND DICTIONARY: A DICTIONARY SOLUTION EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN VERBAL PREFIX *VZ-*

Taking as a starting point existing attempts in grammars, morpheme dictionaries, and special studies to describe the Russian verbal affixes with the component VZ- (VZO-, VS-, VSO-), this article presents a lexicographic type of description in a format close to the format adopted by the *Active Dictionary of the Russian Language* (cf. Apresyan, Yu. D. [On the Active Dictionary of the Russian Language]. *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka. Tom 1, A-B* [Active Dictionary of the Russian Language. Volume 1, A-B]. Moscow,

Languages of Slavic Culture Publ., 2014, pp. 5–36. (In Russ.)). The resulting dictionary entries for eleven affixes containing the component VZ- are grouped into three homonymous morphemic blocks. In a second step, the semantic definitions of these morphemes are compared with elements that make up part of the semantic definition of Russian verbs with the component VZ- featured in the *Active Dictionary of the Russian Language* (*Aktivnyy slovar' russkogo yazyk. Tom 2, V-G* [Active Dictionary of the Russian language. Volume 2. V-G]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2014). In total, 63 verbal lexemes are considered. The paper contains a number of refinements relating to the information on morphemes given in the academic *Grammar of the Russian Language* (*Russkaya grammatika. Tom 1: Fonetika, Slovoobrazovaniye. Morfologiya* [Russian grammar. Volume 1: Phonetics, Word Formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980) and includes a table showing the relations between semantic definitions of the affix morphemes and semantic definitions of the verbal lexemes in the format employed by the *Active Dictionary of the Russian Language*.

Key words: Russian language, grammar, dictionary, affix, semantic definition.

References

Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Lopukhina A.A., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. Vol. 1: A–B. 408 p.; Vol. 2: V–G. 736 p.

Apresyan Yu.D. [On the *Active Dictionary of the Russian Language*]. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Lopukhina A.A., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 1: A–B* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 1: A–B]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, pp. 5–36. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [The principle of the integrity of linguistic descriptions]. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic worldview and system lexicography]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2006, pp. 41–52. (In Russ.)

Babenko L.G. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisanie. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory Dictionary of Russian Verbs. Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-PRESS Publ., 1999. 698 p.

Efremova T.F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [The modern explanatory dictionary of the Russian language. Vols. 1–3]. Moscow, AST Publ., 2006. Available at: https://gufo.me/dict/efremova# (accessed 22.03.2020).

Efremova T. F. *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the word-formation units of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1996. 639 p.

Efremova T. F., Kuznetsova A. I. *Slovar' morfem russkogo yazyka* [The morphemic dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1986. 1136 p.

Gallant J. *Russian Verbal Prefixation and Semantic Features: An Analysis of the Prefix vz-.* München, Sagner Publ., 1979. 463 p.

Gaschkowa M. *Wörterbuch der ingressiven Verben. Russisch — Deutsch*. Regensburg, S. Roderer Verlag, 2007. 138 p.

Ivlieva I. V. *Eksperimental'nyi modifikatsionnyi slovar' russkogo yazyka (na materiale glagolov zvuchaniya)* [The Experimental Modification Dictionary of the Russian Language. Verbs of sound]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013. 467 p.

Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in the Russian language: the semantic grammar]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 288 p.

Mel'chuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. 5* [The General morphology. Vol. 5]. Moscow, Vienna, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2006. 290 p.

Mel'chuk I. A. *Yazyk: ot smysla k tekstu* [The Language: from meaning to text]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2012. 176 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 05.12.2019)

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p.

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Slovoobrazovanie. Morfolo*giya [Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Word Formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p.

Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: in defense of the aspectual pair]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015. 392 p.

Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. [*Vzdor* 'nonsense': word and deed]. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoi yazykovoi kartiny mira* [Constants and variables of the Russian linguistic worldview]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2012, pp. 379–387. (In Russ.)

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.7

Даниэль Вайс
Университет в Цюрихе, Институт славистики
(Швейцария, Цюрих)
dawe@slav.uzh.ch

КОНСТРУКЦИЯ С ПРЕПОЗИТИВНОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ КЛАУЗОЙ

В статье рассматриваются два типа неканонических рестриктивных относительных предложений в разговорной разновидности современного русского языка: препозиция относительной клаузы с местоимением *который* и относительная клауза с внутренней именной вершиной. Первый тип отличается четкой дискурсивной функцией, поскольку относительная клауза здесь служит для выделения нейтральной или контрастной темы. Этим объясняется исключительное оформление местоимения в именительном падеже. Главная клауза часто содержит референциальную поддержку относительной клаузы в виде анафорической ссылки, построенной личным или указательным местоимением, но такая поддержка отнюдь не обязательна. Конструкция с внутренней именной вершиной выступает преимущественно в пре- и интерпозитивных относительных клаузах. Попались два примера в постпозиции с повторением антецедента в главной клаузе, функционирующие как нерестриктивные относительные клаузы; их приемлемость сомнительна, поскольку они могут быть обусловлены случайным неконтролируемым отклонением. С другой стороны, следует отметить, что именно этот подтип был в исторических источниках формально-канцелярского характера весьма распространен (для большей наглядности процитирую: «А *которой крестьянин* сварит пиво не явясь, и *на том крестьянине* имати пени») и может даже сегодня употребляться в качестве сознательного обыгрывания архаизма; такой прием наблюдается в творчестве Л. Петрушевской. В последнем разделе статьи обсуждается употребление препозитивных относительных клауз в речи рассказчика и персонажей у М. Зощенко. Этот прием служит не для верного отражения живого узуса, а лишь для художественной стилизации устной речи, о чем свидетельствует отсутствие других неканонических конструкций относительных предложений из живой речи, и особенно использование многократных повторов тех же относительных клауз в качестве лейтмотива, характеризующего данного персонажа. Все примеры берутся из основного и устного подкорпусов «Национального корпуса русского языка», из хрестоматии «Живая речь уральского города» и из существующих описаний русской разговорной

речи. Наблюдения над русскими данными дополняются типологическими комментариями.

Ключевые слова: относительная клауза, препозиция клаузы, выделение темы, русская разговорная речь, внутренняя именная вершина, антецедент, анафора, М. Зощенко, художественный прием.

В работах, посвященных синтаксическим особенностям разговорной разновидности русского языка, давно отмечен тип конструкции с препозицией относительной клаузы (ПОК). Речь идет о примерах типа:

(1) ***Которые фронтовики*** *обойдутся таким зеркалом* [Земская 1973: 84];
(2) ***Которые старики*** / ***они*** *были недовольные нами* [Кручинина 1968: 84].

Такие построения отклоняются от нормы стандартного языка в двух отношениях: относительная клауза (ОК) предшествует главной клаузе (ГК), и, следовательно, относительное местоимение (ОМ) не имеет антецедента. Как видно, оно может зато сопровождаться анафорической ссылкой в главной клаузе (пример 2) и выступать без нее (пример 1); о второй возможности упоминается также в [Зализняк, Падучева 1979: 294]. Кроме того, встречаются и указательные местоимения в той же функции:

(3) ***Которые посмелее те*** / ***эти*** / ***они*** *опять смеются* [Кручинина 1968: 83].

Кроме того, автор допускает и инверсию внутри относительной клаузы, ср.:

(3a) ***Посмелее которые*** *опять смеются*.

И наконец, постпозитивный порядок тоже не исключен, ср.:

(3b) *Опять смеются* ***которые посмелее***.

Если учесть все позиционные варианты ОМ и возможные местоименные или нулевые корреляты, получается максимально 16 различных формулировок[1].

Итак, рассмотренные примеры отличаются от стандартной языковой нормы в двух отношениях: 1) допускается перемещение относительной клаузы в самое начало предложения, 2) может отсутствовать ее антецедент, т. е. именная опорная вершина (*head*) в главной клаузе, будь то именная группа вроде *люди* или указательное местоимение-коррелят (*light head*), ср. примеры 1, 3a и 3b. Такая характеристика напоминает поведение ОК с субстантивными местоимениями *кто* / *что*, ср. вполне нормативные варианты *Кто посмелее, опять смеются <смеется>* и *Опять смеются <смеется>, кто посмелее*. С другой стороны, препозитивное субстантивное местоимение *кто* может в принципе выступать в любом падеже, а для препозитивного местоимения *который* характерен лишь именительный падеж (см. ниже). Таким образом, в данной разновидности русского языка

[1] При постпозитивной ОК функция местоимений *он* и *этот* превращается из анафорической в катафорическую.

вырисовывается частичный синтаксический параллелизм между ОМ *который* и *кто* / *что*. В семантическом отношении описанные клаузы всегда оформляют рестриктивные (определительные) ОК. В таких примерах, как 1 и 2, можно усматривать известную избыточность, поскольку ОМ может с успехом опускаться, ср.: *Фронтовики обойдутся*…; иначе обстоит дело с примером 3 — в силу морфологической неопределенности предикатного слова, ср.: **Посмелее опять смеются*.

В существующих корпусах устной речи препозитивная конструкция выступает довольно редко. Так, диалоги, вошедшие в сборник [Китайгородская, Розанова 1999], содержат 98 (преимущественно регулярных) относительных предложений, а ПОК там вовсе не представлена. Зато она нашлась в хрестоматии [Шалина 2011][2], где имеется всего лишь 25 относительных предложений, причем из них 15 — нерегулярные [Weiss 2019]. Пример 4 содержит ПОК с последующей анафорой:

(4) З. Д. *Дык и чё получатся* / ***которая ругается*** / *у* ***ней*** *ваще нет транспорта?*

Искомый референт находится в довольно отдаленном предшествующем контексте: это *соседка* главного героя рассказа. Таким образом, ОМ выполняет реидентифицирующую функцию и служит как антецедент местоимения *ней*, которое здесь является необходимым для маркировки посессора. Иначе обстоит дело в следующем примере:

(5) Г. О. *Я тяплицу помазал* / *вода не так пристает* / *дождь лил сутки* // ***которые помазанные*** / *потрогал они не мокрые* / *знащит не впитывалась вода*
Н. *Стёкла* | *что ли?*
Г. О. *Да нет* / ***деревянные эти***.

Здесь очевидна коммуникативная неудача, вызванная отсутствием четкого антецедента: только после переспроса собеседника выясняется, что говорящий имел в виду помазанные им доски, но, видимо, не мог найти подходящего слова. Отметим, что соотносительное слово *те* также не помогло бы раскрыть желаемую референцию.

Устный корпус [НКРЯ] является источником многих примеров с ПОК, хотя не все результаты одинаково надежны из-за затрудненной проверки предшествующего расширенного контекста. Подкорпус «Устная непубличная речь» содержит шесть примеров, причем все — без анафоры в главной клаузе:

(6) ***Которая ехала стоя***… *перешла вперед и села*… (Сборы в дорогу и поездка в транспорте, 2007);

(7) 53, Р2, жен.: ***Которые последние*** / *я не взяла. Потому что я не знала* / *что надо их сюда с собой брать. Вот тут* / ***которые в марте*** *и ещё здесь я*… (Посещение врача, 2006);

[2] Этот сборник отличается от остальных коллекций устных текстов прежде всего по социальному составу участников: среди них представлено много рабочих. Может быть, этим обусловлена высокая доля регионализмов, см. *получатся = получается*, и того пласта языка, который традиционно причисляется к так называемому просторечию, см. *у ней* (наряду с *у ей*, *у ее* и стандартного *у нее*).

(8) 54, руководитель, мать, жен.: ***Которая в профкоме*** / *сволочь. Слушай* / *я* / *наверное* / *выйду из профсоюза. Я говорю* / *«Здравствуйте* / *извините* / *что так произошло* / *вот». Этот Колесников* / *конечно* / *говорит* / *«Ну* / *как же* / *вам сегодня два раза звонили…» В десять утра ей сказали принести характеристики* / *представляешь?* (Рассказ о работе, 2006);

(9) 77, пенсионер, Соколова, жен.: ***Которые перемёрли*** / ***которые на фронте*** / *остались. Так что я* / *осталась одна совсем* (Воспоминания о прошлом Е. Соколовой, 1981);

(10) 56, филолог, В, муж.: ***Которые ничего не знали*** / *русского языка просто не знали* / *у нее сдавали научные работы* (Разговор о знакомых, 1960–1980);

(11) 80, пенсионер, А., жен.: *Вот. Потом вот эти консервы*. ***Которые консервы кушали*** / *все рак получили. Они были заражёны. Все раком страдают. Вот от этого* / *и от пережитого* / *и вот мы остались отс… остатки* / *и в нас ничего нету натурального. У нас всё болит. Вся внутренность* (Воспоминания о прошлом бывших работниц «Трехгорки», 1964).

Как видно, все рассмотренные до сих пор примеры разделяют один общий признак: ОМ в них выступает как субъект. По отношению к ГК наблюдается большее разнообразие: кроме отмеченного уже посессора в примере 4, падежная роль антецедента нигде не маркируется, но подсказывается валентностью предиката, поскольку наряду с субъектами здесь представлено и прямое дополнение (примеры 5 и 7: *которые помазанные (их) потрогал*, *которые последние* / *я их не взяла*). Кроме того, ОМ однозначно указывает на пол и число референтов, см. пример 8.

Чаще ПОК встречается в более объемном подкорпусе «Устная публичная речь» (около 15 примеров). Они обнаруживают большую вариативность: так, кое-где появляется коррелят *тот* или анафора *он*, ср.:

(12) Рабочий, №1, муж.: … *Оттаяла тундра* / *значит* / *ну* / *и всё завалилось здание* / *и всё... Не выдержали колонные нагрузки* / *стали оседать* / *ну и люди*. ***Которые гуляли*** / *естественно* / *не успели выпрыгнуть* / *завалилось здание и всё* (Евгений Лебедев. Рассказ о жизни в Норильске, 1980–1985);

(13) 60, рабочий, №2, муж.: *Это тоже. Вот* / *значит* / *он средний. Почему он средний? У него старания свои* / *свой ум позволил стать самим собою. … ниже среднего*. ***Который уже шикарный и в 18 лет на «мерседесе» ездит*** / *это уже другой категории народ* / *это уже другое* (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Воронеж, 2003);

(14) 64, инженер, №9, муж.: ***Которое было*** / ***оно*** *до сих пор*. *Ну вся администрация президента* (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Москва, 2003).

Иногда наблюдается чередование ОМ *кто* и *который* и/или пре- и постпозиции:

(15) 45, воспитатель, №8, жен.: *А* ***кто*** *на заводе* / *на фабрике* / *в бюджетной сфере работают.* ***Которые от бюджета зависят*** / *от производства* /

***которому** не дают развиваться* / ***тому** хуже* (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Воронеж, 2003)[3];

(16) 42, врач, №1, муж.: *Поэтому* / *я тоже немножко удаляюсь* / *встречаясь с таким ветераном* / *который начинает кричать* / *«Я кровь проливал». **Которые кровь проливали*** / ***они** в земле лежат сырой. А **те*** / ***которые** сейчас живы* / *в основном* / *это **те*** / ***кто** был в тылу. Боевых осталось очень мало. Они погибли или от ран* / *или от политики*… (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Самара, 2003);

(17) Журналист, Бачинский, муж.: ***Которые** жирным шрифтом выделены* / ***те** уже бегали. А **кто** не жирным* / ***тому** можно звонить? Кому ты звонишь?* (Передача «Утреннее шоу Бачинского и Стиллавина» на радиостанции «Максимум», 2006);

(18) 51, рабочий, №5, муж.: *Ну я хочу сказать* / *я считаю так* / *что расстреливали **тех людей*** / ***которые** были явные противники этого их строя* / *которым с ними* / *ну честно они чувствовали ихними соперниками. Заставить их работать* / *по-моему* / *было бесполезно. Их только нужно было убирать. С этой целью их убивали. **Которые просто ломались** в лагерях* / ***их** отправляли работать* / *они работали* (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Москва, 2001).

Интересно отметить, что в трех последних примерах эксплицитно противопоставляются две референциальные группы выделенных ОК. Иногда действует эффект повтора предиката:

(19) 60, пенсионер, №10, жен.: *Они пройдут для нас еще ловчее. То есть* / *мы не поймем. Они **проскочат. Которые стремятся к власти*** / ***они проскочат*** (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Новосибирск, 2003).

Обобщая эти наблюдения, можно отметить, что конструкция с ПОК имеет явно дискурсивную функцию: она выделяет обычную или контрастную тему в информационной структуре всего предложения. Этим, видимо, объясняется и почти исключительное употребление именительного падежа[4]. В ГК может появляться анафорическая ссылка независимо от роли данного актанта-постцедента: маркируется как субъект, так и существительное в косвенном падеже (примеры 7, 15, 17), причем даже актант в косвенном падеже может отсутствовать (пример 5). Не вполне ясно, как в синтаксическом представлении лучше моделировать отсутствие антецедента: с точки зрения нормативного построения ОК следовало бы отметить эллипсис

[3] Здесь не совсем ясно, следует ли считать, что ОМ *которому* относится к антецеденту *производства* или что оно перефразирует *Которые от бюджета зависят.* В первом случае коррелят *тому* не согласуется по числу с ОМ *которые*, во втором *которому* является отклонением от правила, что ОМ выступает в им. п.

[4] В [НКРЯ] отмечены совсем немногочисленные примеры с внутренне несогласованной ИГ типа *Которым дети седьмой год — сейчас они в эту субботу уезжают уже*, приведенные в [Кручинина 1968: 85].

посредством знака $ø_i$, но можно и постулировать особую разговорную конструкцию без эллипсиса. Так или иначе, стоит подумать о том, трактовать ли отсутствие и присутствие антецедента как синтаксическое чередование в смысле, изложенном в [Апресян и др. 2010: 49]. В синтаксическом отношении подтип с анафорой в ГК представляет меньшую степень интеграции ОК в целом предложении, занимая как будто серединную позицию между сочинением и подчинением; в типологической литературе этот подтип хорошо известен под названием *коррелятивный диптих* [Lehmann 1988: 5]. В общем и целом языки с доминантной препозитивной конструкцией составляют в выборке языков, лежащей в основе типологического обзора [Dryer 2013], примерно одну четверть количества языков с постпозитивной моделью (N = 141/579).

Конструкции с именной вершиной в ОК

Все рассмотренные до сих пор ОК были построены по схеме «субъект + предикат в виде глагольной группы, прилагательного (примеры 3, 5, 7, 13) или предложной группы (пример 8)». Встретились и два примера с именным предикатным словом (примеры 1, 2). Иначе обстоит дело в таких случаях, где в ОК выступает существительное вместе с глаголом:

(20) 84, пенсионер, респондент, жен.: *Некоторые приезжали*. ***Которые медсестры заканчивали*** / *то приезжали сюда на практику* / *в больницу к нам. Хорошие… Знаете? А Вы не знаете. Раньше у всех были кальсоны* / *белые и в елочку* / *не трикотажные… Знаете? А Вы не знаете…* (Биография (беседа лингвиста с информантом), 1997).

Этот пример допускает лишь такую интерпретацию, что *медсестры* функционирует как непосредственная вершина ОМ. Такое употребление фиксируют и [Зализняк, Падучева 1979: 294], которые характеризуют его как «просторечное»: *Которые деньги были, он пропил*. В [Кручинина 1968: 85] такие примеры приводятся без особой стилистической характеристики, например: *Которые у нас жили дачники они в этот год не приехали*.

Подобным образом следует, по-видимому, интерпретировать пример из хрестоматии [Шалина 2011: 83], с той разницей, что предшествует антецедент *ней*:

(21) А. Ф. *Я не знаю* / *с кем ты разговаривала* //
Ф. П. *Ну вот* ***с ней*** / ***которая женщина в очках ходит*** / *беленькая*.

В [Лаптева 1976: 144] приводятся десять примеров с именной вершиной в ОК, например:

(22) *Я не смотрю на метки*. ***Которые*** *вот* ***клиенты есть*** *у меня, и* ***тем*** *я смотрю*.

Автор усматривает в них модификации конструкции так называемого именительного темы. Она включает сюда же и примеры с антецедентом-коррелятом вроде:

(23) ***Та, которая** здесь **стояла лампа**, я **ее** не брал*;
(24) *Вот **тем**, **которые ребята не подготовлены**, **тем** приходилось туго*.

Как видно, во всех трех примерах выступает еще анафорическая ссылка после ОК. Ввиду таких случаев следует, возможно, и пересмотреть оценку, данную следующему примеру в [Weiss 2019: 111], где говорится о возможном запоздавшем дополнении, т. е. о феномене речи:

(25) В: *Я ещё на хлеб горчицы намазал <…>*
С: *Дак а чё // мы тоже такие жрали / таки / эх //*
В: *А та / **которая в баночке горчица** / она слабенькая* [Шалина 2011: 135].

Данный пример в принципе допускает двоякую интерпретацию: либо вся структура построена по модели примеров 23 и 24 — с внутренней именной вершиной, либо она представляет включение ОК в именную группу *та горчица*, ср.:

1) (det (relpr + $Ø_{быть}$ + prepP + N) Pron Adj
либо
2) (det (relpr + $Ø_{быть}$ + prepP) N) Pron Adj

В свете вышеуказанных соображений первая интерпретация кажется теперь более убедительной.

Два примера с именной вершиной в ОК содержит сборник текстов, собранных в Воркуте, ср.:

(26) *Те, **которые люди работают** на севере, живут здесь… и нельзя по врачебным этим соображениям выезжать и на юг отдыхать* [Сергиева, Герд 1998: 74];
(27) *В общем-то все, **которые коми находятся** или **ненцы находятся** в тундре, они все и члены колхозов* [Там же: 396].

Даже [АГ 1980/2: 515] отмечает подобные построения, характеризуя их как «разговорные, особенно в просторечии» либо как прием стилизации: «по *которой речке плыть* — той и славушку творить», «На *котором месте* школа стоит, пустырь был». Здесь заметно отклонение от правила, что ОМ всегда оформляет субъект клаузы.

Итак, обнаружилась еще одна неканоническая, не совсем маргинальная конструкция ОК. Она отличается от нормативной модели наличием именной вершины ОМ в самой ОК. По ее позиционному поведению можно различить два подтипа: или вся ОК находится в препозиции, ср. примеры 20 и 22, или она вклинивается в главную клаузу между местоименным антецедентом и предикатом (все остальные вышеприведенные примеры). Во всех случаях ОМ выступает в именительном падеже — за исключением двух примеров из художественной литературы, приведенных в [АГ 1980].

Этим список неканонических конструкций еще не исчерпан. Так, диалектный материал подбрасывает нам еще один подвид конструкции с именной вершиной:

(28) ***Которы старухи** не ушодци, так со **старушками** поговорить* [Аванесов, Орлова 1964: 199].

Как видно, эта вершина здесь повторяется в ГК, создавая коррелятивный диптих. Можно было бы не упоминать об этом диалектном примере, если бы не попался подобный пример в хрестоматии [Шалина 2011: 216]:

(29) М. *Ты знаешь что есть такое кислит?*
А. *Нет*
М. *У него такая же формула как у мочевины* / *Токо называется по-другому* / *то есь это не* ***та мочевина*** / ***которая мочевина у каждого есь***.

В отличие от примера 28 ОК здесь выступает в постпозиции. Как уже отмечено в [Weiss 2019: 112], можно и здесь усмотреть эффект невнимательности говорящего. То же самое верно для единственного примера такого рода из устного корпуса [НКРЯ] (речь идет о бывшем генеральном прокуроре Скуратове):

(30) *Когда уже человека убрали* / *когда доконали его. Только потому* / *что он начал вести* / *раскрывать какое-то очень серьезное дело* / *связанное с* ***приватизацией***. ***Которая вначале проводилась приватизация без всяких законов*** / *без ничего. Все эти заводы покупались за какие-то там тысячные стоимости* (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Самара, 2003).

С другой стороны, в исторических текстах, относящихся к старорусскому периоду, именно этот подтип, с повторением определяемого слова, богато представлен [Борковский 1973], о чем свидетельствуют и многие примеры из [НКРЯ]; поэтому не исключено, что мы имеем дело с архаизмом, который кое-где еще сохранился в живой устной речи. Один из последних примеров, отмеченных в [НКРЯ], относится к 1776 г.:

(31) *Богдановиче Милославском нарочно из Москвы присланным* ***дьяком Иваном Гороховым*** *сказаны были,* ***который дьяк Горохов*** *его ж боярские и сына его пожитки на его великого государя с дьяками, с Львом Нечаевым и с Никитою Полуниным, в прошлом, 7185 году описывал и обирал* (Н. И. Новиков, 1776).

Следовало бы также рассматривать примеры, где вершина внутри ОК состоит не из повтора, а из гиперонима существительного-антецедента: в [Холодилова 2014] приводится пример 1808 г. (пример 123), кроме того, упоминается эта модель и в [Зализняк, Падучева 1979: 293]. Так или иначе надо подчеркнуть, что сегодня подтип с повтором в постпозитивной ОК стилистически относится не к разговорной, а к формально-канцелярской разновидности языка.

Подытоживая результаты этого раздела, можно выделить еще один тип ОК, отличающийся от нормативной конструкции наличием непосредственной именной вершины ОМ, грамматически согласованной с ОМ. Во всех употреблениях ОМ опять-таки выступает в именительном падеже. По позиционному критерию нашлись три подвида: препозиция (ОК предшествует всей ГК), интерпозиция (ОК следует лишь за антецедентом) и постпозиция (ГК целиком предшествует ОК, ср.

примеры 21, 29, 31). Среди постпозитивных употреблений нашлись два примера из современного узуса, где вершина повторяет существительное в ГК. Статус этих употреблений сомнителен, т. е. неизвестно, следует ли считать их случайными отклонениями или сохранившимся архаизмом, продолжающим исторически более распространенную модель. Как бы то ни было, здесь впервые представлено нерестриктивное (распространяющее) значение ОК (примеры 30, 31). Шире о данном подтипе пойдет речь в конце статьи.

В типологическом отношении описанная разновидность ОК соответствует типу конструкции с внутренней вершиной (*internal head* [Dryer 2013]), который как доминантная модель представлен лишь в неевропейских языках. Среди старорусских предшественников обсуждаемых конструкций с именной вершиной преобладает препозитивная модель с повторением вершины в ГК [Борковский 1973].

Неканонические модели ОК в литературной стилизации: М. Зощенко

После этого краткого обзора нестандартных конструкций ОК в разговорной разновидности русского языка небезынтересно взглянуть на способ, каким эти конструкции отражаются в художественных произведениях с подчеркнутой ориентировкой на устную спонтанную речь. Здесь напрашивается раннее сатирическое творчество М. Зощенко, которое изобилует ПОК, причем как в словах рассказчика, так и в речи персонажей: цитаты вроде *Которые без денег — не ездют с дамами* (Аристократка) общеизвестны среди русскоязычной образованной публики. Выборка произведений Зощенко в [НКРЯ] содержит 37 употреблений ПОК. По всей видимости, их частое употребление служит как художественный прием, особенно когда одна и та же номинация появляется несколько раз подряд. В следующем отрезке данный прием используется шесть раз:

(32) ***Которые с расхлябанной тарой***, ***те***, *конечно, охают, ахают и страдают. Весовщик говорит: <…> И,* ***которым отказали***, ***— те*** *смотрят на него с мольбой и предлагают ему свою дружбу и деньги за это самое. Но вот доходит очередь до одного гражданина. Он такой близорукий, в очках. <…>* ***Который в очках****, услышав эти слова, совершенно упадает духом. А перед тем, как упасть духом, до того набрасывается на весовщика, что дело почти доходит до зубочистки.* ***Который в очках кричит****: — Да что ты, собака, со мной делаешь! <…> Он кричит: — Это как понимать? Не хочешь ли ты мне, очкастая кобыла, взятку дать?!* ***Который в очках*** *сразу, конечно, понимает весь позор своего положения. — Нет, — говорит, — я деньги вынул просто так <…>* ***Который в очках****, совершенно сопревший, возится со своими ящиками. Их ему укрепляют, приводят в христианский вид и снова волокут на весы* (Слабая тара, 1930).

Как видно, здесь ПОК указывают сначала на группу лиц, которые определяются своей ролью в интеракции (*которые с расхлябанной тарой*, *которым отказали*),

а потом из этой группы выделяется индивид, который четыре раза идентифицируется одним и тем же внешним признаком (*который в очках*). Групповая референция сопровождается еще и коррелятом *те*, при индивидуальной референции он отсутствует. Как показывает этот фрагмент, употребление ПОК не служит как можно более убедительной имитацией спонтанного узуса: этому противоречит, например, косвенный падеж в *которым отказали* и четырехкратное повторение одной и той же номинации, которая превращается как бы в лейтмотив. Косвенный падеж встречается и в следующем фрагменте:

(33) *Не приходилось. Наоборот,* ***которых встречал***, ***все*** *были такие милые, особенные* (Честное дело, 1920–1930).

Интерес вызывает случай, где ОМ согласуется по падежу с соотносительным существительным, т. е. происходит полная интеграция ОК в ГК:

(34) *… спрашиваю: — Чего тут происходит? — А это, — говорят, — мы* ***которых аристократов*** *в грузовик сажаем и арестовываем. Ликвидируем этот класс. И вдруг вижу я — ведут. Бывшего графа ведут в мотор* (Жертва революции, 1923).

Таким образом, в ИГ *которых аристократов* стягиваются элементы *тех, которые аристократы*. Как и в случае с примерами 1, 2, ОМ здесь оказывается избыточным, достаточно было бы сказать «мы *аристократов* сажаем». Подобный пример приводится в [Холодилова 2014: пример 90]: *Позвали бы которых поумнее к себе…* (М. Горький, 1906), с той разницей, однако, что на этот раз ОМ необходим, ср. **позвали бы поумнее к себе*; это, по всей видимости, обусловлено отсутствием падежной маркировки в словоформе *поумнее*, см. выше пример 3.

Употребление референциального «лейтмотива» (см. пример 32) характерно и для других рассказов. Так, в «Тормозе Вестингауза» (1926) один референт вводится в форме *какой-то в синем картузе*, а потом упоминается четыре раза как *Который в синем картузе*; в разговоре участвует еще дважды референт *У которого вата в ухе.* С другой стороны, функция лейтмотива может и сочетаться с антецедентом, образуя нерестриктивную постпозитивную ОК: это наблюдается в известном рассказе «Нервные люди» (1925), где посессор ежика вводится как *Дарья Петровна Кобылина, чей ежик*, потом меняется на *Муж, Иван Степаныч Кобылин, чей ежик* и, наконец, на *Иван Степаныч, чей ежик*.

Референциальное противопоставление с помощью ПОК иногда принимает особый вид:

(35) *Мало. Для наглядности не менее как сорок требуется. И приперлись эти артисты на спектакль со своими запасами.* ***Которые*** *горькую принесли,* ***которые —*** *пиво. А некоторые и самогону раздобыли* (Фельетоны, 1923–1929).

Здесь ОМ явно функционирует как синоним *одни — другие*.

Препозитивные ОК могут и чередоваться с обычными референциальными ИГ:

(36) *Или бы так:* ***научных секретарей*** *вселять, скажем, к* ***научным секретарям***. ***Академиков****, прошедших чистку аппарата, — к* ***академикам***. ***Зубных врачей — к зубным врачам***. ***Которые на флейте свистят —*** *опять же к своим ребятам, — вали свисти вместе! Ну, конечно, если нельзя иметь такую точность при вселении, то и не надо. Пущай бы по главным признакам вселяли.* ***Которые люди умственного труда и которые любят по ночам книжки перелистывать —*** *вали к своим ночным труженикам. Другие — к другим. Третьи — к третьим. <…> Вот я и говорю:* ***ученых секретарей*** *надо к* ***ученым секретарям****,* ***зубных врачей*** *к* ***зубным врачам*** *и так далее. А* ***которые на флейте свистят****,* ***тех*** *можно за городом поселить. Вот тогда жизнь засияет в полном своем блеске* (Мерси, 1920–1930).

Коррелят *тех* после последней ОК как будто закругляет этот список, маркируя его конец. Такое чередование может иметь место в непосредственном соседстве:

(37) *Или пущай администрация пересаживает публику по ранжиру:* ***высоких*** *взад,* ***которые низенькие****, пущай вперед садятся* (Фельетоны, 1923–1929).

Опять заметен отказ от параллелизма (*высоких взад*, *низенькие вперед садятся*), обусловленный, возможно, изменением предикации и синтаксической ролью актантов у *низеньких*.

Как и в живом узусе, наличие ИГ в ОК требует двоякой интерпретации. С одной стороны, ИГ может играть роль предикатного слова, как в примерах 1 и 2, ср.:

(38) *Ну, — говорю ему, — как вообще, что пишут, велики ли заработки?— Заработки, говорит, невелики, но* ***которые интеллигентные больные*** *и хотя бы при смерти, норовят непременно в руку сунуть. — Извольте, говорю, хотя и не при смерти, но дать не отказываюсь* (Плохой обычай, 1920–1930).

С другой стороны, [НКРЯ] содержит и три употребления из рассказов Зощенко, где ОМ зависит от именной вершины в самой ОК:

(39) *Летний сезончик не был выдающимся.* ***Которые товарищи актеры приезжают*** *из провинции,* ***те*** *все зубами скрипят. — Прямо, говорят, для себя играли — нема никакой публики* (Театр для себя, 1920–1930);

(40) *Конечно, слов нет, стремянка не была сплошной чистоты — не блестела. И в ведрышко — раз в нем краска — нельзя свои польты окунать. И* ***которая дама сунула туда руку —*** *сама, дьявол ее задави, виновата. Не суй рук в чужие предметы!* (Мещанский уклон, 1926);

(41) *Это будет рассказ про нэпмана.* ***Которые пролетарии не хотят*** *про это читать — пущай не читают. Мы не настаиваем! На лестнице. Происходит звонок, и в квартиру входит обыкновенный человек и заявляет: — Я — агент Гепеу. Не бойтесь!* ***Который тут нэпман*** *Егор Горбушкин — пущай живо собирается и идет со мной. Вот мандат и повестка* (Спешное дело, 1920–1930).

Отметим, что ИГ *нэпман Егор Горбушкин* здесь оформляет предикат.

Итак, оказывается, что тип конструкции ПОК с именной вершиной, который в живой речи был представлен в примерах 20 и 22, не чужд и творчеству Зощенко. Следует подчеркнуть, что постпозитивный подтип с повторением именной вершины (см. выше примеры 28–31) в нашей выборке рассказов Зощенко не отмечен, что, скорее всего, объясняется его принадлежностью к формальному письменному стилю. Основная дискурсивная функция всех рассмотренных фрагментов из рассказов Зощенко, таким образом, весьма одинакова: ОК служит для выделения темы, а кроме того, как и в живой речи, конструкция позволяет противопоставлять два или больше референтов. Особой чертой авторского идиостиля является функция лейтмотива, т. е. постоянного повторения той же номинации. Подчеркнем, что другие оформления ОК, характерные для разговорного узуса, у Зощенко совсем не представлены; это верно для ОК с перемещенным ОМ типа *Посмелее которые опять смеются*, а особенно для конструкции без ОМ типа *Убери очки Ваня оставил*[5] *[ср.: АГ 1980/2: 647; Земская 1973; Земская и др. 1981; Кручинина 1968: 85 и след.; Холодилова 2014; Ширяев 1986; Miller, Weinert 1998; Murelli* 2011; Woolhiser 1990]. Другими словами, автор выбирает лишь один из разных возможных приемов для создания эффекта спонтанной речи.

В заключение хотелось бы указать на параллельный случай стилизации неканонической конструкции ОК у других, более современных писателей. Речь идет о постпозитивной ОК с повторением именной вершины, как в примерах 30 и 31. Эта разновидность отличается от остальных рассмотренных типов ОК, как уже отмечалось, в трех отношениях: она оформляет нерестриктивные ОК, относится к формальным регистрам письменного узуса, точнее имеет «архаично-канцелярский привкус» [Норман 2012], и считается устарелой. Тем не менее она переживает как бы свое воскресение в творчестве Л. Петрушевской. Из многочисленных примеров, приведенных в [Норман 2012], укажем на следующий (повтору здесь подвергается не вся ИГ-антецедент, а лишь ее вершина):

(42) *Поначалу никто не обратил внимания на поломанную ножку кровати, покосившийся унитаз и битые тарелки в* ***мусорном ведре****,* ***которое ведро*** *никто не выносил со дня отъезда* (Морские помойные рассказы, 2011).

Как убедительно формулирует Б. Норман, «это риторическая фигура, нацеленная на заигрывание с читателем, своего рода речевое манерничанье». Подобную функцию можно приписать употреблению ПОК в творчестве Зощенко, хотя стилистическое расстояние между художественным приемом и его источником в живой речи там гораздо менее значительно, чем в случае Л. Петрушевской.

[5] Отметим, что такие построения нарушают конструктивную особенность Релятивного СинтО, что «вершине придаточного <…> обязательно подчиняется одно из союзных слов *который*» и т. д. [Апресян и др. 2010: 33]. Поэтому они (в отличие от ОК без антецедента) однозначно требуют создания особой СинтО.

Литература

Аванесов Р. И., *Орлова В. Г.* Русская диалектология. М. : Наука, 1964. 305 с.

АГ 1980 — Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980.

Апресян Ю. Д., *Богуславский И. М.*, *Иомдин Л. Л.*, *Санников В. З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М. : Языки славянских культур, 2010. 407 с.

Борковский 1973 — Сравнительно-исторический синтаксис восточно-славянских языков. Сложноподчиненное предложение / отв. ред. В. И. Борковский. М. : Наука, 1973. 356 с.

Зализняк А. А., *Падучева Е. В.* Синтаксические свойства местоимения *который* // Категория определенности–неопределенности в славянских и балканских языках / отв. ред. Т. М. Николаева. М. : Наука, 1979. С. 289–329.

Земская 1973 — Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1973. 485 с.

Земская Е. А., *Китайгородская М. В.*, *Ширяев Е. А.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 278 с.

Китайгородская М. В., *Розанова Н. Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.

Кручинина И. Н. Конструкции с местоимением «который» в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1968. №2. С. 82–88.

Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М. : Наука, 1976. 397 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Норман Б. Ю. Об одной особенности идиостиля Людмилы Петрушевской // Жанры речи. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова / отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 226–332.

Сергиева Н. С., *Герд А. С.* Русская разговорная речь европейского Северо-Востока России: сб. текстов. Сыктывкар : Сыктывкар. гос. ун-т, 1998. 158 с.

Шалина 2011 — Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия / сост. И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 360 с.

Холодилова М. А. Относительные придаточные. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/Относительные_придаточные

Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в русском языке. М. : Наука, 1986. 223 с.

Dryer M. S. Order of Relative Clause and Noun // The World Atlas of Language Structures Online / ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://wals.info/chapter/90

Lehmann Ch. Towards a typology of clause linkage // Typological Studies in Language — 18 / ed. by E. Haiman, S. A. Thompson. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1988. P. 181–226.

Miller J., *Weinert R.* Spontaneous Spoken Language. Syntax and Discourse. Oxford : Clarendon Press, 1998. 457 p.

Murelli A. Relative Constructions in European Non-Standard Varieties. Berlin : De Gruyter Mouton, 2011. 477 p.

Weiss D. Zero Linking in Russian Colloquial Relativization // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2019. № 1. P. 95–122.

Woolhiser C. "Missing Prepositions" in colloquial Russian relative clauses // Topics in Colloquial Russian / ed. by M. H. Mills. New York : Lang, 1990. P. 17–30.

Daniel Weiss

University of Zurich, Slavic Department
(Switzerland, Zurich)
dawe@slav.uzh.ch

CONSTRUCTIONS WITH PREPOSED RELATIVE CLAUSES

The paper examines two types of non-canonical restrictive relative sentences in contemporary colloquial Russian: preposed relative clauses with the pronoun *kotoryj* 'which' and relative clauses with internal head. The first type fulfils a clear discursive function since the relative clause serves here to mark a neutral or contrastive theme. This explains the exclusive use of the nominative case of the pronoun. The main clause often contains an anaphoric support of the relative clause by means of a personal or demonstrative pronoun; such a support is however not mandatory. The construction with internal head mainly functions in pre- or interposed relative clauses. Two examples with postposition and repetition of the antecedent had non-restrictive reference; their acceptability is however questionable since they may be due to an accidental uncontrolled deviation from the norm. On the other hand, it should be pointed out that in historical official or bureaucratic sources this subtype was quite widespread (the following quotation might illustrate the case: "And which peasant brews bear illegally, this peasant shall pay a fine") and may even today be used as an intended playful archaism: this device is notably used in L. Petrushevskaya's work. The last section of the paper discusses the use of preposed relative clauses in the speech of the narrator and the main characters in M. Zoshchenko's tales. Here, this device is not meant to imitate the authentic usage as faithfully as possible, but merely as an artistic stylization of oral speech. This may be seen from the lack of other non-canonical patterns of relative clauses known from authentic speech and above all from the frequent repetitions of certain relative clauses intended as a leitmotiv for the characterization of the given character. All examples are taken from the basic

and oral subcorpora of the *Russian national corpus*, the collection of texts *Zhivaya rech' ural'skogo goroda* and the available descriptions of Russian colloquial speech. The empirical findings are complemented by typological notes.

Keywords: Relative clause, preposed clause, theme, Russian colloquial speech, internal head, antecedent, anaphora, M. Zoshchenko, artistic device.

References

Apresyan Yu.D., Boguslavskii I.M., Iomdin L.L., Sannikov V.Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [The Theoretical problems of Russian syntax. The Interaction of grammar and dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. 407 p.

Avanesov R.I., Orlova V.G. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 305 p.

Borkovskii V.I. (Ed.). *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochno-slavyanskikh yazykov. Slozhnopodchinennoe predlozhenie* [The Comparative-historical syntax of Eastern Slavic languages. Complex sentences]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 356 p.

Dryer M.S. Order of Relative Clause and Noun. *The World Atlas of Language Structures Online*. M.S. Dryer, M. Haspelmath (Eds.). Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: https://wals.info/chapter/90 (accessed 22.02.2020)

Kholodilova M.A. *Otnositel'nye pridatochnye* [Relative sentences] Available at: http://rusgram.ru/Otnositel'nye_pridatochnye (accessed 22.02.2020)

Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. *Rech' moskvichei. Kommunikativno-kul'turologicheskii aspect* [The Speech of Muscovites. The Communicative-culturological aspect]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1999. 396 p.

Kruchinina I.N. [Constructions with the pronoun *kotoryj* 'which' in the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1968, no. 2, pp. 82–88. (In Russ.)

Lapteva O.A. *Russkii razgovornyi sintaksis* [Russian colloquial syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 397 p.

Lehmann Ch. Towards a typology of clause linkage. *Typological Studies in Language — 18*. E. Haiman, S.A. Thompson (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 1988, pp. 181–226.

Miller J., Weinert R. *Spontaneous Spoken Language. Syntax and Discourse*. Oxford, Clarendon Press, 1998. 457 p.

Murelli A. *Relative Constructions in European Non-Standard Varieties*. Berlin, De Gruyter Mouton, 2011. 477 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National corpus of the Russian language]. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 22.02.2020)

Norman B.Yu. [On a particularity of Ljudmila Petrushevskaya's individual style]. *Zhanry rechi. Vyp. 8. Pamyati K.F. Sedova* [The Genres of speech. A Collection of scientific papers, Iss. 8. In memory of K.F. Sedov]. V.V. Dement'ev (Ed.). Saratov, Moscow, Labirint Publ., 2012, pp. 226–332. (In Russ.)

Sergieva N. S., Gerd A. S. *Russkaya razgovornaya rech' evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii: sb. tekstov* [Russian colloquial speech of the European north-east of Russia: a collection of texts]. Syktyvkar, Syktyvkar St. Univ. Publ., 1998. 158 p.

Shalina I. V. (Ed.). *Zhivaya rech' ural'skogo goroda: ustnye dialogi i epistolyarnye obraztsy: khrestomatiya* [Authentic speech of the Ural cities: oral dialogues and selected letters. An anthology]. Ekaterinburg, Ural St. Univ. Publ., 2011. 360 p.

Shiryaev E. N. *Bessoyuznoe slozhnoe predlozhenie v russkom yazyke* [Asyndetic complex sentences in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 223 p.

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vols. 1–2.

Weiss D. Zero Linking in Russian Colloquial Relativization. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2019, no. 1, pp. 95–122.

Woolhiser C. "Missing Prepositions" in colloquial Russian relative clauses. *Topics in Colloquial Russian*. M. H. Mills (Ed.). New York, Lang, 1990, pp. 17–30.

Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. [Syntactic properties of the pronoun *kotoryj* 'which']. *Kategoriya opredelennosti–neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* [The category of definiteness-indefiniteness in the Slavic and Balkan languages]. T. Nikolaeva (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 289–329. (In Russ.)

Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryaev E. A. *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech: General aspects. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 278 p.

Zemskaya E. A. (Ed.). *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 485 p.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.8

Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук
Обсерватория лингвистики «Смысл-Текст», Монреальский университет (Канада, Монреаль)
lidija.iordanskaja@umontreal.ca, igor.melcuk@umontreal.ca

МЕСТОИМЕНИЯ *КТО* И *КОТОРЫЙ* В ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОМ ПРИДАТОЧНОМ

Рассматривается проблема выбора между союзными местоимениями кто и который в определительном (= релятивном, или относительном) придаточном предложении русского языка. Описываются лексемы вокабул кто и который. Определяются псевдорелятивное придаточное (***Кто устал**, пусть уходит*) и два типа релятивных придаточных: рестриктивно-релятивное (*Дом, **который я увидел за поворотом**, был освещен*) vs. дескриптивно-релятивное (*Твой отец, **которого все так уважают**, сумеет сделать это*). Задаются формальные семантические и глубинно-синтаксические правила выбора между лексемами кто**2b** и который**II.b**; эти правила основываются на языковых факторах трех типов:

• семантические факторы: 1) тип референта определяемого существительного L_{GOV} (человек / не человек); 2) тип определительного придаточного (рестриктивное / дескриптивное); 3) наличие / отсутствие пресуппозиции существования для референта L_{GOV};

• синтаксические факторы: 1) синтаксический класс существительного L_{GOV} (местоименное / неместоименное и т. д.); 2) наличие у L_{GOV} определенных зависимых;

• лексический фактор: лексема человек и лексемы типа высочество, величество и т. д.

Ключевые слова: определительное (= релятивное) придаточное, псевдорелятивное придаточное, русский язык, синтаксис, союзные местоимения кто и который, формальные семантические и глубинно-синтаксические правила.

1. Введение 108
2. Вокабулы КТО и КОТОРЫЙ. 110
3. Лингвистические представления фраз с кто2a-b и которыйII.a-b 112
3.1. Псевдорелятивное придаточное ≠ определительное придаточное. 112
3.2. Фразы с исходным псевдорелятивным придаточным 114
3.2.1. Псевдорелятивное придаточное с кто2a 114
3.2.2. Псевдорелятивное придаточное с которыйII.a 116

3.3. Фразы с рестриктивно-определительным придаточным . . . 117
3.4. Фразы с дескриптивно-релятивным придаточным . . . 118
4. Условия выбора между лексемами кто2b и которыйII.b . . . 118
5. Семантические и глубинно-синтаксические правила для кто2a-b и которыйII.a-b . . . 121
5.1. Семантические правила . . . 121
5.1.1. Семантическое правило для лексем кто2a и которыйII.a . . . 121
5.1.2. Семантические правила для определительных придаточных . . . 122
5.1.2.1. Рестриктивно-определительное придаточное . . . 122
5.1.2.2. Дескриптивно-определительное придаточное . . . 123
5.2. Глубинно-синтаксические правила . . . 123
5.2.1. Глубинно-синтаксическое правило введения во фразу «опорного» коррелятива тотII (псевдорелятивное придаточное подчиняется этому коррелятиву и становится рестриктивно-релятивным; местоимение кто2a / которыйII.a заменяется на кто2b / которыйII.b) . . . 123
5.2.2. Глубинно-синтаксическое правило введения во фразу «дублирующего» коррелятива тотII . . . 124
5.2.3. Глубинно-синтаксические правила прономинализации глубинно-синтаксического образа определяемого существительного (= введение в ПСинтС придаточного предложения местоимения кто2b или которыйII.b) . . . 124
5.2.3.1. Рестриктивно-релятивное придаточное . . . 124
5.2.3.2. Дескриптивно-релятивное придаточное . . . 126
Благодарности . . . 127
Литература . . . 127
References . . . 128

1. *Юре, с* ***которым*** *мы испытали «души высокую свободу, Что дружбою наречена».*
2. *Юрию Дерениковичу Апресяну: «Вы нас восхищаете как исследователь,* ****кто*** *так много сделал для русской лингвистики»*
(из письма иностранного русиста).

1. Введение

В русском языке определительное придаточное (называемое также относительным и релятивным) вводится одним из союзных местоимений КТО, ЧТО, ЧЕЙ, КОТОРЫЙ, каковой, когда, где и т. д. [Шведова 1980/1: 720–722; 1980/2: 521–525]. В настоящей статье мы рассмотрим употребление двух из них: КТО *vs*. КОТОРЫЙ.

Начнем с уточнения терминов. Лексему L_{GOV} (в составе подчиняющего предложения), от которой синтаксически зависит определительное придаточное, естественно называть определямым; L_{GOV} — синтаксический хозяин придаточного, точнее говоря, его синтаксической вершины. L_{GOV} является либо существительным (в частности — местоименным: *Всякий* / *Никто, кто нарушит это правило, ...*), либо номинализованным прилагательным[1] или числительным, например в элективной конструкции:

[1] Номинализованное прилагательное — это словарное прилагательное, окказионально оказавшееся во фразе в роли существительного: либо в в результате эллипсиса (*Иван взял два* ***зеленых***),

самый молодой*–элект→из них, который сумел удержаться на ногах, …*;
двое*–элект→из группы, которые были уже готовы, …*

Союзное слово L_{IMAGE} в составе придаточного предложения (т. е. в нашем случае КТО или КОТОРЫЙ) называется образом определяемого L_{GOV}[2]. L_{GOV} является антецедентом образа L_{IMAGE}; образ L_{IMAGE} связан с L_{GOV} кореферентной связью (↔), т. е. они имеют один и тот же референт. Например:

дескриптивно-релятивное

(1) *Поезд запустят на магистрали*$_{LGOV}$ *Токио — Нагоя,*
открытие ***которой***$_{LIMAGE}$ *планируется в 2027-ом году.*

Изложение ведется в рамках подхода «Смысл–Текст»; необходимые понятия и формализмы используются без специальных пояснений. В частности, имена поверхностно-синтаксических отношений (ПСинтО), используемые здесь и ниже, взяты из [Иомдин 2010; Мельчук 2012: 135–144]; о двух типах определительных придаточных (рестриктивное *vs*. дескриптивное) см. подразделы 3.3 и 3.4.

В определительном придаточном иногда возможно только КТО**2b** (2), иногда только КОТОРЫЙ**II.b** (3), иногда оба (4), а иногда невозможно ни одно из них (5).

(2) a. *Нет никого* (*другого*), ***кто*** / ****который*** *так много сделал для русской лингвистики*.
b. *Они угрожали всякому,* ***кто*** / ****который*** *пытался открыть людям истину*.

(3) a. *Вы нас восхищаете как исследователь,* ****кто*** / ***который*** *так много сделал для русской лингвистики.*
b. *Я увидел незнакомого юношу, с* ****кем*** / ***которым*** *разговаривал директор*.
c. *Мы выбрали самого опытного из наших водителей,* ****кто*** / ***который*** *к тому же хорошо знал дорогу*.

(4) a. *Этот исследователь,* ***кому*** / ***которому*** *русская лингвистика обязана столь многим, восхищает всех.*
b. *Нас восхищают те,* ***кто*** / ***которые*** *так много сделали для русской лингвистики*.
c. *Единственный пациент,* ***кто*** / ***который*** *согласился на это лечение, был Иван*.

(5) a. *Петр обратился к Ивану, но тот,* ****кто*** / ****который*** *не любил одалживать деньги, промолчал.*
b. *Наконец его Высочество,* ****кто*** / ****который*** *родился в 1936 году, стал имамом.*

В случаях типа (5) определительное придаточное вообще невозможно, и говорящий должен выбрать семантически эквивалентную конструкцию, например

либо в силу вхождения в элективную конструкцию (***лучшая*** *из студенток*). Сказанное относится также и к номинализованным числительным.

Субстантивированное прилагательное — это словарное существительное, исторически возникшее из прилагательного (портной, мороженое, любой**2**).

[2] Это поверхностно-синтаксический образ определяемого; он представляет собой результат прономинализации глубинно-синтаксического образа определяемого.

… но тот не любил одалживать деньги и промолчал и *Наконец его Высочество (Ага-Хан родился в 1936 году) стал имамом*.

Наша цель — описать посредством формальных правил распределение местоимений КТО**2b** и КОТОРЫЙ**II.b** в качестве союзного слова в определительном придаточном русского языка. Нам известны лишь три работы на данную тему: [Янович, Грунтова 2007; Холодилова 2014: 5.1.4; Kholodilova 2017]. В них указан один из существенных факторов интересующего нас распределения: если определяемое L_{GOV} — местоименное существительное типа ВСЕ**2**, КАЖДЫЙ**2**, ЛЮБОЙ**2**, то возможно только КТО**2b**; в [Холодилова 2014; Kholodilova 2017] отмечена также роль типа придаточного (рестриктивное vs. дескриптивное).

Фактические данные, на которых основаны предлагаемые правила выбора между КТО**2b** и КОТОРЫЙ**II.b**, представляют нашу собственную языковую интуицию. Мы ставили себе целью отразить нормативную речь, отбрасывая примеры, которые представляются нам языковой небрежностью. Разумеется, поскольку русский язык меняется очень динамично, некоторые из наших запрещений могут оказаться устаревающими. Однако мы описываем **синтез** (а не анализ) фраз с КТО**2b** / КОТОРЫЙ**2II.b**, так что мы стремимся к построению только заведомо правильных фраз, избегая фраз сомнительных, — несмотря на то, что при этом могут быть упущены некоторые тонкие случаи возможных употреблений.

2. Вокабулы КТО и КОТОРЫЙ

Прежде всего необходимо уточнить, с какими именно КТО и КОТОРЫЙ мы имеем дело.

Вокабула КТО содержит пять лексем: три местоименных союзных слова (КТО**1a**, КТО**2a** и КТО**2b**), вопросительное местоимение (КТО**1b**) и неопределенное местоимение (КТО**2c**); ниже рассматриваются только союзные местоимения КТО**2a и** КТО**2b**.

КТО, существительное, местоименное.

1a. КТО**1a**, **косвенно-вопросительное, союзное; муж. р., ед. ч.**

‘КТО X-ит’ ≈ ‘идентичность [≈ ‘информация, полностью идентифицирующая…’] человека, КОТОРЫЙ**II.b** X-ит’

Мы выясним, кто пришел | *Мы выясним, кто *пришла* / **пришли.*

1b. КТО**1b**, **прямо-вопросительное; муж р., ед. ч.**

‘Кто X-ит?’ ≈ ‘Я хочу, чтобы мне сообщили идентичность человека, КОТОРЫЙ**II.b** X-ит’

Кто пришел? | *Кто *пришла* / **пришли?*

2a. КТО**2a**, **неопределенное, союзное, заменитель; муж. / жен. р., ед.** / **мн. ч.**[3]

[3] Заметим, что генитив лексем КТО**2a** и КТО**2b** — *кого* — может синтаксически зависеть от существительного, только если форма *кого* подчинена этому существительному по **объектно-приименному** ПСинтО:

(i) ТОТ, *включение*–**объект-прим**→***кого*** *в состав комиссии необходимо.*

В противном случае используется прилагательное чей:

‘кто**2a** Х-ит’ ≈ ‘человек, который**II.b** Х-ит’

Кто ищет, (тот) всегда найдет | Кому нужно, позвонит / позвонят | С кем поведешься, от того и наберешься | Тот, кто хочет, может уйти | Те, кто хочет / хотят, могут уйти | Та, кто вчера заходила, оставила тебе записку.

NB: Выражение ‘человек, который**II.b** Х-ит’ есть условное словесное изображение семантической структуры ‘человек ← Х-ить’, где подчеркиванием указана коммуникативно-доминантная семантема.

2b. кто**2b**, **относительное, союзное, заменитель; муж. / жен. р., ед. / мн. ч.**

кто**2b** — семантически пустая лексема; ≡ который**II.b**.

Приглашаются все (строители), кто имеет опыт работы в Заполярье | Пропал кто-то, кто живет в Москве | Каждая женщина, кто хоть раз испытала это, не захочет повторять свой опыт | Все, кто искал / искали как следует, разумеется, нашли.

2c. кто**2c**, **неопределенное; муж. р., ед. ч.**

‘кто**2c**’ ≈ ‘некий человек’

*Если кого встретишь, скажешь, что идешь домой | Все разбежались, кто куда | А это кому как | Если кто приходил / *приходила / *приходили, мы узнаем.*

Вокабула который включает группу лексем-прилагательных (который**I.1**, как в *Который дом ты имеешь в виду?*, и т. д.) и группу лексем-существительных (который**II.a-b**); здесь будут рассматриваться только лексемы-существительные который**II.a** и который**II.b**.

КОТОРЫЙII, **существительное, местоименное.**

II.a. который**II.a**, **неопределенное; просторечное**

‘человек, который**II.b** Х-ит’ ≈ ‘кто**2a** Х-ит’

Которые без денег — не ездют с дамами (М. Зощенко).

II.b. который**II.b**, **относительное, союзное, заменитель**

который**II.b** — семантически пустая лексема

У меня есть друг, с которым можно говорить о чем угодно.

Местоимения кто**1a-b**, кто**2a** и который**II.a** являются семантически полными словами: у них имеется прообраз в исходной семантической структуре. Местоимения кто**2b** и который**II.b** — семантически пустые: они появляются в поверхностно-синтаксической структуре определительного придаточного в результате прономинализации некоторой глубинной лексемы, а именно глубинно-синтаксического образа определяемого существительного.

(ii) тот, *приезд*–**субъект-прием→*кого*** *нас удивил ⇒ тот,* ***чей*** *приезд нас удивил.*
См. [Апресян 2010: 12–14; Mel’čuk 2018: 44–45].

Кроме того, этот генитив не может зависеть от названия количества:

(iii) для *вас,****кого*** **/** *которых так много.*

3. Лингвистические представления фраз с кто2a-b и которыйII.a-b

Приведем для нескольких типовых фраз с КТО**2a-b** и КОТОРЫЙ**II.a-b** их лингвистические представления на семантическом, глубинно-синтаксическом и поверхностно-синтаксическом уровнях; в порядке упрощения мы опустим граммемы и их семантические отображения. Однако прежде этого необходимо ввести понятие псевдорелятивного придаточного.

3.1. Псевдорелятивное придаточное ≠ определительное придаточное

Хотя данная статья посвящена определительным (= относительным, или релятивным) придаточным, наряду с ними приходится рассматривать и так называемые псевдорелятивные придаточные:

(6) a. ***Кто не работает****, не ест*.
b. ***Кого любишь****, выбирай!*
c. ***С кем поведешься****, от того и наберешься.*

Псевдорелятивное придаточное называют «свободным, или безвершинным, относительным» (*free/headless relative*)[4]; этой синтаксической конструкции посвящена огромная литература [см., например: Horvath, Grosu 1987; Citko 2004; Caponigro et al. 2013, где представлена релевантная библиография]; о «безвершинных относительных придаточных» в русском языке см. [Лютикова 2015]). Термин *свободное* / *безвершинное относительное придаточное*, однако, недопустим: псевдорелятивное придаточное предложение, как и вообще любое предложение, имеет синтаксическую вершину (= его собственный личный глагол); как и вообще любое придаточное, оно имеет и синтаксического хозяина (= личный глагол подчиняющего предложения). Неслучайно в классической статье [Зализняк, Падучева 1975] псевдорелятивные придаточные называются *бессубстантивными* (что тоже не совсем удачно, но все же шокирует меньше) и выделяются в особый класс.

Псевдорелятивное придаточное синтаксически эквивалентно именной группе, которая функционирует как актант или сирконстант вершинного глагола подчиняющего предложения (описание псевдорелятивного придаточного в английском языке как именной группы последовательно проведено в [Mel'čuk, Pertsov 1987: 486–487]). Местоимение КТО**2a** может быть в любом падеже или вводиться предлогом:

(7) a. ***Кому*** *скучно,*←**подлежащное**–*может* / *могут уйти.*
b. ***Для кого*** *это скучно*,←**подлежащное**–*может* / *могут уйти*.

Псевдорелятивные придаточные формально настолько переплетены с определительными придаточными, что, рассуждая о последних, отвлечься от первых невозможно. В частности, определительные придаточные некоторого типа — (14) и (15) — возникают из псевдорелятивных в результате применения

[4] Называть его *определительным* невозможно, поскольку оно ничего не определяет.

глубинно-синтаксических правил, а именно в результате введения в поверхностно-синтаксическую структуру (ПСинтС) коррелятивного местоимения-существительного тот**II** (это чисто служебное, семантически пустое слово).

NB: тот**I** — адъективное местоимение (***Те*** *пассажиры, которые следуют до Москвы, ….*).
тот**II** — субстантивное местоимение-коррелятив (*Кто весел,* ***тот*** *смеется*).
тот**III** — субстантивное местоимение-заменитель (*Когда Маша оставила Петю,* ***тот****, глубоко задетый, уехал из Москвы*, где тот**III** заменяет лексему Петя [см., в частности: Weiss 1989]) [5].

Введение в ПСинтС фразы коррелятива тот**II** ведет к ее изменению: коррелятив становится синтаксическим хозяином псевдорелятивного придаточного и актантом вершинного глагола подчиняющего предложения. Тем самым, говоря **формально**, псевдорелятивное придаточное превращается в рестриктивно-определительное придаточное, синтаксически зависящее от коррелятива тот**II**:

(8) ***Тот****,*–[***кто***]–**рестриктивно-релятивное**→*ищет, может уйти.*

По существу, однако, псевдорелятивное придаточное не становится определительным, так как тот**II** — семантически пустое слово и «определить» его семантически невозможно. Ничто, однако, не мешает тому, чтобы в ПСинтС псевдорелятивное придаточное, зависящее от тот**II**, трактовалось как определительное и подчинялось коррелятиву тот**II** посредством того же поверхностно-синтаксического отношения (ПСинтО), посредством которого подчиняются своему хозяину «настоящие» определительные придаточные, а именно посредством **рестриктивно-релятивного** ПСинтО (каждое ПСинтО просто соответствует определенному типу синтаксического поведения).

Коррелятив тот**II** вводится в ПСинтС фразы, содержащей псевдорелятивное придаточное, в двух основных целях.

• Ради возможности употребить псевдорелятивное придаточное в синтаксической роли, требующей косвенного падежа или предложной группы:

(9) a. *Мы возьмем в машину,* ****кто*** / ****кого устал*** ⇒
Мы возьмем в машину ***того, кто устал***.
b. *От* ****с кем*** *поведешься, и наберешься* ⇒
От ***того, с кем*** *поведешься, и наберешься* ≡

[5] тот**II** и тот**III**, как и местоимения-существительные он и который, будучи существительными, изменяются по родам, что настоящим, т. е. неместоименным, русским существительным не свойственно. Таким же свойством обладают существительные типа любой**2**, каждый**2** или всякий**2**, т. е. субстантивированные кванторные прилагательные.

Заметим, что местоименное прилагательное тот**I** может номинализоваться в результате эллипсиса и выступать в качестве L_{GOV} для рестриктивного определительного придаточного: *Из этих частиц рассма-триваются только* ***те*** [тот**I**] *~~(частицы)~~, которые имеют значительную массу.*

*С кем поведешься, **от того** и наберешься.*

Совершенно аналогично обстоит дело с коррелятивом то**II**, вводимым в ПСинтС для оформления комплетивных придаточных или инфинитивных словосочетаний:

(10) a. *Я интересуюсь **тем**, против кого Иван выступил.*
b. *Все зависит от **того**, что Иван скажет.*
c. *Все зависит от **того**, что сказать.*

• Ради придания псевдорелятивному придаточному нейтрально-нормативного характера, так как без коррелятива оно часто оказывается разговорным, просторечным, диалектным или архаичным:

(11) a. **разг**. *Кому плохо, может лечь ⇒ **Тот**, кому плохо, может лечь.*
b. **прост**. *Которым плохо, могут лечь ⇒ **Те**, которым плохо, могут лечь.*

Мы не будем углубляться здесь в рассмотрение коррелятивов: эта тема, при всей ее важности, является для нас побочной[6].

3.2. Фразы с исходным псевдорелятивным придаточным

3.2.1. Псевдорелятивное придаточное с КТО**2a**

Семантическая структура (СемС) → Глубинно-синтаксическая структура (ГСинтС)

НАЙТИ–**I** → ИСКАТЬ–**I** → КТО**2a**

Поверхностно-синтаксические структуры (ПСинтС-ы)

(12) найти–**подлеж** → искать–**подлеж** → КТО**2a** → *Кто ищет, найдет.*
(13) найти–**подлеж** → искать–**подлеж** → КТО**2a** → *Кто ищет, тот найдет.*
↳ **подлеж** → ТОТ**II**
(14) найти–**подлеж**→ТОТ**II**–**релят**→искать–**подлеж**→КТО**2b** → *Тот, кто ищет, найдет.*
(15) найти–**подлеж** → ТОТ**II**–**релят** → искать–**подлеж** → КТО**2b** → *Тот, кто ищет, тот найдет.*
↳ **подлеж** → ТОТ**II**

[6] Коррелятивы-существительные ТОТ**II** и ТО**II** отличаются от наречных коррелятивов там[*, где*], туда[*, ку-да*], тогда[*, когда*] и т. д. тем, что эти последние в отличие от первых являются полнозначными и полноценными словами, которые могут употребляться и самостоятельно (*Там* / *Тогда все жили иначе* | *Иди туда!*), тогда как ТОТ**II** и ТО**II** бывают только коррелятивами. Поэтому синтез определительных придаточных, зависящих от ТОТ**II**, должен описываться иначе, нежели синтез определительных прида-точных, зависящих от к наречных коррелятивов.

Комментарии

① Мы отвлекаемся здесь от эллипсиса смысла ‘нечто’: при определенных условиях он может быть не выражен явно.

② Существенная особенность псевдорелятивного придаточного состоит в том, что без коррелятива тот**II** оно может употребляться как актант A_i только такого глагола V, который требует от A_i того же падежа (или предлога), какого глагол V′ этого придаточного требует от кто**2a** / который**II.a**: *Мы любим*$_V$, ***кого*** *мы приручили*$_{V'}$ vs. **Мы любим*$_V$, ***кому*** *мы доверили*$_{V'}$ *себя* (где любить требует для своего второго актанта аккузатива, а доверить — датива). Аналогично: *Мы охотно встречаемся*$_V$, ***с кем*** *мы познакомились*$_{V'}$. Если же V и V′ управляют разными падежами (предлогами) своего актанта A_i, необходимо введение коррелятива тот**II**, который принимает падеж (предлог), требуемый со стороны V; кто**2a** принимает падеж (предлог), требуемый со стороны V′.

Исключение. Для псевдорелятивного придаточного в роли подлежащего (и, в меньшей степени, прямого дополнения) такое совпадение падежей необязательно:

(16) a. **разг.** ***Кому*** *надо* $\emptyset^{\text{БЫТЬ}}$, ← **подлеж**–*найдет*.
b. **разг.** ***Кем*** *ты восхищаешься,*←**подлеж**–*справится*.
↱ **прямо-объектное** ↴
c. **прост.** *Я уже встречал,* ***кем*** *ты восхищаешься*.
↱ **прямо-объектное** ↴
d. **прост.** *Мы приняли,* ***о ком*** *просил Иван*.

③ В (13) и (15) мы видим «двойное» подлежащее у *найдет*: одно настоящее — *кто ищет* или *тот*[*, кто ищет*], а другое — избыточное, формальное: семантически пустой коррелятив тот**II**. Точно такое же удвоение наблюдается и с другими зависимыми вершинного глагола подчиняющего предложения:

↓ **прямо-объект.** ↰

(17) a. *Кого люблю,* ***того*** *люблю всем сердцем.*
b. *О ком думаю,* ***о том*** *и говорю*.
c. *С кем хочу,* ***с тем*** *и поеду*.

Подобное дублирование актанта пустым местоимением хорошо известно в романских и нескольких славянских языках, а также в албанском и новогреческом:

(18) a. фр. ***À Paul*** *je* ***lui*** *permets tout* букв. «**Полю** я **ему** позволяю все».
b. болг. ***Мама я*** *сънувам понякога*
букв. «**Маму ее** вижу во сне время от времени».

④ Рассмотрим фразу (19):

(19) *Кто не работает, тот не ест.*

Такая фраза в принципе допускает два конкурирующих ПСинт-описания:

— либо *кто не работает* признается псевдорелятивным придаточным-подлежащим, а *тот* в подчиняющем предложении — коррелятивным (пустым) дубликатом подлежащего; именно эта трактовка принята нами;

— либо *кто не работает* считается определительным предложением, зависящим от *тот* в подчиняющем предложении, но вынесенным в антепозицию; это *тот* является единственным подлежащим глагола *ест*.

Мы предпочитаем первое решение в силу трех следующих фактов:

1) определительное придаточное в русском не бывает в антепозиции к его синтаксическому хозяину — за исключением данного случая, где этим хозяином является коррелятив ТОТ**II**;

2) местоимение ТОТ**II** семантически пусто (это служебное слово), так что словосочетание *тот, кто не работает* невозможно получить прямо из семантической структуры: его естественно описывать так, чтобы коррелятив ТОТ**II** вводился в ПСинт-структуру фразы синтаксическим правилом;

3) имеются псевдорелятивные придаточные с несколькими квазисочиненными союзными словами, где введение коррелятива, от которого зависело бы придаточное, совсем невозможно (хотя введение квазисочиненных коррелятивов в подчиняющее предложение в данном случае обязательно):

(20) *Кто кого любит, тот того губит ~*
**Тот, кто того кого любит, … → ~ *Тот того, кто кого любит, …*

3.2.2. Псевдорелятивное придаточное с КОТОРЫЙ**II.a**

Семантическая структура (СемС) → Глубинно-синтаксическая структура (ГСинтС)

НАЙТИ–**I** → ИСКАТЬ–**I** → КОТОРЫЙ**II.a**

Поверхностно-синтаксические структуры (ПСинтС-ы)

(21) найти–**подлеж** → искать–**подлеж** → КОТОРЫЙ**II.a** → **прост**.
Который ищет, найдет.

(22) найти–**подлеж** → искать–**подлеж** → КОТОРЫЙ**II.a** → **прост**.
↳ **подлеж** → ТОТ**II** *Который ищет, тот найдет.*

(23) найти–**подлеж** → ТОТ**II**–**рестр-релят** → искать–**подлеж** → КОТОРЫЙ**II.b**
Тот, который ищет, найдет.

(24) найти–**подлеж** → ТОТ**II**–**рестр-релят** → искать–**подлеж** → КОТОРЫЙ**II.b**
↳ **подлеж** → ТОТ**II** *Тот, который ищет, тот найдет.*

Комментарий

Семантический источник фраз с псевдорелятивным придаточным, вводимым местоимением КОТОРЫЙ**II.a**, — ТОТ же, что и в случае с КТО**2a**: ведь ‘КОТОРЫЙ**II.a**’ = ‘КТО**2a**’. Единственное различие состоит в том, что фразы с КОТОРЫЙ**II.a** без коррелятива — просторечные.

3.3. Фразы с рестриктивно-определительным придаточным

(a) → СемС → **ГСинтС**

НАЙТИ–**I** → ЧЕЛОВЕК–**ATTR**$_{restr}$ → ИСКАТЬ–**I** → ЧЕЛОВЕК

ПСинтС

(25) НАЙТИ–**подлеж** → ЧЕЛОВЕК–**рестр-релят** → ИСКАТЬ–**подлеж** → КТО**2b**
↳ **определит** → ЛЮБОЙ**I**
Любой человек, кто ищет, найдет.

NB: Прилагательное любой**1** добавлено нами в ПСинтС (25), чтобы обеспечить правильность соответствующей фразы.

(26) НАЙТИ–**подлеж** → ЧЕЛОВЕК–**рестр-релят** → ИСКАТЬ–**подлеж**→КОТОРЫЙ**II.b**
Человек, который ищет, найдет.

(b) → СемС → **ГСинтС**

НАЙТИ–**I** → ЛЮБОЙ**2**–**ATTR**$_{restr}$ → ИСКАТЬ**I** → ЛЮБОЙ**2**

ПСинтС

(27) НАЙТИ–**подлеж** → ЛЮБОЙ**2**–**рестр-релят** → ИСКАТЬ–**подлеж** → КТО**II.b**
Любой, кто ищет, найдет.

Комментарии

① ГСинтО **ATTR**$_{restr}$ и **рестриктивно-релятивное** ПСинтО представляют (на глубинно- и поверхностно-синтаксическом уровнях соответственно) рестриктивное, т. е. ограничительное, определительное придаточное — такое, которое сужает класс потенциальных референтов определяемого L_{GOV}. Им противостоят ГСинтО **ATTR**$_{descr}$ и **дескриптивно-релятивное** ПСинтО, представляющие дескриптивное (иначе называемое *описательным*, *квалификативным* или *аппозитивным*) определительное придаточное — такое, которое не изменяет класс потенциальных референтов определяемого, а просто характеризует данный референт добавочно[7]. См. семантические правила в подразделе 5.1.2, стр. 00.

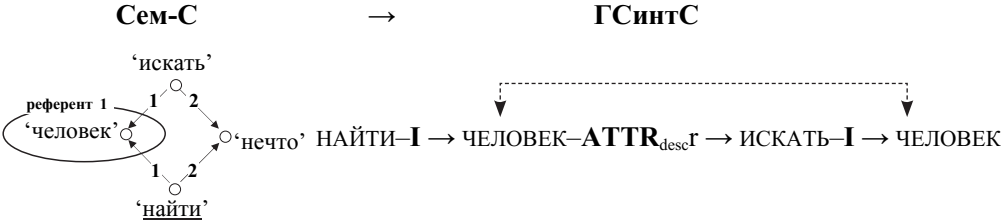
[7] Любопытно отметить, что некоторые типы определяемого L_{GOV} жестко связаны с одним из двух типов определительного придаточного. Так, местоимение типа любой допускает только рестриктивное придаточное, а личные местоимения я, ты, он, … — только дескриптивное.

② Лексема любой**2** в (27) – местоименное существительное (результат субстантивации прилагательного) со значением ‘любой человек’ (*У нас героем становится любой*); любой**1** — прилагательное. Прилагательное любой**1** и существительное любой**2** синтаксически ведут себя по-разному по отношению к выбору между КТО и КОТОРЫЙ:

(28) a. *любой**1** человек, кто* / ***который** хочет*
b. *любой**2**, кто* / ****который** хочет*

Аналогичным образом различаются прилагательное vs. существительное каждый**1** и каждый**2,** другой**1** и другой**2,** многие**1** и многие**2,** все**1** и все**2** и т. д.

3.4. Фразы с дескриптивно-релятивным придаточным



(29) НАЙТИ–ПОДЛЕЖ → ЧЕЛОВЕК–**дескр-релят** → ИСКАТЬ–**подлеж** → КТО**2b**/КОТОРЫЙ**II.b**
Этот человек, кто / *который* [*так упорно*] *ищет, найдет.*

4. Условия выбора между лексемами КТО2b и КОТОРЫЙII.b

• **Лексема кто2b** возможна только при выполнении следующих условий:

1) если денотат определяемого L_{GOV} — человек (именно человек, а не просто одушевленное существо):

(30) *Этот **пудель**$_{LGOV}$, *кому* / *которому привиты хорошие манеры, имеет спокойный нрав.*

2) если данное придаточное — рестриктивное, **то**:

либо L_{GOV} — существительное местоименное (всякий**2**, каждый**2**, любой**2**, КТО-то, никто, ТОТ**II,** …), кроме ТОТ**III**: (31);

либо L_{GOV} — существительное **не** местоименное

и

[(a) L_{GOV} имеет при себе в качестве определения местоименное прилагательное ТОТ**I** или квантитативное прилагательное: (32a);

NB: Квантитативные прилагательные — это 1) кванторные прилагательные типа всякий**1**, каждый**1,** любой**1**, все, 2) прилагательное единственный и 3) порядковые числительные первый, второй, …)

или

(b) L_{GOV} употреблено без пресуппозиции существования (т. е. вершинный глагол придаточного — в сослагательном наклонении): (32b);

или

(c) L_{GOV} = человек[8]: (32c);

или

(d) **кто2b** зависит от конструкции быть→компаратив с приставкой по-: (32d)**]**[9].

NB: Неправильное употребление КТО в эпиграфе 2 отвергается именно данным условием;

либо L_{GOV} — номинализованное квантитативное прилагательное или номинализованное ТОТ**I**: (33).

(31) a. ***Никому***, ***кто*** / ****который*** *пытался туда пробраться, это не удалось*.
b. ***Те*** [**тотII**], ***кто*** / ***которые*** *желают участвовать в восхождении, должны записаться у NN.*
c. *Я обратился к вахтеру, но* ***тот*** [**тотIII**],****кого*** / ****которого*** *интересовало нечто, происходящее во дворе, меня не заметил.*

(32) a. ***Всякий*** / ***Тот*** [ТОТ**I**] ***турист***, ***кто*** / ***который*** *желает попасть в музей, должен записаться у NN ~*
Турист, ****кто*** / ***который*** *желает попасть в музей, должен записаться у NN*.
b. *Мы ищем* ***переводчика***, ***кто*** / ***который*** *мог бы разобрать этот текст*. *Есть у вас такой? ~*
Мы ищем ***переводчика***, ****кто*** / ***который*** *может разобрать этот текст*. *Где он?*
c. *Свяжите меня с* ***человеком***, ***кто*** / ***который*** *выписывает справки.*
d. *Матросам,* ***кто*** / ***которые*** *понадежней, надо сразу же все объяснить.*

(33) a. ***Первый*** / ***Единственный***, ***кто*** / ****который*** *обратил на это внимание, был Иван.*
b. *Из своих студентов Макферсон выделял* ***тех*** [ТОТ**I**], ***кто*** *интересовался* / ***которые*** *интересовались гидродинамикой*;

3) если данное придаточное — дескриптивное, **то**:
либо L_{GOV} — личное местомение: (34);

[8] Лексема человек имеет настолько общий смысл, что ведет себя подобно местоименному существительному.

[9] На данный случай нам указала М. А. Холодилова.

либо L_{GOV} — существительное **не** местоименное, которое **не** является именем собственным (35a) и имеет при себе в качестве определения местоименное прилагательное: (35b);
либо L_{GOV} — номинализованное прилагательное или номинализованное числительное: (36).

(34) a. *И это **ты**, **кто** / **который** всегда был не таким, как все!*
b. *У **него**, **кто** / **который** всегда казался бессловесным, вдруг развязался язык.*

(35) a. ***Маша**, ***кто** / **которая** редко плачет, вдруг зарыдала*[10].
b. ***Этот** / **Наш исследователь**, **кому** / **которому** русская лингвистика обязана столь многим, восхищает всех.*

(36) a. ***Вошедший** последним, за **кем** / **которым** следовала маленькая собачка, весело приветствовал нас.*
b. *Эти **двое**, на **кого** / **которых** я только и надеялся, были вполне готовы.*

• **Лексема которыйII.b возможна** только при выполнении следующих условий:
либо L_{GOV} — существительное не местоименное (и не типа типа величество, высочество, святейшество) или номинализованное прилагательное: (37);
либо L_{GOV} — личное местомение: (38);
либо L_{GOV} — количественное числительное: (39);
либо L_{GOV} — коррелятивное местоимение тот**II**: (40).
Как легко видеть, который**II.b** употребляется независимо от типа придаточного.

(37) a. ***Книга**, ***кто** / **которая** лежала на столе, оказалась романом Сименона.*
b. ***Турист**, ***кто** / **который** желает попасть в музей, должен записаться у NN.*
c. *Ее **Величество**, ***кто** / ***которое** редко плачет на публике, украдкой вытерла слезы…*
d. *Они привлекли **молодого** <**третьего**, **лучшего** из кандидатов>, **кто** / **который** стал главным.*
e. *Самые счастливые люди — это **те*** [тот**I**; ~~*люди*~~], ***кто** всем доволен / **которые** всем довольны.*

(38) *Странно, что **ты, кто** / **который всегда** все держит под контролем, полностью потерял контроль над собой.*

[10] Имя собственное в качестве антецедента для кто**2b** отвергается многими носителями; тем не менее в Сети встречаются фразы, которые кажутся нам допустимыми, например:
(i) Пушкин, *кого мы называем «наше все», знал об этом*;
(ii) Таких, *как Пушкин, про кого мы точно можем сказать «русский поэт», немного*;
(iii) Бродский, *о ком я писать собирался, не встанет.*
Однако, поскольку мы не имеем возможности провести специальное исследование, мы приняли максимально ограничительную точку зрения, чтобы избежать построения сомнительных фраз.

(39) ***Одиннадцать**, ***кто** / **которые** были на нижнем этаже, сумели выбраться.*
(40) ***Те*** [ТОТ**II**]*, **кто** всем доволен / **которые** всем довольны, бывают только на кладбище.*

Таким образом, выбор между союзными относительными местоимениями КТО**2b** и КОТОРЫЙ**II.b** определяется следующими факторами:
• семантические факторы:
1) характер референта L_{GOV} (человек / не человек);
2) тип определительного придаточного (рестриктивное / дескриптивное);
3) наличие / отсутствие пресуппозиции существования референта L_{GOV};
• синтаксические факторы:
1) синтаксический класс L_{GOV} (местоименное / неместоименное и т. д.);
2) наличие у L_{GOV} определенных зависимых;
• лексический фактор: лексема человек и лексемы типа высочество, величество и т. д.

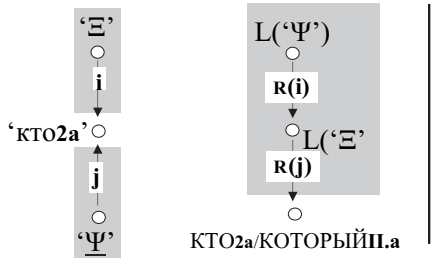
5. Семантические и глубинно-синтаксические правила для КТО2a-b и КОТОРЫЙII.a-b

Теперь нам остается выписать соответствующие семантические и глубинно-синтаксические правила для лексем КТО**2a-b** и КОТОРЫЙ**II.a-b**.

5.1. Семантические правила

Серым фоном показан контекст правила: те элементы правила, которые данным правилом не затрагиваются, но наличие которых во входной / выходной структуре необходимо, чтобы правило могло быть применено.

5.1.1. Семантическое правило для лексем КТО2a и КОТОРЫЙII.a (синтез псевдорелятивных придаточных)



либо ‘кто**2a**’ нереферентно (41a),
либо придаточное является разговорным/просторечным (41b–c).

NB: Поскольку лексема КОТОРЫЙ**II.a** маркирована как просторечная в словаре, ее выбор автоматически делает придаточное просторечным.

(41) a. *Кто хочет*$_{L(‘\Xi’)}$*, смеется*$_{L(‘\Psi’)}$.
b. **разг.** *Кто вчера приходил*$_{L(‘\Xi’)}$*, про тебя не спрашивал*$_{L(‘\Psi’)}$.

c. **прост.** *Которые хочут*$_{L('\Xi')}$*, смеются*$_{L('\Psi')}$.

Данное правило представляет собой часть словарных статей местоименных существительных КТО**2a** и КОТОРЫЙ**II.a**.

Русские псевдорелятивные предложения подвержены ряду ограничений [см., например: Лютикова 2015]. В частности, в нейтрально-нормативном стиле местоимение КТО**2a** должно быть нереферентным (т. е. КТО**2a** не относится к конкретному индивидууму, так что вся фраза выступает как обобщенное высказывание), а псевдорелятивное придаточное выражать семантико-коммуникативную тему фразы (т. е. линейно находиться в антепозиции); в противном случае фраза становится разговорной / просторечной:

(42) a. *Кто много спит днем, плохо спит ночью*.
b. **разг.** *Кто сейчас там в углу спит, будет плохо спать ночью*:
фраза является разговорной из-за референтности смысла ‘КТО**2a** ‘ (речь идет о конкретном человеке).
c. **разг.** *Плохо спит ночью, кто много спит днем*:
фраза является разговорной из-за постпозиции псевдорелятивного придаточного.

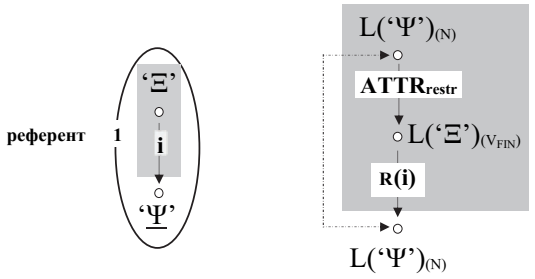
Введение в ПСинт-структуру коррелятива ТОТ**II** полностью снимает разговорный / просторечный характер псевдорелятивного придаточного и разрешает употреблять его для определенного конкретного референта (см. правило 5.2.1 ниже):

(43) a. *Тот, кто* / *который сейчас там в углу спит, будет плохо спать ночью.*
b. *Плохо спит ночью тот, кто* / *который много спит днем.*

5.1.2. Семантические правила для определительных придаточных

Приводимые правила заведомо неполны: они покрывают только те случаи, которые рассматриваются в данной статье.

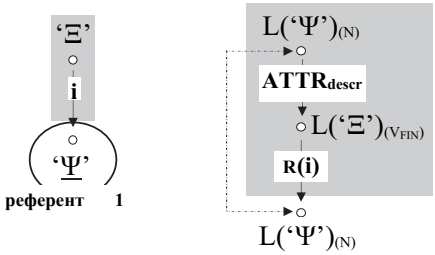
5.1.2.1. Рестриктивно-определительное придаточное (синтез рестриктивно-определительных придаточных)



(44) a. *Тот*$_{L('\Psi')}$ [ТОТ**II**]*, кто* [КТО**2b**] *не работает*$_{L('\Xi')}$*, не ест*.

b. *Ни к кому*$_{L('\Psi')}$, *кто* [КТО**2b**] *к Маше заглядывал*$_{L('\Xi')}$, *она не выходила*.
c. *Маша думала о том*$_{L('\Psi')}$ [ТОТ**II**], *которому* [КОТОРЫЙ**II.b**] *она помогала*$_{L('\Xi')}$.
d. *Маша думала о* (*том* [ТОТ**I**]) *ребенке*$_{L('\Psi')}$, *которому* [КОТОРЫЙ**II.b**] *она помогала*$_{L('\Xi')}$.

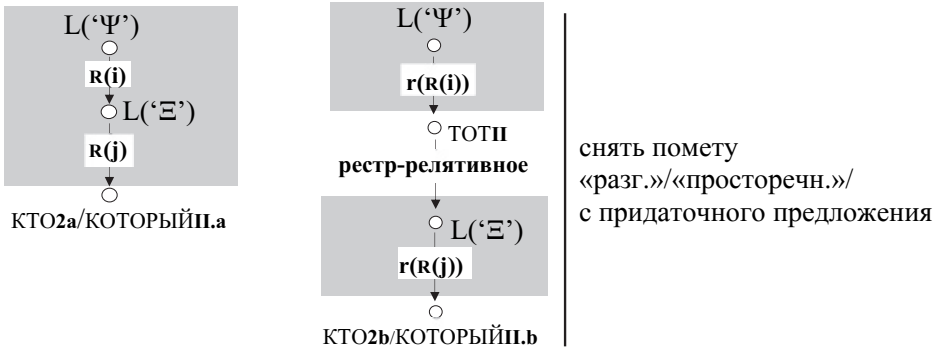
5.1.2.2. Дескриптивно-определительное придаточное
(синтез дескриптивно-определительных придаточных)



(45) *Этот ученик*$_{L('\Psi')}$, *кто*[КТО**2b**] / *который*[КОТОРЫЙ**II.b**] *так старался*$_{L('\Xi')}$, *очень огорчил-ся*.

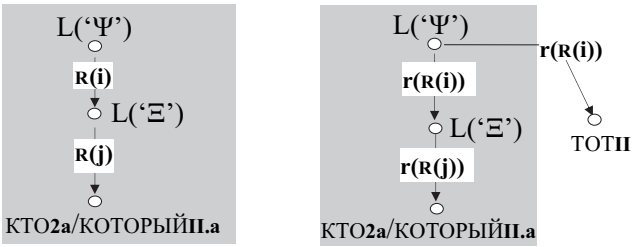
5.2. Глубинно-синтаксические правила

5.2.1. Глубинно-синтаксическое правило введения во фразу «опорного» коррелятива ТОТII *(псевдорелятивное придаточное подчиняется этому коррелятиву и становится рестриктивно-релятивным; местоимение* КТО**2a** / КОТОРЫЙ**II.a** *заменяется на* КТО**2b** / КОТОРЫЙ**II.b**)



(46) a. ***Тот***, *кто* / *который хочет*$_{L('\Xi')}$, *смеется*$_{L('\Psi')}$.
b. … *убив*$_{L('\Psi')}$ ***того***, *который не стрелял*$_{L('\Xi')}$ (В. Высоцкий).

5.2.2. Глубинно-синтаксическое правило введения во фразу «дублирующего» коррелятива ТОТII



(47) *Кто* / *Который хочет*$_{L('Ξ')}$, ***тот*** *смеется*$_{L('Ψ')}$.

Фразы типа ***Тот****, кто хочет,* ***тот*** *смеется* получаются в результате применения обоих правил введения коррелятива ТОТ**II**.

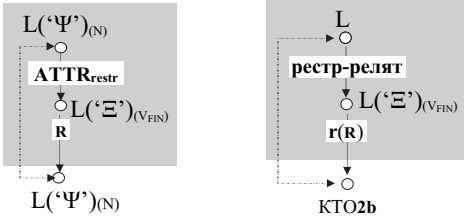
5.2.3. Глубинно-синтаксические правила прономинализации глубинно-синтаксического образа определяемого существительного (= введение в ПСинтС придаточного предложения местоимения КТО**2b** *или* КОТОРЫЙ**II.b**)

Обозначения

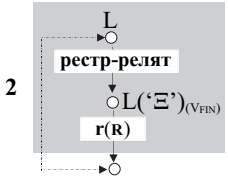
$L('Ψ')_{(N)}$ — это L_{GOV}, т. е. существительное, от которого зависит данное определительное придаточное.

L (в поверхностно-синтаксической структуре) — это либо $L('Ψ')_{(N)}$, либо $L_{(ADJ)}$ — номинализованное прилагательное или числительное, которое становится хозяином определительного придаточного из-за эллипсиса $L('Ψ')_{(N)}$.

5.2.3.1. Рестриктивно-релятивное придаточное



1. Денотат лексемы L('Ψ') – человек.
2. **Если** L = L('Ψ') = N, **не** «местоим.»,
   то [$L('Ψ')_{(N)}$→$ADJ_{(«квантитативное»)}$/тот$_I$ [(48a)]
   или
   $L('Ψ')_{(N)}$ употреблено без пресуппозиции существования [(48b)]
   или
   $L('Ψ')_{(N)}$ = ЧЕЛОВЕК [(48c)]
   или
   КТО**2b**←БЫТЬ→ПО+$ADJ_{КОМПАР}$ [(48d)]].
3. **Если** L = L('Ψ') = N, «местоим.»,
   то L('Ψ') ≠ ТОТ**III** [(31c); (48e–h)].
4. **Если** L = $L_{(ADJ)}$,
   то L = $ADJ_{(«квантитативное»)}$/тот$_I$ [(48g)]/ NUM [(48h)].



2

КОТОРЫЙ**II.b**

1. **Если** L = L(‘Ψ’) = N,
   то L(‘Ψ’) = **не** «местоим.» **или** ТОТ**II** [(48a–g)].
2. **Если** L = $L_{(ADJ)}$,
   то [L = ADJ, **не** «кванторн.» [(48h)]
   или
   L = NUM [(48i)]**]**.

(48) a. ***Каждая*** / ***Та*** *мать*$_{L(‘\Psi’)}$, *кто* / *которая искала*$_{L(‘\Xi’)}$… ~ ***Мать***$_{L(‘\Psi’)}$, **кто* / *которая искала*$_{L(‘\Psi’)}$…

b. *У нас нет* ***студента***$_{L(‘\Psi’)}$, *кто* / *который мог*$_{L(‘\Xi’)}$ *бы перевести этот текст* ~
У нас нет ***студента***$_{L(‘\Psi’)}$, **кто* / *который может*$_{L(‘\Xi’)}$ *перевести этот текст*.

c. *Это как раз для* ***человека***$_{L(‘\Psi’)}$, *кто* / *который любит байки*.

d. *Ты пойдешь с* ***детьми***$_{L(‘\Psi’)}$, *кто* / *которые постарше*.

e. ***Никому***$_{L(‘\Psi’)}$ (*из тех*), *кто* / **который нас посетил*$_{L(‘\Xi’)}$, *не пришло в голову с ним спорить* [никто = «местоим., отриц.»].

f. ***Все***$_{L(‘\Psi’)}$, *кто* / **которые были в аудитории, встали* [все = N, «местоим., квант.»].

g. *Лишь* ***та***$_{L(‘\Psi’)}$ [ТОТ**II**], *кто* / *которая со мной не будет*$_{L(‘\Xi’)}$ *никогда, …*

h. *Иван был* ***первым***$_{L(‘\Psi’)}$ / ***единственным***$_{L(‘\Psi’)}$, *кто* / *который заступился*$_{L(‘\Xi’)}$ *за нас.*

i. *Однако деньги нашлись лишь у* ***троих***$_{L(‘\Psi’)}$, *с кем* / *с которыми я приехал*$_{L(‘\Xi’)}$.

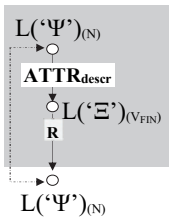
Комментарий

Мы не описываем здесь ни согласование союзного слова КТО**2b** с определяемым L_{GOV} в роде и числе, ни согласование личного глагола придаточного определительного со словом КТО**2b**, так как согласование — удел поверхностно-синтаксических правил, каковыми мы не занимаемся. Заметим только, что это согласование не совсем тривиально:

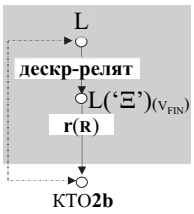
(49) a. *Всех,* ***кто*** *хочет* / *хотят остаться, просят записаться у NN.*

b. *Ту,* ***кто*** *хотела остаться, просят записаться у NN.*

5.2.3.2. Дескриптивно-релятивное придаточное

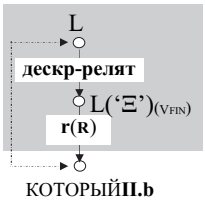


1



1. Денотат лексемы L('Ψ') – человек.
2. **Если** L = L('Ψ') = N, **не** «местоим.»,
   то [L('Ψ') ≠ N собственное [(50b)]
   и
   ≠ **N** типа ВЕЛИЧЕСТВО [(37c)]
   и
   $L('\Psi')_{(N)} \rightarrow ADJ_{(\text{«местоим»})}$ [(50a)]**]**.
3. **Если** L = L('Ψ') = N, «местоим.»,
   то L('Ψ') = «личное» [(50b–c)].
4. **Если** L = $L_{(ADJ)}$,
   то L – номинализованное прилагательное или числительное [(50e–g)].

2



1. **Если** L = L('Ψ') = N, **не** «местоим.»,
   то L('Ψ') ≠ N типа ВЕЛИЧЕСТВО [(37c)].
2. **Если** L = L('Ψ') = N, «местоим.»,
   то L('Ψ') = «личное» [(50c–d)].
3. **Если** L = L(ADJ),
   то L – номинализованное прилагательное или числительное [(50e–g)].

(50) a. ***Этот ребенок***$_{L('\Psi')}$*, кто / который испытал*$_{L('\Xi')}$ *зло, опасается взрослых.*
b. *Но* ***генерал*** */* ***Иван****, с *кем / которым я дружил еще в школе, решил иначе.*
c. ***Она***$_{L('\Psi')}$*, кто / которая всегда так дорожила*$_{L('\Xi')}$ *покоем, теперь вынуждена…*
d. *Мы обращаемся к* ***вам***$_{L('\Psi')}$*, кому / которым народ вверил свою судьбу.*
e. *Берем самого* ***умного***$_{L('\Psi')}$ *(из них), кто / который будет*$_{L('\Xi')}$ *помогать всем остальным.*
f. *«Где сортир?» — озабоченно спросил* ***первый***$_{L('\Psi')}$*, который был*$_{L('\Xi')}$ *в белой косоворотке* (М. Булгаков).
g. *Вот эти* ***двое***$_{L('\Psi')}$*, кто / которые уже давно здесь ждут*$_{L('\Xi')}$.

Благодарности

Предварительный вариант настоящей статьи был прочитан В. Ю. Апресян, И. М. Богуславским, Л. Л. Иомдиным и М. А. Холодиловой, которых (дескриптивно-релятивное придаточное) мы благодарим от всего сердца за ценные замечания и предложения. Но лишь мы, разумеется, несем ответственность за неустраненные ошибки.

Литература

Апресян Ю. Д. Введение // *Апресян Ю. Д.*, *Богуславский И. М.*, *Иомдин Л. Л.*, *Санников В. З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 11–20.

Зализняк А. А., *Падучева Е. В.* К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. 1975. № 6. С. 51–102.

Иомдин Л. Л. Синтаксические отношения // *Апресян Ю. Д.*, *Богуславский И. М.*, *Иомдин Л. Л.*, *Санников В. З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 21–43.

Лютикова Е. А. Безвершинные относительные предложения в русском языке: эмпирические данные и теоретические проблемы // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2015. № 3. С. 74–85.

Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М. : Языки славянской культуры, 2012. 175 с.

Холодилова М. А. Относительные придаточные // Русская корпусная грамматика. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/%D0%9E%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5

Шведова — Русская грамматика : в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980.

Янович И. С., *Грунтова Е. С.* Дистрибуция русских относительных местоимений кто (что) vs. который // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды междунар. конф. «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М. : Изд-во РГГУ, 2007. С. 626–629.

Caponigro I., *Torrence H.*, *Cisneros C.* Free relative clauses in two Mixtec languages // International Journal of American Linguistics. 2013. № 79 (1). P. 41–96.

Citko B. On headed, headless, and light-headed relatives // Natural Language and Linguistic Theory. 2004. № 22 (1). P. 95–126.

Horvath J., Grosu A. On the notion “head”: evidence from free relatives and interrogatives // Theoretical Linguistics. 1987. № 14 (1). P. 35–64.

Kholodilova M. Competition between ‘who’ and ‘which’ in Slavic light-headed relative clauses // Slověne. 2017. № 6 (1). P. 118–147.

Mel’čuk I. Genitive adnominal dependents in Russian: Surface-syntactic relations in the $N \rightarrow N_{GEN}$ Phrase // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 25–46.

Mel’čuk I., *Pertsov N.* Surface syntax of English. A formal model within the Meaning-Text framework. Amsterdam : John Benjamins, 1987. 526 p.

Weiss D. L’emploi anaphorique des pronoms substantivaux *tot* et *ètot* en russe contemporain // La Licorne. 1989. № 15. P. 353–368.

L. N. Iordanskaja, I. A. Mel'čuk
Observatory of linguistics Meaning-Text, University of Montreal
(Canada, Montreal)
lidija.iordanskaja@umontreal.ca, igor.melcuk@umontreal.ca

PRONOUNS *KTO* 'WHO' AND *KOTORYI* 'WHICH' IN A RELATIVE CLAUSE

The paper analyzes the problem of choice between relative pronouns kto 'who' and kotoryi 'which' in a relative clause in Russian. The lexemes of the vocables kto and kotoryi are lexicographically described; a definition of pseudorelative clause (= headless, or free, relative: ***Kto ustal**, pust′ ukhodit* 'Who is tired, let him leave') is proposed; two major types of relative clause are characterized: restrictive-modifying (*Dom, **kotoryi ya uvidel za povorotom**, byl osveshchën* 'The house that I saw after the road turn was lit') vs. descriptive-modifying (*Tvoi otets, **kotorogo vse tak uvazhayut**, sumeet sdelat′ eto* 'Your father, whom everybody deeply respects, will be able to do this'). Formal semantic and deep-syntactic rules for the choice between lexemes kto**2a** and kotoryi**II.a** are presented; these rules are based on linguistic factors of three types:

• Semantic factors: 1) the type of the modified noun L_{GOV}'s referent (human/non-human); 2) the type of the relative (restrictive/descriptive); 3) presence/absence of the existence presupposition for L_{GOV}'s referent.

• Syntactic factors: 1) syntactic class of L_{GOV} noun (pronominal/non-pronominal etc.); 2) presence of some particular dependents of L_{GOV}.

• Lexical factor: the lexeme chelovek 'man ≈ human' and the lexemes of the type vysochestvo 'Highness,' velichestvo 'Majesty,' etc.

Keywords: pseudorelative subordinate clause, relative (= modifying) subordinate clause, relative pronouns kto 'who' and kotoryi 'which,' Russian, syntax formal semantic and deep-syntactic rules.

References

Apresyan Yu.D. [Introduction]. Apresyan Yu.D., Boguslavskii I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical Problems in Russian Syntax: Interaction of grammar and dictionary]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul′tur Publ., 2010, pp. 11–20. (In Russ.)

Caponigro I., Torrence H., Cisneros C. Free relative clauses in two Mixtec languages. *International Journal of American Linguistics*, 2013, no. 79(1), pp. 41–96.

Citko B. On headed, headless, and light-headed relatives. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2004, no. 22(1), pp. 95–126.

Horvath J., Grosu A. On the notion "head": evidence from free relatives and interrogatives. *Theoretical Linguistics*, 1987, no. 14(1), pp. 35–64.

Iomdin *L. L.* [Syntactic relations]. Apresyan Yu.D., Boguslavskii I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: vzaimodeistvie grammatiki*

i slovarya [Theoretical Problems in Russian Syntax: Interaction of grammar and dictionary]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul′tur Publ., 2010, pp. 21–43. (In Russ.)

Kholodilova M. A. [Relative clauses]. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. 2014. (In Russ.) Available at: http://rusgram.ru/%D0%9E%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5 (accessed 06.02.2020)

Kholodilova M. A. Competition between 'who' and 'which' in Slavic light-headed relative clauses. *Slověne*, 2017, no. 6(1), pp. 118–147.

Lyutikova Ye.A. [Headless relative clauses in Russian: Empirical data and theoretical problems]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Ser. Filologicheskie nauki*, 2015, no. 3, pp. 74–85. (In Russ.)

Mel'čuk I. Genitive adnominal dependents in Russian: Surface-syntactic relations in the N→N_{GEN} Phrase. *Voprosy yazykoznanija*, 2018, no. 4, pp. 25–46.

Mel'čuk I., Pertsov N. *Surface syntax of English. A formal model within the Meaning-Text framework*. Amsterdam, John Benjamins, 1987. 526 p.

Mel′chuk I. A. *Yazyk: ot smysla k tekstu* [Language: From meaning to Text]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul′tury Publ., 2012. 175 p.

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vols. 1–2.

Weiss D. L'emploi anaphorique des pronoms substantivaux *tot* et *ètot* en russe contemporain. *La Licorne*, 1989, no. 15, pp. 353–368.

Yanovich I. S., Gruntova E. S. [Distribution of the Russian relative pronouns kto 'who' (chto 'what') vs. kotoryi 'which']. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdunar. konf. «Dialog 2007»* [Computer linguistics and intellectual technologies: proceedings of the international conference *Dialogue 2007*]. L. L. Iomdin, N. I. Laufer, A. S. Narin'yani, V. P. Selegei (Eds.). Moscow, Rus. St. Human. Univ. Publ., 2007, pp. 626–629. (In Russ.)

Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. [Towards a typology of relative clauses]. *Semiotika i informatika*, 1975, no. 6, pp. 51–102. (In Russ.)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.9

В. Ю. Апресян, Е. В. Рахилина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
valentina.apresjan@gmail.com, rakhilina@gmail.com

ДВЕ СТОРОНЫ ФАСАДНОСТИ: ДВЕРИ И ОКНА*

В статье на материале корпусного исследования сочетаний русских пространственных предлогов со словами *дверь* и *окно* рассматриваются некоторые ранее не изученные аспекты функционирования нетривиального семантического признака фасадности в русском языке. Показывается, что *дверь* и *окно* — это особые двуфасадные объекты, которые не могут быть однозначно охарактеризованы по признаку фасадности, в отличие от всех прочих объектов. В силу функциональных и концептуальных различий *дверь* и *окно* по-разному взаимодействуют с классическими диагностическими контекстами с предлогами *за* и *перед*. Это связано с противоположной концептуализацией *дверей* и *окон* в русском языке: *дверь* воспринимается в первую очередь с точки зрения функции «впускать внутрь», а окно — в первую очередь с точки зрения функции «давать возможность обзора пространства снаружи». Кроме того, если для обычных фасадных объектов положение наблюдателя никак не фиксировано (и не важно), то для фасадных порталов позиция наблюдателя может быть фиксирована — он может находиться как с «главной», так и с «второстепенной» стороны портала, в зависимости от ситуации, которая маркируется разными предложными конструкциями. Наконец, круг предлогов, чувствительных к фасадности порталов, в русском языке шире, чем *за* и *перед*: в диагностике участвует и предлог *под*, часто квазисинонимичный *перед*, и предлог *в*, которые в классических работах не считаются диагностиками фасадности / нефасадности. Это позволяет предполагать, что для других языков множество релевантных контекстов тоже должно быть расширено. В целом можно сделать вывод о том, что фасадность присуща не объекту как таковому, а объекту в определенном положении или в определенной ситуации (например, открытой и закрытой двери). Настоящее исследование доказывает неуниверсальность

* Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 14-28-00130) в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

признака фасадности и создает основу для создания типологической анкеты и семантической типологии этого признака.

Ключевые слова: нетривиальный семантический признак, фасадность, абсолютная ориентация, относительная ориентация.

1. Введение

По ставшему классическим определению Ю. Д. Апресяна [1974/1995: 110; 1986/1995: 40], **фасадность** — это нетривиальный семантический признак. Им обладают имена объектов, имеющих одну выделенную (функциональную) сторону, через которую прототипически осуществляется их использование. Считается, что признак фасадности — энциклопедический, а не языковой [Fillmore 1968: 90], и, таким образом, от него можно ожидать межъязыковой универсальности. Надежными маркерами фасадности признаны предложные конструкции с семантикой ‘перед’ и ‘за’. Ср. следующую пару примеров из [Апресян 1986/1995: 110]:

(1а) ***Перед горой*** *лежало озеро*;
(1б) ***Перед зеркалом*** *стоял столик.*

Из сопоставления (1а) и (1б) видно, что пространственная интерпретация (1а) задается позицией наблюдателя / говорящего относительно горы, тогда как интерпретация (1б) определяется семантикой данного имени и задана раз и навсегда. В отличие от *горы* у *зеркала* есть функциональная поверхность, так что находиться *перед зеркалом* значит находиться со стороны этой поверхности, т. е. со стороны фасада, а находиться *за зеркалом* значит быть с другой стороны, которая противоположна фасадной. Для того чтобы интерпретировать сочетание *перед горой*, нужно знать, где находится наблюдатель, — тогда озеро будет находиться между наблюдателем и горой. Таким образом, диагностика свидетельствует, что *гора* нефасадна, а *зеркало* — фасадно.

Между тем сплошное тестирование русских предметных имен на свойство фасадности[1] сталкивается с определенными трудностями. В частности, имеется группа объектов, у которых в норме есть **две** симметричные функциональные стороны. Это объекты (назовем их порталами), функция которых — служить переходом из одного пространства в другое, ср.: *дверь*, *калитка*, *ворота*, а также их гиперонимические обозначения *вход* и *выход*, *въезд* и *выезд*. Мы рассмотрим здесь два основных вида порталов с точки зрения фасадности — *двери* и *окна.*

Симметрию *двери* хорошо подтверждают словарные толкования, прежде всего [МАС 1: 367]: ‘отверстие в стене для входа и выхода из помещения, а также створ,

[1] Попытка такого тестирования была предпринята в проекте по разметке предметных имен по признаку фасадности, проводившемся группой студентов и преподавателей в Школе лингвистики НИУ ВШЭ в 2015 г. Результаты проекта были частично проверены и обобщены в курсовой работе студентки Школы лингвистики П. А. Бычковой «Русские существительные с признаком фасадности» [Бычкова 2017]. Мы планируем продолжить эту работу.

закрывающий это отверстие', а также более детальное в других аспектах, но аналогичное в этом отношении толкование «Активного словаря» [Иомдин 2017а: 38][2], ср. здесь *дверь в чулан* / *дверь на чердак.*

Что касается *окон*, то у них тоже есть две функции. Первая — пропускать свет и воздух с улицы в помещение; она хорошо отражена в словарных описаниях рус. *окно*[3]. Однако для англ. *window* словари выделяют и вторую функцию — предоставление обзора того, что находится на улице, тем людям, которые находятся внутри[4].

Если бы эти функции имели равный вес с точки зрения русского языка, то стандартные диагностики фасадности — конструкции с предлогами *перед* и *за* — были бы равно применимы, причем по отношению к обоим порталам.

Наше исследование говорит, что это не так: реальная картина узуса предложных конструкций сложнее. Порталы моделируют переход из менее желательного пространства (SOURCE, начальная точка) в более желательное (GOAL, конечная точка). Та сторона, через которую осуществляется перемещение в более желательную сторону, оказывается выделенным, привилегированным фасадом[5].

Этот и другие нюансы лингвистического поведения порталов мы обсудим в следующих разделах на материале [НКРЯ]. Мы последовательно опишем интерпретацию стандартных для признака фасадности диагностических конструкций — с порталом *дверь* (раздел 2) и с порталом *окно* (раздел 3). Оказалось, что таких контекстов больше, чем четыре: помимо (локативных) *перед Х-ом* и *за Х-ом*, для наших порталов важна еще одна локализация: *под Х-ом*, а также направительная конструкция с винительным *за Х.* Как выяснилось, все они демонстрируют разное поведение. В последнем разделе результаты будут сведены воедино и мы обсудим их значимость для понятия фасадности и в целом теории пространства.

---

[2] В «Активном словаре русского языка» Б. Л. Иомдин предлагает следующее описание *двери*: *дверь А1* 'часть помещения или транспортного средства А1, закрывающая проем в А1, обычно представляющая собой прямоугольный плоский предмет, прикрепленный с одной стороны (чаще всего по вертикали) к А1 так, чтобы, находясь в одной плоскости с поверхностью А1, закрывать доступ внутрь А1, а будучи отведенным от А1, открывать доступ внутрь А1'.

[3] Ср. [МАС 2: 606]: 'отверстие в стене здания для света и воздуха', ср. также: 'отверстие в стене здания или транспортного средства, предусмотренное для проникновения света и воздуха' [Иомдин 2017б].

[4] Ср. [MacMillan]: 'a frame in a wall with glass in it that lets light and air into a room and lets you see what is outside', или [Oxford]: 'an opening in the wall or roof of a building, car, etc., usually covered with glass, that allows light and air to come in and people to see out; the glass in a window'.

[5] Эту асимметрию можно считать отражениемьфсь существующего в языке *goal-over-source principle*, или *goal-bias*, т. е. предрасположенности языков к выражению конечной точки движения по сравнению с начальной. Интересно, что в данном случае *goal bias* проявляется не у глаголов движения, применительно к которым он был изначально описан [Ikegami 1987; Ungerer, Schimidt 1996; Verspoor et al. 1999], а у предметных существительных.

2. Дверь

2.1. Перед дверью*: фасадность*

Контексты вида *перед дверью* практически однозначно интерпретируются как относящиеся к пространству снаружи помещения. Из 100 случайно выбранных примеров из [НКРЯ] в 99 речь идет именно о пространстве снаружи:

(2) *Я стою* ***перед дверью*** *твоею* / *Не дано мне иного пути* (Н. Гумилев, 1918);
(3) *С полчаса он всхлипывал* ***перед дверью*** *библиотеки* (В. Крапивин, 1979)[6].

Таким образом, в данном случае контекст фасадности обнаруживает (языковую) специфику функциональной природы объекта: хотя через *дверь* можно и входить, и выходить, главная ее функция связана именно с входом в закрытое пространство. В этом проявляется как общая языковая тенденция к *goal bias*, так и представление о закрытом пространстве (помещении) как о месте, привилегированном по сравнению с открытым: войти в помещение чаще оказывается желательным и важным, чем выйти из него. Это отражается и в сочетаемости с предикатами, типичными для *перед дверью*: глаголы *стоять* / *оказаться* / *остановиться перед дверью* предполагают движение **к** двери с намерением войти внутрь.

Удивительной особенностью фасадности порталов (в отличие от других классов объектов) парадоксальным образом оказывается необходимость присутствия наблюдателя для интерпретации фасадных ситуаций — притом что наличие наблюдателя по определению как раз исключает фасадность. Действительно, хотя сочетание *перед дверью* однозначно фиксирует пространство снаружи от входной двери (*Игорь два часа простоял перед дверью, но Оля ему так и не открыла*), употребить такое выражение может только человек, наблюдающий ситуацию снаружи, — либо сам Игорь, либо рассказчик-наблюдатель. С точки зрения Оли, Игорь два часа простоял *за дверью* или *под дверью*, ср. *??Посмотри в глазок, кто там перед* (ok*за*) *дверью?*

Таким образом, местонахождение наблюдателя оказывается важнейшим параметром, определяющим интерпретацию пространственных ситуаций с порталом как ориентиром. Нам придется это иметь в виду и в дальнейшем.

2.2. Под дверью*: фасадность*

Своеобразным квазисинонимом *перед дверью* является конструкция *под дверью*: *Он всю ночь стоял у нее под дверью*. Как и *перед дверью*, *под дверью* фасадно и тоже описывает только пространство, находящееся снаружи, вне помещения:

[6] Единственное исключение — следующий контекст, где ориентируемым объектом является не человек, а предмет и конструкция *перед X* не маркирует фасадность, а упорядочивает последовательность разных объектов в коридоре: *В самом конце его, действительно* ***перед дверью*** *«эмёрдженси экзит», стояли пирамиды стульев и в небольшой как бы нише — стол* (Н. Медведева, 1988–1993).

(4) *А то я тут недавно выхожу из реанимации,* ***под дверью*** *женщина стоит, плачет, а на нее уборщица орет* (А. Берсенева, 2005).

Однако в отличие от *перед дверью* у *под дверью* положение наблюдателя не фиксировано. Он может находиться снаружи — там же, где находится человек, который не может попасть в помещение, ср. (5), а может и внутри, как в (6): наблюдатель (мальчик) находится внутри, а объект, который собирается проникнуть в дверь (кошка), — снаружи:

(5) *Я собралась и пошла к Женьке. Минут пять* ***под дверью*** *собиралась с духом, чтобы позвонить* (А. В. Жвалевский, Е. Пастернак, 2009);

(6) *Мальчик первым услышал громкое мяуканье* ***под дверью*** (Е. Каретникова, 2011).

Для вертикальных ориентиров (колонны, заборы, фонари и пр.), в число которых входит *дверь*, *под* «привязывает» подвижный ориентируемый объект к пространственной локализации ‘внизу рядом’ [Плунгян, Рахилина 2014]. Поэтому в отличие от квазисинонимичного *перед X* для *под X* не характерны предикаты временного нахождения, такие как *остановиться*; ср. 86 вхождений в [НКРЯ] сочетания *остановиться перед дверью* и полное отсутствие примеров на *остановиться под дверью*. *Под дверью* может описывать только длительный процесс нахождения / ожидания, ср.:

(7) *Ждем* ***под дверью****, когда нас пригласят* (И. Франс, 2011).

2.3. За **дверью***: нефасадное употребление*

Как правило, этот контекст предполагает, что дверь закрыта, т. е. ориентируемый объект не виден наблюдателю, и он делает выводы о нем на основании каких-то косвенных обстоятельств — шума, движения и др.:

(8) *Ручка чуть-чуть шевельнулась, как будто тот, кто стоял* ***за дверью****, проверял, не заперто ли* (Т. Устинова, 2003).

Сам объект может быть как снаружи (9), так и внутри помещения (10) — в этом проявляется свойство нефасадности:

(9) *И пусть ждут просители* ***за дверью*** *кабинета* (В. Маканин, 1995) = ‘просители находятся снаружи кабинета’

(10) *Открой!* ***За дверью*** *полная тишина.* **—** *Лида, открой* (А. Геласимов, 2001).

Как и в случае обычной нефасадности, положение наблюдателя здесь в некотором смысле фиксировано — он всегда находится с **обратной** стороны двери относительно ориентируемого объекта или ситуации, а не с той же, что объект / ситуация (т. е. закрытая дверь разделяет наблюдателя и объект). Это напоминает классические примеры нефасадности типа *За пнем гриб* (т. е. пень между наблюдателем и грибом). В примере 9 просители находятся снаружи, а рассказчик

представляет ситуацию с точки зрения человека, находящегося внутри кабинета. Во втором случае ситуация представлена глазами героя, который находится снаружи от комнаты, внутри которой находится Лида.

Заметим, что в первом случае фраза с *за* квазисинонимична фразе с *перед*: референциально *Просители ждали за дверью кабинета* и *Просители ждали перед дверью кабинета* совпадают. Различаются они перспективой: в первом случае наблюдатель (возможно, воображаемый) находится в другом пространстве, чем ориентируемый объект, т. е. внутри, а во втором случае он находится в том же пространстве, что и ориентируемый объект, т. е. снаружи. Во втором случае фраза с *за* антонимична фразе с *перед*, и есть контексты, где они явно противопоставляются:

(11) *Спорят, где поставить мальчика и девочку* **— *перед дверями*** *в зал или* ***за дверями*** *в зале? Но* ***перед дверями*** *будет тесно, решают, что лучше в зале* (В. Распутин, 1998).

В этом примере интересен контраст падежей: *перед дверями* ***в зал*** с винительным падежом косвенно указывает на директивность, движение внутрь, в то время как *за дверями* ***в зале*** — на локализацию.

Референциальные и прагматические особенности сочетания *за дверью* определяют выбор наиболее частотных предикатов. Это, во-первых, глаголы, указывающие на исчезновение ориентируемого объекта из поля зрения наблюдателя (*скрыться* / *исчезнуть за дверью*); во-вторых, глаголы, указывающие на ожидание возможности войти (*стоять за дверью*, *остановиться за дверью*), и наконец, глаголы восприятия (обычно на слух) присутствия ориентируемого объекта через дверь: *за дверью слышались* / *раздавались голоса*.

Частный и характерный случай — подслушивание, ср.: *подслушивать* ***за*** *дверью.* В этом случае возникает эффект фасадности: пространство, в котором находится подслушивающий, всегда внешнее. Действительно, ситуация, когда человек, притаившись за дверью кабинета, подслушивает разговоры в коридоре, малоправдоподобна — возможно только обратное.

В некоторых ситуациях из узкого контекста невозможно установить, где находится наблюдатель — снаружи или внутри помещения, *за дверью* которого что-то происходит. В этих случаях невозможно установить и местоположение ориентируемого объекта:

(12) ***За дверью*** *стояла крупная пожилая женщина* (Л. Улицкая, 1995–2000).

Открыла ли эта женщина наблюдателю дверь или, наоборот, она стояла на пороге, когда дверь открыл наблюдатель? Из фразы 12 это непонятно. Лишь более широкий контекст позволяет восстановить ситуацию, а именно, что наблюдатель пришел снаружи: *Вошедший позвонил в нужную дверь и услышал, как затопали чьи-то шаги прочь от двери, потом ясный женский голос закричал: «Гришка, отдай пластилин!» Затем он услышал легкий звон стекла, раздраженный возглас: «Да откройте же дверь!» — и наконец дверь открылась. За дверью стояла крупная пожилая женщина* (Л. Улицкая, 1995–2000).

Обычно, впрочем, контекст содержит прагматические подсказки разного рода, которые позволяют сделать правдоподобное предположение относительно положения наблюдателя:

(13) *Он задумчиво ел, делал вид, что все, происходящее* ***за дверью*** *кухни, не имеет к нему никакого отношения* (В. Токарева, 2002) = ‘наблюдатель внутри’;

(14) ***За дверью*** *Анны Ильиничны послышался частый нарастающий топот, похожий на работу хорошего барабанщика, потом дверь с треском распахнулась* (А. Волос, 2000) = ‘наблюдатель снаружи’.

В примере 13 разумно предположить, что *он*, чьими глазами наблюдается ситуация, находится на кухне, поскольку он ест. В примере 14 разумно предположить, что рассказчик находится снаружи, потому что *дверь* в сочетании с посессивным генитивом *Анны Ильиничны* может относиться только к внешней стороне двери, при взгляде снаружи (*Вот дверь Анны Ильиничны*); внутренняя сторона двери не маркируется как принадлежащая кому-либо.

Итак, как видим, для порталов фасадность / нефасадность — свойство не слов, а значимых для этих порталов **ситуаций**, которые лексически, помимо обозначения самого портала, определяются еще и выбором предлога и предиката. Следующий небольшой раздел это подтверждает.

2.4. За дверью*: фасадное употребление*

Сочетание *за дверью* может пониматься не только нефасадно, но и фасадно. В теоретическом плане такой эффект тоже является неожиданным: мы привыкли к тому, что это взаимоисключающие классы. Однако такие эффекты имеют, как мы только что видели, свое объяснение. В данном случае мы имеем в виду то, что фасадное употребление возникает применительно к двери как особому типу объекта, который возникает в особой ситуации.

Речь идет об открытой двери, образующей небольшое замкнутое пространство вместе с примыкающей к ней стеной, ср. *Швабра стоит за дверью*. В этом случае *за дверью* описывает небольшое изолированное пространство между открытой дверью и стеной. Наблюдатель в этом случае отсутствует, а ориентируемыми объектами чаще являются не люди, а хозяйственные объекты: *дверь* выступает не в своей прототипической функции портала, а в функции перегородки, создавая закуток для хозяйственных нужд[7].

[7] Иногда в роли ориентируемых объектов в таких контекстах люди все-таки выступают — если человек прячется в таком закутке. Тогда может возникнуть омонимия: *Он стоял за дверью и подслушивал* — в закутке или в более открытом пространстве по сравнению с комнатой, где идет разговор?

2.5. Динамические контексты: за дверь

Сочетание *за дверь* фасадно и интерпретируется ‘двигаясь / двигая объект изнутри в пространство снаружи’, как в примере 15. Контексты, когда *за дверь* обозначало бы ‘внутрь’, в корпусе отсутствуют.

(15) *Для того чтобы дойти до порога, одеться и выйти* ***за дверь****, ему понадобилось три минуты* (В. Токарева, 2002).

Для *за дверь* характерна сочетаемость с предикатами на *вы-*, обозначающими движение или перемещение из более замкнутого пространства в более открытое (ср. о глаголе *выйти*: [Апресян 1990; 2015]): *выйти* / *выбросить* / *вышвырнуть за дверь*; антонимичные предикаты на *в-*, обозначающие движение внутрь, невозможны: **Он вошел за дверь.*

В качестве антонима к динамическому *за дверь* выступает не сочетание **перед дверь* (его нет в русском языке), а сочетание *под дверь* со значением ‘двигаясь снаружи к внешней стороне двери’. Получается, что *за дверь* и *под дверь* предполагают одну и ту же конечную локализацию движущегося объекта (= ‘у входной двери снаружи помещения’), но противоположное направление движения к ней:

(16) *Сервис на уровне: например, можно выставить* ***за дверь*** *квартиры пакет с грязным бельем — на следующий день его положат на то же место, только выстиранным и выглаженным* («Мир & Дом. City», 2004) = ‘движение изнутри помещения наружу’;

(17) *Один раз мне сказали, что если я не дам на воспитание ребенка, то он будет подброшен* ***под мои двери*** *с соответствующей запиской* (А. Аверченко, 1910–1911) = ‘движение снаружи помещения к входной двери’.

Естественно, прагматически ситуации, описываемые сочетаниями *за дверь* и *под дверь*, совершенно разные: если *за дверь* в самом общем виде описывает избавление от нежелательного объекта путем перемещения его в менее привилегированное пространство, *под дверь* обычно указывает на не контролируемое находящимся внутри человеком и нежелательное для него перемещение объекта близко к его личному пространству: *подложить взрывчатку под дверь*, *подбросить ребенка под дверь.* Для динамических контекстов наличие или отсутствие наблюдателя неважно; в этом смысле они описывают ситуацию столь же объективно, сколь и обычные фасадные имена в локативных контекстах.

3. *Окно*

3.1. *Перед окном*: нефасадность

Применение стандартной диагностики фасадности с предлогом *перед* для портала *окно* дает отрицательный результат: пространственная интерпретация соответствующих контекстов квалифицирует *окно* как нефасадное — ориентируемый

объект может находиться как внутри помещения (18), так и снаружи (19), т. е. как перед внутренней, так и перед наружной поверхностью окна:

(18) *Конечно, спать было уже невозможно, он вставал, одевался в пижаму, садился* ***перед окном*** *с книжкой в руках, но не читал, а смотрел на море* (Ю. Домбровский, 1978) = ‘внутри помещения’;

(19) *Прямо* ***перед окном —*** *сохранившаяся маленькая часовня* (Т. Окуневская, 1998) =‘снаружи помещения’.

На первый взгляд кажется, что поведение сочетания *перед окном* противоположно поведению сочетания *перед дверью* и аналогично поведению сочетания *за дверью*, т. е. что *окно* в качестве портала ведет себя противоположно *двери*. Однако на самом деле все обстоит сложнее. Если бы поведение сочетания *перед окном* было нефасадным, то интерпретация зависела бы только от того, в какой точке находится наблюдатель. Действительно, в большинстве контекстов местоположение объекта при интерпретации сочетания *перед окном* определяется положением наблюдателя: если он внутри, то и *перед окном* значит ‘с внутренней стороны окна’, если он снаружи, то и *перед окном* значит ‘с наружной стороны окна’.

Однако в некоторых примерах наблюдатель явно находится с одной стороны от *окна*, а ориентируемый объект — с противоположной, и интерпретация устанавливается на основе прагматических «подсказок». Ср. известный пассаж из Гоголя:

(20) *Дом ли то мой синеет вдали? Мать ли моя сидит* ***перед окном****? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку!* (Н. Гоголь, 1835).

Наблюдатель (Поприщин) явно видит свой дом **снаружи**, а его мать, очевидно, находится **внутри** дома; таким образом, в этом контексте положение объекта, расположенного *перед окном*, не зависит от положения наблюдателя, т. е. это сочетание ведет себя как фасадное. В примере 21 ситуация противоположная: наблюдатель внутри, а ориентируемый объект снаружи:

(21) *Поддерживаемый матерью, он дошел до окна и долго смотрел на дорогу. Поблескивали лужицы от тающего снега. На дворе была первая предвесенняя оттепель. Прямо* ***перед окном****, на ветке вишни, хорохорился серопузый воробей, беспокойно посматривая вороватыми глазками на Павла* (Н. Островский, 1930–1934).

Таким образом, мы видим, что поведение *окна* как портала в сочетании *перед окном* радикально отличается от строго фасадного поведения *двери* в том же контексте (см. 2.1), однако не линейным образом — в основном оно нефасадно, но есть и отдельные фасадные контексты. Однако в основном фасадность имени *окно* проявляется в русском языке ожидаемым образом не с предлогом *перед*, а с предлогом *за*.

3.2. За окном*: фасадность*

Действительно, именно предлог *за* (точно так же, как предлог *перед* для *дверь*) определяет основную антропоцентричную функцию окна как «смотровой площадки» — портала, через который человек изнутри помещения наблюдает происходящее снаружи:

(22) *Вадим <…> вел себя очаровательно до тех пор, пока не приметил* ***за окном*** *бредущего по проспекту Труда долговязого сутулого человека* («Столица», 1997)[8].

В примере 23 представлено метафорическое понимание сочетания *за окном* (метафора ПРОСТРАНСТВО → ВРЕМЯ), где внешняя по отношению к замкнутому внутреннему миру жизнь символизирует современность со всеми ее приметами.

(23) *Не девятнадцатый же век* ***за окном****, когда барышни сидели взаперти* (В. Белоусова, 2000)[9].

В любом случае, все, что происходит *за окном*, буквально или метафорически, всегда снаружи помещения, ср. ****За окном*** *была видна люстра и горшки с цветами*.

3.3. Под окном*: фасадность*

Так же как для лексемы *дверь*, для диагностики фасадности *окна* действителен дополнительный предлог — *под*, который тоже маркирует наружную сторону окна:

(24) *… был и тополь* ***под окном****, который теперь давно срублен* (И. Архипова, 1996).

К другим порталам (*вход* / *выход*, *ворота*, *калитка* и др.) он в этом качестве практически не применим. Однако если для *двери* контексты с *под* квазисинонимичны фасадным с *перед*, то для *окна*, у которого фасадность проявляется в контекстах с *за*, а не *перед*, они могут быть до некоторой степени равнозначны *за* — однако как минимум с точностью до позиции наблюдателя. Релевантность наблюдателя для фасадных контекстов *окна* (так же, как и *двери*) как раз и выявляется этим предлогом. А поскольку из всех порталов *под* важен только для *окна* и *двери*, то наблюдаемость соответствующих ситуаций оказывается индивидуальным свойством

[8] Метонимически *за окном* может обозначать пространство или поверхность непосредственно за окном, на карнизе, например для хранения продуктов или кормушки для птиц. Однако в отличие от *за дверью* сдвига фасадности здесь не происходит.

[9] В этом употреблении *за окном* синонимично *на дворе* / *во дворе* (или: *на улице*), которое претерпевает аналогичный сдвиг и тоже трансформирует абстрактное пространственное значение ‘вне помещения’, ср. знаменитое: *В кашне, ладонью заслонясь,* / *Сквозь фортку кликну детворе:* / *Какое, милые, у нас* / *Тысячелетье на дворе*? (Б. Пастернак, 1917–1919).

этих имен, вне зависимости от их фасадности. *За окном* — всегда взгляд изнутри наружу, *под окном* — всегда снаружи по направлению к внешней стороне портала.

И так же как с *дверью*, контексты *под окном* характеризуют длительность, как правило, связанную с ожиданием (*ждал под окном*, *торчал под окном*), ср. знаменитые пушкинские строки:

Я здесь, Инезилья
Я здесь ***под окном***.
Объята Севилья
И мраком и сном.
Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь ***под окном***.

В них присутствует еще больший, чем с *дверью*, акцент на нижней поверхности, которая, особенно в современных реалиях многоэтажных домов (ср. *приневские* в следующем примере), может быть от самого окна значительно удалена:

(25) *Чтоб звон и трепет легкокрылый* / *Прошел от* ***кленов под окном***. / *Каймой зари перевитые,* / *Стоят приневские дома…* (А. Прокофьев, 1939).

Как видим, оба фасадных контекста с порталом *окно* так или иначе ориентируют объект снаружи помещения; для того чтобы описать объект внутри, обычно нужно использовать нефасадную конструкцию *перед окном* с наблюдателем внутри помещения — или заглянуть в окно с улицы и описать увиденное конструкцией с предлогом *в*, которая нефасадна, ср. неоднозначное:

(26) ***В окне*** [‘на улице’ или ‘в доме’? — *В. А.*, *Е. Р.*] *виднелся силуэт женщины, которой я и помахал рукой в знак приветствия* (А. Шиманский, 2002).

3.4. Окна *как особая разновидность объекта*

В отличие от пары *дверь – двери*, которая замечательна прежде всего дополнительным значением парности для формы множественного числа (форма *двери* может означать не просто множество дверей, а две створки одной двери), в паре *окно – окна* обе единицы демонстрируют особенное поведение в отношении признака фасадности. Дело в том, что форма *окна* понимается не только как произвольное множество окон, но и как набор окон одного дома — и в этом качестве представляет для нас специальный интерес.

Действительно, как единый объект множество окон одного дома видно только снаружи: внутри дома они распределены по помещениям. Поэтому внешняя поверхность для формы *окна* оказывается, так сказать, еще более фасадной, чем для единичного окна. Это проявляется прежде всего в сочетаемости с предлогом *перед* — как мы помним, нефасадного контекста для единичного *окно*. Однако форма

окна в его контексте фасадна, причем всегда располагает и ориентированный объект, и наблюдателя снаружи дома, «лицом» к внешней стороне окон:

(27) *С полчаса он работал метлой и лопатой, откопал ступеньки, разбросал снег **перед окнами** и прорыл дорожку к хибаре соседа* (Б. Хазанов, 1998);
(28) *Огромные кусты сирени вздымались **перед окнами**, смутно виделись тяжелые кисти* (Б. Екимов, 1989).

Фасадность формы *окна* (и выделенность в них внешней стороны) в других диагностических контекстах более предсказуема, потому что так же ведет себя *окно* в единственном числе: *под окнами* похоже на *под окном*, с наблюдателем с внешней стороны, ср.:

(29) *Я услышал **под окнами** дребезжание трамвая* (С. Довлатов, 1983),

— а *за окнами* — на *за окном*, с наблюдателем, который «видит» происходящее изнутри помещения. Что касается *за окном* / *за окнами*, то часто и та и другая формы употребляются в тексте как бы с неспецифицированным числом, легко заменяя друг друга, ср. (30) и (31):

(30) *Так, в слезах, он и проснулся. **За окнами** лил дождь* (С. Таранов, 2001);
(31) ***За окном** лил дождь, шумный, светлый. <…> Аня выглянула в окно* (З. Воскресенская, 1963–1965).

Получается, что для формы множественного числа *окна* все контексты равно фасадны — собственно, как это и должно быть в обычном случае. Необычно то, что во всех них выделена одна и та же внешняя сторона: *перед*-контексты и *за*-контексты не противопоставлены. Получается, что нет стандартного средства описать с помощью ориентира *окна* объект, который находится внутри помещения.

Конечно, такая конструкция есть, мы ее уже упоминали в последнем разделе. Это локативная конструкция с предлогом *в* — только ее нельзя назвать стандартной для диагностики фасадности. К обычным фасадным объектам (типа *дом* или *диван*) она не применима как диагностика, из порталов предлог *в* возможен при *двери* и *воротах* (стоять *в дверях* / *в воротах*) – но тоже не как диагностика фасадности. Для единственного числа имени *окно* конструкция с *в* релевантна, но нефасадна: она, как мы уже говорили, описывает и то, что внутри помещения (32), и объект на улице (33):

(32) *Протер глаза. **В окне** светало* (Д. Самойлов, 1989);
(33) *Кто-то движется **в окне**. / Это, видно, не ко мне. / Каблучки по тротуару / Прозвенели в тишине* (Д. Самойлов, 1989).

Тем не менее для формы *окна* значим именно этот контекст. Как свидетельствует [НКРЯ], в сочетании с этим предлогом ориентируемый объект всегда интерпретируется как находящийся в помещении, а наблюдатель смотрит на него снаружи — как бы во все окна сразу.

Заметим, что параметры подходящей к такому случаю ситуации должны быть особенными: наблюдать один конкретный объект сразу в нескольких окнах затруднительно. Самая простая ситуация — с ориентацией абстрактного объекта *свет*, который всегда зажигается вечером внутри во всем доме и виден сразу через все окна — и из одного и того же помещения (34), и из разных (35). Другая естественная ситуация — визуальный поиск объекта в разных помещениях через разные окна, ср. (36) или (37). Оба эти контекста могут быть полезны при исследовании признака фасадности в других языках.

(34) … *вот в дали стоит избушка* / *светит* ***в окнах*** *огонек* (Д. Хармс, 1933);
(35) *Если в каком-то там предприятии горит* ***в окнах*** *свет* / *то это значит*… (С. Сорокина, НТВ, 2000);
(36) … *высматривал меня* ***в окнах*** *медленно подползающей электрички* (А. Волос, 2000);
(37) … *пытаясь разглядеть что-то* ***в окнах*** *шестого этажа* (И. Муравьева, 1994).

3.3. Динамические контексты: окно *и* окна

Динамические контексты с *окно* / *окна* почти везде дают предсказуемую картину.

За окно, так же как и *за дверь*, предполагает движение вовне и выделяет внешнее пространство; то же для крайне редких примеров с *за окна* (в этом значении всего 17 примеров в основном корпусе [НКРЯ] против более 400 для *за окно*), ср. у Ю. П. Анненкова: *Перенесение действия за окна Зимнего дворца*… или у К. Г. Паустовского: … *глядя за окна, где неподвижно сияли снега*.

Под окно, как и *под дверь*, описывает движение во внешнее пространство (в нижней части окна), но снаружи; то же для *под окна*, сопоставимого с *под окно* по частотности.

Перед окно / *окна*, так же как и *перед дверь*, в корпусе отсутствует. «Заменой» ему (как и с *дверью*) выступает *в окно* / *в окна*, которое в отличие от локативных контекстов в обоих случаях нефасадно, ср.:

(38) *Ел, спал, смотрел* ***в окно*** [= изнутри наружу], *читал* (Е. Гришковец, 2004);
(39) *Луна светила* ***в окно*** [= снаружи внутрь] (В. Токарева, 2002);
(40) … *старики, все развлечение которых — смотреть* ***в окна*** [= изнутри наружу], *зная едва не каждого прохожего* (В. Распутин, 1998);
(41) *Пошли погуляем. Я* ***в окна*** [= снаружи внутрь] *люблю смотреть*… (Л. Улицкая, 2000).

4. Заключение

Мы рассмотрели здесь языковое поведение порталов — *двери* и *окна* — с точки зрения признака фасадности на русском материале.

Суммировать основные полученные нами результаты помогает таблица.

		Статические контексты			**Динамические контексты**		
		перед дверью	*под дверью*	*за дверью*	**перед дверь*	*под дверь*	*за дверь*
Дверь	Фасадность	да	да	нет		да	да
	Объект	снаружи	снаружи	снаружи или внутри		снаружи	снаружи
	Наблюдатель	снаружи	снаружи или внутри	по другую сторону двери от объекта			
		перед окном	*под окном*	*за окном*	**перед окно*	*под окно*	*за окно*
Окно	Фасадность	нет	да	да		да	да
	Объект	снаружи или внутри	снаружи	снаружи		снаружи	снаружи
	Наблюдатель	обычно по другую сторону двери от объекта	снаружи или внутри	внутри			
		перед окнами	*под окнами*	*за окнами*	**перед окна*	*под окна*	**за окна*
Окна	Фасадность	да	да	да		да	
	Объект	снаружи	снаружи	снаружи		снаружи	
	Наблюдатель	снаружи или внутри	снаружи или внутри	внутри			

Из нашей работы можно сделать следующие общие выводы.

Порталы — это двуфасадные объекты, которые не могут быть однозначно охарактеризованы по признаку фасадности. В одних контекстах они оказываются фасадными, а в других — нет.

При этом единства между разными порталами нет: каждый демонстрирует свой способ взаимодействия с классическими диагностиками *за* и *перед.*

Если для обычных фасадных объектов положение наблюдателя никак не фиксировано (и не важно), то для фасадных порталов позиция наблюдателя может быть фиксирована — он может находиться как с «главной», так и с «второстепенной» стороны портала, в зависимости от ситуации, которая маркируется разными предложными конструкциями.

Круг предлогов, чувствительных к фасадности порталов в русском языке, шире, чем *за* и *перед*: в диагностике участвует и предлог *под*, часто квазисинонимичный *перед*, и предлог *в.* Это позволяет предполагать, что для других языков множество релевантных контекстов тоже должно быть расширено.

С точки зрения фасадности в русском языке различаются употребление в статических (локативных, ср. *за дверью*) и динамических (направительных, ср. *за дверь*) контекстах. В динамических контекстах положение наблюдателя не фиксировано и не важно.

Фасадность присуща не объекту как таковому, а объекту в определенном положении или в определенной ситуации (ср. *открытая* и *закрытая дверь*).

В зоне порталов признак фасадности кажется особенно нетривиальным — однако отклонения в языковом поведении порталов мотивированы их функциональной составляющей. Порталы действительно особенны, и не только в русском языке.

В сущности, настоящее исследование доказывает неуниверсальность признака фасадности и создает основу для создания типологической анкеты и семантической типологии этого признака.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Вопросы кибернетики. Т. 166 : Язык логики и логика языка / ред. В. В. Иванов. М. : АН СССР, 1990. С. 70–96.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 367 с. 2-е изд. : *Апресян Ю. Д.* Избр. труды : в 2 т. М. : Языки русской культуры, 1995. Т 1. 472 с.

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. 2-е изд.: *Апресян Ю. Д.* Избр. труды : в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. С. 5–33.

Апресян Ю. Д. ВЫЙТИ // *В. Ю. Апресян*, *Ю. Д. Апресян*, *Е. Э. Бабаева*, *О. Ю. Богуславская*, *И. В. Галактионова*, *М. Я. Гловинская*, *Б. Л. Иомдин*, *Т. В. Крылова*, *И. Б. Левонтина*, *А. А. Лопухина*, *А. В. Птенцова*, *А. В. Санников*, *Е. В. Урысон*. Активный словарь современного русского языка. Т. 1 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 423–429.

Бычкова П. А. Русские существительные с признаком фасадности : курс. раб. студ. / НИУ «Высшая школа экономики». М., 2017. 53 с.

Иомдин Б. Л. Дверь // *Апресян В.* Ю., *Апресян Ю.* Д., *Бабаева Е.* Э., *Богуславская О.* Ю., *Гловинская М.* Я., *Иомдин Б.* Л., *Крылова Т.* В., *Левонтина И.* Б., *Лопухина А.* А., *Птенцова А.* В., *Санников А.* В., *Урысон Е.* В. Активный словарь русского языка. Т. 3 / отв. ред.: В. Ю. Апресян, Б. Л. Иомдин, И. В. Галактионова. М. : Нестор-История, 2017а. С. 38–39.

Иомдин Б. Л. Синопсис значений слова *окно* // Отчет по гранту РНФ за 2017 год, № 16-18-02054 «Исследование русского языкового сознания на основе семантического, статистического и психолингвистического анализа лексической многозначности» (рук. В. Ю. Апресян). М., 2017б. С. 5.

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Плунгян В. А., *Рахилина Е. В.* Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом *под*: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления // Die Welt der Slaven. 2014. № 59. S. 22–56.

Fillmore Ch. Types of lexical information // Working papers in linguistics. 1968. Vol. 2. P. 56–103.

Ikegami Y. 'Source' vs. 'goal': A case of linguistic dissymmetry // Concepts of Case / ed. by R. Dirven, G. Radden. Tübingen: Narr, 1987. P. 122–146.

Macmillan — Macmillan online dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.macmillandictionary.com/

Oxford — Oxford online dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexico.com/

Ungerer F., *Schmidt H.-J*. An Introduction to Cognitive Linguistics. London : Longman, 1996. 384 p.

Verspoor M., *Dirven R*., *Radden G*. Putting concepts together: Syntax // Cognitive Exploration of Language and Linguistics / ed. by R. Dirven, M. Verspoor. Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1999. P. 87–115.

V. J. Apresjan, E. V. Rakhilina
National Research University "Higher School of Economics"
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
valentina.apresjan@gmail.com
rakhilina@gmail.com

TWO SIDES OF FRONTNESS: DOORS AND WINDOWS

The paper explores the interpretations of the Russian spatial prepositions *pered* 'in front of' and *za* 'behind' with the words *dver'* 'door' and *okno* 'window' in the *Russian*

National Corpus. The paper examines some previously unexplored aspects of the functioning of the non-trivial semantic feature of 'frontness' in the Russian language. We demonstrate that doors and windows are special two-facade objects that cannot be unambiguously characterized in terms of frontness, unlike all other objects. Due to functional and conceptual differences, *dver'* and *okno* interact differently with the classic diagnostic contexts *pered* and *za*. While *pered dver'ju* usually refers to the space outside, *za dver'ju* can refer either to inner or outer locations, whereas *pered oknom* and *za oknom* demonstrate the opposite distribution. *Pered oknom* can mean either inside or outside, while *za oknom* means outside. This is explained functionally: doors in Russian are conceptualized primarily as serving to enter closed spaces from open spaces, while windows are conceptualized primarily as serving for looking out from closed spaces into open spaces. Finally, the range of prepositions that are sensitive to frontness in portals in the Russian language is wider than only 'behind' and 'in front of': the preposition 'under' is often quasi-synonymous with 'in front of' and the preposition 'in,' which in classical works are not considered diagnostics of frontness, prove to be relevant test contexts. On the whole, one can conclude that frontness is a characteristic of a situation rather than of a specific object.

Key words: non-trivial semantic feature, frontness, absolute orientation, relative orientation.

Acknowledgements

The study was funded by a grant from the *Russian Foundation for Basic Research* (project No. 14-28-00130) at the V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

References

Apresyan Yu.D. [Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world]. *Semiotika i informatika*, 1986, no. 28; 2nd ed.: Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected works. Vols. 1–2] Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, vol. 2, pp. 5–33. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [Lexicographic portrait of the verb *vyiti* 'to exit']. *Voprosy kibernetiki. T. 166: Yazyk logiki i logika yazyka* [Questions of cybernetics. Iss. 166: The language of logic and the logic of language]. V. V. Ivanov (Ed.). Moscow, USSR Sci. Acad. Publ., 1990, pp. 70–96. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [VYITI 'to exit']. V.Yu. Apresyan, Yu.D. Apresyan, E. E. Babaeva, O.Yu. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, M.Ya. Glovinskaya, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. A. Lopukhina, A. V. Ptentsova, A. V. Sannikov, E. V. Uryson. *Aktivnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. T. 1* [The Active dictionary of the modern Russian language. Vol. 1]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, pp. 423–429. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics: synonymous means of language]. Moscow, Nauka, 1974. 367 p. 2nd ed.: Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected works. Vols. 1–2] Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. Vol. 1. 472 p.

Bychkova P. A. *Russkie sushchestvitel'nye s priznakom fasadnosti: kurs. rab. stud*. [Russian nouns with a sign of façade. Student coursework]. Moscow, 2017. 53 p.

Evgen'eva A. P. (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. 2-e izd., ispr. i dop.* [The Dictionary of the Russian language. Vols. 1–4. 2nd ed.]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1981–1984.

Fillmore Ch. Types of lexical information. *Working papers in linguistics*, 1968, vol. 2, pp. 56–103.

Ikegami Y. 'Source' vs. 'goal': A case of linguistic dissymmetry. *Concepts of Case*. R. Dirven, G. Radden (Eds.). Tübingen, Narr, 1987, pp. 122–146.

Iomdin B. L. [*Dver'* 'the door']. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 3* [The Active dictionary of the modern Russian language. Vol. 3]. V.Yu. Apresyan, B. L. Iomdin, I. V. Galaktionova (Eds.). Moscow, Nestor-Istoriya, 2017a, pp. 38–39. (In Russ.)

Iomdin B. L. [The Synopsis of the meanings of the word *okno* 'window']. *Otchet po grantu RNF za 2017 god, №16-18-02054 «Issledovanie russkogo yazykovogo soznaniya na osnove semanticheskogo, statisticheskogo i psikholingvisticheskogo analiza leksicheskoi mnogoznachnosti» (ruk. V.Yu. Apresyan)* [Report on the RSF grant for 2017, no. 16-18-02054 "Study of Russian language consciousness based on semantic, statistical and psycholinguistic analysis of lexical ambiguity"]. Moscow, 2017b, p. 5. (In Russ.)

Macmillan online dictionary. Available at: https://www.macmillandictionary.com/ (accessed 18.09.2019).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National corpus of the Russian language]. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 20.05.2019)

Oxford online dictionary. Available at: https://www.lexico.com/ (accessed 18.09.2019).

Plungyan V. A., Rakhilina E. V. [Semantic and syntactic properties of Russian constructions with the prepoistion *pod* 'under': direct (spatial) and figurative (temporary) uses]. *Die Welt der Slaven*, 2014, no. 59, pp. 22–56. (In Russ.)

Ungerer F., Schmidt H.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. London, Longman, 1996. 384 p.

Verspoor M., Dirven R., Radden G. Putting concepts together: Syntax. *Cognitive Exploration of Language and Linguistics*. R. Dirven, M. Verspoor (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, 1999, pp. 87–115.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.10

Andrzej Bogusławski
University of Warsaw
(Poland, Warsaw)
bogus@iitp.ru

EQUIVALENCE: *P* ≡ SOMEONE KNOWS THAT *P*

jurij Derenikovič has devoted very much time and, as always, fruitful work to a certain important part of verbal semantics, viz. to the concept *know* / Russian *znat'*. For many decades now he has insisted on its primitive character. We find a new exposition of this idea in [Apresyan 2018] where a large number of other epistemic expressions are scrutinized as well. While his view of the concept of knowledge is not identical with mine in all its details, I share with him the basic non-conventional attitude concerning the widely debated issue of definability of 'knowledge' and ways of defining it. I myself have spent much time arguing for the treatment of the fundamental expression 'someone knows about _ that _, not: _' as simple, i.e. indefinable, and universal [cf., in particular: Bogusławski 1981].

Along with my heartfelt wishes of good health and many further scientific achievements in the new decades of Jurij's life, I submit a short reasoning which shows that **any** proposition *p* with its inherent so called *truth claim* is equivalent to the statement that there is a subject who knows that *p*. Thus, it is not only the case that the aletheic *knows that* entails, in the most elementary way, the corresponding *p* as true, but also *any p*, with its *truth claim*, entails 'someone knows that *p.*' This circumstance reflects both the abovementioned simplicity of the notion and its nature of one of the pivot-stones of the existence of living beings, humans in particular, next to the phenomenon of 'doing' (recall Goethe's memorable verse *Im Anfang war die Tat*). At the same time the deduction offers a rationale for the theistic claim of the Almighty and **Omniscient** Creator of "all things seen and unseen."

The reasoning applies to single states of affairs. But on the strength of a due logical extension of the deduction, the result is also valid for complex states of affairs as represented by conjunctions, alternatives etc.

The deduction has the following shape.

[∃x *knows that p* (x) ≡ *p*]
1. *a* knows that *p* ⇒

$\Rightarrow$ [(*a* knows that *p* $\vee$ *a* does not know that *p*) $\wedge$
$\wedge$ (*a* knows that *p* $\Rightarrow$ $\exists$x knows that *p* (x)) $\wedge$ (*a* does not know that *p* $\Rightarrow$ $\exists$x knows that *p* (x))] $\Rightarrow$
$\Rightarrow$ $\exists$x knows that *p* (x) $\wedge$ (x = *a* $\vee$ x $\neq$ *a*)

The first apodosis in 1 includes the tautological alternative of *a*'s knowledge and ignorance (which is always accessible as an apodosis) and the analytic truth saying that both *knows that* and its **basic** negation *does not know that* entail someone's positive knowledge to the effect that the state of affairs represented in the propositional complement **obtains** (attention must be called to the fact that the negation in question has to be distinguished from the negation *it is not the case that a knows that* _ which applies to certain structures representing complex states of affairs).

2. Contraposition of the first conjunct in the last apodosis in 1 as applied to the first protasis in 1, with the expansion of that protasis yielding *a knows that p* $\wedge$ *p*, a move which is made possible by the entailment *a knows that p* $\Rightarrow$ *p*, leads us to accept the following:

$\sim$ $\exists$x knows that *p* (x) $\Rightarrow$
$\Rightarrow$ ([*a* does not know that *p*] $\vee$ $\sim$ p) $\Rightarrow$
$\Rightarrow$ [*a* does not know that *p* $\wedge$ $\exists$x knows that *p* (x) $\wedge$ $\sim$$\exists$x knows that *p* (x)] $\vee$ [$\sim$ p $\wedge$ $\sim$$\exists$x knows that *p* (x)] $\Rightarrow$ $\sim$ p

The first apodosis results from De Morgan's laws concerning the negation of the conjunction *a knows that p* $\wedge$ *p*. The second apodosis is based on the implementation of the law ($\alpha \rightarrow \beta$) $\rightarrow$ ($\alpha \rightarrow \alpha \wedge \beta$) and the law of existential generalization. The final apodosis results from the elimination of the first constituent of the alternative in the second apodosis as exhibitig self-contradictoriness, the elimination being based on the law of Disjunctive Syllogism, as well as from the reduction of the conjunction in the second constituent of the alternative by canceling its fragment which just reiterates the protasis , viz. $\sim$ $\exists$*x knows that p (x)*.

3. Contraposition of the last apodosis in 2 as applied to the first protasis in 2 yields:

p $\Rightarrow$ $\exists$x knows that *p* (x).

References

Apresyan Y. Knowledge and understanding in English: their interrelations. *O języku dla Anny Wierzbickiej* [About the language for Anna Verzhbitskaya]. J. Chojak, Z. Zaron (Eds.). Warszawa, Wydział Polonistyki UW Publ., BEL Studio Publ., 2018, pp. 23–53.

Bogusławski A. Wissen, Wahrheit, Glauben: zur semantischen Beschaffenheit des kognitiven Vokabulars. *Wissenschaftssprache. Beitrage zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Deskription*. Th. Bungarten (Ed.). Munchen, Fink, 1981, pp. 54–84.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.11

Anna Wierzbicka
Australian National University, School of Literature, Languages, and Linguistics (Australia, Canberra)
anna.wierzbicka@anu.edu.au

THE MEANING OF THE CHRISTIAN CONFESSION OF FAITH: EXPLAINING THE NICENE CREED THROUGH UNIVERSAL HUMAN CONCEPTS

This paper is part of a larger project, aiming at re-thinking Christian faith through universal human concepts, and at the same time exploring the scope of possible human understanding, across languages and cultures. Semantics can be divided into three main branches: lexical semantics, grammatical semantics and "textual semantics." The first is concerned with the meaning of words, the second with the meaning of grammatical constructions, and the third with the meaning of entire texts. This paper belongs to the third kind, as its purpose is to explicate the meaning of a text, or, more precisely, part of a text. The text in question, the 'Nicene Creed,' is a fixed text articulating the core of Christian belief, agreed upon in its Greek version at two great councils of the Church in the fourth century, Nicaea in 325 and Constantinople in 381, when the Church was still undivided. It is a text which to this day expresses the common faith of Christians in Western and Eastern Christianity. The paper seeks to "unpack" the meaning of the opening lines of the Nicene Creed: "I believe in one God, Father almighty, maker of heaven and earth, of all things visible and invisible." It relies on the methodology known as NSM (from Natural Semantic Metalanguage). The three semantic texts arrived at in the paper present the meaning of the opening lines of the Creed in words, phrases and sentences which are simple, clear, and universally cross-translatable.

Keywords: Christianity, God, Nicene Creed, Natural Semantic Metalanguage, textual semantics, "meaning → text", universal human concepts, Moscow Semantic School, intermediate concepts.

1. Introduction: Understanding other people's "dreamings"

Semantics can be divided into three main branches: lexical semantics, grammatical semantics and "textual semantics." The first is concerned with the meaning of words, the second with the meaning of grammatical constructions, and the third with the meaning of

entire texts. This paper belongs to the third kind, as its purpose is to explicate the meaning of a text, or, more precisely, part of a text. The text in question, the 'Nicene Creed,' is a fixed text articulating the core of Christian belief, agreed upon in its Greek version at two great councils of the Church in the fourth century, Nicaea in 325 and Constantinople in 381, when the Church was still undivided. It is a text which to this day expresses the common faith of Christians in Western and Eastern Christianity.

The idea that not only words and phrases but also entire texts can be explicated underlies "The Story of God and People in Minimal English," which is a core part of my book *What Christians Believe* [Wierzbicka 2019a]. Since that 'story' and that book provide the background for my present exploration of the meaning of the Nicene Creed, I will begin with three points which I made at the launch of *What Christians Believe* at the Australian National University in May 2019, and which, as I said then, and say again now, mean a great deal to me.

The first point is that I think it is important to understand other people, those near us, and also those distant from us, whether in space, time, language, or culture. And it is not easy to understand other people, especially if they are distant from us.

I'd like to illustrate this with something that an old Aboriginal man once said to the Australian anthropologist W. H. Stanner: "White man got no dreaming." I have often thought about these words. I'd like to understand fully what this man meant.

On one level, it seems to me that I do understand; and I'd like to respond: Christians do have a dreaming. But on another level, this old man was clearly referring to the Aboriginal concept expressed in words like "Jukurrpa" in Warlpiri, or "Altyerre" in Arrernte.

Stanner tried to explain this concept by speaking of "a sacred, heroic time of the indefinitely remote past, which is also, in a sense, still part of the present" [Stanner 2003: 57]. But for all my admiration for Stanner, this is, it seems to me, a somewhat Eurocentric understanding. This explanation can be very helpful for English speakers, but it relies on concepts which come from English, such as "sacred" and "heroic," not from Australian Aboriginal languages, which have no such words.

As colleagues and I have argued for many years, we can achieve better understanding if in our explanations we rely on concepts which are shared by all languages, and all speakers — concepts like good and bad, word and true, before and after. My colleague Cliff Goddard and I have tried to provide such an explanation of the Warlpiri concept of "jukurrpa" ("dreaming") in an article which was published in *Australian Aboriginal Studies* [Goddard & Wierzbicka 2015].

In *What Christians Believe*, I have tried to provide an analogous explanation of the "Christian dreaming." This is what "The Story of God and People," which is the core of that book, tries to achieve. No doubt, it is not perfect, but I think it is easier to understand than many other books on either theology or comparative religion. And it is far more cross-translatable into other languages.

The second point is that I believe in the essential unity of humankind. This belief is not very fashionable these days in academia and in fact it is often contested, with great emphasis being placed on "diversity" and some scorn expressed for putative

human universals. Yet without human universals we couldn't have any global ethics, any hope for a global — planetary — conversation about what is good and what is bad. We wouldn't be able to say that it is bad if people want to kill other people, or that it is bad if people want to do very bad things to other people. We can say such things only because, as cross-linguistic investigations show, all languages have words for good and bad, want, do and people.

As Australian Catholic theologian Anthony Kelly puts it in his article "The Risen Christ and Interfaith Dialogue" [Kelly 2012a], "the dialogical attitude <…> envisages unity in difference, rather than a homogenized sameness." I think that as linguists and anthropologists we should adopt the same attitude to human languages and cultures, and to look in them for "unity in difference" rather than either "homogenized sameness" (a la Chomsky) or boundless diversity, without even shared concepts like good and bad, know and think.[1]

As St Paul said to the Greeks in his speech in Athens two thousand years ago, "God hath made of one blood all nations of men <…> to dwell on all the face of the earth" (Acts 17:26, King James Version). "One blood" means here also what anthropologist Franz Boas later called "the psychic unity of mankind." This unity of humankind is also manifested in shared human words like good and bad, know and think, before and after, true, words, and people. Taken together with their shared grammatical frames, these words form a minimal language, both mental and oral, which allows, and underlies human communication. We can call this minimal language "Basic Human."

The third, and last, point that I want to make is about Jesus. Jesus' "dreaming" was universal: he wanted it to reach all people, so his teaching was meant to be accessible to all people. At the same time, it was very much embedded within one particular culture. So there is, seemingly, a paradox here: We can only understand Jesus' teaching in the context of that particular culture, but at the same time, we know that he wanted it to be conveyed also to people from other cultures, as he put it, "to the ends of the earth" (Acts 1:8).

Furthermore, as 21st century speakers of languages like English we are also embedded in a particular culture, which draws, among other things, on Christian concepts, such as "forgiveness," and Christian images, such as "turn the other cheek" and "the good Samaritan." These words and images are shared not only by speakers of English, but also by speakers of a great many other languages. To explain what Christians believe to people from non-Christian backgrounds we need to re-think these concepts and these images with the help of shared human concepts; and also, without relying on norms of interpretation specific to our own culture.

For those who are not interested in Christianity as such, this project of re-thinking Christianity from a universal point of view can work as a laboratory for exploring the scope of possible human understanding. The diversity of human languages and cultures

[1] The universality of know and think was questioned in relation to Australian Aboriginal language Dalabon by Nicholas Evans [2010]. Evans' arguments on this point were answered and, I believe, refuted in Goddard and Wierzbicka [2014: 94–99].

is phenomenal, but it is not boundless: I believe that with a good methodology, we can better understand other people's "dreamings" and make our own "dreaming" more intelligible to others. I hope that *What Christians Believe* represents a step in that direction.

2. Universal human concepts: the heart of "Basic Human"

At a time when many linguists and anthropologists emphasise the diversity of languages and even question the existence of any language universals [see e.g. Evans & Levinson 2009], many theologians take the opposite position and stress what human languages share. For example, Timothy Radcliffe (Dominican), in his book *What is the Point of Being Christian* [Radcliffe 2005: 145] writes: "As Christians, we believe that the unity of the human community is rooted in shared language."

Referring to the book of another Dominican, Herbert McCabe, *Law, Love and Language* [McCabe 1968], Radcliffe writes: "Cats or cows have a biological unity which means that they are able to interbreed. Human beings have that sort of unity too, since we too can mate with each other. But we are linguistic animals, which means that we are called to a deeper unity. Human unity is founded on our ability to talk to each other. Language is the breakthrough into a new sort of communion" [Radcliffe 2005: 58].

Radcliffe concludes with a statement which I believe has a special relevance for linguists, and semanticists in particular: "Our human vocation is to go on searching for new and deeper ways of belonging together, new ways of speaking, which realise our capacity for communion more profoundly" [Radcliffe 2005: 159]. I think that different people and different professions may have different vocations; but Radcliffe's statement deeply resonates with my own thinking and experience as a semanticist. In seeking to discover common human concepts and to construct a language accessible, in principle, to all people, colleagues and I have sought to realise more profoundly our human capacity for communion, for mutual understanding, across languages and cultures. This is what this paper seeks to demonstrate, with its semantic exploration of the Nicene Creed.

Theologians who talk about our common humanity and our "shared language" often appear to assume that the word "God" is shared by all people and to attach special significance to this [see for example: Sesboüé 1999: 96–97; Rahner 1983: 61–64 quoted by Sesboüé]. In fact, however, both linguists and missionaries know well that there are a great many languages in the world which don't have a word for God. On the other hand, empirical cross-linguistic investigations indicate that all languages have words corresponding to "good," "bad," and "true" — and some 60 others, out of which the concept of "God" (in the Christian sense of the word) can be constructed.

The first article of the Nicene Creed says "I believe in one God." The fact that not all languages have a word corresponding to "God" doesn't mean that this fundamental tenet of Christian faith cannot be expressed in all languages, but it means that finding a way to express it is not simple or straightforward.

This is where semantics (linguistic semantics) comes in. Once we have analysed the meaning of the word "God" and explained it through words which have counterparts in all languages, the concept of "God" can be introduced into any human language — it can

be labelled either with a loanword or with an indigenous word, but its content can be explained with indigenous words alone. I will show how this can be done in section 4. First, however, I will present the repertoire of universal human concepts which has emerged from decades of cross-linguistic investigations carried out by many scholars following the NSM approach (where "NSM" stands for Natural Semantic Metalanguage).[2]

At the heart of this repertoire lies a set of 65 universal semantic primes: concepts which, as evidence suggests, can be found in all languages and which cannot be decomposed into simpler concepts. The full set is given in Table 1. A second set, built on the first one, comprises concepts which NSM scholars call "semantic molecules." This set includes concepts like "hands," "fire" and "be born," which can be found as words (often polysemous words) in all languages but which are not semantic primes and can be decomposed into primes. Table 2 includes only a partial list of universal semantic molecules (as they have emerged from cross-linguistic investigations so far). Using the universal semantic primes and molecules, we can, in principle, explain the meaning of any word and any sentence in any language through a paraphrase formulated in natural language. Such paraphrases may not be idiomatic but they can, in principle, be intelligible and cross-translatable.

Generally speaking, all sentences formulated in "Basic Human" are both intelligible and cross-translatable. These two attributes are closely connected, because only cross-translatable sentences — that is sentences formulated in Basic Human — are so simple (in both vocabulary and grammar) that they can be generally understood.

One example. An excellent recent book for children which tries to explain Christian faith in a way that children could understand, includes the following sentence about Jesus: "The cause of death was <…> by suffocating on the cross" [YOUCAT Foundation]. Despite the authors' best intentions, this is a complex sentence which is neither generally understandable nor universally cross-translatable: not all English-speaking children can understand the word "suffocate" or the phrase "the cause of death"; and not all languages have a verb corresponding to "suffocate," or nouns corresponding to "cause" and "death." The intended meaning, however, can be easily expressed in "Basic Human" as "He died because he couldn't breathe" — a sentence which is both generally understandable and universally cross-translatable.

Table 1

Semantic primes grouped into 12 categories [Goddard & Wierzbicka 2018]

1	i, you, someone, something ~ thing, people, body, kind, part
2	this, the same, other
3	one, two, much ~ many, little ~ few, some, all
4	good, bad, big, small

[2] The exact relationship between the notions "the Natural Semantic Metalanguage," "minimal language," "Minimal English," and "Basic Human" cannot be discussed here for reasons of space [see, however: Wierzbicka 2014; 2019a; 2019b; Goddard 2018].

5	think, know, want, don't want, feel, see, hear
6	say, words, true
7	do, happen, move
8	be (somewhere), there is, be (someone/something), (is) mine
9	live, die
10	when ~ time, now, before, after, a long time, a short time, for some time, moment
11	where ~ place, here, above, below, far, near, side, inside, touch
12	not, maybe, can, because, if, very, more, like

Table 2

Selection of proposed universal molecules [Goddard & Wierzbicka 2018]

hands, mouth, eyes, head, ears, nose, face, legs, teeth, fingers, breasts, skin, bones, blood	Body-parts
long, round, flat, thin, hard, soft, sharp, smooth, heavy	Physical
be on something, at the top, at the bottom, in the middle, in front of, around	Spatial/physical
sky, the Earth, sun, moon, stars, ground, during the day, at night	Environmental
day	Times
water, fire	Fire and water
creature, grow, egg, tail, wings, feathers	Biological
children, men, women, be born, mother, father, wife, husband	Biosocial
wood, stone	Materials
know (someone), be called	"Knowing," "naming"
hold, make, kill, breathe, sleep, sit, lie, stand, play, laugh, sing	"Doing"

In his book *Systematic Lexicography*, Yuri Apresjan [2000: 225] wrote: "The fundamental similarity between the theories of the Moscow Semantic School and those of Anna Wierzbicka can be seen at a glance."[3] Having pointed out some of these fundamental similarities he moves on to point to some important differences. In *Systematic Lexicography*, Apresjan identifies one key difference: between the ideal of explicating meanings directly via primitives (as in my *Semantic Primitives* [Wierzbicka 1972]) and the ideal of explicating them indirectly, via "intermediate concepts" (as in his *Lexical Semantics* [Apresjan 1992]). It will be seen at a glance, however, that semantic texts presented in the present paper do not try to present all meanings exclusively via semantic primes; my colleagues and I have long revised this ideal as too limiting [see e.g. Wierzbicka 1996;

[3] In this sentence Apresjan contrasts the work of the "Moscow Semantic School" with that of the present author, identified by name, whereas in the heading of the section he speaks of "the Polish Semantic School." To clarify, my own key idea of searching for universal semantic primes developed in *Semantic Primitives* [Wierzbicka 1972] was due to my Polish colleague Andrzej Bogusławski [1963; 1970]. Since the 1980s, I have been working in close intellectual partnership with my Australian colleague Cliff Goddard. Our joint program, which involves many researchers of different nationalities, is generally known under the acronym NSM (from Natural Semantic Metalanguage).

Goddard & Wierzbicka 2014a; Goddard 2011; 2018]. The semantic molecules used in the current NSM approach play the role of intermediate concepts. What is distinct about the NSM approach is that, as far as possible, we aim at using in our semantic texts molecules which meet two conditions: first, they are universal (e.g. 'hands,' 'eyes,' 'men,' 'women,' 'fire,' 'water'), rather than language-specific, and second, they have already been explicated in NSM-based work via semantic primes. Nonetheless, universal or not, our "semantic molecules" *are* akin to the "intermediate concepts" of the Moscow Semantic School; and it is a joy to be able to acknowledge this convergence.

3. Can believers in different places and at different times profess the same faith?

In his recent book *A Theology of the Presence and Absence of God* prominent Catholic theologian Anthony Godzieba [2018: 13] emphasises "the historically-situated nature of all human knowledge, and of faith as well" and adds: "Further, human knowledge, and also faith, is *culturally* situated: the believer's faith is mediated by the experience of the world and culture in which it is situated" [Ibid.: 14]. Speaking in simple words, he states: "The believer is a *someone* in a *somewhere* that is shared with *others* <…> Our faith experience, even when dealing with the transcendent reality that is God, is saturated with presuppositions and norms that are peculiar to our time and place" [Ibid.].

As far as faith *experience* is concerned, this is no doubt true. But does it mean that the *content* of faith cannot be articulated in a way independent of the speaker's, or writer's, historical and cultural environment? Godzieba appears to suggest that this is indeed the case, and that, like everyone else, he too belongs to a particular time and place: "the 'somewhere' from which and for which I am writing is Western culture in the second decade of the third millennium" [Godzieba 2018: 15]. I, Anna Wierzbicka, am also writing in the second decade of the third millennium. In contrast to Godzieba, however, I am not writing exclusively "for Western culture"; nor am I writing (exclusively) "from Western culture." At the very least, I am writing for people in all places around the globe where people are able to communicate through a minimal English of just a few hundred words (and associated grammatical constructions).

As for "where I am writing from," this place can be described as being, experientially, within "Western culture" (and more accurately, within Polish and Australian cultures). Conceptually, however, I can be writing from a "place" which is not tied to any particular time or culture. It is a "place" discovered through decades of empirical cross-linguistic investigations and through radical shedding of anything peculiar to English, other "Western" languages, or indeed to languages anywhere, and searching for the conceptual common ground hidden within them all.

For the postmodernist, all human knowledge is of course historically, and culturally, situated. For many contemporary theologians too, the belief in such "situatedness" is something to be taken for granted. For a cross-linguistic semanticist, however, such historical and cultural "situatedness" of everything, including all human concepts, is open to question — and to empirical verification. Wide-ranging cross-linguistic investigations of the last few decades show that in fact, not *all* human concepts are peculiar to a particular

time and place [Goddard & Wierzbicka 2002; Goddard & Wierzbicka 2014a; 2014b]. One consequence of this discovery — the discovery of universal human concepts — is that it may be possible, after all, to profess "one faith," beyond all the particularities of individual languages and cultures. Specifically, this discovery allows us to address, from a "planetary" rather than "parochial" point of view the central question: what does it mean to say, "I believe in one God"?

4. "I believe in one God"

In his book *The God of Jesus Christ*, German Catholic theologian Cardinal Walter Kasper writes:

> The confession of faith which all the great churches of the East and the West have had in common from the early Christian centuries down to our own day begins with the statement: *Credo in unum Deum*, "I believe in one God." This opening sentence is also the foundational statement of the entire creed. <…> As far as their content is concerned, the other statements of the faith speak of many other things besides God: the beginning and the end of the world; the origin, sin, redemption and fulfilment of the human person; the church, its preaching, sacraments and offices. But these many and varied statements are statements of the faith only to the extent that they are related to God <…> God is therefore the sole and unifying theme of theology. God — who is the salvation of the world and the human race — is as it were the one word spoken in the many words of theology. <…> But what does it really mean to say "God"? [Kasper 1982: 1].

A great many answers for this question have been proposed — by theologians, philosophers, and many others — in words tied to particular languages, most commonly, in Latin, French, German or English. Aiming at a "planetary," pan-human point of view we can try to answer these questions relying, as far as possible, on universal human concepts and grammatical frames. Building on my earlier proposals [see e.g. Wierzbicka 2018; 2001] and trying to improve on them, I am proposing the following semantic text:

I BELIEVE IN ONE GOD

I want to say something; I think about it like this: "It is true";
I know why I think like this;
I <u>want</u> to think like this.

[THERE IS SOMEONE NOT LIKE PEOPLE]
There is someone not like people. This someone is good.
We can't see this someone.
At the same time we can know some things about this someone,
we can know these things because this someone wants it.
We people are born, we live for some time, after this we die.

This someone is not like this. This someone is now, always was, always will be.
We people can do bad things.
This someone is not like this. When this someone does something, it is always good.
When we people say something about something, sometimes it is not true.
This someone is not like this. When this someone says something about something, it is always true.
We people can't know everything. We don't know why many things happen as they happen.
This someone knows everything. This someone knows why all things happen as they happen.

[HOW WE PEOPLE CAN THINK ABOUT THIS SOMEONE]
We can think about this someone like this:
"This someone is above us people, above everything."
At the same time we can all think:
"I can speak to this someone; when I speak to this someone, this someone can hear me."
We can know that it is like this:
"This someone loves us. This someone knows us. This someone wants to do good things for us.
We live because this someone wants it.
We live on earth, the earth is here because this someone wants it."

[GOD IS THIS SOMEONE]
God is this someone. There is no one else like God.

The unusual texture of this semantic text — its lexical and grammatical poverty, repetitiveness, and "granularity" — is a direct consequence of the fact that, with three exceptions, this text explains the meaning of the first article of the Creed using almost exclusively semantic primes. The three exceptions are: the two universal semantic molecules "be born" and "earth" and the word "love," which is decomposable but not universal.

Why is the word "love" used, then, in a semantic text which is supposed to be universally cross-translatable? The reason is that the concept of 'love' (as in "God loves all people") is so central to the meaning of the Creed (and of the New Testament, which it seeks to distil) that trying to avoid it while explaining the meaning of the Creed would not only obscure and complicate the resulting explanation but actually misrepresent the full meaning of the Creed. If we want outsiders to understand the Creed, it is far better, I believe, to use "love" as a "Christian semantic molecule" fundamental to the meaning of the Christian profession of faith. In other words, the verb "to love" is, like "God," a Christian key word. Of course the meaning of this key word and key molecule needs to be explained, but it doesn't need to be explained within the Nicene Creed script. A fuller discussion of this topic is outside the scope of the present paper (see however my paper *Love in cross-linguistic perspective*, in press). For my present purposes, suffice it to say

that the verb "to love" in the sentence "God loves all people" can be explicated as follows:

God loves all people.
God sees all people
God feels something because of this
God wants to do many things because of this; God wants to do good things for all people.

This is not identical with the meaning of "love" in sentences about people, but very close. I presume when people "love" people this includes thinking about them, which doesn't seem applicable to God; but perhaps they do (often) see them "in their mind's eye" — and when they see them, they feel something because of this:

Mary loves John.
Mary often thinks about John
when she thinks about him, she often sees him (not with her eyes)
she feels something because of this
she wants to do many things because of this; she wants to do good things for him.

The topic cannot be discussed here in any detail, but intuitively, it should be clear that God doesn't need to "think about" people, because God can see them always — in the primary, universal sense of the word "see," which can apply to dreams, visions, and mental images, and which does not require the use of bodily eyes.

The fact that in addition to "God," "love" is the only non-universal concept needed in the explanation of the Creed, is of course highly significant. Both "God" and "love" are fundamental Christian concepts. They are not universal, but they can be introduced into any language through universal human concepts. Once they have been introduced in this way, they can be combined with universal concepts and used as key words for explaining the Christian story and Christian faith.

5. "Father Almighty" or "Father All-Holding"?

Turning now to the second line of the Creed, that is, the phrase "Father Almighty," I will first say something briefly about the word "Father," and then a little more about the word "Almighty."

As for "Father," it is important to note that like 'mother,' 'father' too is a universal human concept, and that (polysemy aside) all languages have a word for it [Wierzbicka 2016]. There is no problem, then, with the cross-translatability of the word "father," as used in the Creed and as used in the semantic script developed here. As I see it, the question is what else needs to be included in the semantic script to do justice to what the word "Father" stands for in this line of the Creed.

On this point, I would like to quote a few sentences from a book entitled *God is Love: The Heart of Christian Faith* by Australian theologian Anthony Kelly:

Needless to say, there is no excuse for the extreme masculinism of much religious language. The sediment of past epochs of patriarchal experience lies thick on our present powers of expression. It tends to make us forget the subversive intimacy of Jesus' invocation of God as "Abba, Father" <…> Despite the modern psychological ambivalence in regard to "father images," along with the feminist criticism of the long history of patriarchy, "Father" in its Christian meaning denotes the primordial and prodigal character of God's love and the freedom in which it acts [Kelly 2012b].

My own view is that in the explanation of the opening lines of the Creed, we cannot get away from the "father image," but we can supplement it with the "mother image." In the proposed semantic text, I have done it by means of the following two lines: "We people can think about God as children think about their father if they know that he loves them, like they can think about their mother if they know that she loves them." Both the father image and the mother image are biblical (cf. e.g. Isaiah 49:15), and they both imply God's love for people. At the same time, I don't think the two images should be presented as completely symmetrical: in a patriarchal society like ancient Israel, it was the father who was seen as being "above" the household. The assumption of the father's "aboveness" was part of that particular culture, but the assumption of God's "aboveness" (i.e. being someone above people) is not restricted to the patriarchal culture of ancient Israel: it is part of the very idea of 'God' as Christians anywhere in the world have understood and understand it. Thus, in this particular case, the "masculinism" of the image of God as 'father' can be defended. Of course God doesn't have a gender, but in being "above all people, above everything" God can be likened to the head of a household in a patriarchal society. To say this is not to defend patriarchal societies, but to recognize facts: in ancient Israel, it was the father, not the mother, who was regarded as the head of the household.[4]

Catholic theologian Walter Kasper opens his book *The God of Jesus Christ* with a section entitled "the problem of an almighty Father God," in which he writes:

The Christian confession of faith begins with the sentence: "I believe in God, the Father almighty." This statement sums up in a valid and binding way the essential message of Jesus <…> [T]he indeterminate and ambiguous concept "God" is specified and interpreted by the concept "Father."

This interpretation, it must be admitted, hardly makes the God-question any simpler for us today. On the contrary, the statement, so central to the New Testament, that God is the Father of Jesus Christ and the Father of us all, has today become difficult for many to understand and assimilate [Kasper 1982].

Placing the use of the word "Father" in the New Testament and in the Creed in a cultural and historical context, Kasper points out that in that context, the father "represents power and authority as well as gift, goodness, solicitude and aid," noting that "after a long prior history

[4] It is also essential that Jesus taught his disciples to use the word "Father" in his model prayer: "Our Father who art in heaven" (Matthew 6:9).

this picture of the father has become uncertain to us today." In the semantic text presented here, the word "father" is used alongside the word "mother," to represent, roughly speaking, parental love, whereas the other aspects of the New-Testamental father image are spelled out, explicitly, in additional components couched in universal human concepts. These additional components build not only on the word "father," but on the whole phrase, traditionally rendered in English as "Father Almighty" — a phrase which is misleading in its implications and which does not match the original Greek version of the Nicene Creed.

The New Testament says that God is love (1 John 4:18), but it does not describe God as "almighty" or "omnipotent." We may find such attributions in some translations of the New Testament, but not in the Greek original. And the same applies to the Nicene Creed. The Greek original of the Nicene Creed does not say: "Father Almighty"; rather, it says "Pater Pantokrator" ("Father *Pantokrator*"). Most experts agree that "pantokrator," as used in the Creed, meant, essentially, "holding everything in his hands." As, for example, German theologian Hildebrecht Hommel noted in 1956 in his book *Schöpfer und Erhalter* [Hommel 1956], the word *pantokrator* has two meanings, because the verb *kratein*, on which it is based, had two meanings: 1) 'to rule,' 2) 'to hold.' Accordingly, *pantokrator* "signifies not only *omnipotens* ['all-mighty'] but, to use St Augustine's rendering, *omnitenens* ['all-holding'], and this sense is recognised through a long series of exegetes down to Peter Lombard [12th century], after whom it seems to have been mostly forgotten." [Rose 1957: 317].

Similarly, the Abarim Publications' online *Biblical Greek Dictionary* states: "Together with the adjective *pan* meaning 'all' <…> the familiar word *pantokrator*, lit. all-holder, not 'all-ruler'."

So when "pantokrator" was translated into Latin as "omnipotens," it was a mistranslation, as noted at the time by Christian writers such as Tertullian and St Augustine, who wanted to render it as *omnitenens*, "all-holding." As Dutch theologian Pieter Smulders [1980: 5–6] puts it, "It is universally recognized that the Latin *omnipotens* is an infelicitous rendering of the Greek *pantokrator.*" We can see the original meaning of the word "pantokrator" (as used in the Greek original of the Creed) in the Russian version of the Creed, where we hear: "Veruju v odnogo Boga, Otca, Vsederžitelja," that is "I believe in one God, the Father, the All-holding."

The meaning of *pantokrator* as 'all-ruler' is perfectly consistent with the use of this word in the Septuagint, the 3rd and 2nd century BC translation of the Hebrew Bible into Greek. The Greek-speaking Jewish authors of this translation used the word *pantokrator* around 180 times: 120 times to render the Hebrew word usually transliterated in Latin as "Sabaoth" (hosts, armies) and around 60 times to render the Hebrew word "Shaddai," whose exact meaning is disputed [Van der Toorn et al. 1999; McLaughlin & Eisenstein], but it was never combined with the word *pater* ('father').

Usually, in the Septuagint the word "pantokrator" appeared in the phrase *Kyrios Pantokrator* ('Lord Pantokrator'). In the New Testament, the word "Pantokrator" was used several times in Revelation, and once, in one of St Paul's letters, in all cases by itself. But early Christian writers started to combine this word with the word "Pater" ('Father'). Two early uses of "Father Pantokrator" ('Pater Pantokrator') can be found in Justin the

Martyr and in the anonymous *Martyrdom of St Polykarp*. Apparently, before the 4th century, Christian authors were usually rendering the Septuagint's phrase *Kyrios Pantokrator* ('Lord Pantokrator') with a formula composed of three words: "God Father Pantokrator"; and only very rarely with the two-word formula: "Father Pantokrator" [Smulders 1980: 5–6; Holland 1973]. And then, the Nicene Fathers codified, as it were, the two-word formula "Father Pantokrator"; and by doing this, they cemented, I think, a new understanding of God, not as a powerful "Lord of hosts" (i.e. supreme ruler of heavenly armies) but as a Father who wants to, and is able to, care for his children.

I believe in one God, THE FATHER ALMIGHTY (*pater pantokrator*)
I want to say something; I think about it like this: 'It is true';
I know why I think like this;
I want ***to think like this.***

[HOW WE CAN THINK ABOUT GOD]
There is God, one God. God is above us people.
We can think about God like children can think about their father if they know that he loves them,
like they can think about their mother if they know that she loves them.
We can know this: God wants very good things to happen to us.
We can know: if God wants them to happen, they will happen.
We can think like this:
"We live on earth, the earth is in God's hands, everything is in God's hands."
We can all think: "I am in God's hands."

["WITH GOD ALL THINGS ARE POSSIBLE"]
(cf. Matthew 19:26; cf. Isaiah 14:24–27; 46:9–11)
We people often think like this about something: "We know that this cannot happen";
At the same time, we can know that it is like this:
if God wants something to happen, it *can* happen,
if God says about something: "I want this to happen," it happens,
if God says to someone: "Something very good will happen to you, I want this," it happens.

[WHEN SOMETHING VERY BAD IS HAPPENING TO SOMEONE…] (cf. Matthew 10:29; Luke 21:16–18)
It is never like this: when something very bad is happening to people, God doesn't know it; if these people feel something very very bad, God doesn't feel anything because of this.
It is always like this: when something very bad is happening to someone, God knows it; if this someone feels something very very bad, God feels something because of it.

[NOT EVERYTHING HAPPENS ON EARTH AS GOD WANTS]
It is not like this:

when something very bad happens to someone, it happens because God wants it to happen.
Many things happen on earth not as God wants.
Sometimes people do very bad things; sometimes very bad things happen to people.
We cannot know now why it is like this; we can know it when we don't live on earth anymore.

["ALL WILL BE WELL, AND ALL MANNER OF THING WILL BE WELL"]
(Lady Julian of Norwich)
We can think like this:
"We know that God loves all people.
We know that God wants very good things to happen to all people.
We know that at some time everything will be as God wants, that at some time all will be well."

In addition to universal semantic primes, this text includes the universal semantic molecules "children," "father," "mother," "earth," and "hands." All these molecules have been explicated, through primes, in earlier NSM-based work [Goddard & Wierzbicka 2014a; Goddard 2016; Wierzbicka 2007].

6. Maker [Creator] of heaven and Earth, of all things visible and invisible

Moving now to the third segment of the Nicene Creed, I will start with a semantic text, and then I will comment on the words "maker" and "creator."

I believe in one God, the Father almighty,
MAKER OF HEAVEN AND EARTH, OF ALL THINGS [BEINGS]
VISIBLE AND INVISIBLE
I want to say something; I think about it like this: 'It is true';
I know why I think like this;
I want ***to think like this.***

[BEFORE THERE WAS ANYTHING ANYWHERE…]
Before there was anything anywhere, there was God.
It was like this then: There was nothing — no places of any kind, no living creatures of any kind, no people.
God wanted it to be *not* like this. Because of this, God wanted many things to happen.
Because of this, God did something.

[WHAT GOD DID]
We can think about it like this:
"God thought like this: 'It is like this now: there is nothing; I want it to be like this: there is something.'
God thought: 'I want it to be something very good.'

God thought: 'I want there to be places of many kinds, I want there to be living creatures of many kinds.'
At the same time, God thought like this:
'I want there to be living creatures of one kind not like any other, I want them to be like me. I will love them.
I will do very good things for them. They can know me. They can love me.
If they want, they can live with me forever.'
Because God thought like this, God did something."

[WHAT HAPPENED AFTER THIS]
After this, many things happened, as God wanted.
Some of these things happened in a very short time, others were happening for a very long time.
We *can't* think about it like this:
"Everything happened as God wanted, everything happens now as God wants."
We can think: "God knows what happened, why it happened; God knows what is happening, why it is happening."
We can think: "At some time, everything will be as God wants."

[WHAT WE CAN SEE]
We can know that it is like this now:
there is the earth, there is the sky;
on earth, there are places of many kinds, there are living creatures of many kinds; there are people;
far from the earth, there is the sun, there is the moon, there are the stars; people can see all this.
We can know that it is like this because God wants it to be like this.
We can think: "It is like this because a very long time ago God said: 'I *want* it to be like this'."
At the same time, we can think: "It is like this because God wants it to be like this."

[WHAT WE CAN'T SEE]
We know that we can't know everything, can't see everything.
We can see people, because people have bodies.
We can all think like this: "I have a body, people can see it."
At the same time, we can all think: "There is something else in me, people can't see it."
We can think: "It is like this because God wants it." At the same time, we can think:
"It is like this:
'We people are one kind; there are others of many other kinds; we can't see them.
They are not like living creatures, they don't have bodies, they don't die.
At the same time, they can think, they can speak, they can speak to God'."
When we think like this, we can know that if it is like this, it is like this because God wants it.

In this semantic text, we encounter, again, the semantic molecule "earth," and also, "creatures," "sun," "moon" and "stars," which are also universal. We do not encounter, on the other hand, words like "create," "creator" and "creation," which are far from universal. Nor do we encounter words like "maker" and "make," even though "maker" has been used for centuries in the English versions of the Nicene Creed.

I will note at this point that the usual English translation of the Greek phrase *poietes to uranou kai ge* as "maker of heaven and earth" is somewhat misleading. The Greek word *poietes* as used by the Fathers of the church was polysemous; it could mean "maker" but it could also mean "creator" — a word which is normally used in the English version of the Apostles' Creed. In English, "creator" sounds either foreign or literary (it is a high register word), whereas "maker" is a homely, colloquial word of native Anglo-Saxon origin, and as such it is preferred by most native speakers.

But of course there is a big difference between a mere "maker" and an awe-inspiring "creator." In the Creed, the concept of God as "creator" (in French, *créateur*, in Russian, *Tvorec*, etc.) echoes the first sentence of the Bible: "In the beginning God created heaven and earth," which features the Hebrew word "bara." As John Paul II commented in his General Audience (of January 15, 1986), "God the Creator of Heaven and Earth," "The word 'created' is a translation of the Hebrew word *bara*, which describes an action of extraordinary power whose subject is God alone" [John Paul II 1986]. Crucially, the word *bara* as used at the beginning of Genesis and as echoed in the Creed, implies "creation out of nothing," what theologians call "creation ex nihilo." There are no such implications in the English words "make" and "maker."

Indeed, the word "maker" tends to imply the use of some material, and it has often been said that the word "maker" in the English version of the Creed invites the image of God as a craftsman. This is reinforced by the use of the word "things" in the same line: "maker of <…> all things visible and invisible." There are no such words in the semantic text proposed here: no "make," no "maker," and no "things." The unique and extraordinary power of God's action — creation *ex nihilo* — is conveyed exclusively through universal words [see Wierzbicka 2019a: chapter 3].

To conclude this section, I will comment on only one other aspect of the chapter on "Creation": the line "If they want, they can live with me forever. If they want." The repetition of the phrase "if they want" may strike the reader as unusual, and unnecessary in a text composed in Minimal English. In fact, however, the repetition of this phrase has profound theological implications. Briefly, it highlights God's radical respect for human freedom, and also God's willingness to become vulnerable and open to disappointment and suffering — two aspects of Christian understanding of God and creation beautifully captured in a poem by Welsh poet and Anglican priest R. S. Thomas, "Making":

And having built it
I set about furnishing it
To my taste: first moss, then grass
Annually renewed, and animals

To divert me: faces stared in
From the wild. I thought up the flowers
Then birds. I found the bacteria
Sheltering in primordial
Darkness and called then forth
To the light. Quickly the earth
Teemed. Yet still an absence
Disturbed me. I slept and dreamed
Of a likeness, fashioning it.
When I woke, to a slow
Music: in love with it
For itself, giving it freedom
To love me: risking a disappointment [Thomas, 2012].

7. Concluding remarks

Semantics is usually described as the study of meaning (especially, the meaning of words); I think, however, that it can also be described as the study of understanding. Looking at it in this way, I see two important tasks before semanticists: first, to learn how to interpret ours own thoughts, so that we can understand them ourselves and make them accessible to others; and second, to learn to understand (and to help others to understand) what other people say. Both these tasks involve an understanding of the meaning of words, but they both extend also beyond words, to larger stretches of speech (and writing). Borrowing from the Russian linguistic tradition, we can link these two complementary perspectives with two correlative terms: the "Meaning → Text" perspective and the "Text → Meaning" perspective. Obviously, in both these perspectives, meaning is crucial.

In the present paper, the path taken is that from text — indeed, an extended text — to meaning. The text in question is the Nicene Creed, which is of fundamental importance to all Christians, that is, to a very large part of humanity; and the interpretive approach remains, essentially, faithful to that outlined in my 1972 *Semantic Primitives*. Needless to say, however, the project undertaken here builds on a great deal of previous thinking about meaning, obviously, not just by the author and colleagues (I can't not mention here my closest partner in thinking, Cliff Goddard [see, for example: Goddard & Wierzbicka 2014b]), but also by those who have gone before us and those who have worked in other parts of the globe.

In particular, I want to pay homage here (not for the first time) to Leibniz, who with his idea of an "alphabet of human thoughts" is in a sense the father of us all; to Andrzej Bogusławski, who as early as 1963 wanted to build linguistic semantics on the fundament of "indefinables" understood as "non-arbitrary and universal elements of content" [Bogusławski 1970: 143; 1963; 2003]; to Aleksandr Zholkovsky and his idea of "elementary semantic units" which are "truly ultimate units of meaning" [Zholkovsky et al. 1961; Zholkovsky 1964]; to Igor Mel'chuk, from the 1960s the leader and the *spiritus movens*

of the high-powered "Meaning–Text" approach; and to Yuri Apresjan, whose monumental, half-a-century-long work on meaning we are honouring here today. Since the paper is about what Christians believe, it will, I hope, be understandable that I can't resist the impulse to end with thanking God, too.

References

Apresjan Y. *Lexical Semantics: User's Guide to Contemporary Russian Vocabulary*. Moscow, Nauka Publ., 1992. 633 p.

Apresjan Y. *Systematic lexicography.* Oxford, New York, Oxford University Press, 2000. 304 p.

Bogusławski A. *K voprosu o semanticheskom analize,* Unpublished in *Voprosy Jazykoznanija*, published in *A note on Apresjan's concept of 'Polish school of semantics', with an appendix*, *Lingua Posnaniensis*, 1963, no. 45, pp. 7–18.

Bogusławski A. On semantic primitives and meaningfulness. *Sign, Language and Culture*. A. J. Greimas, R. Jakobson, M. A. Mayenowa (Eds.). The Hague, Mouton, 1970, pp. 143–152.

Bogusławski A. A note on Apresjan's concept of 'Polish school of semantics'. With an Appendix. *Lingua Posnaniensis*, 2003, no. 45, pp. 7–18.

Evans N. Semantic Typology. *The Oxford handbook of linguistic typology.* Jae-Jung Sung (Ed.). Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 504–533.

Evans N., Levinson S. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science. *Behavioral and Brain Sciences*, 2009, no. 32 (5), pp. 429–448. DOI:10.1017/S0140525X0999094X

Goddard C. *Semantic Analysis: A Practical Introduction. Second Edition.* Oxford, Oxford University Press, 2011. 512 p.

Goddard C. Semantic molecules and their role in NSM lexical definitions. *Cahiers de lexicologie*, 2016, no. 109, pp. 13–36.

Goddard C. (Ed.) *Minimal English for a Global World: Improved communication using fewer words.* Cham, Palgrave Macmillan, 2018. 299 p. DOI: 10.1007/978-3-319-62512-6

Goddard C., Wierzbicka A. *Words and Meanings: Lexical semantics across domains, languages, and cultures*. Oxford, Oxford University Press, 2014a. 323 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199668434.001.0001

Goddard C., Wierzbicka A. Semantic fieldwork and lexical universals. *Studies in Language*, 2014b, no. 38 (1), pp. 80–126. DOI: 10.1075/sl.38.1.03god

Goddard C., Wierzbicka A. What does *Jukurrpa* ('Dreamtime', 'the Dreaming') mean? A semantic and conceptual journey of discovery. *Australian Aboriginal Studies*, 2015, no. 1, pp. 43–65.

Goddard C., Wierzbicka A. Minimal English and how it can add to Global English. *Minimal English for a global world: Improved communication using fewer words.* C. Goddard (Ed.). Cham, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 5–27. DOI: 10.1007/978-3-319-62512-6_2

Goddard C., Wierzbicka A. (Eds.). *Meaning and Universal Grammar.* John Benjamins, 2002. 356 p.

Godzieba A. *A Theology of the Presence and Absence of God.* Liturgical Press, 2018. 472 p.

Holland D. L. Παντοχράτοωρ (Pantokrator) in New Testament and Creed. *Studia Evangelica*, 1973, no. 6, pp. 256–266.

Hommel H. *Schöpfer und Erhalter.* Berlin, Lettner, 1956. 159 p.

McLaughlin J. F., Eisenstein J. D. *Names of God.* Available at: www.jewishencyclopedia.com/articles/11305-names-of-god (accessed 28.09.2019)

John Paul II. *God the Creator of Heaven and Earth* (January 15, 1986). Available at: http://inters.org/John-Paul-II-Catechesis-Heaven-Earth (accessed 20.09.2019)

Kasper W. *The God of Jesus Christ.* Freiburg, Herder, 1982. 450 p.

Kelly A. The Risen Christ and Interfaith Dialogue. *Dreaming A New Earth*: *Raimon Panikkar and Indigenous Spiritualities*. G. Hall, J. Hendriks (Eds.). Melbourne, Mosaic Press, 2012a, pp. 116–126.

Kelly A. *GOD IS LOVE: The Heart of Christian Faith.* Collegeville, Liturgical Press, 2012b. 137 p.

McCabe H. *Law, Love and Language*. London, Sheed & Ward, 1968. 215 p.

Radcliffe T. *What is the Point of Being a Christian?* London, Burns and Oates, 2005. 218 p.

Rahner K. *God and Revelation (Theological Investigations Volume 18).* New York, The Crossroad Publishing Company, 1983. 312 p.

Rose H. J. REVIEWS *Schöpfer und Erhalter* by Hilebrecht Hommel. Pp. 159+2 plates. Extract from Theologia Viatorum iv (1952) and v (1953/4) Berlin: Lettner. *Journal of Theological Studies*, 1957, no. 8 (2), pp. 316–317. DOI: https://doi.org/10.1093/jts/VIII.2.316

Sesboüé B. *Croire: invitation à la foi catholique pour les femmes et les hommes du xxie siècle.* Paris, Droguet et Ardant, 1999. 576 p.

Smulders P. "God Father All-Sovereign": New Testament Use, The Creeds and the Liturgy: An Acclamation? Some Riddles in the Apostles' Creed III. *Bijdragen: Tijdschrift voor Filosofie en Theologie*, 1980, no. 41, pp. 3–15.

Stanner W. E.H. *The Dreaming and other essays.* Melbourne, Black Inc. Agenda, 2003. 306 p.

Thomas R. S. *Collected Poems 1945–1990.* London, Hachette, 2012. 539 p.

Van der Toorn K., Becking B., van der Horst P. W. *Dictionary of Deities and Demons in the Bible.* Leiden, Brill, 1999. 1006 p.

Wierzbicka A. *Semantic Primitives*. Frankfurt, Athenäum, 1972. 235 p.

Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford, Oxford University Press, 1996. 518 p.

Wierzbicka A. *What did Jesus mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts*. New York, Oxford University Press, 2001. 524 p. DOI: 10.1093/0195137337.001.0001

Wierzbicka A. Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology. *Language Sciences,* 2007, no. 29, pp. 14–65. DOI: 10.1016/j.langsci.2006.07.002

Wierzbicka A. *Imprisoned in English: The hazards of English as a default language*. New York, Oxford University Press, 2014. 305 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199321490.001.0001

Wierzbicka A. Back to 'Mother' and 'Father' Overcoming the Eurocentrism of Kinship Studies through Eight Lexical Universals. *Current Anthropology*, 2016, no. 57 (4), pp. 408–429.

Wierzbicka A. Speaking about God in universal words, thinking about God outside English. *Religion, Language and the Human Mind*. P. Chilton, M. Kopytowska (Eds.). New York, Oxford University Press, 2018, pp. 19–51.

Wierzbicka A. *What Christians Believe: The Story of God and People in Minimal English.* New York, Oxford University Press, 2019a. 531 p.

Wierzbicka A. From 'Consciousness' to 'I Think, I Feel, I Know': A Commentary on David Chalmers. *Journal of Consciousness Studies*, 2019b, no. 26 (9/10), pp. 257–269.

YOUCAT Foundation — *YOUCAT for kids, Australian Edition*. Melbourne, Garrat Publishing, 2019. 210 p.

Zholkovsky A. [Introduction]. *Mashinnyi perevod i prikladnaia lingvistika*, 1964, no. 8, pp. 3–16. (In Russ.)

Zholkovsky A., Leont'eva N. N., Martem'ianov Yu.S. [On the basic use of meaning in machine translation]. *Mashinnyi perevod*, 1961, no. 2, pp. 17–47. (In Russ.)

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.12

С. А. Крылов
Институт востоковедения РАН
(Россия, Москва)
krylov-58@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧЕНИИ ПОВЕРХНОСТНОЙ И ГЛУБИННОЙ СЕМАНТИКИ*

Цель настоящей статьи — предварительно очертить некоторый подход, при котором в семантике различаются четыре «уровня» глубины, а также попытаться классифицировать лингвистические дисциплины (прежде всего разделы современной семантики) в соответствии с этим «четырехуровневым» подходом. Означающее и означаемое связаны друг с другом прямо, т. е. непосредственно. Их взаимно-однозначное соответствие нарушается только при морфологической эквивалентности (полиморфности, т. е. омосемии и дублетности) и амбивалентности (омонимии). Означаемое и значение связаны «асимметричной связью», включающей, кроме прямой номинации (и основного значения), также отклонения от него, а именно инвентарно-семантическую эквивалентность (языковую синонимию) и инвентарно-семантическую амбивалентность (языковую полисемию). Значения и означаемые (так же, как и означающие) принадлежат языковой системе, они хранятся в долговременной памяти, их количество можно подсчитать. Их можно перечислить в инвентаре (лексиконе или грамматиконе). Содержания и смыслы принадлежат речи, они хранятся в кратковременной памяти, их перечислить невозможно, но зато они формируются по определенным интегрально-семантическим и прагматическим правилам, поэтому их можно вычислить. Схематически выделяются такие разделы семантики: тривиальная (она изучает отношения между означающим и означаемым), инвентарная (она изучает отношения между означаемым и значением), интегральная (она изучает отношения между значением и содержанием) и прагматическая (она изучает отношения между содержанием и смыслом; = прагматика). Независимо от этого деления семантика делится на семантику

* Работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ № 17 04 00594-ОГН ОГН-А «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика», РФФИ № 18 012 00650 А «Семантические категории в грамматическом строе РЯ», РФФИ № 17-29-02305 и РФФИ № 17-29-09158 офи_м «Создание корпуса официально-деловых текстов РЯ (ОДКРЯ)».

говорящего и семантику слушающего, поэтому внутри инвентарной семантики выделяются семасиология vs. ономасиология, внутри интегральной — интерпретирующая vs. порождающая семантика, внутри прагматической — герменевтика и риторика. Моделированием понимания (речевосприятия) заняты семасиология, интерпретирующая семантика (= модель семантического анализа) и герменевтика (= модель прагматического анализа). Моделированием говорения (речепорождения) заняты ономасиология, порождающая семантика (= модель семантического синтеза) и риторика (= модель прагматического синтеза).

Ключевые слова: семантика, значение, означаемое, смысл, содержание, прагматика, анализ, синтез, семасиология, ономасиология.

1. Одной из тем, уже много лет привлекавших внимание Ю. Д. Апресяна, является тема различения в семантике нескольких разных уровней глубины.

2. Цель настоящей статьи — предварительно очертить некоторый подход, при котором в семантике различаются четыре «уровня» глубины, а также попытаться классифицировать лингвистические дисциплины (прежде всего разделы современной семантики) в соответствии с этим «четырехуровневым» подходом.

3. К моделированию понимания возможен подход, при котором различается ряд уровней на «оси обозначения»[1], связывающей «поверхностные» сущности с «глубинными»[2].

Идея расслоения содержательной стороны языка на ряд уровней разделяется многими теоретиками семантики — как в XIX в.[3], так и в XX в.[4]

4. Один из возможных подходов к уровням глубины понимания речевого отрезка таков. Предлагается различать четыре уровня понимания, соответственно, четыре уровня плана содержания речевых отрезков (т. е. их «внутренней» стороны). Эти четыре уровня «информации» (// «содержания», в самом широком смысле слова) можно или пронумеровать, или (с небольшой «натяжкой») предложить для каждого из них подходящий термин.

4.1. Для обозначения внутренней стороны инвентарных единиц языка (т. е. для обозначения инвентарных семантических единиц) обычно используется термин *значение* (в широком смысле слова). Но для более тонкой дифференциации полезно договориться о более узком употреблении терминов.

4.1.1. *Означаемое* (// *десигнат*, иногда оно называется *общее* // *системное значение*).

---

[1] В терминах З. М. Шаляпиной.

[2] Ср. идеи Ю. С. Мартемьянова, С. Лэма, У. Л. Чейфа, А. К. Жолковского и И. А. Мельчука, В. Г. Гака, Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой и других теоретиков семантики, идею «уровней эквивалентности» при переводе (В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер).

[3] См. работы В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Г. Пауля.

[4] См. работы Л. С. Выготского, В. Матезиуса, Э. Кошмидера, А. Гардинера, В. Н. Волошинова, В. Скалички, Э. Косериу, Н. И. Жинкина, С. Д. Кацнельсона, В. А. Звегинцева, П. Сгалла, П. Адамца, Г. П. Мельникова, Г. П. Щедровицкого, А. А. Леонтьева, Н. А. Слюсаревой, Б. М. Лейкиной, Т. В. Булыгиной, А. В. Бондарко, И. М. Кобозевой и др.

4.1.2. (*Собственно*) *значение* (// *сигнификат*, иногда оно называется *частное* // *узуальное значение*).

Означаемые, как и значения, суть инвентарные единицы: они принадлежат языковой системе (инвентарю), поэтому их в принципе можно задать конечным списком. Хотя этот список будет небольшим (и ограниченным, т. е. «закрытым») лишь для грамматических значений; а список лексических значений в языке огромен (и практически неограничен, т. е. «открыт»), но все же его можно описать хотя бы с некоторой степенью приближения как конечное множество (так, эти степени будут разными в «карманном», «учебном», «практическом (однотомном)» и «академическом (многотомном)» словарях). Этим единицы первого и второго уровней («инвентаризуемые семантемы», по И. П. Сусову) принципиально отличаются от единиц (или «комбинаций единиц») третьего и четвертого уровней.

Отличие между означаемыми и значениями давно известно лингвистике под именем различения «общих» и «частных» значений (в важности этого различения, впрочем, сомневались многие теоретики: только одни из этих скептиков отрицали существование «общих значений», а другие, напротив, отрицали существование «частных значений»).

Языковых знаков (в «соссюровском» смысле) столько же, сколько означаемых. Совпадение экспонентов у языковых знаков с разными означаемыми есть **омонимия**; совпадение означаемых у знаков с разными экспонентами есть абсолютная (полная) **«синонимия»**, **«дублетность»** или **«омосемия»**. Совпадение означаемого со значением возможно лишь при **моносемии** (чаще всего у терминов). Так как большинство языковых знаков полисемичны, то обычно одно означаемое состоит из нескольких значений.

4.2. Для обозначения внутренней стороны экстраинвентарных (комбинаторных, конструируемых) языковых единиц (т. е. для обозначения экстраинвентарных семантических единиц) обычно используется термин *смысл* (в расширенном употреблении) [см., например: Слюсарева 1963; Звегинцев 1973; Швейцер 1988: 114–118; Кобозева 2000а: 8–15; 2000б: 303–359]. Но для более тонкой дифференциации полезно договориться о более узком употреблении терминов.

4.2.3. (*Собственно*) *содержание* (иногда оно называется *контекстное* // *контекстуальное значение*).

4.2.4. (*Собственно*) *смысл* (иногда оно называется *окказиональное* // *актуальное значение*).

Договоримся для краткости ниже называть единицы этих четырех уровней *означаемыми* (4.1.1), *значениями* (4.1.2), *содержаниями* (4.2.3) и *смыслами* (4.2.4).

5. Четырехуровневая модель понимания речевых отрезков.

5.1. Первый, примитивный, уровень понимания речевых отрезков — это понимание с точностью до означаемых: омонимия (как грамматическая, так и лексическая) уже «снята», но полисемия еще «не снята». Такой уровень понимания, видимо, обладает некоторой степенью психологической реальности.

5.2. Второй, более тонкий, уровень понимания речевого отрезка — это понимание с точностью до значений: снята не только омонимия, но и «языковая»

полисемия языковых знаков, входящих в этот речевой отрезок. Этот уровень обладает некоторой степенью психологической реальности.

Меру этой реальности можно оценить степенью единодушия между лингвистами, описывающими набор «отдельных значений» многозначной лексической единицы в словаре или набор потенциальных «частных значений», присущих той или иной граммеме некоторой грамматической категории; а наличие некоторых разногласий между лингвистами свидетельствует лишь о диффузности самой границы между «инвентарными» значениями и **внеинвентарными (окказиональными) употреблениями**. Кроме того, эта граница является «зыбкой» по принципиальным причинам: язык изменчив по природе, и окказиональные употребления на наших глазах переходят в узуальные значения. Внимание, уделяемое проблемам репрезентации высказывания на втором уровне понимания (не говоря уже о более глубоких уровнях), в работах по АОТ пока что было практически минимальным.

5.3. Третий, еще более глубокий, уровень понимания речевого отрезка — это его понимание с точностью до содержания этого речевого отрезка, т. е. результат применения к его значению (т. е. к репрезентации, фиксирующей те входящие в инвентарь данного языка «частные» значения языковых знаков, входящих в данный речевой отрезок, в которых эти языковые знаки употреблены) всевозможных «правил взаимодействия значений», при помощи которых из «инвентарных» значений создаются их внеинвентарные (контекстуальные) интерпретации.

5.4. Четвертый, наиболее глубокий, «прагматический» уровень понимания речевого отрезка — это понимание его смысла. Смысл речевого отрезка есть результат применения к его содержанию некоторого ограниченного набора «правил вывода», опирающихся, помимо этого содержания («семантической информации»), на общий фонд внеязыковых знаний («прагматической информации»).

6. Мотивировка (внутренняя форма) знака с точки зрения четырехуровневой модели понимания.

Означаемые образуют внутреннюю форму значений; значения — внутреннюю форму содержаний; содержания — внутреннюю форму смыслов.

7. Семантика понимается как наука, изучающая отношение языковых знаков к той смысловой информации, которая ими передается, а также само это отношение. Семантическая (внутренняя, смысловая, содержательная) сторона языкового знака противополагается его формальной (внешней) стороне (в устной речи — звуковой, фонетической, а в письменной речи — графической). В каком-то отношении семантика противоположна фонетике: если фонетика по возможности отвлекается от содержательного (внутреннего) аспекта языка и изучает лишь внешний (звуковой, фонетический или графический) аспект языка, то семантика, наоборот, по возможности отвлекается от внешнего (звукового или графического) аспекта языка и изучает его содержательный (смысловой, семантический) аспект.

7.1. Семантическая информация, передаваемая языковым знаком, определенным образом организована, поэтому можно выделять семантические единицы разной степени сложности и разной степени абстрактности (отвлеченности).

7.2. Семантика сочетает семасиологический («пассивный») аспект рассмотрения (с позиций адресата речи, от форм к функциям) с ономасиологическим («активным») аспектом (с позиций автора речи, от функций к формам).

8. Отношения между экспонентами языковых знаков и их десигнатами (означаемыми, единицами уровня 4.1.1) изучаются, вообще говоря, не «собственно семантикой», но скорее другими дисциплинами — в первую очередь **морфологией**, **синтаксисом** и **лексикологией**.

Однако, по-видимому, целесообразно было бы для полноты картины допустить также понимание семантики в предельно широком смысле этого термина и, соответственно, выделять в ее составе также и такие области, которые для «собственно семантики» являются периферийными.

К числу таких периферийных зон семантики принадлежит, в частности, и «вырожденная» (тривиальная) семантика, изучающая отношения между экспонентами языковых знаков, с одной стороны, и их десигнатами (= означаемыми), т. е. единицами уровня 4.1.1, с другой стороны.

Тот раздел семантики, который занимается изучением этих отношений, может быть условно назван **«тривиальной»** (или **«буквальной»**) семантикой.

Именно «тривиальная» семантика фиксируется при поморфемном (лексико-грамматическом) «глоссировании» примеров в работах по типологии, когда лингвист пытается передать «буквальное» значение речевых отрезков на некотором изучаемом языке (для этого употребляется помета «букв.»).

В работах по автоматической обработке текстов обычен такой способ репрезентации, при котором исследователь отвлекается от феномена лексической и грамматической **полисемии** (как правило, не интересующей авторов подобных работ), но при этом обращает внимание на феномен лексической или грамматической **омонимии** («разрешение» которой считается важной и насущной, даже первоочередной, задачей автоматической обработки текстов — ср., в частности, «первоочередную» задачу «разрешения» синтаксической омонимии).

В обеих указанных ситуациях исследователь фактически прибегает к уровню такой «тривиальной» семантики.

Может возникнуть вопрос о том, принадлежит ли информация, фиксируемая при таком виде записи, к плану содержания языка вообще (а не к его плану выражения). Однако очевидно, что при переводе с одного языка на другой (например, с немецкого на русский) лингвистических работ по типологии и по автоматической обработке текстов широко используется тот прием, при котором запись «тривиальной семантики» (на немецком «метаязыке») не транскрибируется (или транслитерируется), а именно переводится в собственном смысле слова (т. е. для немецкого оригинала подыскивается подходящий наиболее понятный русский эквивалент).

Правда, если в качестве метаязыка тривиальной семантики используются пометы на основе квазилатинских аббревиатур («Sg», «Pl» и т. п.), то они не подвергаются обычному переводу, а воспроизводятся таким образом, как если бы они были универсально понятной транскрипцией. Именно поэтому для фиксации таких помет в начале XXI в., как известно, был разработан особый стандарт

грамматической нотации, известный в качестве «Лейпцигских правил» [см., например: Касевич 2011: 214–221, с литературой]. Таким образом, для уровня «тривиальной семантики» можно считать разработанной «международную семантическую транскрипцию»[5], в чем-то аналогичную «международной фонетической транскрипции», но относящуюся не к плану выражения языка, а к его плану содержания.

9. Наиболее разработана **«инвентарная»** семантика, т. е. семантика языковых знаков, составляющих «инвентарь» системы языка, изучающая соотношение между языковыми знаками и их (инвентарными) значениями, входящими в систему языка. К числу таких языковых знаков относятся морфема, слово, фразеологическая единица. Языковому инвентарю принадлежат единицы языка, хранимые в долговременной памяти: устойчивое словосочетание, устойчивая цитата; крылатые слова.

Важнейшими частями инвентарной семантики являются, с одной стороны, **лексическая** семантика (изучающая лексическое значение слова), лежащая на стыке семантики и лексикологии (она описывается в толковом словаре), и, с другой стороны, **грамматическая** семантика (изучающая смысловой аспект морфологической категории и частей речи), лежащая на стыке семантики и грамматики (она описывается в грамматике данного языка).

Характерной особенностью лингвистической семантики прошлого (до 1960-х гг., ставших для становления этой науки годами поистине революционного перелома)[6] было то, что «лексическая» и «грамматическая» семантика разрабатывались в отрыве друг от друга, т. е. не осмыслялись лингвистами как части некоторого единого целого. По-видимому, Ю. Д. Апресян был первым лингвистом (по меньшей мере одним из немногих первых лингвистов), который раньше других заметил и эксплицитно сформулировал сущность этого кардинального перелома в семантике как науке. Ср.: «Отличие современной лингвистической семантики от классической состоит прежде всего в том, что она интересуется не только и не столько значениями отдельных слов, сколько значениями целых предложений» [Апресян 1967: 8]; «Переход от описания значений отдельных слов к описанию значений целых высказываний обнажил до того скрытые механизмы равнозначного преобразования высказываний, почти не изучавшиеся традиционной семантикой, хотя они играют, по-видимому, центральную роль в речевом поведении человека» [Там же: 11]; «В традиционной семантике принято разграничение значений на лексические (выражаемые корневыми морфемами) и грамматические (выражаемые аффиксами, флексиями и т. п.). Из них только лексические рассматриваются в качестве полноправного объекта семантической теории,

[5] Ряд авторов ставит вопрос о том, насколько мыслима и насколько осуществима такая «семантическая транскрипция» (ср., например, работы [Падучева 1975: 558; Перцов 2006; Мельчук 2012]).

[6] См. обзоры семантических исследований, в которых подчеркивается отличие современного этапа семантических исследований от предшествующих ему «традиционных» подходов: [Апресян 1963: 102–149; 1967: 5–19; 1974: 6–15].

а исследование грамматических значений выводится за пределы семантики даже в тех случаях, когда означаемыми лексических морфем являются факты действительности (ср. значение числа). В соответствии с этим семантика довольно часто определяется как “наука о лексических значениях слов”. <…> Очень простые факты показывают, что противопоставление лексических и грамматических значений в указанном здесь смысле далеко не всегда может быть наполнено реальным содержанием» [Там же: 16–17].

Понятие «традиционной» или «классической» семантики в работах Ю. Д. Апресяна 1960-х-1970-х гг. близко к тому, что в настоящей статье предлагается именовать «инвентарной» семантикой; а понятие «современной» семантики в работах Ю. Д. Апресяна 1960-х-1970-х гг. близко тому, что в настоящей статье предлагается именовать «интегральной» семантикой.

Отношения между означаемыми (десигнатами, уровень 4.1.1) и значениями (уровень 4.1.2) изучаются **лексической** (в том числе фразеологической) и **грамматической** (в том числе **синтаксической**) **семантикой**.

В предмете этих наук выделяются: «пассивный» аспект (инвентарно-семантическая **амбивалентность**, т. е. соответствие одного означаемого нескольким значениям — предмет **семасиологии**) и «активный» аспект (инвентарно-семантическая **эквивалентность**, т. е. соответствие одного значения нескольким означаемым — предмет **ономасиологии**).

Инвентарная семантика сочетает семасиологический аспект (инвентарная семасиология) с ономасиологическим (инвентарная ономасиология)[7].

Внутренняя сторона языкового знака (его «означаемое») может состоять из нескольких значений (в этом заключается явление «многозначности»). Разнообразие значений одного языкового знака (наряду со способами толкования лексического значения) изучается семасиологией [см., например: Звегинцев 1957; Шмелев 1964].

Вместе с тем одно и то же значение может выражаться разными языковыми знаками (в частности, лексическими синонимами). Разнообразие способов выражения одного значения разными языковыми знаками (в частности, с помощью различий во внутренней форме слова) изучается ономасиологией (в число задач которой входит составление идеографических словарей, словарей синонимов, словарей антонимов и т. п.).

Инвентарная семантика охватывает предметы (‘я’, ‘ты’, ‘человек’, ‘вещь’, ‘тело’), определители (‘этот’, ‘тот же’, ‘другой’), количество (‘один’, ‘два’, ‘некоторые’, ‘все’, ‘много’), оценку (‘хороший’, ‘плохой’), описание (‘большой’, ‘малый’), психику (или душу) (‘думать’, ‘знать’, ‘хотеть’, ‘чувствовать’, ‘видеть’, ‘слышать’), речь (‘говорить’, ‘слово’, ‘правда’), действия (‘делать’), события (‘происходить’), движение (‘двигать(ся)’, ‘трогать’), бытие // существование (‘быть’), обладание (‘иметь’), жизнь (‘жить’), смерть (‘умереть’), время (‘время’,

[7] О взаимоотношении этих двух аспектов см., например, [Кузнецова 1963; Бородина, Гак 1979].

‘когда’, ‘сейчас’, ‘до’, ‘после’, ‘долго’, ‘недолго’, ‘иногда’, ‘момент’), пространство (‘где’, ‘место’, ‘здесь’, ‘над’, ‘под’, ‘далеко’, ‘близко’, ‘сторона’, ‘вне’, ‘внутри’), логические связки (‘не’, ‘возможно’, ‘мочь’, ‘потому что’, ‘если’), интенсивность (‘очень’), добавку (‘еще’), таксономию (‘разновидность’), частичность (‘часть’), подобие (‘похожий’).

10. Важнейшим разделом современной семантики является **«интегральная»**[8] (и в частности, в первую очередь, «сентенциальная») семантика, описывающая правила взаимодействия лексических и грамматических значений друг с другом в составе свободных речевых комбинаций инвентарных языковых знаков.

Такие речевые комбинации образуют «внеинвентарные» языковые единицы («свободное» словосочетание, «свободное» предложение, абзац, текст), производимые в ходе речевого акта (высказывания), содержание которых не равно простой сумме значений инвентарных языковых знаков.

Содержания и смыслы не являются инвентарными единицами (т. е. их нельзя задать перечнем; да и незачем это делать, если можно задать перечень тропов9). У содержания есть два аспекта — языковой и речевой: в языке содержание присуще внеинвентарным (экстраинвентарным)[10] единицам, т. е. потенциальным (принципиально возможным) комбинациям единиц; в речи содержание присуще речевым реализациям этих комбинаций.

Отличие между значениями и содержаниями фактически обсуждается в связи с изучением языковых механизмов понимания речевых тропов, восстановлением некоторых «семантических эллипсисов» [см.: Леонтьева 1968], «зачеркиванием» избыточных смысловых компонентов, насыщением валентностей, наследованием и погашением презумпций. В отличие от механизмов четвертого (прагматического) этапа понимания механизмы данного (интегрально-семантического) этапа опираются лишь на те сведения, которые содержатся в данном речевом отрезке; отсюда и предлагаемый здесь выбор термина *содержание*.

Интегральная семантика изучает соотношение между содержанием речевого отрезка и значениями входящих в него языковых знаков.

---

[8] Термин *интегральный* в этом смысле слова вошел в широкое употребление после работ Дж. Катца и Дж. Фодора (1963–1964), а в отечественной лингвистической традиции — благодаря появлению серии работ Ю. Д. Апресяна (особенно [Апресян 1986]).

[9] Переносные значения как устойчивый факт языка следует отличать от переносного употребления слов в речи [Маслов 1975: 126–127]. «Число лексических значений (семантем) как единиц плана содержания языка, скорее всего, не может быть подсчитано. Есть семантемы устойчивые, воспроизводимые и, следовательно, достаточно легко инвентаризируемые. Есть семантемы-“однодневки”, и они не могут быть сосчитаны» [Сусов 2006: 106]; «… результирующих комбинаций признаков (т. е. “значений приставки” или “типов значения приставочных глаголов”) так много, что невозможно себе представить, чтобы они входили в знание языка в виде списка. Очевидно, что говорящий обладает не списком, а механизмом, его порождающим» [Зализняк 2006: 304].

[10] Дихотомия инвентарных и экстраинвентарных единиц в принимаемом здесь понимании приблизительно соответствует тому, что в работах В. Б. Касевича именуется различием между «инвентарными» и «конструктивными» единицами [см., например: Касевич 2019: 73].

Отношения между значениями (уровень 4.1.2) и содержаниями (уровень 4.2.3) составляют предмет **«интегральной»** («сентенциальной», «контекстуальной») **семантики**.

Интегральная семантика может исходить из позиции адресата речи (слушающего или читателя) или из позиции автора речи (говорящего или пишущего). Соответственно, ее основными разделами являются, с одной стороны, «интерпретирующая» семантика, с другой стороны, «порождающая» семантика.

В ней тоже выделяются два аспекта — «рецептивный» (интегрально-семантическая амбивалентность, т. е. соответствие одного значения нескольким содержаниям — предмет **«интерпретирующей»** семантики) и «продуктивный» (интегрально-семантическая эквивалентность, т. е. соответствие одного содержания нескольким значениям — предмет **«порождающей»** семантики).

Термины *интерпретирующая семантика* и *порождающая семантика* в данной статье употребляются в несколько расширенном смысле, чем это принято обычно. Традиционно оба имеют более узкий объем: как известно, они соотносятся с двумя соперничавшими друг с другом подходами к семантике в американском генеративизме 1960– 1970-х гг. Если принять расширительное понимание этих терминов, то оказывается, что это соперничество между направлениями было лишено разумных оснований: ведь интерпретирующая и порождающая семантика имеют разные цели (моделирование понимания речи и моделирование порождения речи соответственно) и потому естественным образом дополняют друг друга. Спорить о том, какой тип моделей «нужнее», нет смысла, потому что для моделирования речевой деятельности как целого (включающего поведение адресата речи и поведение отправителя речи) одинаково необходимы оба этих вида моделей[11]. Фактически сторонники интерпретирующей семантики (в узком смысле слова) стихийно занимались построением моделей автоматического понимания (или «семантического анализа»)[12], а сторонники порождающей семантики (в узком смысле слова) стихийно занимались построением моделей автоматического семантического синтеза (и потому во многом перекликаются с тем подходом, который в отечественной традиции получил наименование «модели семантического синтеза»). Это обстоятельство служит оправданием для того расширительного понимания этих терминов, которое предлагается в настоящей статье.

Для того чтобы понять речевой отрезок (словосочетание или предложение), недостаточно просто суммировать значения тех языковых знаков, из которых оно составлено[13]. Интерпретация предложения включает восстановление разнообразных речевых опущений (эллипсисов), понимания окказиональных речевых переносов (таких, как речевая метафора, метонимия, синекдоха, олицетворение и т. п.). Так, например, словосочетание *таблетка от головы* не равно простой сумме

[11] Ср. [Шаляпина 2007: 13–14], где обосновывается вывод о взаимной дополнительности конкурирующих подходов к моделированию речевой деятельности человека.

[12] О таких моделях см. подробнее в книге Н. Н. Леонтьевой [2006].

[13] Ср.: «значение предложения складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций» [Падучева 1974: 12].

словарных значений слов *таблетка*, *от* и *голова*, а передает содержание ‘таблетка, помогающая лечить головную боль’) [см., например: Леонтьева 1967: 96–97; Апресян 1974: 80]. Интерпретирующая семантика, или модель семантического анализа (языкового понимания) речевых отрезков, показывает, каким образом из значений инвентарных единиц строится содержание тех речевых отрезков, из которых эти отрезки состоят[14]. Ее предмет — «механизм соединения семантических описаний отдельных компонентов текста — лексем, грамматических категорий, синтаксических конструкций — в семантическое описание текста в целом» [см.: Падучева 1975: 551].

Одно и то же речевое содержание может быть передано разными языковыми средствами (перифразами). Порождающая семантика, или модель семантического синтеза (вербализации содержания), показывает, каким образом подобрать такие выразительные средства языка[15], чтобы с помощью комбинации этих «разноуровневых» средств выразить то содержание, которое автор речи хочет передать ее адресату.

11. Содержание предложения может отличаться от того речевого смысла, который автор высказывания вкладывает в свой речевой акт и хочет передать адресату[16]. Так, например, предложение *Здесь холодно* может пониматься как просьба (‘закрой форточку’); вопрос *Где я возьму деньги?* может пониматься как констатация факта (‘у меня нет денег’) и т. п.

11.1. Для понимания «настоящего» (а не «буквального», т. е. «прямого») речевого («прагматического») смысла высказывания[17] адресат должен опираться на некоторые «фоновые знания», а именно:

(а) на знание предшествующего речевого окружения, т. е. того **контекста**, который предшествовал данному высказыванию;

(б) на знание того предметного окружения, т. е. той текущей **обстановки речи** (= **речевой ситуации**), в которой делается данное высказывание;

(в) на знание **правил речевого этикета**, речевого общения, речевых стратегий и тактик, позволяющих говорящему употреблять разнообразные тропы и фигуры речи;

---

[14] Таким образом, к этому разделу семантики относятся: «правила суммирования означаемых» [Мельчук 1974: 70–72], «законы взаимодействия значений» [Апресян 1974: 79–94], «правила взаимодействия значений» [Апресян 1980а: 68–87; 1980б; 2005; 2006], правила «семантической деривации» [Падучева 2004: 147–176], правила «композиции» («соединения значений частей в значение целого») [Падучева 1999; 2004: 113–143], правила «актуализации компонентов» [Падучева 2004: 94–101], правила заполнения семантических валентностей и «сфер действия» [Богуславский 1996].

[15] Эти единицы можно назвать *средствами выразительности* (синтаксическими, фразеологическими, лексическими, словообразовательными, морфологическими и фонетическими).

[16] О различии между «планом содержания предложения» и его «речевым смыслом» см. [Бондарко 1978: 95].

[17] Ср.: «Объект, с которым должна иметь дело семантика, — это не только семантическое представление предложения, но и семантико-прагматическое представление предложения, включенного в речевой акт» [Падучева 1985: 4].

(г) на совокупность фоновых **энциклопедических знаний о мире**, общих для обоих собеседников.

11.2. Таким образом, есть четыре источника фоновых знаний (образно выражаясь, четыре «корзины» **прагматической информации**):

(а) «контекстуальная (анафорическая) информация» — смысл «антецедентов», т. е. речевых отрезков, входящих в состав связного текста (дискурса), который является объемлющим для интерпретируемого речевого отрезка и при этом предшествуют данному речевому отрезку;

(б) «конситуативная (дейктическая) информация» — сведения о параметрах речевого акта: состав коммуникантов; обстоятельства протекания (момент, место и др.); «общее поле зрения участников»; иногда она выражена невербальными средствами (жестами, мимикой и т. п.)[18];

(в) «этикетная информация» (// «коммуникативная компетенция») – ограниченный набор (инвентарь) постулатов коммуникации, т. е. «конверсационных» правил, владение которыми принято в социуме, охватывающем данный акт общения;

(г) «энциклопедическая информация» (// «предметная компетенция»), т. е. сведения о мире, входящие в общий фонд знаний (базу данных), разделяемый коммуникантами.

Вывод смысла из содержания с опорой на энциклопедическую информацию может быть проиллюстрирован примерами, обсуждаемыми в ряде работ Ю. Д. Апресяна: «Анализ языковых выражений в процессе общения позволяет нам обнаружить еще один род содержания, которое они могут иметь, — так называемое прагматическое значение, под которым понимается внеязыковая реакция слушающего, вызываемая данным языковым стимулом (языковым выражением). Пусть нам сообщили, что некто проплыл 100 метров за 45 секунд (пример Ч. Фриза). Профан может реагировать на это сообщение пожатием плеч, а заинтересованный специалист — выражением бурной радости, так как он понимает, что пловец установил феноменальный мировой рекорд. Денотативное, сигнификативное и синтаксическое значение указанного предложения для всех участников общения одно и то же, но для разных участников оно имеет разные прагматические значения. <…> Прагматические значения образуют предмет прагматики…» [Апресян 1967: 6–7]; «Подчеркнем, что здесь имеются в виду умения, основанные на владении чисто языковой (словарной и грамматической), а не энциклопедической информацией. Текст *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд* для всякого носителя русского языка значит: ‘Плывя стилем “кроль”, он покрыл расстояние в сто метров и затратил на это 45 секунд’. Для тех, кто знает не только русский язык, но и таблицу мировых достижений в плавании (элемент энциклопедической, а не языковой информации), то же самое предложение может оказаться гораздо содержательнее. Оно может быть воспринято как сенсационное сообщение о феноменальном мировом рекорде, как напоминание о безграничных физических возможностях человека

[18] Ср. описание ситуативного эллипсиса у С. Н. Цейтлин.

и т. п. Достаточно знать только грамматику языка и словарные значения слов, чтобы построить перифразы *Стометровую дистанцию (стометровку) он проплыл кролем за 45 секунд*, *На сто метров кролем у него ушло 45 секунд*, *Стометровку он прошел кролем за 45 секунд*, *Он затратил 45 секунд на то, чтобы пройти кролем расстояние в 100 метров*, *Стометровку он проплыл кролем за ¾ минуты* и очень многие другие. К услугам знатока спорта будут и совершенно иные возможности перифразирования: *Кратчайшую олимпийскую дистанцию он проплыл кролем за 45 секунд*, *На стометровой дистанции кролем он на 10 секунд улучшил прежний мировой рекорд* и т. д. Если человек владеет только языковой информацией, он не сумеет сказать, являются ли семантически связными тексты: *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд, установив, таким образом, феноменальный мировой рекорд* и *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд, едва выполнив, таким образом, норму третьего разряда.* Если же человек владеет и соответствующей энциклопедической информацией, первое предложение будет для него семантически связно, хотя и неправдоподобно, а второе — несвязно или ложно» [Апресян 1974: 13].

Идея вывода смысла из содержания с опорой на энциклопедические знания до известной степени перекликается с семантической теорией информации, предлагавшейся в свое время в работах Ю. А. Шрейдера [см.: Шрейдер 1965; 1967]: ценность информации, передаваемой от ее источника к ее приемнику в ходе получения некоторого сообщения, определяется как мера изменения так называемого тезауруса (понимаемого как набор сведений, составляющих энциклопедическую информацию, хранимую в долговременной памяти) этого приемника в результате получения данного сообщения.

11.3. Знания типа (а) и (б) хранит «кратковременная», а типа (в) и (г) — «долговременная» память.

11.4. Соотношение содержания речевого отрезка с его речевым смыслом — предмет лингвистической прагматики (или семантики речевых актов), составляющей важную часть современной лингвистической семантики[19].

Отношения между содержаниями (уровень 4.2.3) и смыслами (уровень 4.2.4) составляют предмет **прагматики**.

Заслуживает особого внимания тот факт, что Ю. Д. Апресян в работе 1974 г. отмечал (со ссылкой на концепцию Кембриджского лингвистического кружка и на работу Ю. С. Мартемьянова 1964 г.), что можно выделять по крайней мере два уровня понимания. По словам Ю. Д. Апресяна, «можно говорить о понимании в слабом и в сильном смысле. Понимание в слабом смысле (локальное, первый этап анализа) — это умение извлечь из каждого предложения содержащуюся в нем информацию. Понимание в сильном смысле (глобальное, второй этап анализа) — это умение построить на основании извлеченной из данного

[19] При этом, вообще говоря, правила прагматики носят не конвенциональный, а универсальный характер, что отличает их от правил интегральной (не говоря уже об инвентарной) семантики [см.: Булыгина 1981].

предложения информации правдоподобную гипотезу о возможном содержании следующего за ним предложения» [Апресян 1974: 40]. Далее отмечается, что «имеет место понимание текста, если мы можем извлечь из каждого предложения текста картину описываемой этим предложением ситуации. Но существует и понимание в более глубоком смысле. На основании уже усвоенной семантической информации, поступившей из осмотренной или прослушанной части текста, читатель (слушатель и т. п.) строит правдоподобные гипотезы о возможном содержании предшествующей и последующей частей текста. Мера подтверждения возникающих при восприятии текста гипотез такого рода и есть мера его понимания. <…> Основанием для построения гипотез является 1) знание свойств участников “текущей” ситуации, 2) знание импликативных законов, связывающих данные свойства с другими свойствами. Если, например, в данном месте текста сказано: *На поляне горел костер*, мы можем заключить, что а) некое лицо раньше зажгло его с определенной целью, например с целью приготовить пищу; б) что на поляне в непосредственной близости от костра относительно светло и можно видеть окружающие предметы, относительно тепло и можно согреться и т. п. Поэтому, осмотрев предшествующий и последующий куски текста, мы не удивимся, если найдем в них упоминание лица, зажегшего костер, или упоминание приготовленной пищи, или упоминание жмущихся к костру продрогших людей и т. д.» [Там же].

То, что в приведенной цитате Ю. Д. Апресян именует *локальным пониманием текста* (или *пониманием в слабом смысле*), приблизительно соответствует тому, что выше названо *пониманием содержания текста* (в отличие от понимания «смысла» данного текста) и составляет часть «интегральной» семантики. А то, что Ю. Д. Апресян обозначает как *глобальное понимание текста* (или *понимание в сильном смысле*), приблизительно соответствует тому, что выше названо *пониманием «смысла» данного текста.*

11.5. В составе лингвистической прагматики (которую порой также называют «глубинной семантикой» [см., например: Перцова 1975; 1977а; 1977б; 1977в; 1980а; 1980б]) также можно выделить два направления, соответствующие различию между психологическими установками автора речи и ее адресата: лингвистическую риторику (образно говоря, теорию «прагматического синтеза») vs. лингвистическую герменевтику (образно говоря, теорию «прагматического анализа»).

Лингвистическая риторика изучает разнообразие способов речевого **«иносказания»**, т. е. способов косвенного (переносного) выражения речевого смысла с помощью речевых отрезков с разным содержанием. Основной ее предмет — прагматическая **эквивалентность** речевых отрезков, выражающих один и тот же смысл с помощью разных содержаний.

Лингвистическая герменевтика изучает разнообразие переносных смыслов, т. е. переносных (косвенных) способов интерпретации одного и того же содержания речевого отрезка. Основной ее предмет — многообразие **интерпретаций (прочтений)**, т. е. прагматическая **амбивалентность** речевых отрезков, имеющих одно и то же содержание, но потенциально допускающих разные смыслы.

Соотношение аспектов семиозиса и разделов семантики, выделяемых в соответствии с предлагаемой классификацией, можно схематически представить следующей таблицей.

Таблица

Аспекты семиозиса	Моделируемые аспекты асимметрии языковых знаков	Тривиальная семантика	Инвентарная семантика	Интегральная семантика	Прагматика
Понимание (речевосприятие)	Амбивалентность	Тривиальная семасиология	(Инвентарная) семасиология	Интерпретирующая семантика	Герменевтика
Вербализация (речепорождение)	Эквивалентность	Тривиальная ономасиология	(Инвентарная) ономасиология	Порождающая семантика	Риторика

Литература

Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики / ред. С.К. Шаумян. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 102–149.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М. : Наука, 1967. 251 с.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М. : Наука, 1974. 367 с.

Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». Wien : WSA, 1980а. 119 с.

Апресян Ю.Д. К формальной модели семантики: правила взаимодействия значений // Представление знаний и моделирование процессов понимания / под ред. А.С. Нариньяни. Новосибирск : ВЦ СОАН, 1980б. С. 48–65.

Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. №2. С. 57–70.

Апресян Ю.Д. Правила взаимодействия значений и словарь // Русский язык в научном освещении. 2005. №9. С. 7–45.

Апресян Ю.Д. Правила взаимодействия значений // *Апресян В.Ю.*, *Апресян Ю.Д.*, *Бабаева Е.Э.*, *Богуславская О.Ю.*, *Иомдин Б.Л.*, *Крылова Т.В.*, *Левонтина И.Б.*, *Санников А.В.*, *Урысон Е.В.* Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 110–144.

Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М. : Языки русской культуры, 1996. 460 с.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л. : Наука, 1978. 176 с.

Бородина М.А., *Гак В.Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований. Л. : Наука, 1979. 232 с.

Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 333–342.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006. 672 с.

Звегинцев В. А. Семасиология. М. : Изд-во МГУ, 1957. 322 с.

Звегинцев В. А. Смысл и значение // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики / ред. В. А. Звегинцева. М. : Изд-во МГУ, 1973. С. 92–97.

Касевич В. Б. Введение в языкознание. М. ; СПб. : Академия, 2011. 230 с.

Касевич В. Б. Проблемы семантики. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2019. 304 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : УРСС, 2000а. 352 с.

Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: *значение* и *смысл* // Язык о языке / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки русской культуры, 2000б. С. 303–359.

Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования (Из истории разработки данной проблемы в современном зарубежном языкознании). М. : Изд-во МГУ, 1963. 60 с.

Леонтьева Н. Н. Устранение некоторых видов избыточной информации в естественном языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1967. Вып. 10. С. 93–98.

Леонтьева Н. Н. Семантический анализ и смысловая полнота текста : автореф. дис. … канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1968. 20 с.

Леонтьева Н. Н. Автоматическое понимание текстов: Системы, модели, ресурсы. М. : Академия, 2006. 304 с.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М. : Высшая школа, 1975. 327 с.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Ч. 1 : Семантика. Синтаксис. М. : Наука, 1974. 314 с.

Мельчук И. А. От смысла — к тексту. М. : Наука ; Языки славянских культур, 2012. 174 с.

Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М. : Наука, 1974. 291 с.

Падучева Е. В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 6. С. 548–559.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М. : Наука, 1985. 294 с.

Падучева Е. В. Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 3–24.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Перцов Н. В. К проблеме построения семантического метаязыка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. конф. «Диалог — 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.) / под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М. : Изд-во РГГУ, 2006. С. 419–425.

Перцова Н. Н. Об уровнях понимания текста на естественном языке // Семантические вопросы искусственного интеллекта. Киев : Знание, 1975. С. 19–20.

Перцова Н. Н. К проблеме представления содержания текста // ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. 1977а. Вып. 91. С. 22–35.

Перцова Н. Н. Понимание естественного языка как активный процесс // ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. 1977б. Вып. 93. С. 39–45.

Перцова Н. Н. К проблеме моделирования понимания текста : дис. … канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1977в. 181 с.

Перцова Н. Н. О понимании нестандартного текста // Семиотика и информатика. 1980а. Вып. 15. С. 156–168.

Перцова Н. Н. К построению глубинно-семантического компонента модели понимания текста // Проблемы вычислительной лингвистики и автоматической обработки текста на естественном языке. М. : Изд-во МГУ, 1980б. С. 3–50.

Слюсарева Н. А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка / под ред. Т. А. Дегтеревой. М. : Изд-во ВПШ, 1963. С. 185–199.

Сусов И. П. Введение в языкознание. М. : Восток-Запад, 2006. 327 с.

Шаляпина З. М. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования. М. : Восточная литература, 2007. 480 с.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М. : Наука, 1988. 215 с.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М. : Наука, 1964. 248 с.

Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической теории информации // Проблемы кибернетики. 1965. Вып. 13. С. 233–240.

Шрейдер Ю. А. О семантических аспектах теории информации // Информация и кибернетика. 1967. № 5. С. 22–37.

S. A. Krylov
Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow)
krylov-58@mail.ru

ON THE QUESTION OF DISTINGUISHING SURFACE AND DEEP SEMANTICS

The purpose of this article is to preliminarily outline a certain approach in which there are 4 “levels” of depth in semantics, and also to try to classify linguistic disciplines (primarily sections of modern semantics) in accordance with this “4-level” approach. The signifier and the signified are directly related to each other. Their one-to-one correspondence is violated only with morphological equivalence (polymorphism, that is,

homosemia and doubleness) and ambivalence (homonymy). The meaning and sense are connected by an "asymmetric connection," which includes, in addition to direct nomination (and the main meaning), deviations from it: namely, inventory-semantic equivalence (language synonymy) and inventory-semantic ambivalence (language polysemy). The meanings and signifiers (as well as the signified) belong to the language system, they are stored in long-term memory, their number can be calculated. They can be listed in the inventory (lexicon or grammar). The contents and meanings belong to speech, they are stored in short-term memory, it is impossible to list them, but they are formed according to certain integral-semantic and pragmatic rules, therefore they can be calculated. Such sections of semantics are schematically distinguished, they are: trivial (it studies the relationship between the signifier and the signified), inventory (it studies the relationship between the signified and the meaning), integral (it studies the relationship between the meaning and content) and pragmatic (it studies the relationship between content and meaning; = pragmatics). Regardless of this division, the semantics are divided into the semantics of the speaker and the semantics of the listener; therefore, semasiology vs. onomasiology, inside the integral — interpretive vs. generative semantics, inside the pragmatic — hermeneutics and rhetoric. Semasiology, interpreting semantics (= model of semantic analysis) and hermeneutics (= model of pragmatic analysis) are engaged in modeling understanding (speech perception). Onomasiology, generating semantics (= model of semantic synthesis) and rhetoric (= model of pragmatic synthesis), are engaged in the modeling of speaking (speech production).

Key words: semantics, meaning, signified, meaning, content, pragmatics, analysis, synthesis, semasiology, onomasiology.

Acknowledgements

The research was partially carried out within the projects 17 04 00594-ОГН ОГН-А "Automatic dictionary RUSLAN: updated concept, new vocabulary", 18 012 00650 А "Semantic categories in the grammatical structure of the Russian language", 17-29-02305 and 17-29-09158 офи_м "Creating a corpus of official business texts of the Russian language (RLOBTC)" supported by the Russian Foundation for Basic Research.

References

Apresyan Yu.D. [Modern methods of studying meanings and some problems of structural linguistics]. *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. S. K. Shaumyan (Ed.). Moscow, AS USSR Publ., 1963, pp. 102–149. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [An experimental study of the semantics of the Russian verb]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 251 p.

Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics (synonymous means of language)]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 367 p.

Apresyan Yu.D. *Tipy informatsii dlya poverkhnostno-semanticheskogo komponenta modeli «Smysl ⇔ Tekst»* [Types of information for the surface-semantic component of the "Meaning ⇔ Text" model]. Wien, WSA Publ., 1980a. 119 p.

Apresyan Yu.D. [On the formal model of semantics: rules for the interaction of meanings]. *Predstavlenie znanii i modelirovanie protsessov ponimaniya* [Representation of knowledge and modeling of understanding processes]. A.S. Narin'yani (Ed.). Novosibirsk, VTs SOAN Publ., 1980b, pp. 48–65. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [Integral description of language and explanatory dictionary]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1986, no. 2, pp. 57–70. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [Rules for the interaction of meanings and vocabulary]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, no. 9, pp. 7–45. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [Rules for the interaction of values]. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [The Linguistic picture of the world and systemic lexicography]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 110–144. (In Russ.)

Boguslavskii I.M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits* [Scope of lexical units]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 460 p.

Bondarko A.V. *Grammaticheskoe znachenie i smysl* [Grammatical meaning and sense]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 176 p.

Borodina M.A., Gak V.G. *K tipologii i metodike istoriko-semanticheskikh issledovanii* [On typology and methodology of historical and semantic research]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 232 p.

Bulygina T.V. [On the boundaries and content of pragmatics]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1981, no. 4 (40), pp. 333–342. (In Russ.)

Kasevich V.B. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, St Petersburg, Akademiya Publ., 2011. 230 p.

Kasevich V.B. *Problemy semantiki* [Problems of semantics]. St Petersburg, St Petersburg St. Univ. Publ., 2019. 304 p.

Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, URSS Publ., 2000a. 352 p.

Kobozeva I.M. [Two hypostases of the content of speech: meaning and sense]. *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. N.D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000b, pp. 303–359. (In Russ.)

Kuznetsova A.I. *Ponyatie semanticheskoi sistemy yazyka i metody ee issledovaniya (Iz istorii razrabotki dannoi problemy v sovremennom zarubezhnom yazykoznanii)* [The concept of the semantic system of language and methods of its research (From the history of the development of this problem in modern foreign linguistics)]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1963. 60 p.

Leont'eva H.H. [The Elimination of some types of redundant information in a natural language]. *Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika*, 1967, no. 10, pp. 93–98. (In Russ.)

Leont'eva H. H. *Semanticheskii analiz i smyslovaya polnota teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic analysis and semantic completeness of the text. Dr. phil. sci. diss. Summary]. Moscow, 1968. 20 p.

Leont'eva H. H. *Avtomaticheskoe ponimanie tekstov: Sistemy, modeli, resursy* [Automatic understanding of texts: Systems, models, resources]. Moscow, Akademiya Publ., 2006. 304 p.

Maslov Yu.S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975. 327 p.

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ⇔ Tekst». Ch. 1: Semantika. Sintaksis* [Applying the theory of linguistic models "Meaning ⇔ Text". Part 1. Semantics. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 314 p.

Mel'chuk I. A. *Ot smysla — k tekstu* [From meaning to text]. Moscow, Nauka Publ., Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. 174 p.

Paducheva E. V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax. Materials for the transformational grammar of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 291 p.

Paducheva E. V. [Some problems of modeling the correspondence between text and meaning in the language]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1975, no. 6 (34), pp. 548–559. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* [The utterance and its correlation with reality: referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 294 p.

Paducheva E. V. [The principle of compositionality in informal semantics]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1999, no. 6, pp. 3–24. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 608 p.

Pertsov N. V. [On the problem of constructing a semantic metalanguage]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy Mezhdunar. konf. «Dialog — 2006» (Bekasovo, 31 maya — 4 iyunya 2006 g.)* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue — 2006" (Bekasovo, May 31 — June 4, 2006)]. N. I. Laufer, A. C. Narin'yani, V. P. Selegey (Eds.). Moscow, Rus. St. Univ. for the Humanities Publ., 2006, pp. 419–425. (In Russ.)

Pertsova N. N. [About the levels of understanding of a text in a natural language]. *Semanticheskie voprosy iskusstvennogo intellekta* [Semantic questions of artificial intelligence]. Kiev, Znanie Publ., 1975, pp. 19–20. (In Russ.)

Pertsova N. N. [On the Problem of Presenting the Content of a Text]. *IRYa AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimental'noi i prikladnoi lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii* [RLI AS USSR. The problem group for experimental and applied linguistics. Preliminary publications], 1977a, iss. 91, pp. 22–35. (In Russ.)

Pertsova N. N. [The Understanding of the natural language as an active process]. *IRYa AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimental'noi i prikladnoi lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii* [RLI AS USSR. The problem group for experimental and applied linguistics. Preliminary publications], 1977b, iss. 93, pp. 39–45.

Pertsova N. N. *K probleme modelirovaniya ponimaniya teksta: dis. ... kand. filol. nauk* [On the problem of modeling understanding of a text. Dr. phil. sci. diss.]. Moscow, 1977c. 181 p.

Pertsova N. N. [On the understanding of a non-standard text]. *Semiotika i informatika*, 1980a, no. 15, pp. 156–168. (In Russ.)

Pertsova N. N. [Towards the construction of a deep-semantic component of a text understanding model]. *Problemy vychislitel'noi lingvistiki i avtomaticheskoi obrabotki teksta na estestvennom yazyke* [Problems of Computational Linguistics and Automatic Processing of Text in a Natural Language]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1980b, pp. 3–50. (In Russ.)

Shalyapina Z. M. *Trekhmernaya stratifikatsionnaya model' yazyka i ego funktsionirovaniya* [The Three-dimensional stratification model of the language and its functioning]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007. 480 p.

Shmelev D. N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on the semasiology of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 248 p.

Shreider Yu.A. [On a model of the semantic theory of information]. *Problemy kibernetiki*, 1965, no. 13, pp. 233–240. (In Russ.)

Shreider Yu.A. [On the semantic aspects of information theory]. *Informatsiya i kibernetika*, 1967, no. 5, pp. 22–37. (In Russ.)

Shveitser A. D. *Perevod i lingvistika* [Translation and Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 215 p.

Slyusareva N. A. [Sense as an extralinguistic phenomenon]. *Kak podgotovit' interesnyi urok inostrannogo yazyka* [How to prepare an interesting lesson in a foreign language]. T. A. Degtereva (Ed.). Moscow, Higher Communist Party School Publ., 1963, pp. 185–199. (In Russ.)

Susov I. P. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2006. 327 p.

Zaliznyak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Ambiguity in the language and methods of its presentation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 672 p.

Zvegintsev V. A. [Sense and meaning]. *Teoreticheskie i eksperimental'nye issledovaniya v oblasti strukturnoi i prikladnoi lingvistiki* [Theoretical and experimental studies in the field of structural and applied linguistics]. V. A. Zvegintsev (Ed.). Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1973, pp. 92–97. (In Russ.)

Zvegintsev V. A. *Semasiologiya* [Semasiology]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1957. 322 p.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.13

Е. Э. Бабаева
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
llevidova@gmail.com

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ПРЕДИКАТОВ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ*[1]

В статье на основе анализа французских филологических источников XVI–XVII вв. предлагается гипотеза относительно контекстных условий появления и закрепления в системе позиционных глаголов французского языка предиката *être debout*, а также относительно хронологии этого процесса. Позиционные глаголы (‘стоять’, ‘сидеть’, ‘лежать’), прототипически указывающие на позу человека, выделяются внутри более широкой группы предикатов местоположения. Позиционные глаголы входят в 200-словный список Сводеша (*Swadesh list*), который объединяет единицы, относящиеся к наиболее устойчивому базовому словарю языка. В романских языках смысл ‘стоять’ может передаваться несколькими способами, например глаголом *stare*, восходящим в конечном итоге к и.-е. **stā-* : *stə-* (ит. *stare*, румын. *sta*), а также рядом словосочетаний, например: ‘стоять на ногах’ (ит. *stare in piedi*, исп. *estar di pie*, порт. *estar de pié*, румын. *sta pe picioare*), ‘быть на ногах’ (ит. *essere in piedi*), ‘находиться на ногах’ (ит. *rimanere in piedi*, порт. *ficar de pé*), ‘быть прямым’ (ит. *essere ritto*, катал. *estar dret*). Особенностью французского языка является передача смысла ‘стоять’ при помощи предиката *être debout*, который вытеснил древний глагол *ester.* В статье высказывается гипотеза, согласно которой предикат *être debout*, сформировавшийся в XIV в., получает особое распространение в XVI в. При интерпретации этого процесса нельзя не учитывать факт паронимической аттракции между позиционным глаголом *ester* и глаголом существования *estre*, которая создавала большие неудобства. Однако усиление позиций предиката *être debout* стало возможным, вероятно, благодаря грамматико-семантическому фактору: императив *Debout*, являвшийся в то время, по всей вероятности, инновацией, позволил аккумулировать представление о переходе от горизонтального положения к вертикальному и одновременно — от пассивного состояния

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-012-00291 (Подготовка Активного словаря русского языка).

к активному, что и привело к закреплению именно этого предиката в системе позиционных глаголов.

Ключевые слова: историческая семантика, история лексикографии, история понятий, история словарного фонда, функциональная грамматика.

Как хорошо известно, в рамках теории функциональной грамматики под глаголами положения в пространстве понимаются глаголы, которые требуют в качестве актанта или же допускают при себе различные единицы, выражающие местонахождение объекта [Гак 1996: 13]. В языках принято различать универсальную и классифицирующую тенденцию при обозначении местонахождения — в зависимости от того, связан ли выбор предиката с тем, к какому семантическому классу принадлежит субъект местонахождения [Рахилина 1998: 68]. В рамках данного типа предикатов выделяются так называемые глаголы положения в пространстве (ср. также использующиеся исследователями другие термины: *позиционные предикаты*, *позиционные глаголы*; *глаголы позиции*, *stance verbs*, *orienational verbs*, *verbs of position*, *posture verbs*, *postural verbs*, *posturals*, *positional verbs*, *verbes de position dans l'espace*, *verbes de posture*, *verbes positionnels*, *Verben der Position*), обозначающие 'стоять', 'сидеть', 'лежать', которые прототипически описывают позу человека. Согласно Ю. Д. Апресяну, для таких глаголов характерно обнаружение «на определенном шаге семантической реконструкции в вершине ассерции» смысла 'быть расположенным как-то' [Апресян 2010: 293][1]. Среди предикатов положения в пространстве применительно к описанию положения тела человека могут выделяться стандартные и нестандартные глаголы [Дмитренко, Храковский 2011: 187; 2013; Корди 2016]; см. также рассмотрение глаголов нестандартных положений тела[2] и перехода тела в нестандартные положения во французском языке в [Корди 2014; 2015].

Позиционные предикаты в их соотношении со смыслами нахождения и существования, а также процессы их грамматикализации активно изучаются в теоретической и типологической перспективах [см., например: Ameka, Levinson 2007; Grinevald 2005; Hansen 1974; Jakobsson 1996; Kuteva 1999; Newman 2002; Serra Borneto 1996; Van der Toorn 1972; Van Oosten 1982; Аошуан 2004: 13–20; Кашкин 2016а; 2016б; Кюсева, Рыжова 2013; Майсак 2005; Рахилина, Лемменс 2003; Стоянова 2013].

Согласно общепринятому мнению, смыслы 'стоять', 'сидеть', 'лежать' относятся к «универсалиям жизненного опыта», хотя в языках не всегда имеются специальные лексемы для выражения этих смыслов [Майсак 2005: 122, 126]. Глаголы, имеющие данную семантику, входят в 200-словный список базовой лексики Морриса Сводеша (*Swadesh list*). В относительно недавно появившемся списке Лейпциг-Джакарта смысл 'стоять' находится на 45 месте по семантической стабильности,

[1] Ю. Д. Апресян включает в данный класс не только прототипические глаголы положения в пространстве, но и их синонимы [Апресян 2006: 87].

[2] В частности, особого наклонного положения тела; ср. еще предикат со значением 'висеть'.

при этом интересно, что значения ‘сидеть’ и ‘лежать’ в этот список вообще не вошли [Tadmor et al. 2010: 239]. Исследователями отмечалось, что типологически из всех глаголов положения в пространстве наиболее «активным» является именно глагол, обозначающий ‘стоять’. «Прочтение» этого смысла как функционального представлено в современных языках; ср., например, приведенные Т. А. Майсаком данные папуасских языков, в которых мужчина всегда будет описываться как стоящий, вне зависимости от его реальной позы, поскольку он всегда активен, сражается или рубит деревья [см. об этом подробнее: Майсак 2005: 130–132].

Индоевропейский корень *stā-*, **stə-*, **steh$_2$-*, **stah$_2$-*, как хорошо известно, лежит в основе огромной системы понятий; см., например, обширный перечень рефлексов в индоевропейских языках в [IGW]. В. Н. Топоров, посвятивший смыслу предиката со значением ‘стоять’ специальную работу, относит его к ключевым словам[3], некогда составлявшим «языковой и понятийный каркас как космологических, так и антропологических текстов» [Топоров 1996: 27].

В романских языках смысл ‘стоять’ может передаваться как глаголами, восходящими к индоевропейскому корню (например, ит. *stare*, румын. *sta*), так и некоторыми глагольными сочетаниями, в частности с бытийными глаголами:

1) ‘стоять на ногах’: ит. *stare in piedi*, исп. *estar di pie*, порт. *estar de pié*, румын. *sta pe picioare*;
2) ‘находиться на ногах’: ит. *rimanere in piedi*; порт. *ficar de pé*;
3) ‘быть на ногах’: ит. *essere in piedi*;
4) ‘стоять прямо’: ит. *essere ritto*; катал. *estar dret.*

В данных сочетаниях можно видеть представленность двух основных идей: опоры на ноги и вертикальной ориентации. На этом фоне французский язык, в котором существуют предикаты *être <se tenir> debout* (‘быть <держаться> стоя’), с точки зрения того, как выражается в данных предикатах представление о вертикальном положении, является особым случаем. Между тем, насколько мне известно, не существует работ, в которых объяснялся бы механизм появления и распространения во французском языке глагольных словосочетаний, указывающих на вертикальное положение субъекта, включающих наречие *debout.*

Хорошо известно, что современная парадигма французского глагола *être* в диахроническом плане представляет собой результат развития трех глагольных основ[4]. Прежде всего следует упомянуть использовавшийся в народной латыни глагол *essere*, восходящий к лат. *esse* (и.-е. **es-*, для которого выделяются значения ‘существовать’, ‘расти’, ‘цвести’ [см.: IGW]). Аористная основа *fu-* восходит к индоевропейскому корню **bheu-*‘расти’, ‘существовать’ (ср. греч. φύω ‘расти’). Наконец, причастные формы (*été*, *étant*) заимствованы у старофранцузского глагола

[3] Согласно В. Н. Топорову, ключевые элементы всегда отсылают «за пределы языка и потому дают основания для суждений и о внеязыковых мотивировках языковых фактов» [Топоров 2006: 129].

[4] Из-за этой особенности он даже мог рассматриваться как «курьез» (*une curiosité*) [см.: Thomasson 1938: 10–11].

ester (‘стоять’), соответствовавшего лат. *stare*. Таким образом, семантика глагола *être* связана с тремя идеями: существование, рост и вертикальное положение.

С самых первых фиксаций глагол *être*, употребляясь как полнозначный глагол и как связка, мог указывать, в частности, на существование и состояние субъекта. Первые же фиксации глагола *ester* (‘стоять’) датируются XII в. Согласно данным «Dictionnaire du Moyen français» [DMF], в текстах XIII–XV вв. активно используются коллокации *droit et estant* (‘прямо и стоя’), *estant ou assis* (‘стоя или сидя’).

Глагол *ester*, используясь применительно к человеку, имел в средневековом французском различные употребления:

1) указывал на то, что человек занимает определенное положение в пространстве, а именно — что он стоит, а не сидит и не лежит, ср., например: *Un homme a ensemble la vertu ou puissance de soy seoir et de soy ester* (Nicole Oresme, Le Livre du ciel et du monde, 1377)[5]. Употребляясь таким образом, он мог сочетаться с названием опоры — *ester sur pieds*, см., например: *Quel cose faisons nous chi, estans sus nos piés et nous refroidant?* (Jean Froissart, Chroniques, 1369);

2) указывал на фиксированное положение человека, иначе говоря, на отсутствие или прекращение движения, ср., например: *Puis prent son coutel de quoy il trenche et frappe dessus la table, puis s’en va ou jardin, puis revient et ne peut ester ne fere contenance* (Les quinze joies de mariage, 1464), ср. также приказ остановиться *Esta!* Употребляясь в предложной конструкции *ester de*, указывал на прекращение действия, названного инфинитивом: *Elle dist qu’elle n’avoit qu’ester de cheminer* (Perceforest, XIV);

3) наконец, указывал не просто на вертикально ориентированное положение человека с опорой на ноги, но и на его особое внутреннее состояние, мобилизацию ресурсов, готовность к важному событию, к действию, ср., например: *a ce que vous puissiez resister et ester contre les agaiz de l’anemi* (Miracle de Saint Valentin, XV). Можно привести также устойчивые словосочетания *estera dreit*, *ester en droit*, *ester en jugement* (ср. рус. *предстать перед судом*, а также совр. франц. *ester en jugement <en justice>* ‘участвовать в судебном процессе’), входившие в юридический словарь в соответствии с юридическими употреблениями лат. *stare.* На особую роль нахождения в вертикальном положении для переживания некоторых особо отмеченных ситуаций могут указывать такие, например, русские словосочетания, как *стоять на молитве*, *стоять перед Богом*, *стоять за правду*, *стоять насмерть* [см. также: Бабаева 2006: 799–800].

Estant, причастие от глагола *ester*, может указывать собственно на вертикальное положение человека: *être en (son) estant*, *être <se tenir> sur son estant; Messires Jehans Chandos, pour la dolour qu’il senti, ne se peut tenir en estant, mès chei à terre* (Jean Froissart, Chroniques, 1369); ср. также *l’estant d’un homme* (о росте человека), *un estant* ‘вертикальное положение’, *soi relever en estance* ‘встать’, *en (son) estage* ‘вертикально’, *un estage* ‘рост человека’ [FEW 12: 237–243]. Однако в XIV в.

[5] Здесь и далее примеры, относящиеся к средневековому французскому, взяты из словаря [DMF].

со словосочетаниями *être en (son) estant*, *être <se tenir> sur son estant* вступают в конкуренцию другие: *être <se tenir> debout.*

Слово *debout*, функционировавшее как существительное и как наречие, является производным от существительного *bout*, восходящего, в свою очередь, к глаголу *bouter.* Глагол *bouter*, присутствующий уже в текстах XI в., примерно к XVII–XVIII вв. практически вышел из употребления. Он является заимствованием из франсийского языка и возводится к герм. **bautan* (и.-е. **b^hāu-*; ср. ст.-англ. *beaten*, ст.-норв. *bauta*, ст.-в.-нем. *bozan*). Согласно [FEW], изначальная семантика глагола *bouter* была связана с представлением об ударе, и ее можно реконструировать примерно как ‘толкать’, ‘ударять’ (ср. в древне- и средневековом французском *un but* ‘удар’, *une boutée* ‘удар’, ‘толчок’, ‘атака’ или же выражение *d’une boutée* ‘одним ударом’). В текстах XII в. зафиксированы также префиксальные глаголы *rebouter* и *débouter*, которые также имеют семантику агрессии — как нападения, так и обороны: ‘ударять’, ‘атаковать’, ‘отражать удар’, ‘делать так, чтобы кто-л. отступил (в бою)’.

Смысл ‘ударять’ имеет большой семантический потенциал, на что указывает, кстати, и развитие огромной многозначности существительного *coup* ‘удар’. Постепенно глагол *bouter* развивает «растительную» семантику: он начинает употребляться в значениях ‘расти’,‘набухать’ (ср. семантическую эволюцию глагола *pousser*: ‘толкать’ → ‘прорастать из земли’). Отглагольное имя *bout* употребляется применительно к разным — преимущественно вытянутым — объектам, обозначая конечную часть. С XIV в. в таком же значении могло использоваться существительное *debout* (< *de bout*), применяясь, например, к копью, мосту, кораблю, реке, стране [DMF]. При этом вытянутый объект мог иметь как вертикальное, так и горизонтальное расположение. В случае вертикальной ориентации объекта его конечная часть интерпретируется как верх. С XV в. в текстах фиксируется наречие *debout* ‘в конце’ → ‘вертикально’, а предикат *être debout* начинает указывать на вертикальную ориентацию объекта, в том числе и позу человека; ср. использование во французской поэзии колоса как прототипа такой ориентации: *Prince, si j’eusse eu la pepie,* / *Pieça je fusse où est Clotaire,* / *Aux champs debout comme une espie* (François Villon, Ballade de l’appel, 1456–1463); *Estoit-il lors temps de me taire? Je ne suis point des excessifs* / *Importuns, car j’ai la pépie,* / *Dont suis au venc comme un châssis* / *Et debout ainsi qu’une espie* (Clément Marot, A Madame d’Aleçon Marguerite de Valois, 1518).

Таким образом, к XVI в. возникает синонимия предикатов *être en son estant* и *être debout.* Кроме того, в текстах появляются новые глагольные сочетания: *(se) mettre debout*, *se lever debout.* Тем не менее причастие *estant* в XV в. остается попрежнему употребительным.

Ситуация меняется в XVI в. Робер Этьенн (*Robert Estienne*), французский лексикограф и типограф, автор французско-латинского словаря («Dictionnaire françois-latin, contenant les motz et les manières de parler françois, tournez en latin»), опубликованного в 1539 г., включает в словник выражения *estre, se tenir debout sur ses pieds*, не упоминая при этом словосочетания *être en son estant*: «Debout. Estre ou

se tenir debout sur les pieds. Stare. On est ici debout sans rien faire» [Estienne 1539: 130]. В более позднем словаре «Dictionnarium latinogallicum» (1552) Робер Этьенн использует для перевода латинского *stare* как сочетание *estre debout sur ses pieds*, так и *estre en son estant* как синонимичные, помещая, однако, последнее на второе место [Estienne 1552: 420]. Цезарь Уден (*Cesar Oudin*), составивший испано-французский словарь («Thresor des deux langues», 1575), переводит *estar en pie* как *estre debout, se tenir sur ses pieds* [Oudin 1575: 523].

В словаре французского языка Жана Нико (*Jean Nicot*) «Thresor de la langue francoyse tant ancienne que moderne» (1606) основным средством выражения смысла ‘стоять’ (лат. *stare*) также признаются выражения *estre, se tenir debout sur ses pieds*, в то время как *estant* соотносится с *quum essem* [Nicot 1606: 177]. Вместе с тем Жан Нико не исключает возможности использования причастия *estant* в соответствии с *erectus*: «Se dresser en estant, c'est se dresser sur pieds et debout. On dit aussi, En son estant droict sur pieds»[6] [Там же: 177].

Очевидно, что предикат *estre en son estant* начиная с XVI в. постепенно стал отодвигаться на периферию узуса, уступая место выражениям *estre <se tenir> debout.*

Существует текст, который, как мне кажется, позволяет предположить, какой фактор определил смену предикатов со значением ‘стоять’. Речь идет о книге «L'éclaircissement de la langue française» (1530), написанной Джоном Палсгрейвом (*John Palsgrave*)[7], английским лингвистом, современником Робера Этьенна, которая считается первым учебником французского языка для иностранцев. В книге Джона Палсгрейва описано несколько контекстов, включающих слово *debout*.

1. Указание на вертикальное положение человека с опорой на ноги. Согласно Паслсгрейву, в этом случае используется предикат *être debout*: «I am afoot, I stand upon my foot. Je suis debout» [Palsgrave 2003: 422].

2. Указание на прекращение болезненного состояния, плохого самочувствия, из-за которого человек вынужден лежать. И в этом случае предпочтение отдается предикату *être debout*: «lacouché de cy pres est elle encore [déjà] debout? (Is this woman that lay a chylde bedde here be a foots agayne)» [Palsgrave 2003: 422]. В данном случае речь идет, таким образом, об осмыслении вертикального положения как активного начала, противопоставленного пассивному, горизонтальному (ср. рус. *восстать после болезни <из мертвых>*; *быть на ногах*)[8]. Представление о том, что выражение *être debout* передает идею выздоровления, воспроизводится позже Антуаном Фюретьером (*Antoine Furetière*) в его труде «Dictionnaire universel» (1690): «cet homme a été logtemps alitté, mais maintenant il est debout» [Furetière 1: 603]. Точно так же и «Dictionnaire de l'Académie française» (1694) перефразирует высказывание *Il est debout* как *Il se porte mieux* [DAF 1: 123].

---

[6] Интересно, что форма *en son estant* признается противопоставленной форме *en son seant*.

[7] Джон Палсгрейв в юности учился в Париже. Позже он стал наставником принцессы Марии Тюдор, впоследствии вышедшей замуж за Людовика XII, и обучал ее французскому языку.

[8] Ср. *orientational methaphors* в терминах Дж. Лакоффа и Марка Джонсона: «GOOD IS UP gives an UP orientation to general well-being, and this orientation is coherent with special cases like HAPPY IS UP, HEALTH IS UP, ALIVE IS UP» [Lakoff, Johnson 2003: 18]

3. Указание на переход из лежачего положения в вертикальное как смена позиции: «I aryse upon my fete, as a man do the that lueth alonge on the grounde, or that is felled to the grounde» [Palsgrave 2003: 692]. Данную ситуацию, как полагает Палсгрейв, могут обслуживать предикаты *se lever debout* и *se dresser sur son estant.* Вместе с тем он, по-видимому, считает выражение *se dresser sur son estant* стилистически не нейтральным, более редким, поскольку вводит его со следующим комментарием: «J fynde also used in the same sensje madresse sur mon estant». Из этого следует, что в первой четверти XVI в. еще были люди, использовавшие данный предикат в речи.

4. Императив. Палсгрейв указывает, что быстрый переход из лежачего положения в вертикальное может быть описан обоими предикатами: «He rose up on his fete quyckly: il se lieua debout vistement, or il se adressa sur son estant vistement» [Palsgrave 2003: 692]. Однако в императиве, которому, как полагал Палсгрейв, бывают присущи агрессивность и отрывистость («whan it is spokyn to an enemy or in haste»), используется *debout* с опущением глагола: «they saye debout only and live out the verbe» [Там же: 732]. Согласно [DMF], первые фиксации данного императива относятся к рубежу XV–XVI вв.; заметим также, что они отмечены в комедийном жанре соти.

Императив *Debout!* выражает не только приказ встать, но и — синкретично — призыв к началу действия (ср. известное начало гимна Эжена Потье: *Debout! les damnés de la terre!* / *Debout! les forçats de la faim!*). Появление таких употреблений, несомненно, давало большое преимущество предикатам, включавшим наречие *debout*.

Форма императива *Debout!*, по всей видимости, была инновацией, во всяком случае, она лексикографируется филологами XVII в. Так, Филибер Моне (*Philibert Monet*) в словаре «Invantaire de deux langues francoise et latine» (1635) пишет: «*Debout*, mot excitatif à se mettre sur pied, se lever *sur debout*, qu'on se leue [:Eïa, agite, surgite, erigite vos in pedes, ad operam accingite]» [Monet 1635: 273]. Другой лексикограф, Франсуа-Антуан Помей (*François-Antoine Pomey*), также помещает данный императив в словарь «Dictionnaire royal» (1671): «*Debout* Leve toi» [Pomey 1671: 260]. Антуан Фюретьер подчеркивает: «Quand on éveille quelqu'un à la haste, on luy crie, *Debout*, *debout*; *fut debout*, il est grand jour» [Furetière 1: 603]. Наконец, в первом издании «Словаря Французской академии» указывается: «Absolument, *Debout*, pour dire Levez-vous» [DAF 1: 123].

Как полагал Э. Бенвенист, чтобы понять, каким образом произошел скачок в семантическом развитии слова, следует найти тот контекст, который потенциально скрывал в себе возможность разрыва[9]. Цель данной работы состояла в том, чтобы, проанализировав корпус средневековых французских контекстов и ранних филологических источников, найти тот, который мог повлечь за собой перестройку грамматико-семантической системы позиционных глаголов. Как мне кажется,

[9] «En presence de morphemes identiques pourvus de sens differents, on doit se demander s'il existe un emploi ou ces deux sens recouvrent leur unite» [Benveniste 1954: 251].

таким контекстом стал императив. Вместе с тем нельзя, конечно же, выпускать из виду наличие паронимической аттракции, возникшей между глаголом положения в пространстве *ester* и глаголом существования *estre.* Результатом этой аттракции стало постепенное ослабление глагола *ester* и его семантическое сближение с глаголом *estre*, в результате которого причастные формы *étant* и *été* перешли к глаголу ‘быть’, а сам он был вытеснен из употребления, оставшись лишь в составе нескольких юридических формул.

Таким образом, можно сказать, что конкурентные отношения между предикатом *être en son estant* и синонимичным ему неологизмом *être debout*, возникшие в XIV в., продолжались примерно до середины XVI в. Усиление позиций предикатов *être <se tenir> debout* стало возможным благодаря грамматико-семантическому фактору: императив *Debout*, получивший распространение в XVI в., позволил аккумулировать представление о движении вверх, о переходе от горизонтального положения к вертикальному, и одновременно — от пассивного состояния к активному.

Литература

Аошуан Тань. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М. : Языки славянской культуры, 2004. 231 с.

Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // *Апресян В.Ю.*, *Апресян Ю.Д.*, *Бабаева Е.Э.*, *Богуславская О.Ю.*, *Иомдин Б.Л.*, *Крылова Т.В.*, *Левонтина И.Б.*, *Санников А.В.*, *Урысон Е.В.* Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 33–160.

Апресян Ю.Д. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // *Апресян Ю.Д.*, *Богуславский И.М.*, *Иомдин Л.Л.*, *Санников В.З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 281–380.

Бабаева Е.Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // *Апресян В.Ю.*, *Апресян Ю.Д.*, *Бабаева Е.Э.*, *Богуславская О.Ю.*, *Иомдин Б.Л.*, *Крылова Т.В.*, *Левонтина И.Б.*, *Санников А.В.*, *Урысон Е.В.* Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 761–845.

Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А.В. Бондарко. СПб. : Наука, 1996. С. 6–26.

Дмитренко С.Ю., *Храковский В.С.* Глаголы стандартных и нестандартных положений в пространстве // Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю.Д. Апресяна / отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М. : Языки славянских культур, 2011. С. 182–206.

Дмитренко С.Ю., *Храковский В.С.* Проблемы семантической и таксономической классификации предикатов (сопоставительный анализ глаголов, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека) // Проблемы

функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / отв. ред. В. Казаковская. М. : Языки славянских культур, 2013. С. 149–192.

Кашкин Е. В. Глаголы позиции и их переходные соответствия в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Родной язык. 2016а. № 1 (4). С. 54–76.

Кашкин Е. В. Семантика хантыйских позиционных предикатов // Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 3 / под ред. А. А. Кретова. Воронеж : ВГУ, 2016б. С. 78–88.

Корди Е. Е. Грамматика глаголов нестандартных положений и перехода в нестандартные положения тела во французском языке: семантическая группа *s'appuyer* 'опираться' // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. 10. № 3. С. 341–364.

Корди Е. Е. Грамматика позиционных глаголов во французском языке (семантическая группа глаголов наклона) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2015. Т. 11. № 1. С. 757–783.

Корди Е. Е. Глаголы стандартного положения в пространстве тела человека во французском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. № 1. С. 40–50.

Кюсева М. В., *Рыжова Д. А.* 'Сидеть', 'стоять', 'лежать': локативная предикация в кабардино-черкесском языке // Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 2 / под ред. А. А. Кретова. Воронеж : ВГУ, 2013. С. 253–275.

Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М. : Языки славянских культур, 2005. 480 с.

Рахилина Е. В. Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять*, *лежать*, *сидеть* и *висеть* // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 69–80.

Рахилина Е. В., *Лемменс М.* Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением 'сидеть' в русском и нидерландском // Russian linguistics. 2003. № 27 (3). P. 313–328.

Стоянова Е. А. Глаголы положения в пространстве в норвежском языке: дис. … канд. филол. наук / Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2013. 173 с.

Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / отв. ред. Т. А. Агапкина. М. : Индрик, 1996. С. 7–89.

Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии IV // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 2 : Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 123–154.

Ameka, Levinson 2007 — The Typology and Semantics of Locative Predication: Posturals, Positionals and Other Beasts / ed. by F. K. Ameka, S. C. Levinson // Linguistics. 2007. Vol. 45. № 5/6. P. 847–871.

Benveniste E. Problèmes Sémantiques de la Reconstruction // WORD. 1954. № 2–3 (10). P. 251–264.

DAF — Le Dictionnaire de l'Académie françoise. Vols. 1–2. Paris : Chez la Veuve de Jean Baptist Coignard, 1694.

DMF — Dictionnaire du Moyen français [Электронный ресурс]. URL: http://www.atilf.fr/dmf

Estienne R. Dictionnaire françois-latin, contenant les motz et les manières de parler françois, tournez en latin. Paris : R. Etienne, 1539. 539 p.

Estienne R. Dictionnarium latinogallicum. 1552 [Электронный ресурс]. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Dictionarium_latinogallicum_-_Robert_Estienne,_1552

FEW — *von Wartburg W*. Französisches Etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: http://www.atilf.fr

Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts. T. 1–3. La Haye : A. et R. Leers, 1690 [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b.image

Grinevald C. Vers une typologie de l'expression de la localisation statique: le cas des prédicats locatifs // Linguistique typologique / eds. G. Lazard, C. Moyse-Faurie. Paris : Presses universitaires, 2005. S. 33–54.

Hansen E. *Stä*, *sidde*, *ligge* // Mai og masle. 1974. T. 1. №2. S. 26–32.

IGW — *Köbler G*. Indogermanisches Wörterbuch. [Электронный ресурс]. URL: http://www.proto-indo-european.ru/dic-kobler/index.html

Jakobsson U. Familjelika betydelser hos STÄ, SITTA och LIGGA. En analys ur den kognitiva semantikens perspektiv. Lund : Institutionen för nordiska språk, 1996. 66 p.

Kuteva T. On "sit"/"stand"/"lie" auxiliation // Linguistics. 1999. Vol. 37 (2). S. 191–213.

Lakoff G., *Johnson M*. Metaphors we live by. London : The University of Chicago Press, 2003. 276 p.

Monet Ph. Invantaire de deux langues francoise et latine. Lyon : Veuve Rigaud, 1635. 990 p.

Newman 2002 — The Linguistics of Sitting, Standing and Lying / ed. by J. Newman. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2002. 407 p.

Nicot J. Thresor de la langue francoyse tant ancienne que moderne. Paris : D. Douceur, 1606. 192 p.

Oudin C. Thresor des deux langues francoise et espagnolle. Paris : Chez Marc Orry, 1575. 687 p.

Palsgrave J. L'éclaircissement de la langue française. Texte anglais original avec traduction et notes de Susan Baddeley. Paris : Honoré Champion, 2003. 775 p.

Pomey F. A. Dictionnaire royal augmenté, seconde édition, enrichie d'un grand nombre d'expressions élégantes, de quantité de mots françois nouvellement introduits, des termes des arts et de cinquante descriptions, comme aussi d'un petit traité de la vénerie et de la fauconnerie. Lyon : Chez Antoine Molin, 1671. 1024–1064 p.

Serra Borneto C. *Liegen* and *stehen* in German: A study in horizontality and verticality // Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics / ed. by E. H. Casad. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1996. P. 459–505.

Tadmor U., *Haspelmath M*., *Taylor B*. Borrowability and the notion of basic vocabulary // Diachronica. 2010. №2 (27). P. 226–246.

Thomasson Lt-C de. Les curiosités de la langue française. Paris : Librairie Larousse, 1938. 284 p.

Van der Toorn M. C. Over de semantische kenmerken van *staan*, *liggen* en *zitten*' // De Nieuwe Taalgids. 1972. №6. S. 459–464.

Van Oosten J. Sitting, standing, and lying in Dutch: A cognitive approach to the distribution of the verbs *zitten*, *staan*, and *liggen* // Dutch Linguistics at Berkeley / ed. by J. Van Oosten, J. P. Snapper. Berkeley : Dutch Studies Program, University of California at Berkeley, 1982. P. 137–160.

E. E. Babayeva
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
llevidova@gmail.com

ON ONE PARTICULAR FEATURE OF THE SYSTEM OF PREDICATES OF POSITION IN SPACE IN FRENCH

In the article on the basis of the analysis of French philological sources of the 16th–17th centuries the hypothesis is offered concerning contextual conditions of appearance and fixation of the predicate *être debout* in the system of positional verbs of the French language, and also concerning chronology of this process. Position verbs ('stand,' 'sit,' 'lie'), which prototypically indicate a person's position, are distinguished within a wider group of location predicate. Position verbs are included in the 200-word *Swadesh list*, which brings together units belonging to the most stable basic vocabulary of the language. In Romance languages, the meaning of 'standing' can be conveyed in several ways, for example by the verb *stare*, which eventually ascends to i.-e. **stā*- : *stă*- (it. *stare*, romanian *sta*) as well as a number of word combinations, for example: 'stand on your feet' (it. *stare in piedi*, spanish *estar di pie*, port. *estar de pié*, romanian *sta pe picioare*), 'be on your feet' (it. *essere in piedi*, it. *rimanere in piedi*, port. *ficar de pé*), 'be straight' (it. *essere ritto*, catalan *estar dret*). The peculiarity of the French language is to convey the meaning of 'stand' by means of the predicate *être debout*, which displaced the ancient verb *ester*. The article suggests a hypothesis according to which the *être debout* predicate, formed in the 14th century, became particularly popular in the 16th century. When interpreting this process, one cannot ignore the fact of the paronymic attraction between the positional verb *ester* and the verb of existence *estre*, which caused great inconveniences. However, the strengthening of the position of the predicate *être debout* was probably made possible by a grammatical and semantic factor: the imperative *Debout*, which at that time was probably an innovation, allowed to accumulate the idea of the transition from a horizontal position to a vertical one and at the same time — from a passive state to an active one, which led to the fixation of this very predicate in the system of positional verbs.

Keywords: historical semantics, history of lexicography, history of concepts, history of vocabulary, functional grammar.

References

Ameka F. K., Levinson S. C. (Eds.). The Typology and Semantics of Locative Predication: Posturals, Positionals and Other Beasts.. *Linguistics*, 2007, vol. 45, no. 5/6, pp. 847–871. / ed. by F. K. Ameka, S. C. Levinson / Linguistics 45 (5/6). Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. P. 847–871.Berlin, Mouton de Gruyter, 2007.

Aoshuan Tan'. *Kitaiskaya kartina mira. Yazyk, kul'tura, mental'nost'* [The Chinese worldview. Language, culture, mentality]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 231 p. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [The Basis of system lexicography]. V.Yu. Apresyan, Yu.D. Apresyan, E. E. Babaeva, O.Yu. Boguslavskaya, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Sannikov, E. V. Uryson, *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language worldview and system lexicography]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 33–160. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [Three-level theory of subordination: lexicographical aspect]. Yu.D. Apresyan, I. M. Boguslavskii, L. L. Iomdin, V. Z. Sannikov, *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of Russian syntax. The Interaction of grammar and dictionary]. Yu. D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, pp. 281–380. (In Russ.)

Babaeva E. E. [Formation of semantic structure of a word *prostoi* 'simple' in Russian]. V. Yu. Apresyan, Yu.D. Apresyan, E. E. Babaeva, O.Yu. Boguslavskaya, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Sannikov, E. V. Uryson, *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language worldview and system lexicography]. Yu. D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 761–845. (In Russ.)

Benveniste E. *Problèmes Sémantiques de la Reconstruction.* WORD, 1954, no. 2–3(10), pp. 251–264.

Dictionnaire du Moyen français. Available at: http://www.atilf.fr/dmf (accessed 10.12.2019)

Dmitrenko S.Yu., Khrakovskii V. S. [The Problems of semantic and taxonomic classification of predicates (a comparative analysis of verbs denoting standard and non-standard positions of the human body)]. *Problemy funktsional'noi grammatiki: Printsip estestvennoi klassifikatsii* [The Problems of functional grammar: The principle of natural classification]. V. Kazakovskaya (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013, pp. 149–192. (In Russ.)

Dmitrenko S.Yu., Khrakovskii V. S. [Verbs of standard and non-standard positions in space]. *Slovo i yazyk. Sbornik statei k 80-letiyu akademika Yu.D.Apresyana* [Word and language. A collection of articles on the 80th Anniversary of Academician Y. D. Apresyan]. I. M. Boguslavskii, L. L. Iomdin, L. P. Krysin (Eds.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011, pp. 182–206. (In Russ.)

Estienne R. *Dictionnaire françois-latin, contenant les motz et les manières de parler françois, tournez en latin*. Paris, R. Etienne, 1539. 523 p.

Estienne R. *Dictionnarium latinogallicum*. Available at: https://fr.wikisource.org/wiki/Dictionarium_latinogallicum_-_Robert_Estienne,_1552 (accessed 10.12.2019)

Furetière A. *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts*. La Haye, A. et R. Leers. Vols. 1–3. Available at: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b.image (accessed 10.12.2019)

Gak V. G. [The Functional-semantic field of localization predicates] // *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of functional grammar. Locativity. Beingness. Possessiveness. Conditionality]. A. V. Bondarko (Ed.). St Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 6–26. (In Russ.)

Grinevald C. Vers une typologie de l'expression de la localisation statique: le cas des prédicats locatifs. *Linguistique typologique*. G. Lazard, C. Moyse-Faurie (Eds.). Paris, Presses universitaires, 2005, pp. 33–54.

Hansen E. *Stä*, *sidde*, *ligge* [To stand, to sit, to lie]. *Mai og masle*, 1974, no. 1(2), pp. 26–32. (In Dutch)

Jakobsson U. *Familjelika betydelser hos STÄ, SITTA och LIGGA. En analys ur den kognitiva semantikens perspektiv* [Family-like meanings of standing, sitting and lying. An analysis from the perspective of cognitive semantics]. Lund, Institutionen för nordiska språk, 1996. 66 p. (In Swedish)

Kashkin E. V. [Verb position in the Ishamic dialect of the Komi-Zyrian language]. *Rodnoi yazyk*, 2016a, no. 1(4), pp. 54–76. (In Russ.)

Kashkin, E. V. [Semantics of Khanty position predicates]. *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii. Vyp. 3* [Problems of lexical and semantic typology. Vol. 3]. A. A. Kretov (Ed.). Voronezh, Voronezh St. Univ. Publ., 2016b, pp. 78–88. (In Russ.)

Köbler G. *Indogermanisches Wörterbuch.* Available at: http://www.proto-indo-european.ru/dic-kobler/index.html (accessed 10.12.2019)

Kordi E. E. [Grammar of positional verbs in French (a semantic group of inclination)]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 757–783. (In Russ.)

Kordi E. E. [The Grammar of verbs in non-standard positions and the transitions to non-standard body positions in French: semantic group *s'appuyer* 'lean']. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, vol. 10, no. 3, pp. 341–364. (In Russ.)

Kordi E. E. [Verbs in standard position in human space in French]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2016, no. 1, pp. 40–50. (In Russ.)

Kuteva T. On "sit"/"stand"/"lie" auxiliation. *Linguistics*, 1999, no. 2(37), pp. 191–213.

Kyuseva M. V., Ryzhova D. A. ['Sit', 'stand', 'lie': local predication in the Kabardino-Circassian language]. *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii. Vyp. 2* [Problems of lexical and semantic typology. Vol. 2]. A. A. Kretov (Ed.). Voronezh, Voronezh St. Univ. Publ., 2013, pp. 253–275. (In Russ.)

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. London, The University of Chicago Press, 2003. 276 p.

Le Dictionnaire de l'Académie françoise. Paris, Chez la Veuve de Jean Baptiste Coignard, 1694. Vols. 1–2.

Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [The Typology of grammaticalization of structures with verbs of motion and verbs of position]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. 480 p. (In Russ.)

Monet Ph. *Invantaire de deux langues francoise et latine*. Lyon, Veuve Rigaud, 1635. 990 p.

Nicot J. *Thresor de la langue francoyse tant ancienne que moderne*. Paris, D. Douceur, 1606. 192 p.

Oudin C. *Thresor des deux langues francoise et espagnolle*. Paris, Chez Marc Orry, 1575. 687 p.

Palsgrave J. *L'éclaircissement de la langue française. Texte anglais original avec traduction et notes de Susan Baddeley*. Paris, Honoré Champion, 2003. 775 p.

Pomey F. A. *Dictionnaire royal augmenté, seconde édition, enrichie d'un grand nombre d'expressions élégantes, de quantité de mots françois nouvellement introduits, des termes des arts et de cinquante descriptions, comme aussi d'un petit traité de la vénerie et de la fauconnerie*. Lyon, Chez Antoine Molin, 1671. 1024–10-64 p.

Rakhilina E. V. [The Semantics of Russian positional predicates : *stoyat'*, *lezhat'*, *sidet'* i *viset'*]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1998, no. 6, pp. 69–80. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Lemmens M. [Russian Linguistics and Typology: the lexical semantics of verbs with the meaning 'to sit' in Russian and Dutch]. *Russian linguistics*, 2003, no. 27(3), pp. 313–328. (In Russ.)

Serra Borneto C. *Liegen* and *stehen* in German: A study in horizontality and verticality. *Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics*. E. H. Casad (Ed.). Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1996, pp. 459–505.

Stoyanova E. A. *Glagoly polozheniya v prostranstve v norvezhskom yazyke* [Verbs of position in space in Norwegian. Cand. philol. sci. diss]. St Petersburg, 2013. 173 p. (In Russ.)

Tadmor U., Haspelmath M., Taylor B. Borrowability and the notion of basic vocabulary. *Diachronica*, 2010, no. 2(27), pp. 226–246.

The Linguistics of Sitting, Standing and Lying. J. Newman (Ed.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2002. 407 p.

Thomasson Lt-C. de. *Les curiosités de la langue française*. Paris, Librairie Larousse, 1938. 284 p.

Toporov V. N. [About one of the paradoxes of motion. A few remarks about the super-empirical sense of the verb 'to stand', mainly in specialized texts]. *Kontsept dvizheniya v yazyke i kul'ture* [Concept of movement in language and culture]. T. A. Agapkina (Ed.). Moscow, Indrik Publ, 1996, pp. 7–89. (In Russ.)

Toporov V. N. [From Indo-European etymology IV– 4]. V. N. Toporov. *Issledovaniya po etimologii i semantike. T. om 2:. Indoevropeiskie yazyki i indoevropeistika. Kniga. 1* [Researches on etymology and semantics. Vol. 2: Indo-European languages

and Indo-European studies. Iss. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 123–154. (In Russ.)

Van der Toorn M. C. Over de semantische kenmerken vanstaan, *liggen* en *zitten'* [About the semantic characteristics of standing, lying and sitting']. *De Nieuwe Taalgids*, 1972, no. 6, pp. 459–464. (In Dutch)

Van Oosten J. Sitting, standing, and lying in Dutch: A cognitive approach to the distribution of the verbs *zitten*, *staan*, and *liggen*. *Dutch Linguistics at Berkeley*. J. Van Oosten, J. P. Snapper (Eds.). Berkeley, Dutch Studies Program, University of California at Berkeley, 1982, pp. 137–160.

Wartburg W. von. *Französisches Etymologisches Wörterbuch*. Available at: http://www.atilf.fr (accessed 10.12.2019)

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.14

А. В. Птенцова
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
anna.ptentsova@gmail.com

ГЛАГОЛ *КАНУТЬ*: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОСТИ

Статья посвящена истории развития значений русского глагола *кануть*, восходящего к праслав. **kapnǫti* — семельфактиву от **kapati.* Как показывает материал словарей и исторического подкорпуса «Национального корпуса русского языка», значения рассматриваемого глагола в восточнославянском ареале развивались в следующей последовательности: 1.1) *А1 канула на А2* ‘капля А1 упала на поверхность А2’; 1.2) *А1 канул А2 на А3* ‘человек А1 сделал так, что капля жидкости А2 упала на поверхность А3’; 2) *А1 канула в А2* ‘капля А1 упала в жидкость А2 и растворилась в ней’; 3) *А1 канул в А2* ‘объект А1 быстро погрузился в жидкость А2, обычно в воду, и полностью перестал быть видным и доступным’; 4) *А1 канул в А2* ‘объект А1, оказавшись в месте А2, неожиданно перестал быть видным и доступным’. Примечательным представляется тот факт, что, употребляясь в последнем (современном) значении, *кануть* оказывается преимущественно в таких контекстах, где так или иначе упоминается вода или — реже — иная жидкость; тем самым семантика глагола во многом сохраняет связь с предыдущими значениями цепочки, являющимися в современном языке устаревшими или уходящими.

Ключевые слова: лексическая семантика, многозначность, история русского языка, Национальный корпус русского языка.

Глагол *кануть* восходит к праслав. **kapnǫti* — семельфактиву от **kapati*, подвергшемуся фонетическому упрощению; ср.: «глагол на *-nǫti*, производный от **kapati*, ср. и сохранение продленного вокализма последнего» [ЭССЯ 9: 148]. Как видно из соответствующей статьи [ЭССЯ], круг значений этого глагола (в обоих вариантах — с упрощением и без него) по славянским языкам и диалектам примерно одинаков. С одной стороны, выделяется набор очень близких друг другу прямых, «физических» значений — ‘капнуть’, ‘сочиться’ и под. С другой стороны, существует блок близких переносных значений — ‘переутомиться’, ‘истощиться’,

‘погибнуть’. Ср. ст.-слав. канѫти στάζειν *stillare* ‘капнуть’, ‘сочиться’; болг. *ка́пна* ‘капнуть’, ‘истощиться’; болг. диал. *ка́пна* ‘капнуть’, ‘пролиться каплями’, ‘извести себя работой’; макед. *капне* ‘капнуть’, ‘изнемочь’; с.-х. *ка̀нути* ‘капнуть, пролить (каплю, слезу)’, ‘просочиться’; с.-х. диал. *ка̀пнути*, *ка̏пнути* ‘изнемочь, выбиться из сил’; чеш. книж. *kanouti* ‘капать, течь, сочиться’, *ká́pnouti* ‘капать, накапать’, ‘погибнуть, пропасть’ и др. [Там же: 147–148].

Кроме того, этот глагол способен передавать идею появления: с.-х. диал. *ка̏пнути* ‘неожиданно явиться’; словин. *kanǫc* ‘явиться’. Наконец, чеш. книж. *kápnouti* может значить ‘попасть, напасть’ [ЭССЯ 9: 148].

Для восточнославянского ареала в [ЭССЯ 9: 148] фиксируются — наряду с ‘капнуть’, ‘течь’, ‘пропускать воду’ (арх., мурм.) — следующие значения: рус. ‘погрузиться во что-либо’, блр. ‘упасть в воду’, укр. ‘исчезать’; значение ‘исчезнуть, пропасть’ фиксируется и для русских говоров Калужской и Саратовской областей. Таким образом, способность указывать на погружение объекта в жидкость и исчезновение развилась у *кануть*, видимо, именно в восточной группе славянских языков[1].

Посмотрим теперь, как развивалась многозначность этого глагола в русском языке.

Исторические словари русского языка выделяют следующие значения **каноути**.

1. ‘Упасть (о капле)’, ‘капнуть’; ‘пролиться’; приведем несколько примеров:

а) **стоꙗщї же ѡбь ѥдиномь ѡц҃ѣ дв҃ци <...> и плачющисѧ . каноу каплѧ въ ѡко ѥꙗ кръвнаꙗ . ѡслѣпшеѥ ѡко и проꙁрѣ** — «Стояла девица, слепая на один глаз <...>, и плакала. Капнула капля крови в ее глаз, ослепшее око и прозрело» (Пролог, XIV в. [цит. по: Словарь XI–XIV 4]; тот же пример приводится в сокращенном виде в [Словарь XI–XVII 7: 59]);

б) **вскорѣ же раꙁдрасѧ облакъ сѣмо и сѣмо и идѧше дождь одесно и олѣво пꙋти <...> сверхꙋ же ихъ ни единои ж[е] капли канꙋти на нѧ** — «Вскоре разодралось облако тут и там, и шел дождь слева и справа от пути, а на них сверху не капнуло ни единой капли» (Великие Четьи-Минеи митрополита Макария, XVI в. [цит. по: Словарь XI–XVII 7: 59]);

в) **дождь не канꙋ на ꙁемлю** — «Дождь не пролился на землю» (Книга Исхода, по рукоп. Троицко-Сергиевой лавры, XIV в. [цит. по: Срезневский 1: 1191]);

г) *И убилъ Болеславъ брата своего Вацлава в костелѣ а кровь его которая канула на камень, и никоторымъ обычаемъ и доднес[ь] отмыть немочно* (Козмография 1670 [цит. по: Словарь XI–XVII 7: 59]).

2. ‘Пролить каплей, капнуть’ (каузативное значение): **и как ꙋчнеть олифа поспевати и ты кани на топоръ ꙁастꙋдити** — «И как начнет олифа доходить до готовности, капни [ее] на топор, чтобы остудить» (К истории обихода книгописца,

[1] Значение, толкуемое при помощи глагола *пропасть*, существует у чеш. книж. *kápnouti* (см. выше), однако в данном случае *пропасть* входит в единое толкование с глаголом *погибнуть* — тем самым имеется в виду именно указание на гибель, а не на исчезновение из виду, как в русском и украинском (впрочем, как видно из многозначности *пропасть*, смыслы ‘погибнуть’ и ‘исчезнуть’ весьма близки друг другу).

переплетчика и иконного писца П. Симони, XVII в. [цит. по: Словарь XI–XVII 7: 59]).

Важно заметить, что перечисленные примеры ранних употреблений **канꙋти** описывают ситуацию падения капель жидкости на твердую поверхность — причем преимущественно (кроме примера *1в*) на такую, которая неспособна эту жидкость впитать. Если указание на твердую поверхность было свойственно этому глаголу во всех случаях его употребления в древнерусском и старорусском языке (в чем, к сожалению, все же невозможно быть твердо уверенным), это означает, что идея быстрого исчезновения капли, которая привела к возникновению нескольких следующих значений (см. ниже), первоначально отсутствовала в семантике **канꙋти**. Сказанное видно особенно отчетливо на примере, иллюстрирующем второе значение: предполагается, что капля олифы не только не должна впитаться, но, наоборот, ей нужно дать застыть на холодной поверхности топора.

Обратимся к словарям современного русского языка.

«Малый академический словарь русского языка» [МАС 2: 27–28] выделяет у *кануть* следующие значения:

1) устар. ‘упасть каплей, капнуть’: *Слеза повисла на реснице и канула в бокал* (Пушкин);

2) ‘упав куда-л., во что-л., погрузиться’: *Корабль мой недвижим: стал скоро решетом* / *И с пушками, как ключ, он ко дну канул* (Крылов); *Все взрослые плотогоны в воду канули* (Астафьев); *Раскрылась золотая дужка, сережка канула в снега* (С. Марков); к этому же значению в словаре отнесены образные употребления *кануть в вечность*, *кануть в прошлое* (отметим, что *кануть в Лету* [МАС] помещает во фраземы);

3) ‘пропасть, исчезнуть, скрыться’: *Ночью Васька ушел — и уж больше не возвращался — так и канул* (Серафимович).

Первое значение, являющееся устаревшим в современном языке, все же имеет при этом небольшой семантический сдвиг по отношению к своему предшественнику **канꙋти**: в примере, иллюстрирующем в [МАС] данное значение, капля жидкости попадает не на твердую поверхность, а в жидкость (в которой очевидным образом немедленно растворяется). Второе значение, не отмеченное в [МАС] стилистически, но, как кажется, являющееся в современном языке если не устаревшим, то, по крайней мере, уходящим, демонстрирует еще один небольшой семантический сдвиг по отношению к первому: как видно из примеров, вместо капли жидкости здесь выступает твердый предмет, который погружается или в жидкость, или в сходную с нею рыхлую субстанцию. Третье значение, выделяемое в [МАС], безусловно, является центральным для современного языка и демонстрирует значительный отрыв от предыдущих значений.

Описание глагола *кануть* в «Большом академическом словаре русского языка» очень близко тому, что дает [МАС], поэтому не будем обсуждать отдельно материал этого словаря; приведем для сравнения лишь данные из словаря Д. Н. Ушакова [СУш 1: 1308], описание которого, впрочем, тоже весьма сходно с описанием [МАС]:

1) устар.[2] ‘быстро погрузиться в воду, пойти ко дну’ (это значение иллюстрировано тем же примером из Пушкина, что и первое значение в [МАС], хотя толкование здесь соответствует второму значению [МАС][3]); сюда же словарь относит перен., поэт. ‘погрузиться, упасть куда-л. вниз, в глубину’: *И многое с песнями канет мне в душу на темное дно* (Фет);

2) перен. ‘погрузившись куда-н., пропасть, исчезнуть’: *кануть в вечность*; *Так и канул он безвозвратно в немую тьму* (Тургенев).

Обсудим теперь подробнее каждое из этих значений, обратившись к данным «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ], и посмотрим, как каждое из значений соотносится с другими.

Как можно заключить, исходя из данных исторических словарей и словарей современного русского языка, цепочка значений глагола *кануть* на диахронической оси выглядит следующим образом.

1. Блок наиболее старых значений:

1.1) *A1 канула на A2* ‘капля A1 упала на (твердую?) поверхность A2’[4];

1.2) *A1 канул A2 на A3* ‘человек A1 сделал так, что капля жидкости A2 упала на (твердую?) поверхность A3’.

2. *A1 канула в A2* ‘капля A1 упала в жидкость A2 и растворилась в ней’.

3. *A1 канул в A2* ‘объект A1 быстро погрузился в жидкость A2, обычно в воду, и полностью перестал быть видным и доступным’.

4. *A1 канул в A2* ‘объект A1, оказавшись в месте A2, неожиданно перестал быть видным и доступным’.

Важно отметить, что, как показывают данные [НКРЯ], в значении **1.1** *кануть* мог употребляться еще в XIX в.: *Кипящий свинец канул в ухо Бианки, и жизнь ее прервалась одним вздохом* (А. А. Бестужев-Марлинский, 1830); *Вот уже пять недель не кануло капли дождя на поля южного Дагестана* (А. А. Бестужев-Марлинский, 1836); *Он привык к слезам полковницы и всегда смотрел на них равнодушно, но слезы Марьи Ивановны как будто канули ему на сердце* (А. Ф. Вельтман, 1848). В этих контекстах, как и в примерах из исторических словарей, описаны ситуации падения капель на твердую поверхность — и тоже преимущественно на такую, которая неспособна поглотить жидкость.

То же значение встретилось и в тексте XX в.: *Тощая серая слеза перебежала поле его щеки и канула в бороду* (А. Веселый, 1927), — впрочем, борода здесь,

---

[2] Интересно, что заметно более ранний, чем [МАС], [СУш] подает данное значение как устаревшее, что, как отмечалось выше, точнее отражает действительность.

[3] Толкование [МАС] в целом кажется более удачным, так как допускает в качестве среды, куда погружается объект, не только воду, но и любую другую жидкость и сходную с ней субстанцию, а отсутствие в этом толковании важного семантического компонента ‘быстро’, представленного в толковании [СУш], отчасти компенсируется компонентом ‘упав’, описывающим быстрое движение (однако нужно заметить, что приводимая в [МАС] иллюстрация из Крылова требует скорее толкования [СУш]: корабль не падает в воду перед тем, как затонуть, а резко погружается в нее).

[4] Толкования формулируются в формате, принятом в толковом словаре [АС]: они вводятся при помощи сентенциального входа, содержащего переменные вида A1, A2 и т. д.

по-видимому, осмысляется не как твердый объект, а как своего рода рыхлая поглощающая субстанция.

Значение **2** представлено в [НКРЯ] примерами из текстов XIX в. (ср. цитировавшийся выше пример из Пушкина): *В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос, и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля* (Н. В. Гоголь, 1842).

Интересно, что и для XX в. это значение оказывается вполне возможным (правда, видимо, в режиме стилизации): *Лодки отчалили наконец, <...> вскинулись и замерли в готовности весла, <...>капли, сверкая, скатились с них и канули в багряную воду* (Л. Кабо, 1964–1997).

Условно сюда же можно отнести употребление *кануть* в известном стихотворении Б. Л. Пастернака:

Вы к былям звали собеседника,
К волне до вас прошедших дней,
Чтобы последнею отединкой
Последней капли кануть в ней.

Нужно заметить, однако, что здесь имеется поэтическая амбивалентность (капля растворяется в волне — человек погружается в воспоминания), поэтому данный контекст можно рассматривать как пример одновременной реализации обоих значений — **2** и **4**.

Именно в контекстах, подобных приведенным здесь и описывающих растворение капли в жидкости, в семантике *кануть* формируется компонент ‘исчезнуть’.

В современном языке встречаются употребления, переходные от значения **2** к значению **4** — речь в них идет о больших водных объектах, сливающихся с другими водными объектами и как бы исчезающими в них: *Через пару сотен метров канет в Катунь речка Камышлинка и покатится к океану* (К. Серафимов); *Течет себе река и течет. И все по порядку. Родничок, верхнее течение, нижнее течение — и конец: влилась в море и канула* (Ю. Домбровский). В последнем примере идея исчезновения особенно отчетливо выходит на первый план. Значение **3** встречается не только в языке XIX в., но и в настоящее время. Приведем большую подборку примеров, в основном из текстов авторов первой половины XX в. и современных: *Вдруг оно* [кольцо] *выпало, скатилось по ноге и кануло в воду* (Н. А. Бестужев); *И вдруг новые Петины башмаки<...> легко скользнули и, как во сне, канули в воду. Канули вместе со своими новенькими гвоздиками, союзками, рантами, крючками, зелеными ушками и шнурками; Они булькнули и канули в пучину, покрытые омерзительно-зеленой волной* (В. Катаев); *Он отыскивал на берегу плоский камушек и так искусно забрасывал в море, что прежде чем кануть на дно, камушек, скользя по воде, подскакивал не меньше двенадцати раз* (К. Чуковский); *А блюдо совершенно беззвучно исчезло под водой <...> Очнулся я, но все ясно стояло перед глазами <...> Брюссельские кружева, лебеди и тяжелое блюдо, без всплеска канувшее в пруд* (Б. Васильев); *Как долбануло — лодка на дно канула с креном и воем <...> и как не было; щепки только всплыли и кое-какой мусор закружился*

в воронках (А. Иличевский); *Шахматная доска без всплеска канула в озеро* (Д. Колодан, К. Шаинян); *Ухнул передовой танк в колодец, только его и видели. Сомкнулись вязкие мармеладные воды над люком, танкисты и выбраться не успели. Захлебнулись и канули* (Е. Хаецкая).

К этому же значению вслед за [МАС] нужно отнести и образные употребления *кануть в небытие* (*в вечность*, *в прошлое*, *в безвестность*).

Как и в случае с реализацией значения **2**, здесь легко найти примеры промежуточного употребления — если в контекстах с *кануть* в значении **3** на первый план выходит та же идея исчезновения: *Корабль обречен сбиться с курса, угодить в жестокий шторм, а то и вообще кануть в пучину морскую* (Б. Васильев). Легко видеть, что *кануть* здесь означает и ‘погрузиться’, и ‘исчезнуть’.

Перейдем к значению **4**, самому употребительному в современном языке.

Наиболее интересное наблюдение, относящееся к современному *кануть*, касается именно этого значения и состоит в следующем: унаследованная из предшествующих значений идея жидкости, поглощающей объект, в значительной степени ощущается и здесь, хотя формально связь с жидкостью в *кануть* ‘исчезнуть’ полностью утрачена. Рассмотрим несколько характерных употреблений такого рода.

За сорок минут нарушитель мог добраться до горелого леса и кануть ***в озерцах и болотах*** (С. Наумов). Перед нами контекст, в котором отчетливо видно, как из одного значения вырастает другое: местом действия все еще являются здесь водные объекты, но само действие меняется — субъект не погружается в воду и не тонет, а исчезает где-то посреди озер и болот, становясь недоступным для своих преследователей.

Следующим семантическим шагом становится некоторое изменение типа места — однако представление о том, что *кануть* как-то связано с водой, тем не менее остается: *Они повернули к горбатому мостику в конце улицы, <...> поднялись по ступеням на мост и канули* **—** *так за горизонт* ***уходят корабли*** (Д. Рубина). Объективно речь здесь идет о людях, исчезнувших из поля зрения наблюдателя после того, как они оказались по другую сторону крупного объекта, но *кануть* (поддержанное к тому же наличием слова *мост*) вызывает у автора развернутую «водную» ассоциацию.

Пересекли несколько улиц, дошли до ***Невы*** *и как в землю канули* (Ю. Домбровский). Интересно, что место, где исчезают субъекты, — не вода, а земля, но тем не менее нельзя не отметить *Неву* в непосредственной близости от *кануть* (причем *земля* в контексте нашего глагола мыслится как некая рыхлая субстанция, в которую можно погрузиться и которая этим своим свойством напоминает жидкость).

Рассмотрим теперь следующий примечательный контекст: *А потом* [Сазыкин] *канул в Сибирь* (Е. Замятин). На первый взгляд, в этом примере нет ничего, что напоминает о «водном» прошлом глагола *кануть*. Но посмотрим на то, как выглядит здесь правый контекст: *А потом* [Сазыкин] *канул в Сибирь. Так камень* ***бултыхнет в водяную дремь****, все взбаламутит, круги: вот разбежались — только легкие морщины, как по углам глаз от улыбки — и снова гладь* (Е. Замятин).

Вот еще один совершенно аналогичный случай: *Стой здесь, — велел Еж, а сам пошел направо. Но, прежде чем кануть за дверью, бросил Дюку взгляд, как бросают конец веревки, перед тем как прыгнуть в кратер вулкана. Или* ***нырнуть в морскую глубину*** (В. Токарева). Заметим, что упоминание морской глубины появляется здесь вроде бы вовсе не в связи с *кануть*, а при описании взгляда исчезающего за дверью человека — и тем не менее понятно, что именно данный глагол спровоцировал все развернутое сравнение в целом.

«Следовое количество» воды можно усмотреть и в следующем контексте: *Когда курил, он думал о прошлых друзьях, потихоньку канувших* ***в расплывшиеся буквы*** *записной книжки* (Д. Симонова). Здесь также выражается представление о чем-то наподобие жидкой мути, в которой исчезают объекты.

Подобным же образом обстоит дело и с переносными употреблениями, где *кануть* ‘исчезнуть’ находится в контексте существительных, указывающих на водные объекты или нечто подобное им: *Меры предосторожности, которые он предпринял, были не очень надежны, и если формально следовать правилам разведки, то тот, кто скрывается под этим псевдонимом, должен замереть, затаиться, кануть на долгие месяцы* ***в водовороте*** *крупного города* (С. Наумов); *Он вспомнил своих боевых товарищей, тех, которых потерял на войне и которые канули* ***в водоворотах*** *смутного времени* (А. Проханов); *И все, что она может придумать для канувших* ***в колодец*** *бесконечности теней, которым так не хватало любви при жизни,* ***—*** *это позволить им вернуться и немного побыть продолжением того смешного, безумного и бесконечно трогательного, чем они когда-то были* (В. Пелевин).

Как отмечалось выше, *кануть* в рассматриваемом значении часто употребляется применительно к тому, что мыслится как текучая или рыхлая, обволакивающая субстанция. Приведем подборку примеров: *Он канул* ***в туман*** *и вернулся минут через десять* (Д. Рубина); *Ту-154 раз за разом таранил бесконечные* ***облачные слои —*** *и таки продрался к небу и свету <…>, чтобы через полчаса опять кануть* ***в белесую баланду*** (А. Гаррос, А. Евдокимов); *И вдруг бригадир пропал. То он ходил, бухтел, рассказывал, поддразнивал, а тут вдруг как* ***в тучку*** *канул* (Ю. Домбровский); *Мальчик еле отделил прилипший к кипе сырой листок, сунул его доктору в руки и канул* ***в метель*** *так же мгновенно, как из нее вынырнул* (Б. Пастернак); *Кондаков хмуро взглянул на часы и, не прощаясь, канул* ***в полумраке*** *бюро пропусков* (В. Дудинцев); *Летучая мышь с перепуганным писком порхнула с его плеча, обдав лицо легким дуновением, и канула* ***во тьму*** (В. Рыбаков); *«Фр-р», — взлетела и канула* ***в ночи*** *огромная птица* (Г. Башкуев); *Несколько минут кануло* ***в безмолвии*** (Р. Шмараков); *Камень на мгновение канул* ***в тишину***[5], *затем удар, клекот осколков* (К. Серафимов).

Разумеется, *кануть* ‘исчезнуть’ используется не только в случаях, подобных описанным, т. е. не только там, где в контексте так или иначе содержится

[5] *Безмолвие* и *тишина* тоже мыслятся как текучая субстанция; ср. *Безмолвие окутывало <обволакивало> все вокруг*; *И снова тишина окутывала Обдонье* (М. Шолохов).

упоминание воды или где речь идет о чем-то, что мыслится как текучая субстанция. Для этого глагола характерны употребления, в том числе переносные, где описывается исчезновение объекта в каком-либо замкнутом пространстве или в пространстве, отделенном от наблюдателя какой-либо преградой: *Длинный конверт с красивым круглым вензелем отеля канул* ***в медную щель*** (В. Катаев); *Сберегается <...> сумма в двадцать семь марок и шестьдесят пфеннигов, которая иначе канула бы* ***в карманы*** *тех <...> мошенников, которые придумали первый класс* (В. Набоков); *Пленку затребовали в КГБ, где она и канула* ***в бездонной утробе*** (В. Аксенов); *Когда наконец все всех проводили и со всеми простились* ***—*** *Гутман канул* ***в дверях*** *своего отеля* (А. Пятигорский); *Рукописи канули* ***в подвалах*** *Лубянки, вещи пропали из разграбленной во время войны квартиры* (А. Рыбченко); *Солнце, казалось, уже до утра канувшее* ***за гору****, вдруг снова золотило все кругом, когда дорога делала очередную петлю, взбираясь все выше и выше* (В. Каминарская).

И все же большинство контекстов, содержащих *кануть* ‘исчезнуть’, так или иначе демонстрирует, что в семантике этого глагола до сих пор сохраняется память о связи соответствующего действия с водой или с другой жидкостью.

Таким образом, структура многозначности *кануть* представляет собой цепочку значений, из которых следующее связано с предыдущим так, что при каждом семантическом переходе заменяется ровно один компонент и соседние значения плавно переходят (уместно сказать — перетекают) одно в другое: капля падает на твердую поверхность (и обычно не впитывается ею) → капля падает в жидкость и растворяется в ней → твердый объект падает в жидкость и исчезает в ней → объект исчезает в каком-либо месте. При этом в последнем случае в значительной степени сохраняется унаследованный из диахронии семантический компонент ‘жидкость’.

Сказанное еще раз иллюстрирует тот факт, что в современных значениях слов часто «просвечивают» исторически предшествующие им значения (применительно к нашему случаю хочется сказать, что предшествующие значения просачиваются в современные).

В заключение обсудим коротко другой вопрос, связанный с *кануть* ‘исчезнуть’.

В работе [Апресян 2017] были описаны так называемые двойные семантические роли в значениях некоторых глаголов. Речь идет о случаях типа *повесить на веревку — повесить на веревке*, где одна и та же валентность глагола способна заполняться двумя семантическими актантами — конечной точки (выраженной формой винительного падежа — далее ВИН) и места (выраженного формой предложного падежа — далее ПР). Среди прочих типов глаголов, для которых характерен этот эффект, в работе рассматривались и так называемые глаголы с семантикой перемещения из более открытого пространства в более закрытое и последующего размещения в нем, в частности *спрятаться*, *зарыться* и *закопаться.* Эти глаголы, в целом допускающие обе семантические роли, в ряде случаев, однако, демонстрируют явные предпочтения ВИН или ПР падежей. В. Апресян отмечает, что, когда речь идет о больших пространствах, глагол *спрятаться*

естественней употребить с ПР: *спрятаться в горах* (но не **спрятаться в горы*); в значении ‘находиться в закрытом месте незаметно для наблюдателя’ возможен только ПР: *Гриб спрятался под елкой*, но не **Гриб спрятался под елку*; ПР предпочтителен и тогда, когда речь идет о нецеленаправленном перемещении: *сук, закопавшийся в песке* (но не **в песок*).

Кануть относится к той же семантической группе и допускает то же колебание ВИН — ПР. Нужно повторить, что двойная роль возможна лишь для *кануть* в **4** значении; в прочих же случаях возможна лишь форма ВИН. Причина этого понятна: ВИН является единственно допустимым падежом до тех пор, пока *кануть* связан с идеей падения, т. е. перемещения, и указывает на конечную точку этого перемещения. Но как только в *кануть* становится преобладающей идея исчезновения, становится возможна и форма ПР, указывающая на место, где исчезает объект. Заметим попутно, что глагол *исчезнуть* допускает только идею места: *исчезнуть в чем-либо*, но не **во что-либо*.

При этом нецеленаправленное *кануть* часто «по привычке» сочетается с ВИН (ср. примеры выше), а в тех случаях, когда речь идет о целенаправленном исчезновении, как кажется, предпочтителен ПР падеж (ср. рассмотренные выше примеры *кануть **в озерцах и болотах*** и *кануть на долгие месяцы **в водовороте** крупного города*, где речь идет о субъекте, умышленно скрывающемся от преследования).

Тем самым данный глагол должен пополнить список современных глаголов, содержащих в своем значении двойные семантические роли.

Литература

Апресян В. Ю. Двойные семантические роли в исходных и переносных значениях многозначных глаголов // Вопросы языкознания. 2017. № 2. С. 7–32.

АС — Активный словарь русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1–2. М. : Языки славянской культуры, 2014 ; Вып. 3. М. ; Спб. : Нестор-История, 2017.

МАС — Малый академический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru/

Словарь XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / под ред. Р. И. Аванесова и др. М. : Рус. яз., 1988–. Т. 1–.

Словарь XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин и др. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. АН, 1893–1912.

СУш — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл., 1935–1940.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

A. V. Ptentsova
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
anna.ptentsova@gmail.com

RUSSIAN VERB *KANUT'* 'DISAPPEAR': SEMANTIC HISTORY AND THE POLYSEMY STRUCTURE

The article describes the history of the semantic evolution of the Russian verb *kanut'* ('disappear') which ascends to the **kapnǫti* (the semelfactive of the verb **kapati*). The material of the dictionaries and of the *Russian National Corpus* shows that the meanings of *kanut'* in the East Slavic area developed in the following order: 1.1) *A1 dropped on A2* 'a drop of liquid A1 fell onto the surface A2'; 1.2) *A1 dropped A2 on A3* 'a person A1 made a drop of liquid A2 fall onto a surface A3'; 2) *A1 dropped in A2* 'a drop of liquid A1 fell into a liquid A2 and dissolved in it'; 3) *A1 dropped in A2* 'an object A1 quickly immersed in a liquid A2, usually in water, and completely ceased to be visible and accessible'; 4) *A1 dropped in A2* 'an object A1, once in any place A2, suddenly ceased to be visible and accessible.' Noteworthy is the fact that, when used in its last (modern) meaning, *kanut'* appears mainly in the contexts where water (or, more rarely, another liquid) is mentioned in one way or another. Thus, the semantics of the verb remains connected with the previous meanings of the chain, which are obsolete or disappearing in modern language.

Keywords: lexical semantics, polysemy, history of the Russian language, *Russian National Corpus*.

References

Apresyan V.Yu. [Double semantic roles in the initial and metaphorical meanings of polysemic verbs]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2017, no. 2, pp. 7–32. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. (Ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [The Active dictionary of the Russian language]. Moscow, St Petersburg, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., Nestor-Istoriya Publ., 2014–2017. Vols. 1–3.

Avanesov R.I. et al. (Eds.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [The Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries)]. Moscow, Russkij Yazyk Publ., 1988–. Vols. 1–.

Barkhudarov S.G., Filin F.P. et al. (Eds.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv*. [The Dictionary of the Russian language of 11th–17th centuries]. Moscow, Nauka, 1975–. Vols. 1–.

Evgen'eva A.P. (Ed.). *Malyi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Small academic dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij Yazyk Publ., 1999. Vols. 1–4.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: http://ruscorpora.ru/ (accessed 02.11.2019)

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian language]. St Petersburg, Imperial Acad. of Sci. Publ., 1893–1912. Vols. 1–3.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [The Etymological dictionary of Slavic Languages. Protoslavic lexical fund]. Moscow, Nauka Publ., 1983–. Vols. 1–.

Ushakov D. N. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1935–1940. Vols. 1–4.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.15

Петр Соботка
Институт славистики ПАН
(Польша, Варшава)
p.sobotka@uw.edu.pl

ЭТИМОЛОГИЯ, РАЗВИТИЕ И ДРЕВНИЕ ФУНКЦИИ ПОЛЬСКОГО ŻE В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ*

Целью статьи является описание этимологии и развития польского слова *że*, которое может выполнять различные функции в современном польском языке. Оно используется как частица, добавляемая к формам императива, вопросительным местоимениям, как комплементатор и, наконец, как часть таких элементов, как союзы, дискурсивные маркеры, метапредикативные операторы и т. д. Предполагается, что первичная и унаследованная функция рассматриваемого элемента состоит в том, чтобы подчеркнуть, усилить и даже удостоверить тот элемент коммуникации, с которым он синтаксически и функционально связан. Слова, происходящие из *że*, или сложные единицы с *że* формировались в ходе различных преобразований. Большинство польских этимологов выводит комплементатор *że* из праславянского сложения **jьže*, однако в статье предполагается, что основой комплементатора является анафорическое местоимение среднего рода **je*. Путь грамматикализации реконструируется следующим образом: усилительная / эмфатическая частица (**že*) > сложение анафорического местоимения и частицы со смыслом ‘то же’ > относительный коннектор со значением ‘какой-то’ > выражение подчинительной предикации, объявляющее речевой акт ‘то, что’ > комплементатор ‘что’. Этот процесс объясняет механизмы формирования польского комплементатора, а также его многофункциональность в древнепольском языке.

Ключевые слова: грамматикализация, служебное слово, комплементатор, частица, этимология, исторический синтаксис, древнепольский язык.

Польский современный лексический элемент *że* ‘что; ж(е)’ является не только служебным и несамостоятельным выражением, но и многофункциональным.

* Научная работа выполнена в рамках гранта Министра науки и высшего образования РП «Национальная программа развития гуманитарных наук» на 2018–2023 гг., номер проекта 11H 17 0066 85.

Он может функционировать как так называемый комплементатор, грамматикализованная часть определенного глагола — слово семантически служебное, которое вводит подчиненную предикацию, например, *Nie wiedzą, **że** wiemy, **że** oni wiedzą, **że** wiemy* «Они не знают, что мы знаем, что они знают, что мы знаем»[1]. Предикаты, которые появляются в польском языке с комплементатором *że*, содержат семантические компоненты ‘знать’, ‘хотеть’ и ‘говорить’[2], ср. *sądzić, że_* ‘считать, что’, *oczekiwać, że_* ‘ожидать, что’, *domyślać się, że_* ‘предполагать, что’ в противоположность *Nie przyszedłem dziś, żeby was smucić* «Я пришел сегодня не для того, чтобы вас расстраивать». Некоторые глаголы речи используются с *że*, которое не только указывает на предмет подчиняющей предикации, но и на речевую деятельность кого-либо, ср. *zwodzić, że_* ‘обманывать, что’, как в примере *Zwodzisz samego siebie, że ona to twoje życie* «Ты обманываешь себя в том, что она — вся твоя жизнь», где пропозициональное дополнение относится к тому, что кто-то сказал, что «она — вся моя жизнь» [см. также: Zaucha 2019]. В сложных союзах, таких как *_, chyba że_* ‘если не’; *_, jako że_* ‘так как; поскольку’; *_, mimo że_* ‘несмотря на’; *_ tyle że_* ‘только’; *tak* / *taki* / *tyle_, że_* ‘так / такой / столько_, что_’, оператор *że* также относится к тому, что было сказано, например: *Mówiłeś, że jest pora obiadu, mimo, że byłeś pewien, że tak nie jest* «Вы сказали, что сейчас время обеда, хотя были уверены, что это не так». Существуют и другие функции *że*, являющегося частью лексем интенсивности и аппроксимации того, о чем идет речь, ср. *niemal że_* ‘почти что’; *prawie że_* ‘почти’; а также идиоматическое и непереводимое *_ że ho ho* ‘говорящий сигнализирует, что то, о чем идет речь, настолько интенсивно, что вызывает удивление и восхищение’ [ср.: Dobaczewski et al. 2018: 93–94]. В самом общем смысле такие слова можно охарактеризовать как указывающие на степень уверенности в том, что именно является предметом обсуждения. Поэтому они носят модальный характер, и их функция — комментировать выражение, к которому они присоединяются, ср. *Ale sprawa się ma tak, że jestem niemal pewna, że ona go zdradza* «Но дело обстоит так, что я думаю, что она ему изменяет». На текстовом уровне действуют также операторы, которые прилагаются к вопросительным местоимениям, например *któż* ‘кто-то, если вообще кто-нибудь’, *cóż* ‘что-то, если вообще что-либо’. Эмфатические операторы этого типа содержат семантический компонент ‘я понятия не имею, [кто, где и т. д.] о чем идет речь’ [ср.: Bogusławski 1992: 154; Wajszczuk 2005: 92; Sobotka 2009]. Аналогичным образом с формальной точки зрения функционирует и оператор, связанный с глаголами в форме императива, ср. *A idźże sobie, gdzie chcesz!* «Катись отсюда, куда хочешь». Здесь мы видим некий элемент нетерпеливости, который вводит оператор. Последняя функция, о которой

[1] Кроме того, в польском языке комплементаторами могут быть *iż*, *żeby*, *ażeby*, *by*, *aby*, *iżby*, *czy*, *jakoby*, *jak gdyby*. Литература по польскому *że* и другим комплементаторам очень обширна [ср.: Grochowski et al. 1984; Karolak 1972; Łojasiewicz 1992; Wajszczuk 1997; Wójcicka 2017; Wojtasiewicz 1972; Zaron 1980; и др.]. Интересные наблюдения относительно их дистрибуции можно найти уже в книге Красновольского [Krasnowolski 1909].

[2] Эквивалентом польск. *że* в функции комплементатора в русском языке является *что*. О глаголах с этим выражением см. [Апресян 1986].

стоит упомянуть, связана с результативным смыслом, экспонентом которой является частица *_, tak że_* ‘так что’, которая обозначает ‘из того, что было сказано, следует то, о чем сообщает говорящий’, ср. *Te wszystkie inne rodziły się w tej wiosce przed oczami ludzi, tak że ludzie pamiętali ich chrzściny i dziecięce lata* «Все другие родились в той же деревушке, на глазах у людей, так что старики помнили их крестины и детские годы».

С нашей точки зрения, все или почти все перечисленные функции современного польского *że* являются результатом его исторического развития. Причины такой полифункциональности можно объяснить разными процессами образования анализируемых сегментов или многофункциональностью их этимона, если он был общим для них всех. Этимология и история смыслов не учитывает изолированного развития отдельных слов, а допускает сложную реконструкцию того или иного слова в его статических и динамических реляциях, что особенно касается служебных слов или их исходных основ, например местоимений, наречий и др. Исторические исследования языка обязательно должны учитывать статические смыслы и функции анализируемых «грамматически положительных» слов и динамические их изменения, включая пути мотивационных процессов номинации в данном конкретном лексическом, а также синтагматическом контексте. По Херберману [1999: 101], этимология есть «наука о мотивационных связях и основах номинации в той степени, в какой они закреплены в сознании носителей языка и тем самым относятся к языку (*langue*)». Статический и динамический подход состоит в том, чтобы увидеть жизнь слова за 50, 100 лет и даже раньше — и через 50, 100 лет и позже. Мы должны познакомиться не только с его предками и родственниками, но и с потомками. Нам нужно увидеть это слово до его рождения и после смерти (если актуальный момент анализа относится к прежнему состоянию языка, а данная единица, с указанной формой и содержанием, больше не существует). Тогда оно станет ближе к нам, и мы приблизимся к его пониманию.

С той же точки зрения настоящее исследование будет сочетать как ономасиологический, так и семасиологический анализ, т. е., с одной стороны, мы будем двигаться от формы к функции, что позволит обнаружить возможные генетические взаимосвязи между современным *że* и его праформой **že* и реконструировать пути его развития; с другой стороны — от функции к значению, благодаря чему мы сформулируем гипотезу о возможных мотивациях современных сегментов *że*. Конечно, современные значения слова в их функциональном виде, как было указано выше, являются предпосылкой для построения гипотез. Итак, можно предварительно допустить, что «комментирующее» и эмфатическое (частичное) *że* прямо происходят из праслав. **že*, а комплементатор и другие связывающие *że* образованы, конечно, от частицы, но их развитие происходило более сложными путями.

Эмфатический оператор *że* происходит, как было сказано, от праславянской частицы **že/*-ž(e)*, которая выводится из ПИЕ **-g^ho/*(-)g^he* — эмфатической, часто клитической, частицы, имеющей значение, подобное рус. ‘действительно’, ‘на самом деле’, ср. ведическую энклитику *ha* ‘очевидно’, балто-славянскую частицу

*-*ge*, например, старолит. *Tada gi Diewas ir Pagonims Gaileghimą dawe ant Sʒiwato?* «Искупил ли Бог язычников, на самом деле отдавая Свою жизнь за них?».

Джордж Данкель [ср.: Dunkel 2014: 287] рассматривает постпозитивную и эмфатическую функции анализируемой частицы в качестве первичных и оставшихся в ее исходных формах. Славянский *že* в своих основных значениях является маркером усилительности, он также имеет противительный, причинный смыслы и функционирует в роли «скрепы» двух клауз [ср.: Kopečný et al. 1980: 759–760; Зализняк 2008: 28–29]. Мы считаем также, что частица **že* исполняла в предложении результативную (например, глагол действия + **že*) и аддитивную (ср. польск. *przeto że*) функции. Возможно, что негативные рефлексы или нюансы, предположенные Данкелем, образованны от противительного значения, например, *опъ že* ‘тот / он, но…’. Таким образом, возможно, что первоначальная функция содержала также какой-то противительный семантический компонент. «В прочих значениях энклитика *же* является не фразовой, а локальной. Таковы: а) *же* с отождествительным значением, как в *тотъ же*, *тамо же*, *а то даль Иванъ же* ‘а это дал тоже Иван’ и т. п.; б) *же* с присоединительным значением в случае соединения имен, например, *съ Гюрьгемь же съ Лукою* ‘с Гюргием и с Лукой’; в) *же* при отрицательных местоимениях и наречиях, например, *никъто же*, *никогда же*» [Зализняк 2008: 29].

В памятниках старославянской письменности частица *že* чаще всего занимала — согласно закону Ваккернагеля [Wackernagel 1892] — вторую позицию (как в выражениях сказуемых, вопросительных, так и в императивных), например *по томь же глагола* оученикомъ [Ass: 11], *къто же естъ сь* [SJS 1: 595], *да поѭтъ же јмені твоемоу* [SJS 1: 596]. В польских текстах с самого раннего периода распределение частицы *że* ограничено приимперативной позицией (ср. *Miła matuchno boża, dziankuję tobie, bądźże ze mną* «Милая Божья матушка, я благодарю тебя, будь же со мной» [SStp 11: 575]). В древнепольском языке отмечено мало примеров других употреблений, чаще всего это операторы, меняющие модальность предложения, как в примерах: *po swymże ziemiam ciągną na wojną* «на своих же землях они идут на войну» [SStp 11: 576], *żeśmy wam pirwej pisali* «мы же писали вам раньше» [SStp 11: 576]. А в предложении *Uczyniły są się ćmy tako groźne po wszej ziemi ejipskiej trzy dni że żądny nie uźrzał brata swego* «Настала тьма настолько ужасная во всей земле Египетской в течение трех же дней, [что] никто не видел брата своего» [SStp 11: 575] частица усиливает числительное, обращая таким образом внимание наблюдателя не только на факт, сколько дней продолжалась тьма, но и косвенно — на ее действие (никто не мог увидеть своего ближнего). Таким образом, мы видим, что в примере частица не совсем эмфатическая. Мы можем предположить, что она по функции является соединительной, а ее маркером является не просто *że*, но сложный союз *tako_*, *że_* ‘настолько ужасная, что никто…’. Возможно, что эта функция появилась в результате контаминации частицы и комплементатора.

Древнепольское использование частиц, образованных от праслав. **že*, служит свидетельством того, что и.-е. *-*ge* рецессивно. Его дистрибуция от индоевропейского до польского языка постепенно и численно уменьшалась, ограничиваясь, в принципе, несколькими типами в современном польском языке. Для сравнения:

функциональность слова *же* в русском языке намного больше, чем *że* в польском (ср. современные примеры выше).

В славянских языках сохранились также сложения частицы *-že* с указательными, относительными, отрицательными, вопросительными местоимениями, союзами, образованными от местоимений, и некоторыми частицами, ср. ст.-слав. *daže*, *neže*, *uže*, *juže*, польск. *ależ*, *cóż*, *tenże*, *jużci*, *niżeli*, *gdyż* и т. д. Итак, сочетаемость **že* с местоимениями, союзами, частицами является общей чертой всех славянских языков. Степень лексикализации такого соединения — если оно не образовано в период славянской общности — различается в разных языках, даже близкородственных, ср. чеш. *jestliže* и польск. *jeśli-ż*. Таким образом возник и польский комплементатор *że*, который происходит в результате сложения частицы **že* с анафорическим местоимением мужского рода **jь* или среднего рода **je*. Он выполняет функцию коннектора между подчиняющей и придаточной предикацией. Основное значение сложного выражения — местоименное, оно обычно реконструируется как ‘который’.

В древнепольском языке сохранилось несколько фонетических вариантов коннектора, образованного от мужского рода праславянского анафорического местоимения **jь* или от среднего рода местоимения **je* и частицы **že*, т. е. *eż*, *eże*, *hiże*, *iże*, *że*, ср. *mowili, eże błogość wirzchnia jest…* «говорили, что блаженство наивысшее это…» [BZPPŚ], *uwierzył, iżeć <…> w raju był* «он поверил, что был в раю» [BZPPŚ]. Форма *eże* доминировала в Малопольше и Мазовше, в то время как форма *iże* носила преимущественно великопольский характер [ср.: Nieminen 1931; Urbańczyk 1950: 103].

Сторонниками гипотезы о том, что польск. *że* происходит от мужской формы местоимения, являются, например, Вацлав Вондрак [см.: Vondrák 1908: 459–460], Францишек Славский [Sławski 1952–1956: 476–477] и Веслав Борысь [Boryś 2005: 753]. Согласно утверждению Борыся, это мнение поддерживает регулярное развитие *iż*, которое обычно рассматривается как стилистический вариант *że*[3], ср. **jьže* → *iże* → *iż* (с апокопой *e*), и даже форма *że*, реконструированная из *iże*, ср. *iże* → *że*, как, например, *(i)gra* ‘игра’, *(i)skra* ‘искра’. Франтишек Копечный [Kopečný et al. 1980: 230] отрицает эту гипотезу. Он считает, что она не включает общего источника для *że*, т. е. *eże*. Подобным образом реконструировал развитие польск. *że* Антоний Калина [ср.: Kalina 1879: 633–634], но фактически его объяснения маловероятны. Он пишет, что форма *eże* более старая, возникла из-за отсутствия звука *j* из *jeże* и представляет собой не более чем форму среднего рода местоимения. По его мнению, начало слова *iże* возникло в результате контракции *ie* > *i* [см.: Там же: 633].

Согласно версии Франтишека Травничека [см.: Trávníček 1956: 56, 117], Франтишека Копечного [Kopečný et al. 1980: 291 и след., 759], Любора Кралика [ср.:

[3] Надо заметить, что современные *że* и *iż* различаются как по дистрибуции, так и по функции, ср., например, невозможность использования *iż* как модификатора декларативности, ср. *Że też ty nikomu nie dajesz skończyć!* «Ну дай кому-нибудь рассказать до конца» и **Iż też ty nikomu nie dajesz skończyć!* [об этом см.: Bogusławski 1994].

Králik 2015: 693], Йиржи Рейзека [ср.: Rejzek 2015: 816] и других, чешское и словацкое *že* возникло в результате редукции исходного **je že* или **ježe*, которое рассматривается как соединение местоимения среднего рода и усиливающей его частицы. Согласно аргументам Травничека, связывающая функция *ježe* > *že* возникла в результате междометного использования **ježe*, что не имеет подтверждения в связи с современными наблюдениями над происхождением славянских коннекторов, образованных от местоимений [ср.: Sobotka 2019; Соботка 2019]. Другие упомянутые выше этимологи не занимают однозначной позиции по вопросу категориальных изменении **ježe* > *že*, хотя Копечный, согласно версии которого сложное слово образуется от двух частиц, приводит ставящий под сомнение гипотезу Травничека довод [ср.: Kopečný et al. 1980: 759]: в славянском материале два типа «союзного» *že*: один — образованный от коннектора *(j)eže*, второй продолжает частичное *že* в функции копулятивной (как в примере ст.-слав. *бѣ <…> вь чрѣвѣ китовѣ три дни три же нощи* «был в животе кита в течение трех дней, трех и ночей»), дополнительной (ср. ст.-слав. *вѣсѧ же Іcуса <…> въ преторъ* «итак, привели Иисуса в преторию») и терминативной (например, ст.-слав. *тоунѣ пріимѧсте, тунѣ же дадите* «вы получили даром, так и даром давайте»). С нашей точки зрения, ни одно из указанных выше использований нельзя считать союзным или связывающим. По нашему мнению, *že* исполняет в них функцию частицы, согласно дефиниции, сформулированной в работе Гроховского, Кисель и Жабовской [Grochowski et al. 2014].

Итак, мы считаем, что польск. *że*, как и чешское *že*, образовано от словосложения **ježe*. Путь перехода местоимения от формы именительного — винительного падежа среднего рода до коннектора во многом более вероятен, чем происхождение *že* от формы мужского рода **jь*. Во-первых, другие индоевропейские комплементаторы происходят от форм среднего рода, ср. нем. *daß*, англ. *that*, гот. *þata*, др.-сев. *at*, нидерл. *dat*, рус. *что*, греч. ὅτι и т. д. Во-вторых, сложение *przetoż* (ср. чеш. *protože*, *přestože*) является грамматическим доказательством (хотя и непрямым) того, что коннектор *że* мог брать свое начало от формы среднего рода, если принять, что это сложение происходит из конструкции **per to (je)že* — заметим, что местоимение *to* требует связанного с ним отношением слова среднего рода. Кроме того, конструкции, членом которых являются формы среднего рода, были грамматикализованы быстрее, чем формы, происходящие от местоимения мужского рода, изменяющие значение с ‘(э)то же’ через ‘которое (ч)то’ до ‘что_’. Наконец, развитие комплементаторов параллельно с грамматикализацией маркеров отрицания (ср. циклы в языковом изменении, например цикл Есперсена: именная анафора (**je*) > «анафорический коннектор» / относительное местоимение (**je*) > коннектор + добавочное указание (эмфаза) (**je že*) > эмфаза в функции коннектора (**že*) [ср.: Jespersen 1917: 4–14; Bouzouita et al. 2019]).

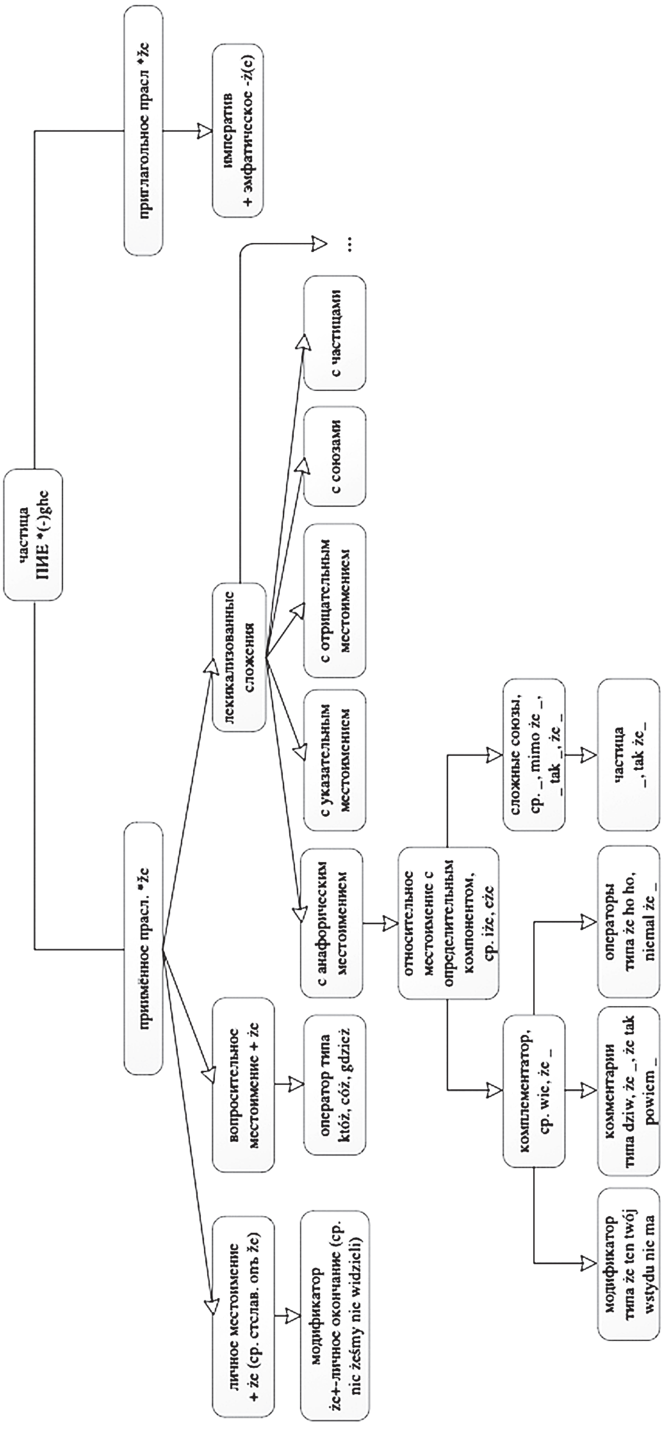
Вероятно, др.-польск. *że*, образованное от сложения **je že*, смешивалось с *iż(e)* / *(i)że* ‘который’, о чем свидетельствуют примеры, где *że* может выступать в роли коннектора и относительного местоимения ‘который’, ср. *Ale przyszła godzina, że* [‘что’ / ‘которая’] *każdy ktoż zabije was domnim<a>wa sobie posługę uczyn<i>ć Bogu*

«Однако настал час, в который всякий, кто убьет вас, будет думать, что он служит Богу» [SStp 11: 573 ff.] и *Ale przyszła tego godzina, iże* [‘которого’] *już wszelki, ktory zabije ktorego z was, będzie mnimieć, aby Bogu w tem służbę uczynił* [RP: 570–571/21–24, 1]. Вполне вероятно, что такие употребления, как приведенное выше, являются результатом аттракции по функциональной и фонетической смежности, но дело в том, что они свидетельствуют еще и о другом факторе, связанном с валентностью или синтаксической коннотацией др.-польск. *że*. Хотя оно функционирует как коннектор, оно также выступает в качестве члена предложения, заменяя один из склоняющихся членов первого предложения. Во втором примере форма коннектора *iże* зависит от среднего рода местоимения *to* в противоустроенном предложении, в первом нет такой формы, какую можно бы было рассматривать как эффект грамматикализации (*eże* ∋∈ *iże*) > *że*. На то, что такой коннектор изначально не управлял синтаксической позицией предложения, являясь интегральным членом следующего предложения, указывает пример из Гнезненской буллы, где мы находим использование *iże*, которое начинает цитату (косвенную речь) в предложении после причастия: *Pożądali są wierni krześcijani przyścia jego a rzekąc tako, iże przydzi ty k nam, nasz miły Panie Boże* «Верные христиане желали, чтобы он пришел, так говоря: что приди ты к нам, наш дорогой Господь Бог» [BZPPŚ, Kg 2a: 7–9].

По-видимому, основная функция др.-польск. *eże* / *iże* / *że* связана с маркированием живой речи или вообще говорения. Итак, *iże* / *że* в древних источниках является прежде всего экспонентом речи (того, что было сказано), экспонентом речевого акта, ср. *<poczęły> baby jawnie powiedać rzekąc, iże widzieliśmy nowe sie cudo stało* «женщины начали открыто говорить, глаголя, и вот / что мы увидели, как произошло новое чудо» [RP: 65/1–2]. В этом примере после плеонастической конструкции (личный глагол речи с причастием речи) – слово *iże*. В научной литературе этот тип причастия обычно понимается как «причастие средства» [ср.: Boyer 1984], но, скорее всего, в славянских языках он также выполняет функцию маркера утверждения [ср.: Moszyński 1990], как и *że* в современных польских примерах [ср.: Bogusławski 2007: 421]. Зачем здесь нужно *iże*, если определенный признак принадлежит плеонастической конструкции? Мы считаем, что его функция маркирования или комплементации подчиненного высказывания является вторичной. Поэтому мы реконструируем следующий путь функционального развития польского комплементатора *że*:

> усилительная / эмфатическая частица (**że*) > словосложение частицы с анафорическим местоимением со значением ‘то же’ > относительный коннектор со значением ‘который / какой-то’ > выражение подчинительной предикации, объявляющее речевой акт ‘то, что’ > комплементатор ‘что’.

Такой путь развития польского *że* объясняет многофункциональность слова в древнепольском языке, а также помогает реконструировать эволюцию современных польских единиц с этим элементом. Рассмотрим несколько древнепольских примеров. В предложении *Niemało się wam zda, że was bog israelski oddzielił ze wszego luda* «Вам не поможет то, что израильский Бог отделил вас от всего народа»


частица
ПИЕ *(-)ghe
приглагольное прасл *že
императив
+ эмфатическое -ż(e)
приимённое прасл. *že
лексикализованные сложения
...
с частицами
с союзами
с отрицательным местоимением
с указательным местоимением
с анафорическим местоимением
относительное местоимение с определительным компонентом, ср. iże, cże
сложные союзы, ср. _, mimo że _, _ tak _, że _
частица _, tak że _
операторы типа że ho ho, niemal że _
комментарии типа dziw, że _, że tak powiem _
модификатор типа że ten twój wstydu nie ma
комплементатор, ср. wie, że _
вопросительное местоимение + że
оператор типа któż, cóż, gdzież
личное местоимение + że (ср. стслав. онъ же)
модификатор że+-личное окончание (ср. nie żeśmy nie widzieli)

[SStp 11: 573] комплементатор *że* относится к содержанию, которое является субъектом, не выраженным в главном предложении. Здесь сохранилась истинностная, или утверждающая, функция *że*, которая возникла из усилительного значения ‘то, что сказано, действительно было сказано, и это можно проверить’. Мы считаем, что логическая функция здесь связана с «анафорическим» отрезком пути грамматикализации.

Таким образом были развиты многочисленные функции др.-польск. *eże* / *iże* / *że*: как оператора дополнительного предложения (ср. *uwierzył, iżeć jest…* «он поверил, что он…»), подлежащного предложения (*rzeczono jest, iże kto opuści żonę…* «сказано, что тот, кто бросит свою жену…»), определительного предложения (*toć i jest prawda, iże idzie tobie krol…* «итак, это правда для тебя, что король идет к тебе…»), различных обстоятельственных предложений (например, *świętego Jana miłował był, iżeć się on k niemu w swe młodości jest był nawrocił* «он любил святого Иоанна за то, что в юности обратился к нему») и др. (ср. примеры и функции в [Pawelec 2015]).

Возможные пути изменений в области славянского и польского *że*, особенно в роли комплементатора, показаны на рисунке:

Литература

Апресян Ю. Д. Синтаксическая информация для толкового словаря // Linguistische Arbeitsberichte. 1986. № 54–55. С. 88–116.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М. : Языки славянских культур, 2008. 279 с.

Соботка П. Этимология и смысловое развитие севернославянских коннекторов, образованных от местоимений // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 309–311.

Херберман К.-П. Компаративные конструкции в сравнении. К вопросу об отношении грамматики к этимологии и языковой типологии // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 92–107.

Ass — Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus. T. 2 / hrsg. J. Kurz. Praha : Nakladatelství Československé akad. věd, 1955. 322 s.

Bogusławski A. Two Essays on Inflection. Warszawa : Wydaw. Energeia, 1992. 170 p.

Bogusławski A. O niektórych operacjach asemantycznych w języku polskim // En Slavist i humanismens tegn: Festskrift til Kristine Heltberg / hrsg. P. Jacobsen, J. S. Jensen, R. Klukowska. København : Reitzel, 1994. S. 8–15.

Bogusławski A. A Study in the Linguistics-Philosophy Interface. Warszawa : BEL Studio, 2007. 612 p.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wydaw. Literackie, 2005. 864 S.

Bouzouita et al. — Cycles in language change / ed. by M. Bouzouita, A. Breitbarth, L. J.M. Danckaert, E. Witzenhausen. Oxford : Oxford Univ. Press, 2019. 306 p.

Boyer J. L. The Classification of Participles: A Statistical Study // Grace Theological Journal. 1984. № 5 (2). P. 163–179.

BZPPŚ — Biblioteka zabytków polskiego piśmiennictwa średniowiecznego / kier. W. Twardzik. Kraków : Instytut Języka Polskiego PAN, 2006. Электронный ресурс локального доступа (CD).

Dobaczewski A., *Sobotka P.*, *Żurowski S.* Słownik reduplikacji i powtórzeń polskich. Od zleksykalizowanych podwojeń do regularnych układów repetycyjnych. Toruń : Wydaw. Naukowe Uniw. Mikołaja Kopernika, 2018. 295 s.

Dunkel G. E. Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme. Bd. 2. Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2014. 861 S.

Grochowski M., *Karolak S.*, *Topolińska Z.* Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. Warszawa : Państwowe Wydaw. Naukowe, 1984. 397 s.

Grochowski M., *Kisiel A.*, *Żabowska M.* Słownik gniazdowy partykuł polskich. Kraków : Polska Akad. Umiejętności, 2014. 398 s.

Jespersen O. Negation in English and other languages. København : A. F. Høst & Søn, 1917. 154 p.

Kalina A. Anecdota paleopolonica –2 // Archiv für slavische Philologie. 1879. № 3. S. 621–636.

Karolak S. Zagadnienia składni ogólnej. Warszawa : Państwowe Wydaw. Naukowe, 1972. 184 s.

Kopečný F., *Šaur V.*, *Polák V.* Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. T. 2. Praha : Československá akad. věd, 1980. 780 s.

Králik Ľ. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava : Veda, 2015. 704 s.

Krasnowolski A. Systematyczna składnia języka polskiego. Warszawa ; Kraków : Wydaw. M. Arcta — S. A. Krzyżanowski, 1909. 310 s.

Łojasiewicz A. Własności składniowe polskich spójników. Warszawa : Wydaw. Uniw. Warszawskiego, 1992. 184 s.

Moszyński L. Pierwsze przejawy samodzielnego życia biblijnych struktur stylistycznych w języku staro-cerkiewno-słowiańskim // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1990. № 26. S. 187–196.

Nieminen E. Baiträge zur historischen Dialektologie der polnischen Sprache: 4. Konjunktionen *iże(e)*:*eż(e)*‘dass, weil’ // Lud Słowiański. 1931. № 2 (A). S. 19–32.

Pawelec 2015 — Słownik zapomnianych wyrażeń funkcyjnych / kier. R. Pawelec. Warszawa : Wydaw. Naukowe Semper, 2015. 160 s.

Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha : Leda, 2015. 824 s.

RP — Rozmyślanie przemyskie / kier. F. Keller, W. Twardzik. Weiher ; Freiburg ; Berlin : Weiher Verlag, 1998–2004. T. 1–3.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. 1 / kier. J. Kurz, A. Dostál, M. Štěrbová. Praha : Akademia, 1966. 388 s.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1. Kraków : Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1952–1956. 599 s.

Sobotka P. Czy Piłat był zainteresowany tym, *co to jest prawda*? // Linguistica Copernicana. 2009. № 2 (2). S. 31–56.

Sobotka P. The grammaticalization approach to an etymological reconstruction: A case of Slavic epistemic lexis // Book of Abstracts. 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (21st–24th August 2019. Leipzig University, Germany) / ed. by O. Spevak. Leipzig : Societas Linguistica Europaea, 2019. P. 659–660.

SStp — Słownik staropolski / kier. S. Urbańczyk. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1953–2002. T. 1–11.

Trávníček F. Historická mluvnice česká. T. 3. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1956. 200 s.

Urbańczyk S. W sprawie polskiego języka literackiego. Cz. 1 : O dawności dialektu kulturalnego // Język Polski. 1950. № 30 (3). S. 97–109.

Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. 2. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1908. 548 S.

Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. № 1 (1). S. 333–436.

Wajszczuk J. System znaczeń w obszarze spójników polskich: wprowadzenie do opisu. Warszawa : Katedra Lingwistyki Formalnej UW, 1997. 359 s.

Wajszczuk J. O metatekście. Warszawa : Katedra Lingwistyki Formalnej UW, 2005. 248 s.

Wojtasiewicz O. A. Formalna i semantyczna analiza polskich spójników przyzdaniowych i międzyzdaniowych oraz wyrazów pokrewnych // Studia Semiotyczne. 1972. № 3. S. 109–144.

Wójcicka A. Dystrybucja włączników a klasyfikacja predykatów wymagających argumentu nieprzedmiotowego // Prace Filologiczne. 2017. № 70. S. 433–450.

Zaron Z. Ze studiów nad składnią i semantyką czasownika. Polskie czasowniki z uzupełnieniem werbalnym oznaczające relację osobową z argumentem zdarzeniowym. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich : Wydaw. Polskiej Akad. Nauk, 1980. 162 s.

Zaucha J. Jukstapozycja czy składnia? Frazy zdaniowe w kontekście wybranych czasowników fałszu // Poradnik Językowy. 2019. № 9. S. 41–49.

Piotr Sobotka
Institute of Slavic Studies (Polish Academy of Sciences)
(Poland, Warsaw)
p.sobotka@uw.edu.pl

THE ETYMOLOGY, DEVELOPMENT AND OLDER FUNCTIONS OF THE POLISH *ŻE* IN THE HISTORICAL AND COMPARATIVE PERSPECTIVE

The article aims to describe the etymology and development of the Polish word *że* that can play various functions in the contemporary Polish language. It is used as a particle added to the forms of imperative, questioner, as a complementizer, and lastly as a part of

such items like conjunctions, discourse markers, metapredicative operators, etc. It is assumed that the primary and inherited function of the item in question is to stress, strengthen and even confirm the element of communication to which it is syntactically and functionally linked. Reflexes items derived from *że* or compound with *że* were formed in the process of various transformations. One of these processes is univerbation of an anaphor and the particle. Most etymologists derive the complementizer *że* from the Proto-Slavic compound (or univerbation) **jьže*, however, it is assumed in the article that the base of the complementizer is the neuter anaphor **je*. The path of grammaticalization is reconstructed as follow: amplifying/emphatic particle (**že*) > compound of a anaphoric pronoun and particle with the semantic value of 'this one' > relative connector with the semantic value of 'which one/that is' > expression of a dependent predication that announces the speech act 'this one that' > complementizer 'that.' The chain explains the mechanisms of forming the Polish complementizer as well as its polyfunctionality in the Old Polish language.

Key words: grammaticalization, function word, complementizer, discourse marker, etymology, historical syntax, Old Polish language.

References

Apresyan Yu.D. [Syntactical information for an explanatory dictionary]. *Linguistische Arbeitsberichte*, 1986, no. 54–55, pp. 88–116. (In Russ.)

Bogusławski A. [On some asemantic operations in Polish]. *En Slavist i humanismens tegn: Festskrift til Kristine Heltberg.* P. Jacobsen, J. S. Jensen, R. Klukowska (Eds.). København, Reitzel, 1994, pp. 8–15. (In Polish)

Bogusławski A. A *Study in the Linguistics-Philosophy Interface*. Warsaw, BEL Studio Publ., 2007. 612 p.

Bogusławski A. *Two Essays on Inflection*. Warsaw, Energeia Publ., 1992. 170 p.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [An Etymological dictionary of the Polish language]. Cracow, Literackie Publ., 2005. 864 p.

Bouzouita M., Breitbarth A., Danckaert L. J.M., Witzenhausen E. (Eds.). *Cycles in language change*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2019. 306 p.

Boyer J. L. The Classification of Participles: A Statistical Study. *Grace Theological Journal*, 1984, no. 5(2), pp. 163–179.

Dobaczewski A., Sobotka P., Żurowski S. *Słownik reduplikacji i powtórzeń polskich. Od zleksykalizowanych podwojeń do regularnych układów repetycyjnych* [The Dictionary of Polish replicas and reduplications. From conventionalised duplicates to regular repetition sets]. Toruń, Copernic Univ. Sci. Publ., 2018. 295 p.

Dunkel G. E. *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme. Bd. 2*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2014. 861 p.

Grochowski M., Karolak S., Topolińska Z. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia* [The Grammar of the contemporary Polish language. Syntax]. Warsaw, National Sci. Publ., 1984. 397 p.

Grochowski M., Kisiel A., Żabowska M. *Słownik gniazdowy partykuł polskich* [The Nest dictionary of Polish particles]. Cracow, Polish Acad. Publ., 2014. 398 p.

Jespersen O. *Negation in English and other languages*. København, A. F. Høst & Søn, 1917. 154 p.

Kalina A. Anecdota paleopolonica –2. *Archiv für slavische Philologie*, 1879, no. 3, pp. 621–636.

Karolak S. *Zagadnienia składni ogólnej* [General syntax issues]. Warsaw, National Sci. Publ., 1972. 184 p.

Keller F., Twardzik W. (Eds.). *Rozmyślanie przemyskie* [The Przemyśl meditation]. Weiher, Freiburg, Berlin, Weiher Verlag, 1998–2004. Vols. 1–3.

Kherberman K.-P. [Comparative constructions in comparison. The question of the grammar approach to the etymology and language typology]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1999, no. 2, pp. 92–107. (In Russ.)

Kopečný F., Šaur V., Polák V. *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. T. 2.* [An Etymological dictionary of Slavic languages. Grammatical words and pronouns. Vol. 2]. Prague, Czechoslovakia Sci. Acad. Publ., 1980. 780 p.

Králik Ľ. *Stručný etymologický slovník slovenčiny* [A Concise etymological dictionary of the Slovak language]. Bratislava, Veda Publ., 2015. 704 p.

Krasnowolski A. *Systematyczna składnia języka polskiego* [The Systematic syntax of Polish]. Warsaw, Cracow, M. Arct — S. A. Krzyżanowski Publ., 1909. 310 p.

Kurz J. (Ed.). *Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus. Vol. 2.* Prague, Czechoslovakia Sci. Acad. Publ., 1955. 322 p.

Kurz J., Dostál A., Štěrbová M. *Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. 1* [A Dictionary of the Old Church Slavonic language — Lexicon linguae palaeoslovenicae. Vol. 1]. Prague, Akademia Publ., 1966. 388 p.

Łojasiewicz A. *Własności składniowe polskich spójników* [The Syntactic properties of Polish conjunctions]. Warsaw, Warsaw Univ. Publ., 1992. 184 p.

Moszyński L. [The First signs of an independent life of Biblical stylistic structures in the Old Church Slavonic language]. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 1990, no. 26, pp. 187–196. (In Polish)

Nieminen E. Baiträge zur historischen Dialektologie der polnischen Sprache: 4. Konjunktionen *iże(e)*:*eż(e)*‘dass, weil’. *Lud Słowiański*, 1931, no. 2(A), pp. 19–32.

Pawelec R. (Ed.). *Słownik zapomnianych wyrażeń funkcyjnych* [A Dictionary of the forgotten function words]. Warsaw, Semper Publ., 2015. 160 p.

Rejzek J. *Český etymologický slovník* [An Etymological dictionary of the Czech language]. Prague, Leda Publ., 2015. 824 p.

Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1* [An Etymological dictionary of the Polish language]. Cracow, Society of Polish language lovers Publ., 1952–1956. 599 p.

Sobotka P. [Etymology and semantic development of the North Slavic connectors derived from pronouns]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 9–13 sentyabrya 2019 g.)* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceedings of the 4th International Scientific Conference (Ekaterinburg, 9–13 September 2019)]. E. L. Berezovich (Ed.). Ekaterinburg, Ural St. Univ. Publ., 2019, pp. 309–311. (In Russ.)

Sobotka P. [Was Pilate interested in that *what is truth*?]. *Linguistica Copernicana*, 2009, no. 2(2), pp. 31–56. (In Polish)

Sobotka P. The grammaticalization approach to an etymological reconstruction: A case of Slavic epistemic lexis. *Book of Abstracts. 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (21st–24th August 2019. Leipzig University, Germany).* O. Spevak (Ed.). Leipzig, Societas Linguistica Europaea, 2019, pp. 659–660.

Trávníček F. *Historická mluvnice česká. T. 3* [The Historical grammar of the Czech language]. Prague, National Pedagogical Publ., 1956. 200 p.

Twardzik W. (Ed.). *Biblioteka zabytków polskiego piśmiennictwa średniowiecznego* [The Library of the Polish Medieval Written Texts]. Cracow, Polish Language Inst. Publ., 2006. (Electronic Database on CD).

Urbańczyk S. (Ed.). *Słownik staropolski* [A Dictionary of the Old Polish language]. Wrocław, Ossolińsky National Publ., 1953–2002. Vols. 1–11.

Urbańczyk S. [On the Polish literary language. Part 1. On the past of the cultural dialect]. *Język Polski*, 1950, no. 30(3), pp. 97–109. (In Polish)

Vondrák W. *Vergleichende slavische Grammatik. Bd. 2*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1908. 548 p.

Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung. *Indogermanische Forschungen*, 1892, no. 1(1), pp. 333–436.

Wajszczuk J. *O metatekście* [On metatext]. Warsaw, Warsaw Univ. Publ., 2005. 248 p.

Wajszczuk J. *System znaczeń w obszarze spójników polskich: wprowadzenie do opisu* [The System of meanings in the domain of Polish conjunctions: an introduction to the description]. Warsaw, Warsaw Univ. Publ., 1997. 359 p.

Wójcicka A. [A Distribution of Polish complementizers and semantic classification of predicates with sentential complements]. *Prace Filologiczne*, 2017, no. 70, pp. 433–450. (In Polish)

Wojtasiewicz O. A. [A Formal and semantic analysis of Polish pre-sentence and inter-sentence connectives and related words]. *Studia Semiotyczne*, 1972, no. 3, pp. 109–144. (In Polish)

Zaliznyak A. A. *Drevneruskie enklitiki* [The Old Russian enclitics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 279 p.

Zaron Z. *Ze studiów nad składnią i semantyką czasownika. Polskie czasowniki z uzupełnieniem werbalnym oznaczające relację osobową z argumentem zdarzeniowym* [Studies in syntax and semantics of the Polish verb: Polish verbs with a verbal complement denoting a personal relationship with the sentential argument]. Wrocław, Warsaw, Cracow, Gdańsk, Ossolińsky National Publ., Polish Sci. Acad. Publ., 1980. 162 p.

Zaucha J. [A Juxtaposition or syntax? Sentence phrases in the context of selected verbs of falsehood]. *Poradnik Językowy*, 2019, no. 9, pp. 41–49. (In Polish)

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.16

Зофия Зарон
Варшавский университет
(Польша, Варшава)
z.zaron@uw.edu.pl

О СИНТАКТИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ПОЛЬСКОГО СЛОВА *WDZIĘCZNOŚĆ* ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’

Древние философы считали чувство благодарности добродетелью и мерилом человечности. Сегодня понимание благодарности несколько иное. Цель настоящей статьи — выявить источники нашего видения благодарности (на материале польского языка) с помощью критического обзора словарей и гипотез Анны Вежбицкой, а также произвести семантико-синтаксический анализ и предложить семантическое представление для конструкции «X благодарен Y-у за Z», эквивалентной конструкции «X чувствует благодарность Y-у за Z». Словарные толкования имеют много общего с толкованием св. Августина. Компоненты толкования св. Августина — ‘признание добра’ и ‘желание ответить взаимностью’ — воспроизводятся польскими лексикографами. Для Анны Вежбицкой благодарность — это чувство, похожее на любовь. Лексикографы говорят также о дружеском чувстве, но добавляют, что благодарность включает в себя и желание ответить взаимностью за полученное добро и, как у св. Августина, помнить об этом. Опираясь на языковые факты, автор приходит к выводу, что чувство благодарности — это связь между знанием X-а (экспериенцера): «Y сделал что-то для него» — и потребностью X-а сделать для Y-а что-то хорошее взамен. Необходимым компонентом толкования является и выражение наших чувств. Без этого вообще нельзя говорить о чувстве благодарности.

Ключевые слова: чувство благодарности, моральный долг, синтактико-семантический анализ, пресуппозиция, ассерция, коллокация.

La gratitude est la mémoire du cœur
(французская пословица)

Пожалуй, не найдется человека, который бы ни разу в жизни не испытывал чувства благодарности. Сенека Старший подчеркивал, что мы являемся людьми настолько, насколько умеем выразить благодарность, ибо благодарность является мерилом нашей человечности[1].

[1] Аналогичное мнение высказывал и швейцарский писатель Иеремия Готтхельф [Gotthelf 1856: 143].

1. Исторический комментарий

Философов издавна интересовала суть благодарности, см., например, работы Сенеки, Цицерона, св. Августина, св. Фомы Аквинского. Благодарность они считали добродетелью, близкой к справедливости, понимая то и другое как воздаяние должного. Благодарность чаще всего называли латинским словом *gratia*, по-польски это *wdzięczność*, *podziękowanie*, *dziękczynienie*, а по-русски — *благодарность*, *благодарение*. Во второй половине XX в. понятие *wdzięczność* было предметом исследования польских лингвистов [см., в частности: Wierzbicka 1971; Zaron 1985]. Надо добавить, что и психологи считают, что благодарность играет важную роль в развитии личности[2].

Направленность на другого человека мы находим уже в этимологии польского слова *wdzięczność* ‘благодарность’. Первые употребления этого существительного датируются XVII в. [SJP XVII–XVIII 1]. Ср.:

– Pochwalił mi ten postępek Ociec <...> prawie cum assecuratione ze mi to iakąs od Oyczyzny miało nadgrodzic ***wdzięcznoscią***.

Александр Брюкнер выводит прилагательное *wdzięczny*, глаголы *dziękować*, *zawdzięczać*, *odwdzięczyć się* и существительное *dziękczynienie* из *dzięk*, *dzieka*, *dzięki* [Brückner 1985: 142]. Он выдвигает гипотезу, что эти слова впервые появились в библейских текстах в XIV в., а в XV в. — и в литургических. Брюкнер считает, что слова *dzięki*, *dziękować* — это отголосок чеш. *diek*, *diekovat*, вероятно, восходящих к др.-герм. *danken*[3]. В XV–XVI вв., по словам Брюкнера, поляки заново заимствовали *dzięka*, *dzięki*, но на этот раз непосредственно от нем. *dank*, обозначающего ‘вознаграждение, раздача’, но также и ‘быть благодарным за…’.

Совсем другое мнение высказывает Веслав Борысь [Boryś 2005: 684]. Он выводит *wdzięczność* и *być wdzięcznym* из слова *wdzięk* ‘прелесть, обаяние’. В свою очередь, *wdzięk* происходит из др.-польск. *dzięki*, которое Борысь считал заимствованием из др.-в.-нем. *danken*[4].

---

[2] Американский психолог Мелоди Битти, которая уже много лет учит людей выражать благодарность, писала: «Благодарность раскрывает полноту жизни. Она делает то, что у нас есть, достаточным, и даже более чем достаточным. Она обращает отказ в принятие, хаос — в порядок, невразумительность — в ясность. Она может превратить еду в пиршество, жилище — в дом, незнакомца — в друга. Благодарность придает смысл прошлому, приносит мир сегодняшнему дню, рисует нам картину будущего. Благодарность обладает огромной силой — она помогает уйти от страха и обрести мужество, избавиться от гнева и прийти к прощению, выйти из изоляции и ощутить принадлежность, перейти от боли к исцелению» [Beattie 2007].

[3] Этот глагол тесно связан с *denken* ‘думать’. Мартин Хайдеггер говорил, что мышление — это благодарение.

[4] Борысь дает форму *denken*, но это, вероятно, ошибка.

2. Синтаксический комментарий

Цель следующих рассуждений — объяснить компоненты значения слова *wdzięczność* ‘благодарность’, а также некоторые отрицательные коннотации, присущие этому слову. Я искала ответ исходя из того, как понимают *wdzięczność* носители польского языка. Для лингвиста самым подходящим способом обнаружения компонентов значения является семантико-синтаксический анализ.

Начнем с просмотра примеров[5].

1) *Wielka jest też **moja wdzięczność za** dzieciństwo spędzone na Litwie* «Велика также моя благодарность за детство, проведенное в Литве».
2) *Do tej pory mam **wdzięczność wobec** Skwary, który robił dużo w tamtym okresie* «До сих пор я благодарен Скваре, который много сделал в то время».
3) *Zachował **dla Hoffmana wdzięczność za** jasne postawienie sprawy* «Он сохранил благодарность Хоффману за разъяснение этого вопроса».
4) ***Mam wobec ciotki dług wdzięczności*** «Я в долгу перед тетей».
5) *Autor **będzie** bardzo **wdzięczny wszystkim osobom za** zgłoszenie konstruktywnych uwag* «Автор будет очень обязан всем за конструктивные комментарии».
6) ***Będę Panu** niezmiernie **wdzięczny, jeśli** Pan swoim bacznym okiem rzuci tu i ówdzie* «Буду вам чрезвычайно признателен, если вы внимательным взглядом посмотрите на некоторые места».

Уже на основании этих нескольких примеров можно сделать вывод, что:
(а) в польском языке есть две трехместные конструкции со словом *wdzięczność:*

▪ ***ktoś***$_1$ *czuje* / *odczuwa wdzięczność **dla*** / *wobec* / *w stosunku do* / *do **kogoś***$_2$ ***za coś*** (**кто-то**$_1$ чувствует благодарность для **кого-то**$_2$ / перед **кем-то**$_2$ / по отношению к **кому-то**$_2$ **за что-то**);
▪ ***ktoś***$_1$ *jest wdzięczny **komuś***$_2$ ***za coś*** (**кто-то**$_1$ благодарен **кому-то**$_2$ **за что-то**).

Конструкции эти я считаю семантически эквивалентными. Вторая конструкция (***кто-то***$_1$ *благодарен **кому-то***$_2$ ***за что-то***) происходит из структуры ***кто-то***$_1$ *чувствует, что он благодарен **кому-то***$_2$ ***за что-то.*** Структура эта составляет также основу глагольно-именной конструкции *czuć* / *odczuwać wdzięczność* ‘чувствовать благодарность’, ср.:

1) *Czuję wdzięczność dla Andrzeja, że mi o tym powiedział* «Я чувствую благодарность к Андрею, что он сказал мне об этом»;
1а) *(Czuję że) jestem wdzięczny Andrzejowi, że mi o tym powiedział* «(Я чувствую, что) я благодарна Андрею, что он сказал мне об этом».

Этот вывод подтверждается и тестом на противоречивость:

**Piotr czuje wdzięczność dla przyjaciela za to, co ten dla niego zrobił, ale nie jest mu za to wdzięczny* «*Петр чувствует благодарность к другу за то, что он для него сделал, но не благодарен ему»

[5] Все примеры взяты из «Национального корпуса польского языка» [NKJP].

и

**Piotr jest wdzięczny przyjacielowi za to, co ten dla niego zrobił, ale nie czuje wdzięczności* «*Петр благодарен другу за то, что он для него сделал, но не чувствует благодарности».

(б) Отношение благодарности предполагает существование **кого-то**$_1$, кто благодарен (экспериенцера), и **кого-то**$_2$, кто является адресатом чувства благодарности (делающим добро). Эти валентности реализуются в основном обозначениями людей (в том числе личными именами). Оговорка «в основном» означает, что на позициях, соответствующих **кому-то**$_1$ и **кому-то**$_2$, могут появляться не только названия людей. Однако стопроцентно один из участников отношения благодарности должен быть человеком. Это условие необходимо. Вопрос — какой именно участник? Я исследовала польские лексикографические источники, чтобы найти ответ, и выяснилось, что, по словам авторов мультимедийного «Большого словаря польского языка» [WSJP] и «Универсального словаря польского языка» [USJP], чувствовать благодарность может только человек. Мне трудно согласиться с таким ограничением. Ведь местоимение *кто-то* относится и к животным. Думаю, что многие из нас высказывание *Собака, освобожденная из ловушки, в знак благодарности облизала ее руку* сочтут вполне приемлемым (независимо от своего отношения к животным)[6].

Реализация позиции, предназначенной для **кого-то**$_2$, кто сделал что-то важное для нас и не является человеком, вызывает меньше возражений: с одной стороны, словари отмечают, что благодарность можно чувствовать по отношению к Богу, врачам, родителям, учителям, друзьям и т. д., однако в примерах из [NKJP] отмечается также наша благодарность учреждениям, объектам, и даже событиям, ср.:

7) *Takich marzeń o wspólnej przyszłości pełna jest moja radość i **wdzięczność dla Związku Podhalan*** «Я полон радости и благодарности Союзу подгальцев и мечтаю об общем будущем'»;
8) *Czujemy **wdzięczność do naszych pojazdów**, gdy zdołają przejechać przez wysoką wodę (taką po urwaniu chmury) czy pokonają gwałtowną pochyłość...* «Мы чувствуем благодарность к нашим транспортным средствам, когда им удастся пересечь большую воду (после наводнения) или преодолеть крутой склон...»[7].

Прежде чем перейти к характеристике последней из обязательных синтаксических позиций благодарности, я хочу остановиться на проблемах, связанных с морфологическими свойствами партиципантов благодарности.

Позиция **кого-то**$_1$ (экспериенцера) заполняется именами в именительном падеже (*Петр чувствовал благодарность* / *был благодарен...*), именами в родительном

[6] Животное, как и мы, чувствует боль, скучает, привязывается к людям. Так почему бы оно не могло чувствовать и благодарности к тому, кто помог ему в трудной ситуации?

[7] Конечно, нет вопроса о благодарности по отношению к животным, например, когда собака спасла нам жизнь, хотя, вероятно, это был ее собачий долг.

падеже либо притяжательным местоимением (*Благодарность Петра* / *наша благодарность была огромной*).

Гораздо большее разнообразие форм наблюдается в позиции адресата (**кто-то**$_2$). *Być wdzięcznym* ‘быть благодарным’ возможно только **кому-то**: эта позиция реализуется лишь существительным или местоимением в дательном падеже. Но *czuć* / *odczuwać wdzięczność* ‘чувствовать благодарность’ можно и ***wobec* / *dla* / *do*** … (по отношению к кому-то / для кого-то / к кому-то), с предлогом и родительным падежом[8].

Итак, для позиции адресата — получателя благодарности в польском языке используются следующие конструкции: «***do* + N$_{gen}$ / *dla* + N$_{gen}$**» или «***wobec* + N$_{gen}$**». Конструкция «*wdzięczność* ***wobec* + N$_{gen}$**» кажется довольно прозрачной — указывает на своего рода расстояние, пространство, которое отделяет экспериенцера от адресата благодарности. Отделяет именно из-за действий, предпринятых адресатом, которые экспериенцер считает бесценным даром. Ср.:

9) *Marszałek Sejmu powiedział, że pamięć i **wdzięczność wobec tych**, którzy wówczas przelewali krew, jest naszym narodowym obowiązkiem* «Маршал Сейма сказал, что память и благодарность тем, кто в то время проливал кровь, — это наш национальный долг».

Конструкции «*wdzięczność* ***dla* + N$_{gen}$**» и «***do* + N$_{gen}$**» выглядят аналогичным образом, подтверждением чего может служить возможность почти полной замены. Ср.:

10) *Czuję głęboką **wdzięczność do rodziców / dla rodziców** za ten ich krok* «Я чувствую глубокую благодарность родителям за этот шаг»;
11) *Do końca dni swoich zachowali w umysłach pamięć, a w sercach **wdzięczność do przyjaciół Węgrów** / **dla przyjaciół Węgrów** za to, co uczynili dla Polaków w najtrudniejszych latach zagłady* «До конца своих дней они сохранили в своих головах память, а в сердцах — благодарность венгерским друзьям за то, что они сделали для поляков в самые трудные годы разрушения».

Я сказала «почти полной замены», так как, во-первых, наличие двух разных форм в польском языке имеет причину[9]; а во вторых, эти варианты не всегда взаимозаменяемы, ср., например, ***wdzięczność do** losu* (****dla** losu*) ‘благодарность судьбе’, ***wdzięczność dla** koncepcji* (****do** koncepcji*) ‘благодарность концепции’. Думаю, что противопоставление ***wdzięczność do*** и ***wdzięczność dla*** основано, с одной стороны, на незнании **кого-то**$_2$ (адресата нашей благодарности), что **кто-то**$_1$ благодарен

[8] [WSJP] отмечает также *czuć wdzięczność komuś* (N$_{dat}$), но это недоразумение. Действительно, формы с беспредложным дательным встретим в конструкциях *okazać* / *wyrazić wdzięczność* ‘выразить благодарность’. Однако дательного беспредложного падежа требует глагол, а не существительное *wdzięczność*. Ср.: *Cały czas myślałam o tym, jak okazać **im** moją wdzięczność — wspomina Ula* «Я все время думала, как показать им мою благодарность, — вспоминает Уля»; *Pragnę **wyrazić** wdzięczność **wielu osobom i instytucjom**...* «Я хотел бы выразить свою благодарность многим людям и учреждениям...».

[9] Различия всегда что-то означают. Ф. де Соссюр сделал нас чуткими к ним.

ему; с другой стороны — на отсутствии (или прекращении поступления) информации о его знании или ее недостаточности. **Кто-то**$_2$ может, конечно, знать, что **кто-то**$_1$ благодарен ему, но это необязательно.

Кажется, что приостановкой информации о знании / незнании можно объяснить как возможность замены, так и значительное преобладание конструкции ***wdzięczność dla***... над ***wdzięczność do***... (в [NKJP] они соотносятся в пропорции 6:1), а также практически полное отсутствие в словарях польского языка форм ***wdzięczność do***...

(в) Отношение благодарности предполагает также третью позицию — для причины — источника нашей благодарности:

ktoś$_1$ *jest wdzięczny* / *odczuwa wdzięczność* **za coś** (Кто-то$_1$ благодарен / чувствует благодарность за **что-то**).

Источником благодарности может быть практически все. Мы благодарны (или должны быть благодарны) за то, что у нас уже есть: за дар жизни, за любовь, за помощь, за хорошее здоровье, за любящую семью, за преданных друзей, за хороших соратников и т. д. Эта информация может оформляться разными способами — номинализацией и разными типами придаточных предложений. Например:

12) *Po latach powiedział mi, że zachował dla Hoffmana wdzięczność* ***za*** *jasne postawienie sprawy* / ***(za to), że***… / ***dlatego, że***… «Спустя годы он сказал мне, что сохранил благодарность Хоффману за разъяснение вопроса / (за то), что… / потому, что…»;
13) *Autor będzie bardzo wdzięczny wszystkim osobom* ***za*** *zgłoszenie konstruktywnych uwag* / ***(za to), że zgłoszą***… / *które zgłoszą*… «Автор будет всем очень признателен за конструктивные комментарии / (за то), что они сделают… / которые они сделают…»;
14) ***Będę*** *Panu* ***niezmiernie wdzięczny, jeśli*** *Pan swoim bacznym okiem rzuci tu i ówdzie* «Буду вам чрезвычайно признателен, если вы внимательным взглядом посмотрите на некоторые места».

Отношение благодарности может быть задано и предыдущим контекстом или пресуппозицией:

15) *Por. Żwirko i inż. Wigura* ***bohaterskiem swem życiem w służbie lotnictwa polskiego*** *napisali dla nas testament. Należy im się z naszej strony wieczna wdzięczność* «Лейтенант Жвирко и инженер Вигура своей героической деятельностью на службе польской авиации написали нам завещание. Мы обязаны им вечной благодарностью»;
16) *Chciałbym wyrazić wdzięczność dla Jeremiego Przybory.* ***Z jego śmiercią ubyło światu elegancji*** «Я хотел бы выразить свою благодарность Иеремии Пжиборе. С его смертью в мире стало меньше элегантности»;

— или может быть инкорпорировано в конструкции, реализующей позицию адресата благодарности:

17) *Hannawald po udanym skoku zjechał w stronę kibiców, zdjął kask i nisko się ukłonił, wyrażając tym swą* ***wdzięczność dla sportowego ducha polskiej publiczności*** «Ханнавальд после удачного прыжка съехал в сторону своих поклонников, снял шлем и низко поклонился, выразив благодарность спортивному духу польской публики».

3. Семантический комментарий

Толкования, предложенные словарями польского языка, имеют много общего с толкованием св. Августина: он считал благодарность добродетелью, содержащей память о дружбе и служении, а также желание ответить взаимностью. Компоненты этого толкования — ‘признание добра’ и ‘готовность ответить взаимностью’ — повторяются в том или ином варианте всеми современными польскими словарями. Ср. хотя бы толкования: ‘uczucie będące reakcją na doznane od kogoś dobro, poczuwanie się z tego powodu do moralnych zobowiązań, pragnienie odwdzięczenia się komuś za coś, pamięć o czyimś dobrodziejstwie’ [USJP: 373] и ‘stan psychiczny występujący, gdy chcemy powiedzieć lub zrobić coś miłego komuś, kto wcześniej zrobił coś dobrego dla nas’ [WSJP].

Анна Вежбицка, в свою очередь, толковала конструкцию «X благодарен Y» следующим образом: «myśl “Y zrobił dla mnie dobrze” powodowała u *X-a* uczucie podobne do tego, jakie powoduje w nas kontakt z kimś, kogo kochamy» <мысль о том, что «Y сделал мне добро» вызвала у X чувство, подобное тому, которое вызывает у нас контакт с тем, кого мы любим> [Wierzbicka 1971: 267].

В толкованиях Анны Вежбицкой, а также в приведенных лексикографических описаниях подчеркивается, что:

1) кто-то$_2$ (Y) для кого-то$_1$ (X-а) сделал что-то (Z), что этот кто-то$_1$ (X) воспринимает (Z) как благо (кто-то$_2$ (Y) хотел для него хорошего).

И из-за этого:

2) кто-то$_1$ (X) начинает чувствовать к кому-то$_2$ (Y-у) такое что-то, что мы назовем благодарностью.

Лексикографы добавляют еще два других компонента:

3) кто-то$_1$ (X) знает, что должен показать кому-то$_2$ (Y-у), что он чувствует (моральное обязательство);
4) что он (X) сохраняет память о благодеянии, которое оказал ему кто-то$_2$ (Y).

Следовательно, для Вежбицкой благодарность — это чувство, похожее на любовь. А для лексикографов это теплые, дружеские чувства, но говорят они также о том, что благодарность заключает в себе желание ответить взаимностью за добро, а также — как и св. Августин — память об этом.

Возникает вопрос, действительно ли чувство морального обязательства и память о благодеянии являются компонентами содержания польского концепта благодарности.

Из словарных толкований следует, что да, из разложения Анны Вежбицкой — что нет. Язык, кажется, подтверждает интуицию лексикографов. В польском языке есть такие коллокации: *poczuwać się do wdzięczności* / *z wdzięczności coś robić* / *na dowód wdzięczności* / *dług wdzięczności* ‘чувствовал себя благодарным / что-то делал из благодарности / в доказательство благодарности / долг благодарности’, а также *zachować wdzięczność* / *we wdzięcznej pamięci* / *pamiętać* / *myśleć* / *wspominać z wdzięcznością*, а также *wdzięczność bezgraniczna* / *dozgonna* / *do grobowej deski* / *po grób* ‘сохранить благодарность / в благодарной памяти / помнить /думать /воспоминать с благодарностью’, а также ‘благодарность безграничная / пожизненная / до гробовой доски / до могилы’.

Чувство моральной привязанности, однако, представляет собою некоторую степень зависимости экспериенцера от человека, которого он считает своим благотворителем. Эти отношения еще более четко заметны в коллокациях типа: *X winien jest Y-owi wdzięczność*, *X zapomniał* / *niezapomniał o wdzięczności*, *Y-owi należy się wdzięczność X-a*, *Y liczy na wdzięczność X-a*, *oczekuje od X-a wdzięczności* ‘X должен Y-у благодарность’, ‘X забыл / не забыл о благодарности’, ‘Y-у полагается благодарность X-а’, ‘Y рассчитывает на благодарность X-а’, ‘Y ожидает от X-а благодарности’.

На самом деле если мы честны перед собой, то должны признать, что нам не очень нравится эта зависимость от благодетеля и часто контакты с теми, кому мы должны благодарность, обременяют нас. В глубине души, конечно, нам стыдно, и этот факт только усугубляет в нас чувство неприязни к адресату благодарности[10]. Однако я считаю, что те, кто так думает, не совсем правы.

Ведь бывают ситуации, когда чувство благодарности возникает в нас как дар и даже как благодать. И если мы сознаем какую-то зависимость, то только потому, что хотим ее чувствовать. И это чувство является чем-то замечательным. Я не сомневаюсь, что такая благодарность существует. И что о таком чувстве писала Анна Вежбицка. Однако у меня есть неприятное ощущение, что это чувство испытывается чрезвычайно редко. И не потому, что делать добро стало выгодно, но прежде всего потому, что, даже если мы научились давать, мы с трудом учимся брать безо всяких обязательств. И с этим умением, или, скорее, с его отсутствием, связано понимание чувства благодарности как обязательства, а не как дара.

Благодарность как дар исходит из любви к другому человеку. И эта любовь позволяет нам не рассматривать его поступки как стремление подчинить нас себе. Я беру Z, потому что Y сделал Z от сердца и я этот дар сердцем принимаю. Принимая, отдаю Y-у то, что для меня ценнее всего, — мою благодарность. Даю, хотя знаю, что Y ничего от меня не ожидал.

Откуда же у многих из нас появляется это чувство зависимости? А что это чувство у нас есть, подтверждают хотя бы коллокации: *poczuwać się do wdzięczności* / *być winnym komuś wdzięczność* ‘чувствовать себя благодарным’ / ‘должен кому-то благодарность’. Может быть, оно оттуда, что мы думаем, будто объект нашей

[10] Древние писали: «Благодеяние сохраняет свою ценность до тех пор, пока мы убеждены, что можем заплатить за него. Но если плата слишком сильно превышает меру, на место благодарности приходит ненависть» (Тацит).

благодарности, делая что-то (Z) для нас, сам ожидает от нас чего-то. И что, хотим мы этого или нет, мы должны ответить на это ожидание.

А то, что должны, *expressis verbis* подтверждают коллокации: *należy się wdzięczność*, *liczyć na wdzięczność* ‘полагается благодарность / должны быть благодарны / рассчитывать на благодарность’. Еще более отчетливо это демонстрирует выражение *niewdzięczność* ‘неблагодарность’, в котором прямо предполагается ожидание Y и отсутствие ответа со стороны X-а. Ср.:

18) *Nie jej, która cię porzuciła, ale mnie jesteś winien wdzięczność i przywiązanie. Mnie, który się tobą opiekował przez całe życie, zapewnił ci wykształcenie i przyszłość* «Не ей, которая тебя бросила, а мне ты должен благодарность и привязанность. Мне, который опекал тебя всю жизнь, обеспечил тебе образование и будущее»;

19) *Nikomu nic złego nie zrobił, bronił swoich przed bandami, narażał życie — spotkała go czarna niewdzięczność* «Он никому ничего плохого не сделал, защищал своих от банд, рисковал жизнью — а ответом ему была черная неблагодарность».

Но даже если Y не ожидает от нас никакой компенсации, мы сами считаем, что должны «ответить» нашему благодетелю. Мы должны, так как Y мог и имеет право этого от нас ожидать. Он ведь для нас делал / сделал Z. Это осознание заставляет нас чувствовать благодарность Y-у как бремя. И это придуманное нами и приписанное Y-у ожидание вводит нас в состояние опасности. Так как мы понимаем, что, даже если «заплатим» по счету, все равно останется какая-то неоплаченная часть, это первенство в осуществлении бескорыстного жеста, в планке морального комфорта: он был первым, а мы уже навсегда позади него.

Подводя итоги, я предлагаю очень грубое толкование для выражения

X jest wdzięczny Y-owi* / *czuje dla Y wdzięczność za Z
‘X благодарен Y-у / чувствует благодарностьY-у за Z’

в пресуппозиции

X знает, что
Y делал / сделал Z
и что он делал Z с мыслью о X-е (для X-а)

в ассерции

(в связи с этим)
X чувствует, что и он хочет что-то сделать для У-а,
чтобы выразить свои чувства
(и выражает это словом / жестом / улыбкой / действием…)

Независимо от того, согласны мы с вышеприведенным толкованием или нет, необходимо подчеркнуть одно: благодарность не является и не должна быть причинно-следственным отношением. Это последовательность знания X-а: если Y сделал для меня Z, то и я должен сделать для Y-а что-то взамен.

Компонент толкования ‘X хочет выразить свои чувства’ кажется нам необходимым. Это подтверждают коллокации *wyrażać* / *okazywać wdzięczność* ‘выразить / выказать благодарность’. О чувствах других мы можем узнать только из их действий и поведения. Иногда это будут слова: *я благодарен*, *спасибо*, могут быть и жесты, улыбка или конкретные действия. Но всегда мы должны нашу благодарность как-то проявить. Прежде всего — вербально. Для того чтобы испытать благодарность, это проявление наших чувств не имеет большого значения, но оно необходимо, чтобы о благодарности вообще можно было говорить.

Литература

Beattie M. Gratitude: Inspirations by Melody Beattie. [Б. м.] : Fundacja Hazelden, 2007. 112 p.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydaw. Literackie, 2005. 861 s.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. 805 s.

Gotthelf J. (*Bitzius A*.). Gesammelte Schriften. Bd. 1–2. Berlin: J. Springer, 1856.

NKJP — Narodowy korpus języka polskiego [Электронный ресурс]. URL: www.nkjp.pl

SJP XVII–XVIII — Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku / pod kier. K. Siekierskiej, W. Gruszczyńskiego. Kraków: Wydaw. IJP PAN, 1996–. T. 1–.

USJP — Uniwersalny słownik języka polskiego / pod kier. S. Dubisza. Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 2008. Electronic version.

Wierzbicka A. *Kocha*, *lubi*, *szanuje*: medytacje semantyczne. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971. 279 s.

WSJP — Wielki słownik języka polskiego / pod kier. P. Żmigrodzkego. 2007–. T. 1–. [Электронный ресурс]. URL: https://wsjp.pl

Zaron Z. Wybrane pojęcia etyczne w analizie semantycznej (*kochaj bliźniego swego*). Wrocław : Ossolineum, 1985. 67 s.

Zofia Zaron
Warsaw University
(Poland, Warsaw)
z.zaron@uw.edu.pl

ABOUT THE SYNTACTIC-SEMANTIC PROPERTIES OF THE POLISH WORD *WDZIĘCZNOŚĆ* ‘GRATITUDE’

The feeling of gratitude was treated as a virtue as well as the measure of humanity by the ancient philosophers. In our times, it is not always perceived this way. The purpose of this article is to show the roots of the understanding of gratitude through a critical review

of the dictionaries and proposals of Anna Wierzbicka, as well as to conduct syntactic-semantic analysis and to propose a semantic representation for the construction *X is grateful Y for Z*, equivalent to *X feels gratitude to Y for Z.* Dictionary definitions have much in common with the definition of St Augustine. The components of the Augustinian definition, namely, the recognition of goodness and the desire to reciprocate, are reaffirmed by Polish lexicographers. For Wierzbicka, gratitude is a love-like feeling. Lexicographers also speak of friendly feelings, adding, however, that gratitude also includes the desire to reciprocate the good received and, as with St Augustine, to remember it. Based on linguistic evidence, the author concludes that gratitude is the relationship between X's knowledge: *Y did something for him* and X's need to do something good for Y in return. A necessary component of the definition is the expression of one's feelings. Without it, one could not speak of gratitude at all.

Keywords: feeling of gratitude, moral obligation, syntactic-semantic analysis, presupposition, assertion, collocations.

References

Beattie M. *Gratitude: Inspirations by Melody Beattie.* Fundacja Hazelden, 2007. 112 p.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Kraków, Literackie Publ., 2005, 861 p.

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1985. 805 p.

Dubisz S. (Ed.). *Uniwersalny słownik języka polskiego* [The Universal dictionary of the Polish language]. Warszawa, Sci. Publ. of PAS, 2008. Electronic version.

Gotthelf J. (Bitzius A.). *Gesammelte Schriften*. Berlin, J. Springer, 1856. Vols. 1–2.

Narodowy korpus języka polskiego [The National corpus of Polish language] Available at: www.nkjp.pl (accessed 08.11.2019)

Siekierska K., Gruszczyński W. (Eds.). *Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku* [Polish language dictionary of the 17th and the 1st middle of the 18th century]. Kraków, IJP PAN Publ., 1996–. Vols. 1 — Electronic version.

Wierzbicka A. *Kocha, lubi, szanuje: medytacje semantyczne* [*Kocha*, *lubi* 'loves', *szanuje* 'respects': semantic meditations]. Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1971. 279 p.

Zaron Z. *Wybrane pojęcia etyczne w analizie semantycznej (kochaj bliźniego swego)* [Selected ethical concepts in semantic analysis (love thy neighbour)]. Wrocław, Ossolineum, 1985. 67 p.

Żmigrodzki P. (Ed.). *Wielki słownik języka polskiego*. 2007–. Vols. 1–. Available at: https://wsjp.pl (accessed 08.11.2019)

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.17

Motoki Nomachi
Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University
(Japan, Sapporo)
mnomachi@slav.hokudai.ac.jp

HOW DO RUSSIANS VERBALIZE THE ART OF KISSING? AN APPENDIX TO JURIJ D. APRESJAN'S ANALYSIS OF THE VERB *CELOVAT'* 'TO KISS'*

This article analyzes the syntax and semantics of the verb *celovat*' 'to kiss' in Russian from three perspectives with special attention to the lexical semantic approach advanced by Jurij D. Apresjan. First, the lexical collocation of the target construction is analyzed, and it is demonstrated that this construction can be used outside of the typical meaning of an established gesture for expressing politeness or greetings. It is ascertained, furthermore, that the use of the preposition *u* in the *u*+gen. construction is motivated by the need to express non-affectedness and non-cooperation of the recipient of the action initiated by the agent, by comparing with the competing construction with the dative argument *celovat' komu čto*. Second, the corpus analysis has shown that the preposition *u*+gen began to appear in the 18th century in literary works which reflect colloquial varieties of Russian. In addition, a statistical analysis has indicated that the preference of the prepositional construction *u*+gen was overwhelming in the 19th century and sharply declined in the 20th century. Lastly, in terms of the areal distribution of the target construction, it is characteristic particularly for Russian, while in Ukrainian and Belarusian, the equivalent construction with the prepositional construction *u*+gen can be regarded as a calque from Russian. In those two languages it began to appear in the 19th century, but it is almost out of use today.

Keywords: lexical semantics, syntax, verbal government, dative.

* I would like to express my sincere gratitude for the help and suggestions of the following scholars and colleagues: Dr Yaroslav Gorbachov, Dr Daniel Weiss, Dr Svetlana Tolstaja, Dr Anton Zimmerling, Dr Boris Norman, Dr Henadz' Cyxun, Dr Aleksandr Stroev, Dr Andrej Toporkov, Dr Irina Sedakova, Dr Maxim Makartsev, Dr Predrag Piper, Dr Maryja Kanjuškevič, Dr Taccjana Valodzina, Dr Anatolij Zahnitko, Dr Andrii Danylenko, Dr Ljudmila Popović, and Dr Romuald Huszcza. All the mistakes belong to the author of the article. I would also like to thank all native speakers of Russian, Belarusian and Ukrainian who provided the author with examples, some of which are used in this paper. In addition, I am indebted to G. S. my old friend for the inspiration to work on this topic.

1. Introduction

In his numerous works on lexical semantics, including his capital works such as *Èksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* (*Experimental Research on the Semantics of the Russian Verb*) and *Leksičeskaja semantika* (*Lexical Semantics*) [Apresyan 1974; 1995], and the collective monograph entitled *Teoretičeskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja* (*The Theoretical Problems of Russian Syntax. Interaction between Grammar and Lexicon*) [Apresyan et al. 2010], the honoree has paid special attention to the question of argument split (*rasščeplenie valentnostej* / *aktantov*). Comparing the syntactic structures *davat' komu-libo knigu* 'to give somebody a book' and *gladit' komu-libo golovu* 'to stroke somebody's head (lit. to stroke somebody the head),' Apresjan concludes: In the former structures, the verb has three semantic arguments (*semantičeskie valentnosti*) — the subject, the object and the recipient, whereas in the latter it has only two — the subject and the object. The accusative noun denotes the directly affected part of an object, whereas the dative noun, rather than denoting a recipient, refers to the object in its entirety (*ob'ekt v celom*), whose noun in the underlying structure (*isxodnaja struktura*) is controlled not by the verb *gladit'*, but by the noun *golova* [Apresyan 1995: 153–154; see also Apresyan 1967: 159–160; 1983: 4–6; Apresyan et al. 2010: 348–355]. There are various kinds of transformations of this type in Russian and one of them, Apresjan gives also as *gladit' kogo-libo po pleču* 'to stroke somebody on his/her shoulder' as opposed to *gladit' č'ë-libo plečo* 'to stroke someone's shoulder' [Apresyan 1995: 156]. Today some linguists label these phenomena cross-linguistically as "possessor raising" or "possessor ascension," while others prefer to use a different term, namely, "external possessor construction" [cf. König and Haspelmath 1997; Payne and Barshi 1999 among others]. Today this term is widely applied in Russian linguistics [cf. Weiss and Raxilina 2002; Kibrik 2000; 2005; Kibrik et al 2006, etc.]. Though the terminology itself is different, one can easily see that Apresjan's theoretical claims were pioneering in Russian and Slavic linguistics, as has been confirmed by various scholars, including Kibrik [2000] and Weiss [Vais 2004].

It goes without saying that the transformation of the above-mentioned patterns does not automatically become possible. It is worth mentioning that Apresjan notices a subtle, but important semantic difference between two constructions, and points out that the difference is based on a communicative motivation, taking the verb *celovat'* 'to kiss' as an example.[1] According to Apresjan [Apresyan 1983: 7] on the one hand, *Pëtr celoval eë*$_{\text{acc.}}$ *v ruku* 'Peter kissed her hand (lit. Peter kissed her into the hand)' is probably awkward, while *Pëtr celoval ej*$_{\text{dat.}}$ *ruku* 'Peter kissed her hand (lit. Peter kissed the hand for/to her)' sounds normal. On the other hand, *Pëtr celoval ej*$_{\text{dat.}}$ *guby* 'Peter kissed her lips (lit. Peter kissed the lips for/to her') may be unnatural compared to *Pëtr celoval eë*$_{\text{acc.}}$ *v guby* 'Peter kissed her on

[1] In this article, the imperfective verb *celovat'* and the perfective one *pocelovat'*, which constitute an aspectual pair, will be used interchangeably. In addition, I have found a few examples with the verb *rascelovat'* 'smother with kisses' such as *ja rascelovalruki u svoego generala* 'I smothered my general's hand with kisses' (Zotov, 1850), but it does not change the representation of this problem, therefore, I will not analyze this verb in this article.

the lips.' Apresjan points out that the naturalness/unnaturalness of the above-mentioned expressions with the verb *celovat'* derives from the following difference: "kissing someone's hand" means, by and large, a depersonalized and ritual form of secular greeting which does not require an emotional background, whereas "kissing someone's lips" is regarded as a far more intimate and personal action that expresses affection and is possible in relation to the person who provokes warm feelings in the agent. To the best of my knowledge, none of this has yet been described in any monolingual dictionary of the Russian language.

In this context, one recalls the fact that the verb *celovat'* has another type of "argument split" with the preposition *u* + the noun in the genitive case, that is, *Pëtr celoval u neë*/*nej*$_{\text{gen.}}$ *ruku* 'Peter kissed her hand (lit. Peter kissed the hand at her),' which could be analyzed together with the above-mentioned two competing constructions. In what follows, I will analyze the syntax and semantics of the construction *celovat' u kogo čto*[2] *from the synchronic (Section 2), the diachronic and the areal-typological perspectives with special attention to other East Slavic languages (Section 3). Following this we will move onto the conclusion.*

2. Synchronic aspects of *celovat' u kogo čto*

2.1. Does it mean just a ritual act? Semantic feature of the syntactic construction

As has been pointed out by Apresjan [Apresyan 1967: 160], there are three types of relations between elements involved in the above-mentioned syntactic construction: 1) possessor — possessum, 2) whole — part, and 3) a thing and one of its features.[3] With regard to the target construction *celovat' u kogo čto*, we are particularly concerned with the relations 1. and 2. To be more precise, the most typical relation that can be found in the construction in question seems to be whole as possessor — body part as possessum.

As an idiomatic expression [cf. Garde 1985: 187] which seems to be becoming rather rare [cf. Prokopovich 1966: 139 and Section 3 in this article], this construction is collocated with the noun *ruka* 'hand' (and synonyms[4]) in the vast majority of cases for expressing an act of greeting or showing the agent's respect as in (1) and (2)[5]:

(1)	*On*	*molča*	*poceloval*	*u*	*nej*	*ruku*	*i*
	he	silently	kiss.app.sg.m	at	her.gen.sg	hand.acc.sg.f	and
	prostilsja	*s*	*nej*	*do*	*voskresen'ja.*		
	part.app.sg.m	with	her.ins.sg	until	Sunday		

'He silently kissed her hand and parted with her until Sunday' (Gončarov, 1869).

[2] The verb *celovat'* takes an object in the accusative case in the affirmative construction. When the verb *celovat'* is negated, then an object in the genitive case can also appear.

[3] For details, see also Weiss's discussion in his recent article [Weiss forthcoming].

[4] For instance, *dlan'* in the following sentence: *ja objasnilsja, poceloval u neë dlan'* 'I explained myself and kissed her hand' (Čukovskij, 1927).

[5] Examples that have been taken from the *Russian National Corpus* [RNC] [http://www.ruscorpora.ru/new/en/] are shown with the names of authors and year. I have cited examples without correcting spelling mistakes. Other examples without authors' name and year are taken from consultants who are native speakers of Russian and who are also professional linguists.

(2) *On* *uvidal,* *kak* *na* *ulice* *ego* *syn*
he see.app.sg.m how on street his son.nom.sg.m
podošël *k* *katoličeskomu* *svjaščenniku,*
approach.app.sg.m to Catholic.dat.sg.m priest.dat.sg.m
poceloval *u* *nego* *ruku*
kiss.app.sg.m at him.gen.sg hand.acc.sg.f
i *polučil* *blagoslovenie.*
and receive.app.sg.m blessing.acc.sg.n
'He saw how his son approached a Catholic priest on the street, kissed his hand and received a blessing' (Izgoev, 1909).

It is, however, important to notice that, unlike the above-mentioned two potentially competing constructions — *celovat' kogo vo čto*[6] *and celovat' komu čto* — this construction is more flexible in terms of collocation of lexemes, even in the meaning of greetings and rituals, including historical ones, as in (3)–(7): *noga* 'leg, foot,' *lico* 'face,' *plečo* 'shoulder,' *lob* 'forehead,' and *ščeka* 'cheek,' respectively.

(3) *No* *v* *to* *vremja,* *kak* *Potej* *i* *Terleckij*
but in that time how Potei.NOM and Terletskii.NOM
celovali *nogi* *u* *papy* *v* *Rime...*
kiss.APP.PL leg.ACC.PL at Pope.GEN.SG in Rome.LOC
'And yet, while Potei and Terletskii were kissing the Pope's feet in Rome…' (Solov'ëv, 1860).

(4) *Pribavil* *on* *počti* *nežnym* *golosom* *Pavlu,*
add.app.sg.m he almost tender.ins.sg.m voice.ins.sg.m Pavel.dat
celuja *ego* *v* *lico.* *Pavel* *celoval*
kiss.ger him.acc in face.acc.sg.n Pavel.nom kiss.app.sg.m
u *djadi* *lico,* *ruki.*
at uncle.gen.sg.m face.acc.sg.n hand.acc.pl.f
'He added in an almost tender voice, addressing Pavel (and) kissing his face. Pavel kissed (his) uncle's face (and) hands' (Pisemskij 1896)

(5) *Pri* *etom* *celuet* *u* *arxiereja* *oba* *pleča*
at this kiss.prs.3sg at bishop.gen.sg.m both shoulder.acc.pl.n
i *ruku* *i* *kljanjaetsja* *v* *zemlju.*
and hand.acc.sg.f and bow.prs.3sg into ground.acc.sg.f
'While kissing the bishop's both shoulders and his hand, and bowing to the ground' (Diomidov, 1915).

(6) *Teper'* *ja* *budu* *často* *priezžat'* '' govoril
now I be.fut.1sg often come.inf say.app.sg.m
on, *celuja* *u* *Very* *lob*
he kiss.ger at Vera.gen forehead.acc.sg.m
i *ruki.*
and hand.acc.pl.f
'From now on, I will visit often,' he said, kissing Vera's forehead and hands' (Kuprin, 1911).

[6] It is interesting to note that in this construction the argument split can be far beyond the above-mentioned relations as the following example shows: *Tol'ko staruxi-šestidesjatnicy celovali* ***ego v televizor****, kogda byvšego "Robertinu" po etomu televizoru vse že pokazali, požilogo mužika.* "Only old female sixtiers kissed him on the TV screen, when they finally did show the former 'Robertino' by now an old dude". This example has been provided by Dr Boris Norman.

(7) *Varja* *ponjala,* *čto* *bol'še* *ničego* *ne*
Varya.nom realize.app.sg.f that more nothing.gen not
dostigneš, *sdelala* *opjat'* *krotkoe* *lico,*
reach.npst.2sg do.app.sg.f again meek.acc.sg.n face.acc.sg.n
pocelovala *u* *otca* *ščëku,*
kiss.app.sg.f at father.gen cheek.acc.sg.f
vyrazitel'no *ulybnulas'* *Nikolaju.*
expressively smile.app.sg.f Nikolai.dat
'Varya realized that it was pointless to ask for more, put on a meek face again, kissed her father's cheek, and smiled expressively at Nikolai' (Ertel', 1889).

It comes as no surprise that some nouns that mean non-body parts such as a garment as in (8) and (9) that a given possessor wears, and a contextually unique item as in (10) that is held by the possessor in the described situation can appear in this construction:

(8) *Videl* *ty,* *kak* *ja* *u* *pana* *v* *nogax*
see.app.sg.m you how I at master.gen.sg.m in leg.loc.pl.f
valjalsja, *sapogi* *u* *nego* *celoval.*
throw.app.sg.m boot.acc.pl at he.gen kiss.app.sg.m
'Did you see how I threw myself prostrate at the master's feet (and) kissed his boots?' (Korolenko, 1886).

(9) *Kogda* *Šarlotta* *priblizilas'* *k* *nej,* *ona*
when Charlotte.nom approach.app.sg.f to her.dat she
xotela, *soglasno* *s* *ètiketom,*
want.app.sg.f according with etiquette.ins.sg.m
pocelovat' *u* *neja* *plat'e.*
kiss.inf at her.gen dress.acc.sg.n
'When Charlotte approached her, she wanted to kiss her dress according to the etiquette' (Moroxin, 2011).

(10) *On* *stal* *na* *koleni,* *poceloval*
he stand.app.sg.m on nee.acc.pl kiss.app.sg.m
krest *u* *svjaščennika.*
cross.acc.sg.m at priest.gen.sg.m
'He kneeled (and) kissed the priest's cross' (Fillipov, 2019).

All these examples show a natural extension of the inalienable possession [cf. Haspelmath 1999: 113].

In this context, it is important to note that the target construction *celovat' u kogo čto* does not always mean greetings or express respect to the person to be kissed as the following examples show:

(11) *Serdcem* *govorju:* *prosti!* *Ruki,*
heart.ins.sg.n say.prs.1sg forgive.impr.2sg hand.acc.pl.f
grud', *usta* *i*
breast.acc.sg.f lip.acc.pl and
oči *ja* *celuju* *u* *tebja.*
eye.acc.pl.n I kiss.prs.1sg at you.gen
'I am saying with my heart: forgive (me)! I am kissing your breast, lips and eyes' (Xodasevič, 1929–1931).

(12) *On* *pristal* *k* *eë* *pleču* *i*
he come.app.sg.m to her shoulder.dat.sg.n and
dolgo-dolgo *celoval* *ego,* *uryvkami* *šepča:*
long kiss.app.sg.m it.acc intermittently whisper.ger
Ax *ty,* *balovnica!..* *Paxom* *celoval*
ah you naughty girl Pakhom kiss.app.sg.m
plečo *u* *baby!*
shoulder.acc. sg.n at woman. gen.sg.f
'He fell on her shoulder and kissed it for a long, long time, whispering intermittently: 'You, naughty girl!..' Pakhom was kissing the woman's shoulder!' (Vol'nov, 1912).

(13) *Celoval* *ja* *u* *Ortrudočki* *nežno*
kiss.app.sg.m I at Ortruda.gen tenderly
trepetnye *grudočki,* *kak* *kotënok.*
tremulous.acc.pl.f breat.acc.pl.f how kitten.nom.sg.m
'Like a kitten, I was tenderly kissing little Ortruda's little tremulous breasts' (Čudakov, 1987–2000).

(11) means the action that could be motivated by the agent's strong affection directed toward the person (e.g., *ty* 'you') to be kissed and the action itself can overlap with that of *celovat' kogo vo čto*. (12) and (13) go further, that is, they express agents' carnal desire communicated by the verb *celovat'*.

To sum up, at least at this stage, one could say that the target construction *celovat' u kogo čto* can include a very wide range of lexemes that mean body parts (and contextual extensions), and the meaning of kissing can be beyond ritual acts, including greetings.[7]

2.1. Why the preposition u+gen in the syntactic construction?

A number of scholars have pointed out that the verb *celovat'* takes the *u*+gen construction [cf. Prokopovich 1966: 139; Zaichkova 1972: 37; Golovacheva 1995: 204; Terzić 1995: 114; Weiss and Raxilina 2002; Kibrik 2005: 307, etc.], however, they do not explain why this verb requires the preposition *u*+gen.

According to Luraghi, Naccarato and Pinelli [2020], in contemporary Russian, three semantically characterized groups of verbs take the *u*+gen construction: 1) verbs of asking and requesting (originally constructed with *u*+gen in Common Slavic), 2) verbs of buying (extended from locative), and 3) verbs of removing (extended from possessive). None of the groups of verbs seem, at least at first glance, to include the verb *celovat'*.[8]

Thus, we still need an explanation that justifies the use of the preposition *u*+gen in this syntactic construction from a different perspective. In this context, it is important to pay attention not only to the action of kissing itself and its meaning, but also to its manner, that is, how one kisses somebody's body part, including action(s) leading to kissing. The following examples (14), (15) and (16) illustrate this idea:

[7] According to Norman [2017], body-part lexemes can be divided into typical and atypical lexemes. Judging from what we have observed, the *u*+gen construction can include both types of lexemes.

[8] Also, one notes that there are no syntactic-semantic categories that might include the *celovat' u kogo čto* in Zolotova's *Syntactic dictionary* [Zolotova 1988].

(14) *Vot* *tak, –* *skazala* *ona,* *vzjav* *ruku*
here so say.app.sg.f she take.ger hand.acc.sg.f
muža, *podnosja* *eë* *ko* *rtu*
husband.gen.sg.m lift.ger her to mouth.dat.sg.m
i *dotragivajas'* *do* *neë* *neraskrytymi* *gubami.*
and touch.ger to it.gen closed.ins.pl.f lip.ins.pl.f
– Kak *u* *arxiereja* *ruku* *celujut.*
how at bishop. gen.sg.m hand. acc.sg.f kiss.prs.3pl

'Here's how,' she said, taking her husband's hand, lifting it to her mouth, and barely touching it with closed lips. 'How one kisses a bishop's hand' (Tolstoj, 1878).

(15) *Lizaveta:* *molča* *berët* *i*
Lizaveta silently take.prs.3sg and
celuet *u* *muža* *ruku.*
kiss.prs.3sg at husband.gen.sg.m hand.acc.sg.f

'Lizaveta: silently takes and kisses on her husband's hand' (Pisemskij, 1859).

(16) *Krečinskij:* *(berët* *u* *Lidočki* *ruku*
Krechinskii take.prs.3sg at Lida.gen hand.acc.sg.f
i *celuet)* *Za to,* *čto* *vy* *revnivy,*
and kiss.prs.3sg as that you jealous
celuju *vašu* *ručku.*
kiss.prs.1sg your.acc.sg.f little hand. acc.sg.f

'Krechinskii: (takes Lidochka's hand and kisses (it)) 'I am kissing your dear little hand on account of your being jealous''(Suxovo-Kobylin, 1855).

(14) shows a series of actions before kissing the husband's hand. Among them, one can observe that indeed she took his hand and brought it to her lips. In this context, one should also keep in mind that these actions are conducted by the agent of the action and the person to be kissed has no active role (neither a positive nor a negative attitude is implied, unlike the competing dative case, see 2.3) in the accomplishment of the action of kissing. All this suggests that the construction of all these actions is verbalized in the sentence *kak u arxiereja ruku celujut* 'how one kisses a bishop's hand.'

The idea that the existence of the proceeding non-verbalized action can appear on the surface, is confirmed grammatically in (15) where the verb *brat'* 'to take' explicitly shows the action before kissing and proceeding to kissing, and furthermore, both the verbs *brat'* and *celovat'* take common arguments, that is, *u muža* 'at husband' and *ruku* 'hand.' This is confirmed in (16) in which common arguments appear after the first verb, namely, *brat'* 'to take.'

This parallel can also be found in other verbs. To illustrate, let us take a look at the following slightly archaic syntagma *požat' ruku u kogo* 'to shake someone's hands (lit: to shake hand at someone) in (17)[9]:

[9] According to my consultants, the syntactic construction *požat' ruku u kogo* is not acceptable. Indeed, Krejdlin and Raxilina [Kreidlin, Rakhilina 1983: 58] regard this construction as ungrammatical. However, the *Russian National Corpus* confirms the existence of this pattern, particularly in the 18th and 19th centuries.

(17) *Zabyta?* *O,* *ja* *gotov* *požat'* *ruku*
forgotten oh I ready shake.inf hand.acc.sg.f
u *togo* *ili* *pocelovat'* *u* *toj,* *kto*
at he.gen or kiss.inf at her.gen who
nazovët *etu* *letopis'*
call.npst.3sg this.acc.sg.f chronicle.
acc.sg.f
serdca *skučnoju* *skazkoju...*
heart.gen.sg.n boring.ins.sg.f tale.ins.sg.f
'[Her fate has been] forgotten? Whoever calls this chronicle of the heart a boring tale, oh, I am ready to shake his hand or kiss her hand' (Bestužev-Marlinskij, 1833).

(17) can be interpreted as the agent of the action being ready to shake hands, for example, ready to take the hand of the recipient of the action in advance and then shaking hands being independent of the recipient's will to cooperate with the agent in realizing the action of "shaking hands."

To sum up, the use of the preposition *u*+gen in the target construction seems to be a result of the contamination of two verbs, that is, "to take" and "to kiss." This contamination is motivated by the fact that the action of kissing includes the precondition of "taking hands" as part of the main action.

The meaning described above could be the original meaning of the target construction (and likely spread into other lexical items than *ruka* with a weak implication of the above-mentioned precondition or even without it), which is not the case with other syntactic constructions of the verb *celovat'.* However, as the cited examples above may show, the existence of the preconditioned action is not always clear. Moreover, there are cases in which, indeed, the subtle difference between the target construction and competing constructions becomes less visible.

2.3. Competition with celovat' komu čto

Scholars who point out the existence of the target construction often mention *celovat' komu čto* (henceforth, the dative construction) as a competing synonymic construction. According to Zaičkova [Zaichkova 1972: 37], the selection of the dative construction and the *u*+gen construction is not contextually conditioned, and these constructions are interchangeable.[10] However, this is not always the case. Compare (18) with the dative case and (19) with the *u*+gen[11]:

(18) *Ženščina* *protjanula* *emu* *ruku,*
woman.nom.sg.f extend.app.sg.f this.acc.sg.f hand.acc.sg.f
i *on* *ej* *ètu* *ruku* *poceloval.*
and he her.dat this.acc.sg.f hand. kiss.app.sg.m
acc.sg.f
'The woman extended her hand to him, and he kissed that hand for her.'

[10] According to Mikaelian [2002: 214–215], this alternation is possible in verbs which denote physical contact (or "minimal action").

[11] Examples (18) and (20) have been provided by Dr Yaroslav Gorbachov. Incidentally, according to one opinion, the awkwardness of the phrase *ètu ruku* may contribute to the strangeness of (19).

(19) ?*Ženščina protjanula emu ruku, i on u neë ètu ruku poceloval.*

Grammatically, the second parts of both (18) and (19) are correct, but within the context indicated by the first parts of these examples, according to my consultants (19) sounds strange, while (18) is natural. This difference is due to the fact that the first parts of the examples imply that *ženščina* 'woman' is ready to be kissed and she is cooperative in this respect by stretching out (offering) her hand. As has been mentioned above, the *u*+gen construction indicates a non-active commitment of the recipient to realize the action of kissing that contradicts the action made by the woman in the first part of (19).[12] Compare (19) with (14)–(16).

Also, it is important to note the fact that the dative case signals affectedness, thus the dative construction would sound strange in a case where no affectedness is observed, unlike the *u*+gen construction.[13] Compare (20) with the *u*+gen and (21) with dative case:

(20)	*Ležaščij*	*na*	*polu*	*alkogolik*	*sp'janu*	
	lying.nom.sg.m	on	floor.loc.sg.m	alcoholic.nom.sg.m	drunken	
	načal	*celovat'*	*nožki*	*u*	*stola,*	*dumaja*
	begin.app.sg.m	kiss.inf	leg.acc.pl.f	at	table.gen.sg.m	think.ger
	čto	*eto*	*nogi*	*ženy.*		
	that	this. nom	leg.nom.pl.f	wife.gen.sg.f		

'The alcoholic lying on the floor, for the reason of being drunk, began kissing the table's legs, having decided that they were his wife's feet.'

(21) **Ležaščij na polu alkogolik sp'janu načal celovat' nožki stolu, dumaja čto eto nogi ženy.*

According to my consultants, (21) is impossible because the table, being inanimate, is not affected, while (20) is rather acceptable, as no affectedness can be observed and there is no active involvement by the table in realizing the action of kissing.

3. Diachronic aspects of *celovat' u kogo čto*

3.1. Analytism? History of the usage

The analytic tendency is one of the salient features in the evolution of the Russian morphosyntax [cf. Shvedova 1966; Valgina 2001]. According to Pravdin [1957: 117], the earliest cases of the replacement of the dative case with the *u*+gen can be found in the 15th century. It seems that this process was completed in the 18th century [cf. Logunova

[12] This notion can be identified with what Mel'čuk [Mel'chuk 1995: 161] calls 'passivity' of the possessor, which is characteristic of the *u*+gen construction. According to Mikaelian [2002: 215], the *u*+gen construction is used when the possessor is only weakly affected and the *u*+gen construction is more neutral than the dative, because the former construction, unlike the latter, signals that the action takes place in the personal sphere of the individual (expressed by the preposition *u*) without affecting the person.

[13] Thus, Mrázek and Brym [1962: 101] define the general meaning of the preposition as follows: *vztah velmi blízké účasti, velmi blízkého posílení se něčeho na něčem* 'a very close reinforcement // bolstering of something upon something.'

1984]. Furthermore, by illustrating the above-mentioned dative and the *u*+gen constructions, Glovinskaja [Glovinskaya 2000: 242] supposes that the latter construction is a result of analytism. All this suggests that the frequency of the *u*+gen construction with the verb *celovat'* might have been growing. However, Prokopovič [Prokopovich 1966: 139] pointed out that the *u*+gen construction with the verb *celovat'* became increasingly rare during the 20th century. To clarify this controversial situation, whether the *u*+gen construction is a result of the analytic tendency in Russian or not, one should pay attention to the diachronic change of the target construction.

It is difficult to point out the exact time when a given construction started to emerge. In our case, for the sake of simplicity, in what follows, I will limit myself to analysis of the dative and only the *u*+gen construction that includes the noun *ruka* 'hand.' in the syntactic construction, as it appears most often throughout the corpus. With regard to the dative construction, the earliest instance that can be found in the *Russian National Corpus* is the following example from the end of the 17th century, (22):

(22) *Po* *nakazanii* *tom* *veljat* *emu* *est'*
after punishing.dat.sg.n him.dat order.prs.3sg him.dat eat.inf
jako *obez'jane* *i* *načalniku* *celovat'* *ruku.*
how monkey.dat.sg.f and master.dat.sg.m kiss.inf hand.acc.sg.f
'After punishing him like that, they order him to eat like a monkey and kiss the master's hand' (Lyzlov, 1692).

The *u*+gen construction seems to have started appearing in the mid-18th century among writers such as Sumarokov, Čulkov, Fonvizin, Karamzin and others whose language in literary works was oriented to a colloquial variety of the Russian language. Here are some examples:

(23) *Ty* *pered* *neju* *francuzskie* *pesenki* *popevaeš,*
you before her.ins French.acc.pl.f song.acc.pl.f sing.prs.2sg
a *drugoj* *u* *neë*
while another.nom.sg.m at her.gen
ruki *celuet.*
hand.acc.pl.f kiss.prs.3sg
'You leisurely sing French songs in front of her, while another kisses her hand' (Sumarokov, 1750).

(24) *Uslyšav* *stuk...* *poceloval* *u* *menja*
hear.ger knock.acc.sg.m kiss.app.sg.m at me.gen
ruku *i* *ušël* *v* *kaplicu.*
hand.acc.sg.f and leave.app.sg.m into chapel.acc.sg.f
'Having heard a knock, he kissed my hand and retired into the chapel' (Čulkov, 1766)

(25) *Bog* *budet* *eë* *pomoščnikom,* *poceluj*
god.nom.sg.m be.fut.3sg her helper.ins.sg.m kiss.impr.2sg
u *neë* *ruku* *tak,* *kak* *ja*
at her.gen hand.acc.sg.f so how I
teper' *tvoju* *celuju.*
now your kiss.prs.1sg
'God will be her helper, kiss her hand in the same way as I am now kissing yours' (Karamzin, 1792).

Although it is difficult to conclude which of the two competing constructions appeared first, it would be rational to suppose that a typologically more regularly attested construction appears first; in our case, the dative construction. The following table summarizes the tendency to choose either the *u*+gen construction or the dative constructions, starting from the 17th century up until today:

Table

Tokens (%) of the *u*+gen and dative constructions in diachrony

	***u*+gen construction**		**dative construction**	
	celovat'	*pocelovat'*	*celovat'*	*pocelovat'*
1601–1700	0	0	1	0
1701–1800	5 (83%)	5 (83%)	1 (17%)	1 (17%)
1801–1900	115 (73%)	229 (82%)	41 (27%)	48 (18%)
1901–2000	31 (20%)	55 (14%)	121 (80%)	337 (86%)
2000–	5 (0.8%)	4 (0.6%)	54 (99.2%)	55 (99.4%)

It can be seen now that *u*+gen was widespread in the 19th century, but the usage dropped radically in the 20th century, while the diachrony of the dative construction shows the opposite tendency. In the end, the analytic *u*+gen construction is replaced by the synthetic dative construction.[14]

From this result of the quantitative analysis, one could say that it is difficult to consider that the *u*+gen construction is a result of an analytic tendency in Russian — both either a continuation of the analytic tendency which started in the 15th century, or an analytic tendency in the later period (the 20th and 21st centuries).

3.2. The origin of celovat' u kogo čto

The chronology of appearance and spread of the target construction could remind us of the intensive contact of Russia with Western European and Polish culture in the 18th and 19th centuries, when hand kissing as a behavior of high culture eventually became widespread among Russians, particularly aristocrats. However, neither French, German, nor Polish had the structural equivalent to the target construction in Russian. Furthermore, according to Toporkov [2012: 484], hand kissing as a custom did exist among East Slavs, thus it is difficult to place the origin of this construction in the context of cultural contacts, including linguistic contact.

[14] It is noteworthy to mention that this situation has a parallel to the syntactic construction including other verbs, for example, *požat'*/*požimat' u kogo*$_{gen}$ *ruku* vs. *požat'*/*požimat' komu*$_{dat}$ *ruku* 'to shake someone's hands.' According to data taken from the *Russian National Corpus*, the *u*+gen construction appeared in the 18th century (8 tokens) and was used only in the 19th century (29 tokens). The latest attested example is in Pisemskij (1869). The dative construction is not competitive and rather rare in the 18th century (4 tokens), while in the 19th century, from 1801 to 1869, it is overwhelmingly the more frequent of the two competing constructions (287 tokens).

The *u*+gen construction with the verb *celovat'* seems to be shared with Ukrainian as in (26) and Belarusian as in (27)[15]:

Ukrainian

(26) *Koli* *Ver* *proščalasja* *z* *Korvynym* *i* *vin*
as Ver part.app.sg.f with Korvyn.ins and he
ciluvav *u* *neï* *ruku,*
kiss.app.sg.m at her.gen hand.acc.sg.f
vona *povtoryla:* *– Kinec'.*
she repeat.app.sg.f end.nom.sg.m
'As Ver was saying goodbye to Korvyn and he was kissing her hand, she repeated: "This is the end"' (Petrov-Domontovyč, 1894).

Belarusian

(27) *I* *ŭsë* *staralisja* *calavac'* *u* *mjane* *ruki*
and all try.app.pl kiss.inf at me.gen hand.acc.pl.f
– daŭnejšy *zvyčaj,* *što* *astaŭsja*
old.nom.sg.m custom.nom.sg.m rel persist.
app.sg.m
ad *pol'skaha* *pryhonu.*
from Polish.gen.sg.m serfdom.
gen.sg.m
'And all the time they tried to kiss my hands — a very old custom, which had persisted since the times of Polish serfdom' (Kuprin, 1896, translated into Belarusian by Salavej in 1985).

We have to emphasize that the *u*+gen construction with the verb of kissing is rather rare in Ukrainian and Belarusian. Instead, in both languages, the dative construction as in (28) and (30) and the accusative construction *ciluvaty koho*$_{acc}$ *v ruku*/*calavac' kaho*$_{acc}$ *ŭ ruku* as in (29) and (31) in Ukrainian and Belarusian, respectively, are used akin to Polish (*całować kogo*$_{acc}$ *w rękę*) on the one hand, but dissimilar to Russian in which *celovat' kogo v ruku* may be awkward, though not impossible, on the other.

Ukrainian

(28) *Senator* *vytav* *hostej,*
senator.nom.sg.m greet.app.sg.m guest.acc.pl.m
ciluvav *ruku* *žinkam.*
kiss.app.sg.m hand.acc.sg.f wife.dat.pl.f
'The senator was greeting guests and kissing the hands of the wives' (Strutyns'ka, 1946).

(29) *Vvijšla* *v* *zal* *i*
enter.app.sg.f into parlor.acc.sg.m and
pociluvala *arxiereja* *v* *ruku.*
kiss.app.sg.f bishop.acc.sg.m into hand.acc.sg.f
'She entered the parlor and kissed the bishop's hand' (Nečuj-Levyc'kyj, 1881).

[15] These Ukrainian and Belarusian examples are taken from the *Russian National Corpus* and *General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian* [http://uacorpus.org/?fbclid=IwAR2JskicPGEFUTU2LyNuTZfOqdZjHQ1xffnBA5bpPpVDcIqSsMFDtD3sgoY].

Belarusian

(30) *Nixto* *ŭ* *žycci* *ne*
nobody.nom in life.loc.sg.n not
calavaŭ *ëj* *ruki!*
kiss.app.sg.m her.dat hand.gen.sg.f
'Nobody had kissed her hand ever in her life' (Šamjakin, 1983).

(31) *Andrej* *padyšoŭ* *da* *matki,*
Andrei.nom approach.app.sg.m to mother.gen.sg.f
pacalavaŭ *jae* *ŭ* *ruku.*
kiss.app.sg.m her.acc into hand.acc.sg.f
'Andrei approached his mother (and) kissed her hand' (Kolas, 1956).

According to my consultants, the dative and the accusative constructions are far more natural than the *u*+gen construction, but there are also consultants who deny the *u*+gen construction in contemporary Ukrainian.

It would be difficult to believe that the *u*+gen construction with the verb of kissing is of common East Slavic origin, as, to the best of my knowledge, not a single example of the target construction being shared by all the East Slavic languages earlier than the 18th century has been attested. Rather, it would be more natural to conclude that in this case the *u*+gen construction is a calque from Russian which spread into the other two East Slavic languages in the 19th century.[16]

4. Conclusion

Starting with the notion of "argument split" advanced by Jurij Apresjan, what we have discussed above can be summarized as follows:

1. Although the *u*+gen construction with the verb *celovat'* has been regarded as a fossilized idiomatic phrase and treated as a synonym of the dative construction for expressing the agent's greetings or respect toward the recipient of the action of kissing, the *u*+gen construction can be collocated with lexemes other than *ruka* 'hand' and its meaning does not remain in the sphere of greetings or respect directed at the person to be kissed.

2. The *u*+gen construction, in collocation with the verb *celovat'*, means an action where an agent takes the initiative and plays an active role in realizing the action, implying the existence of preceding actions initiated by the agent which, unlike the dative construction, is not the case with the recipient of the action. Moreover, unlike the dative construction, the *u*+gen construction does not mean any affectedness — which is one of

[16] It is interesting to note that all Belarusian examples with the *u*+gen construction found at the *National Russian Corpus* are translations from Russian into Belarusian. Moreover, in some cases the Russian sentence with the *u*+gen construction is translated into Belarusian with the dative construction. Compare the following sentence taken from Puškin's *Captain's Daughter* (1836): *Poceluj u nego*$_{gen}$ *ručku, i pust' on tebja blagoslovit* vs. *Pacaluj jamu*$_{dat}$ *ručku, i xaj ën cjabe blaslavic'* 'Kiss his hand and let him bless you' (translated into Belarusian by Čorny in 1936). It is worth mentioning the fact that in Ukrainian the same sentence is translated literally: *Pociluj u n'oho*$_{gen}$ *ručku, i xaj vin tebe blahoslivit'* (translated by Senčenko in 1981).

the features of the dative construction — which justifies coexistence of those two constructions.

3. Diachronically, it is difficult to treat the *u*+gen construction as a result of the analytic tendency observed in the history of Russian morphosyntax. On the contrary, the data taken from the *Russian National Corpus* have proved that the *u*+gen construction has been replaced by the synthetic dative construction. The same tendency can be found in other verbal complexes (such as the verb *požat'* 'to shake (one's hand)'). The reason is unclear. However, one could guess that the reason is that as time went by those verbs tended not to imply a series of preceding actions that lead to the action expressed by the verbs themselves. This change has led the preposition *u*+gen to be more difficult to collocate because the action of kissing itself does not require the ablativeness originally accompanied with the implied action of the verb *brat'* 'take' in the construction *celovat' u kogo čto*.

4. The *u*+gen construction probably started to emerge in the 18th century and became widespread in the 19th century, but its usage declined in the 20th century. All this explains that this is a syntactic construction originally developed in Russian. Although it is shared with other East Slavic languages and not with other Slavic languages, including Polish, it seems that the equivalents in Ukrainian and Belarusian are calque from Russian because, prior to the 18th century, the structural equivalents cannot be found in those languages.

Abbreviations

acc — accusative
app — active past participle
dat — dative
f — feminine
fut — future
ger — gerund
impr — imperative
inf — infinitive
ins — instrumental
loc — locative
m — masculine
n — neuter
nom — nominative
npst — non-past tense
pl — plural
prs — present
rel — relativizer
sg — singular

References

Apresyan Yu.D. *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [Experimental study of the semantics of the Russian verb]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 256 p.

Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 366 p.

Apresyan Yu.D. [Syntactic means of possessiveness expressing]. *Kategoriya prityazhatel'nosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh. Tezisy soveshchaniya* [The Category of possessiveness in Slavic and Balkan languages. Abstracts of the meeting]. V. V. Ivanov, T. N. Moloshnaya, T. M. Nikolaeva (Eds.). Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 4–9. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika* [Selected works. Vol. 1. Lexical semantics]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. 500 p.

Apresyan Yu.D., Boguslavskii I.M., Iomdin L.L., Sannikov V.Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of Russian syntax : Interaction of grammar and dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2010. 408 p.

Garde P. [On the so-called "sympathetic" cases in the modern Russian language]. *Russian Linguistics*, 1985, no. 2/3, pp. 181–196. (In Russ.)

Glovinskaya M.Ya. [Active processes in grammar]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late 20th century (1985–1995)]. E.A. Zemskaya (Ed.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 237–304. (In Russ.)

Golovacheva A.V. [The Semantic-syntactic possessive structures in Western Slavic languages and Russian]. *Etyudy po tipologii grammaticheskikh kategorii slavyanskikh yazykov* [Studies on the typology of grammatical categories of Slavic languages]. V.V. Ivanov, T.N. Moloshnaya (Eds.). Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 173–273. (In Russ.)

Haspelmath M. External possession in a European areal perspective. *External Possession*. D.L. Payne, I. Barshi (Eds.). Amsterdam, John Benjamins, 1999, pp. 109–136.

Kibrik A.E. [The External possessor as a result of valency splitting]. *Slovo v tekste i v slovare: sbornik statei k 70-letiyu akad. Yu.D. Apresyana* [The Word in the text and in the dictionary: a collection of articles for the 70th anniversary of academician Yu.D. Apresyan]. L.L. Iomdin, L.P. Krysin (Eds.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 434–446. (In Russ.)

Kibrik A.E. *Konstanty i peremennye yazyka* [Language constants and variables]. St Petersburg, Aleteya, 2005. 719 p.

Kibrik A.E, Brykina M.M., Leontyev A.P., Khitrov A.N. [Russian possessive constructions in the light of a corpus statistica studies]. *Vorposy yazykoznaniya,* 2006, no. 1, pp. 16–45.

König E., Haspelmath M. Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe. *Actance et valence dans les langues d'Europe*. J. Feuillet (Ed.). Berlin, Mouton de Gruyter, 1997, pp. 525–606.

Kreidlin G.E., Rakhilina E.V. [Comparative analysis of ways of expressing the possessive relationship in the Russian language. Case and prepositional-case forms]. *Kategoriya prityazhatel'nosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh. Tezisy soveshchaniya* [The Category of possessiveness in Slavic and Balkan languages. Abstracts of the meeting]. V.V. Ivanov, T.N. Moloshnaya, T.M. Nikolaeva (Eds.). Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 57–58. (In Russ.)

Logunova N.V. *Sredstva vyrazheniya prinadlezhnosti v russkom yazyke XVII veka: dis. ... kand. filol. nauk* [The means of expression of belonging in the Russian language of the 17th century. Dr. phil. sci. diss.]. Leningrad, 1984. 214 p.

Luraghi S., Naccarato C. and Pinelli E. The *u+gen* construction in modern standard Russian. *Cognitive linguistics*, 2020, no. 31(1), pp. 149–183.

Mel'chuk I. A. *Russkii yazyk v modeli «Smysl-Tekst»* [Russian in the "Meaning-Text" model]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 714 p.

Mikaelian I. La possession en russe moderne. Éléments pour la construction d'une catégorie sémantico-syntaxique. Ph.D dissertation. Paris, 2002 355 p.

Mrázek R., Brym J. [Semantics and functions of the Russian genitive with the preposition *u* (against the background of the Czech language)]. *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity*, 1962, no. A-10, pp. 99–118. (In Czech)

Norman B.Yu. [The Category of possessiveness from the standpoint of cognitive linguistics]. *Slavia časopis pro slovanskou filologii*, 2017, no. 86/2, pp. 1–21. (In Russ.)

Payne D. L., Barshi I. External possession: What, Where, How, and Why. *External Possession*. D. L. Payne, I. Barshi (Eds.). Amsterdam, John Benjamins, 1999, pp. 3–29.

Pravdin A. [The Question of the expression of affiliation in the Russian language]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*, 1957, no. 51, pp. 106–119. (In Russ.)

Prokopovich N.Kh. *Slovosochetanie v sovremennom russkom yazyke* [The Phrase in the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1966. 398 p.

RNC — Russian National Corpus. Available at: http://www.ruscorpora.ru/new/en/

Shvedova N.Yu. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom sintaksise (slovosochetanie)* [Active processes in the modern Russian syntax (word combination)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1966. 156 p.

Terzić A. *Sintagma sa genitivom bez predloga u sintaksičkim varijantnim redovima u ruskom jeziku* [The Phrase with the genitive without a preposition in the syntactic variant ranks in the Russian language]. Beograd, Beograd Univ. Publ., 1995. 282 p.

Toporkov A. L. [Tselovanie 'kissing']. *Slavyanskie drevnosti. T. 5* [Slavic antiquities. Vol. 5]. S. M. Tolstaya et al. (Eds.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012, pp. 483–486. (In Russ.)

Vais D. [The Semantic potential of the possessive relation and its textual conditionality in the modern Russian language]. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statei v chest' N. D. Arutyunovoi* [Hidden meanings. Word. Text. Culture. Collection of articles in honor of N. D. Arutyunova]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 283–295. (In Russ.)

Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in the modern Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2001. 304 p.

Weiss D. Possession. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics*. M. Greenberg (Ed.). Leiden, Brill, forthcoming.

Weiss D., Raxilina E. Forgetting one's roots: Slavic and Non-Slavic elements in possessive constructions of modern Russian. *Sprachtypol. Univ. Forsch. (STUF)*, 2002, no. 55, pp. 173–205.

Zaichkova I. *Datel'nyi bespredlozhnyi padezh v sovremennom russkom yazyke* [The Dative case construction without preposition in the modern Russian language]. Prague, Karlov Univ. Publ., 1972. 91 p.

Zolotova G. A. *Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 440 p.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.18

А. Д. Шмелев
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Московский педагогический государственный университет
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Россия, Москва)
shmelev.alexei@gmail.com

ЕЩЕ РАЗ О *ГОРДОСТИ* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ «ДЕМОНСКОЙ ТВЕРДЫНИ» К ЧУВСТВУ СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

В статье делается попытка проследить историю языковых выражений, соотносимых с понятием «гордость», на протяжении последних двух веков, а также установить связь этих изменений с перестройкой русской языковой картины мира. В русской языковой картине мира, как и в картинах мира многих других языков, сформированных под влиянием традиционной христианской этики, *гордость* в течение долгого времени понималась как общая жизненная установка, состоящая в чрезмерно и необоснованно высоком мнении о самом себе, часто сочетающемся с презрением по отношению к другим. Это понимание в значительной мере определялось христианской этикой, в которой *гордость* считалась первым из смертных грехов и противопоставлялась *смирению*. Постепенно, в процессе секуляризации общества, а также в связи с распространением романтических настроений, понятие «гордость» стало переосмысляться. *Гордость* стала пониматься как чувство человека, который думает, что с ним связано нечто хорошее, из-за чего другие люди будут думать о нем лучше, а в качестве общей жизненной установки *гордость* стала восприниматься как нечто близкое «чувству собственного достоинства». Рассмотренные семантические сдвиги отражают некоторые изменения русской «наивной этики».

Ключевые слова: лексическая семантика, языковая картина мира, наивная этика, история слов, семантические оппозиции.

В статье делается попытка проследить историю языковых выражений, соотносимых с понятием «гордость», на протяжении последних двух столетий (в первую очередь глагола *гордиться*, прилагательного *гордый*, наречия *гордо* и существительного *гордость*), а также установить связь этих изменений с перестройкой русской языковой картины мира.

На этом приходится остановиться еще и потому, что в последние годы распространился миф о неизменности языковой картины мира всякого конкретного языка. Приведем характерное высказывание из предисловия Анны Павловой к сборнику с несколько претенциозным названием «От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология: в поисках “этнической ментальности”». А. Павлова с некоторым (возможно, наигранным) удивлением пишет: «И. Б. Левонтина настаивает на изменчивости языковой картины мира <…> Если картина столь изменчива, то это уже не картина. Это язык» [Павлова 2013: 10]. Понятно, что с тем же успехом можно отрицать возможность каких бы то ни было языковых изменений. Нам говорят, что в германских языках было «передвижение согласных», в результате которого изменилась система консонантизма. «Но это невозможно: если система консонантизма может изменяться, то это уже не система консонантизма — это язык»[1].

Главное из изменений, которое претерпело понимание выражений, соотносимых с понятием «гордость», состояло в следующем. В русской языковой картине мира, как и в картинах мира многих других языков, сформированных под влиянием традиционной христианской этики, *гордость* в течение долгого времени понималась как общая жизненная установка, состоящая в чрезмерно и необоснованно высоком мнении о самом себе, часто сочетающемся с презрением по отношению к другим. Это понимание в значительной мере определялось христианской этикой, в которой *гордость* считалась первым из смертных грехов и противопоставлялась *смирению*. Соответственно, актуальными были противопоставления *гордый* vs. *смиренный*, *гордиться* vs. *смириться*. Постепенно, в процессе секуляризации общества, а также в связи с распространением романтических настроений, понятие «гордость» стало переосмысляться. *Гордость* стала пониматься как чувство человека, который думает, что с ним связано нечто хорошее, из-за чего другие люди будут думать о нем лучше, а в качестве общей жизненной установки *гордость* стала восприниматься как нечто близкое «чувству собственного достоинства»[2]. При понимании гордости как чувства возникает новое противопоставление *гордости* и *стыда*: если *гордость* — это чувство человека, который считает, что с ним связано нечто хорошее, из-за чего другие люди будут думать о нем лучше, то *стыд* — это чувство человека, который считает, что с ним связано нечто плохое, из-за чего другие люди могут думать о нем хуже. Это нашло отражение в новом противопоставлении глаголов *гордиться* и *стыдиться*[3].

---

[1] Нелепость пародируемого высказывания А. Павловой тем более удивительна, что автор этого высказывания — лингвист, написавший в свое время ряд вполне разумных лингвистических работ (в частности, работ, касающихся просодической маркированности ряда лексических единиц русского языка).

[2] Сходные изменения претерпели слова со значением ‘гордость’ в целом ряде других европейских языков (ср., например, историю слов *proud* и *pride* в английском языке).

[3] В последующем изложении использованы (с определенными уточнениями) некоторые положения, сформулированные в более ранней работе автора [Шмелев 2000]. Примеры использования слов со значением ‘гордость’ в произведениях Александра Солженицына были приведены в статье [Шмелев 2018].

Как мы знаем, этические представления, характерные для традиционной русской языковой картины мира, оценивали *гордость* резко отрицательно. Характерны толкования из словаря В. И. Даля:

Гордый ‘надменный, высокомерный, кичливый; надутый, высоносый, спесивый, зазнающийся; кто ставит себя самого выше прочих’. <…> *Гордым быть, глупым слыть. Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать. В убогой гордости дьяволу утеха. Во всякой гордости черту много радости.* <…>
Гордиться чем ‘быть гордым, кичиться, зазнаваться, чваниться, спесивиться’ / ‘хвалиться чем, тщеславиться; ставить себе что-либо в заслугу, в преимущество, быть самодовольным’. *Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утопился; а мы гордимся, куда годимся?* [Даль 1: 388].

Заметим, что как в предлагаемых синонимических заменах и толкованиях, так и в приводимых примерах отрицательная оценка ясно видна не только у прилагательного *гордый*, но и у глагола *гордиться*. При этом, как видно и из пояснений, и из приведенного примера, для глагола *гордиться* характерно абсолютивное употребление (просто *гордиться*, а не *гордиться* чем-либо). Характерны ряды синонимов, приводимых Далем для пояснения значения прилагательного *гордый* и глагола *гордиться*: *надменный*, *высокомерный*, *кичливый*; *надутый*, *спесивый*, *зазнающийся* и *кичиться*, *зазнаваться*, *чваниться*, *спесивиться*; *тщеславиться*. В большинстве этих синонимов более или менее ярко представлена отрицательная оценка соответствующего внутреннего состояния и сопутствующего ему поведения.

В сборнике пословиц, собранных Далем, обнаруживается та же отрицательная оценка гордости, например: *Гордый покичился, да и в прах свалился* [Даль 1957: 729].

Это вполне отвечает общехристианским представлениям. Приведем цитаты из синодального перевода Нового Завета:

… исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, *горды*, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы (Рим. 1: 29);

Бог *гордым* противится, а смиренным дает благодать (Иак. 4: 6; 1 Петр. 5: 5);

Кто учит иному и не следует здравым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот *горд*, ничего не знает, но заражен [страстью] к состязаниям и словопрениям (1 Тим. 6: 3);

… люди будут самолюбивы, сребролюбивы, *горды*, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы… (2 Тим. 3: 2).

Характерны также цитаты из «Катихизиса» святителя Филарета (Дроздова), написанного в 1823–1824 гг.:

> … нарушили долг совершенного повиновения Богу и, таким образом, отпали от Него и впали в самолюбие, *гордость* и злобу;
> *Гордость* и *тщеславие* относятся к идолопоклонству, потому что *гордый* выше всего ценит свои способности и преимущества, и, таким образом, они для него суть идол… Такое расположение *гордого* и тщеславного даже чувственным образом проявилось в вавилонском царе Навуходоносоре, который поставил сам себе золотого идола и велел поклоняться ему.

В литературе того времени такое восприятие *гордости*, связанной с тем, что субъект необоснованно считает себя лучше других, вполне обычно:

> Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил, что он гораздо лучше и умнее всех их. Нрав Алеши от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался *гордый* и непослушный. Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: «Алеша, не *гордись*! Не приписывай самому себе того, что не тебе принадлежит; благодари судьбу за то, что она тебе доставила выгоды против других детей, но не думай, что ты лучше их» (А. Погорельский. Черная курица, 1829)[4].

Любопытно, что обостренное чувство собственного достоинства также могло восприниматься как проявление отрицательно оцениваемой *гордости*. Так, в польской культуре чувство собственного достоинства, не позволяющее унижаться и отступать от собственных принципов ради выгоды или избавления от опасностей, ценится чрезвычайно высоко. Для обозначения вытекающей из такой установки готовности к жертвам в польском языке есть специальное слово — *honor*[5]. В русском восприятии поведение, вытекающее из такой установки, часто представало как высокомерие, надменность, отсутствие подлинного смирения. Соответственно, будучи заимствовано в русский язык в виде *гонор*, это слово вошло в ряд таких отрицательно окрашенных слов, как *спесь*, *кичливость*, *самоуверенность*, *самонадеянность*, *самомнение* и т. д. (проявление гонора, как правило, не одобряется)[6]. При этом *гонор* часто воспринимался как специфически польское качество, и неслучайно в русской культуре возник стереотип *кичливого ляха*

[4] Этот и некоторые последующие примеры взяты из [НКРЯ].

[5] Речь идет лишь об одном из значений слова *honor*. Здесь нет возможности подробно рассматривать семантические различия польских слов *honor* и *cześć* и их соотношение с русским *честь* (ср анализ в статье [Толстая 2013]). Отметим лишь, что в повести Пушкина «Капитанская дочка» пословица *Береги платье с нову, а честь с молоду* переведена как «Strzeż ubrania, póki nowe, a honoru od młodu» (переводчики — *S. Pollak* и *T. Stępniewski*). В оригинальных польских текстах мне не удалось обнаружить такой пословицы. Замечу, кстати, что выражение *слово чести* естественно перевести на польский язык именно как *słowo honoru*.

[6] Употребление слова *гонор* в «положительном» смысле изредка встречалось в XIX в., но постепенно сошло на нет.

(выражение из стихотворения Пушкина «Клеветникам России»), сохранявшийся и в более позднее время[7].

На этом фоне очень ярким оказывается употребление слова *гонор* в значении, близком польскому *honor*, в киносценарии Солженицына «Знают истину танки». Когда восстание заключенных давят при помощи танков, один лишь поляк Гаврон-ский не теряет достоинства:

> … Гавронский. Вскинутая голова! Грудь, подставленная под расстрел! Гонор — это честь и долг!
> С презрительной улыбкой он оглядывает стреляющий конвой…

Солженицын как бы восстанавливает «исконное» значение, которое слово *honor* имеет в польском языке [ср.: Шмелев 2013: 490–491].

Но уже в первой половине XIX в. в романтическом дискурсе, а следом и в повседневном употреблении появляются высказывания, в которых *гордость*, напротив, оценивается скорее положительно и соответствующим образом употребляются и прилагательное *гордый*, и наречие *гордо*, и существительное *гордость*. Ср. примеры из [НКРЯ]:

> Как невыразимо величественна военная музыка среди битвы! Как *гордо* и торжественно звучала она в горах Кавказа! (А. А. Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана, 1831);

> Две только драгоценности вынес я из потопа: это *гордость* души и умиление перед всем, что прекрасно (А. А. Бестужев-Марлинский. Письма, 1830–1837);

> … она опустила голову; казалось, ей тяжело продолжать. Но вдруг она подняла ее, *гордую* и величественную, и, ясно взглянув на меня, сказала: — Я сдержала слово! <…> Я готов был броситься к ногам этой женщины. Как высока, как сильна, как чудно изящна казалась она мне в эту минуту признания! (А. И. Герцен. Сорока-воровка, 1846).

Словоупотребление Марлинского можно связать с романтическим настроем его произведений. Но для Герцена такое использование слова *гордый*, возможно, уже воспринималось как вполне общепринятое.

«Положительная» окраска гордости обычно была обусловлена одним из следующих двух моментов. С одной стороны, гордость бывает связана с чувством, которое возникает у человека, когда он сам или близкие ему люди, как ему кажется, сделали что-то очень хорошее (из-за чего другие люди могут думать о нем лучше). Это естественное человеческое чувство, в котором трудно видеть что-то плохое. С другой стороны, гордость бывает связана с тем, что человек сознает свою ценность в качестве самостоятельной личности и потому не хочет зависеть от других людей и готов отстаивать свою независимость. Это сходно

[7] О слове *honor* и стоящей за ним установке и о семантическом сдвиге при заимствовании его в русский язык в виде *гонор* см. [Wierzbicka 1992: 218–221; Шмелев 2012: 312–314].

с установкой, лежащей в основе польского концепта *honor*. Ср. следующий пример из [НКРЯ]:

> Раненный два раза, он отвечал *гордо* на предложение к сдаче, что честь русского солдата повелевает умереть с оружием в руках (Ф. В. Булгарин. Воспоминания, 1846–1849)[8].

Положительные коннотации *гордости* встречаются и в поэзии того времени. Так, если в 1831 г. Пушкин еще эксплуатирует стереотип *кичливого ляха*, то в 1836 г. в стихотворении «Памятник» он уже использует по отношению к полякам перифрастическое обозначение *гордый внук славян* без каких-либо отрицательных коннотаций.

Еще более заметным оказался сдвиг, связанный с глаголом *гордиться*. Значение ‘быть чрезмерно высокого мнения о себе самом, необоснованно считать себя лучше других’ (т. е. *гордиться* вообще, безотносительно к чему-либо) постепенно вытесняется другим — человек *гордится* **чем-то**, т. е. ‘считает, что с ним связано нечто хорошее, из-за чего другие люди могут думать о нем лучше’[9]. Такая *гордость* может быть естественна и не подлежать этическому осуждению. Ср.:

> Он *гордился* тем, что был братом его, и такая *гордость* не только простительна, но и естественна и благовидна (П. А. Вяземский. Старая записная книжка, 1830–1870).

Возникает новое противопоставление: *гордиться* <чем-то> vs. *стыдиться* <чего-то>:

> Франции всегда подражает Северная Европа, и теперь у нас дворянство не только не *стыдится* торговли, напротив, люди *гордятся* оборотами, спекуляциями, подрядами и откупами, как предки наши *гордились* воинскими или гражданскими подвигами (Ф. В. Булгарин. Воспоминания, 1846–1849);
>
> Первый приехал стряпчий с женою, хорошенькою дочерью городничего, которая была уже в счастливом положении, чего очень *стыдилась*, а муж, напротив, казалось, *гордился* этим (А. Ф. Писемский. Тысяча душ, 1858).

В этих примерах обращает на себя внимание слово *напротив*, прямо указывающее на то, что *гордость* и *стыд* противопоставляются. В дальнейшем противопоставление *гордиться* vs. *стыдиться* становится совершенно обычным и встречается во множестве текстов.

Глагол *гордиться* начинает все более активно употребляться в первом лице (*горжусь*, *гордимся*), а также в императиве без отрицания и в сочетании с модальным

[8] Можно было бы говорить, что в таком словоупотреблении сказалось польское происхождение Фаддея Булгарина.

[9] Разумеется, такие употребления встречались и раньше: можно было *гордиться* <чем-то>, как можно *кичиться* <чем-то>. Речь идет о том, что абсолютивные употребления ушли на периферию.

глаголом во втором лице (*гордись*, *ты можешь гордиться*). Они встречались и прежде, но существенно реже.

В качестве реакции на такие употребления актуализуются призывы к смирению, к тому, чтобы *не гордиться*. Приведем два отрывка из стихотворений Алексея Хомякова:

«*Гордись*! — тебе льстецы сказали. —
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом!»
России, 1839

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве *гордости* слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;
Но в силе трезвенной *смиренья*
И обновленной чистоты…
Раскаявшейся России, 1854

Первый отрывок показывает, что вполне обычным стал призыв *гордись*, причем обращенный к целой стране, однако этот призыв используют «льстецы», т. е. обманщики. И Хомяков продолжает: «Не верь, не слушай, не гордись!» Иными словами, не следует поддаваться соблазну впасть в смертный грех гордости, а необходимо обрести дух смирения: «И вот за то, что ты *смиренна*, / <…> станешь в славе ты чудесной / Превыше всех земных сынов».

Второй отрывок эксплицитно противопоставляет *слепую гордость*, которой человек *упивается*, и *трезвенную силу смиренья*, вновь актуализуя традиционное противопоставление *гордости* и *смирения*.

Это противопоставление заново актуализуется и в знаменитой «Пушкинской речи» Достоевского (1880), в его призыве:

Смирись, *гордый* человек, и прежде всего сломи свою *гордость*.

«Новое» представление о *гордости*, в соответствии с которым она воспринимается как положительное качество, смыкающееся с «чувством собственного достоинства», постепенно становилось преобладающим, хотя продолжались попытки отстоять «старое» понимание. Когда одна писательница в соответствии с «новым» пониманием назвала Чехова *гордым мастером*, он возразил: «Почему вы назвали меня гордым мастером? Горды только индюки» [Чуковский 1958: 459]. Показательны также воспоминания Наталии Соколовой, дочери известного духовного писателя Николая Евграфовича Пестова. Юную Наташу Пестову (будущую матушку Соколову) родители оберегали от влияния советской идеологии, давая ей читать лишь дореволюционную и переводную литературу. Однако оказалось, что и в дореволюционной литературе содержались чуждые христианству ценности. Вот что об этом пишет сама матушка Соколова в своих воспоминаниях, озаглавленных «Под кровом Всевышнего»:

> Находясь в школе в безрелигиозном обществе, начитавшись светской литературы, я нравственно падала. Понятие «*гордость*» тогда превозносилось, особенно это сквозило в произведениях Лидии Чарской, которыми я увлекалась. Еще не сознавая в этом греха, я душой превозносилась над другими детьми.

Дело не просто в том, что Лидия Чарская употребляла слово *гордость* в «новом» значении, но скорее в том, что гордость считалась непременной принадлежностью всякого человека, обладающего чувством собственного достоинства.

В советское время положительное понимание *гордости* полностью возобладало. Оно поддерживалось использованием слов со значением ‘гордость’ в «неоромантической» словесности начала XX в., например у Максима Горького, цитаты из которого знал каждый советский школьник (*гордо реет Буревестник*; *гордый Буревестник реет смело и свободно*; *Человек! Это звучит гордо!* и т. п.). Связь *гордости* и готовности отстаивать свою независимость ярко отражалось в революционной литературе, например в словах из песни «Варшавянка» на слова Г. Кржижановского: *Но мы подымем гордо и смело* / *Знамя борьбы за рабочее дело*… Однако сходное словоупотребление стало обычным и для текстов, не имеющих отношения к революционной борьбе (*Врагу не сдается наш гордый «Варяг»*[10]).

Характерно, что когда Корней Чуковский упомянул приведенный выше диалог «гордый мастер — горды только индюки» в своей статье о Чехове, то, поскольку в понимании Чуковского слово *гордый* было окрашено уже почти исключительно положительно, далее он (возможно, не замечая иронии) вполне сочувственно цитировал высказывание театрального критика Кугеля: «Чехов был человек гордый», — и дополнил его следующим комментарием: «Такой же гордости требовал Чехов от всех» [Чуковский 1958: 483]. И Чуковский продолжал: «К смирению и кротости он был совершенно не склонен. <…> Ибо чувство собственного достоинства <…> всегда было регулятором его поведения» [Там же: 484]. Мы видим, что Чуковский следует традиционному противопоставлению *гордость* vs. *смирение*, но переосмысляет его в соответствии с новым словоупотреблением.

В этом отношении особенно показательна знаменитая цитата из выступления Алексея Суркова на съезде советских писателей в 1934 г.:

> Слово это — гуманизм. Рожденное в замечательную эпоху, это слово было запакощено и заслюнявлено тщедушными вырожденцами. Они подменили могучее его звучание — человечность — христианским сюсюканьем — человеколюбием... У нас по праву входят в широкий поэтический обиход понятия Любовь, Радость, *Гордость*, составляющие содержание Гуманизма. Но некоторые… поэты как-то стороной обходят четвертую сторону гуманизма, выраженную в суровом и прекрасном понятии НЕНАВИСТЬ.

Почти все, кто комментировал эту поразительную цитату, обращали внимание именно на апологию ненависти, тем более что это слово и было выделено в стенограмме. Но для понимания особенностей языковой концептуализации мира важно не столько то, что эксплицитно декларируется, сколько то, что как бы остается

[10] Эта строчка представляет собою перевод с немецкого (*Der stolze Warjag ergibt sich nicht* из песни «Der Warjag» на слова австрийского поэта Рудольфа Грейнца). Однако показательно, что и в песне о гибели «Варяга» с оригинальным русским текстом (*Плещут холодные волны…*) также используется эпитет *гордый*, а именно: *Бьется с неравною силой* / *Гордый красавец «Варяг»*.

за скобками, воспринимается как само собою разумеющееся; именно это язык подсказывает своим носителям. То, что *гордость* (слово, напечатанное в стенограмме с прописной буквы) стала восприниматься как очевидно положительное качество (которое только потому и могло стать одной из составляющих «гуманизма»), стоящее в одном ряду с *любовью* и *радостью*, уже никого не удивило: это соответствовало словоупотреблению большинства носителей русского языка того времени.

Любопытно, кстати, что слово *гордыня*, сохранившее отрицательную окраску в неидеологическом дискурсе, стало использоваться с отрицательной окраской и в языке советской идеологии (в значении ‘противопоставление себя коллективу’). Отсюда цитата:

> Писательница Вера Панова такими словами определила свое отношение к Пастернаку: «В этой озлобленной душе, которая раскрывалась во всем этом деле начиная с написания романа и кончая письмом, — нет ни чувства родной почвы, ни чувства товарищества, кроме безмерного эгоизма, неприемлемого в нашей стране, кроме невыносимой *гордыни*, неприемлемой в коллективистском обществе. Видеть это отторжение от Родины и озлобление даже жутко» (Записка Отдела культуры ЦК КПСС об итогах обсуждения на собраниях писателей вопроса «О действиях члена Союза писателей СССР Б. Л. Пастернака, несовместимых со званием советского писателя»)[11].

Советские штампы (*прекрасные, гордые люди*) выражали именно «новое» представление о гордости. Собственно, сам штамп возник еще в XIX в.:

> … раздражить, обидеть, оскорбить ее, чистую, *прекрасную*, *гордую*… (Ф. М. Достоевский);
>
> … *прекрасный*, *гордый* польский лоб… (Н. С. Лесков);
>
> … *прекрасная*, *гордая* Вера… (И. А. Гончаров).

Он неоднократно использовался и в литературе начала XX в., например:

> И увидел Елеазар *прекрасное гордое* лицо, осиянное славой… (Л. Андреев);
>
> Стоит, опустив ресницы, *прекрасная и гордая*… (Л. Андреев).

Да и у Чарской этот штамп встречается неоднократно:

> Я увидела *прекрасное*, *гордое* лицо, еще далеко не старое, но бледное как мрамор и высокий лоб под короной белых как лунь, седых кудрей (Л. А. Чарская. Записки институтки, 1901);
>
> Я вижу перед собой угрюмое бледное лицо, пламенные глаза, *прекрасную*, *гордую* голову, и в груди моей разливается огонь сочувствия, жалости безысходной тоски (Л. А. Чарская. Мой принц, 1915).

[11] Разумеется, за адекватность передачи слов Веры Пановой может нести ответственность только Отдел культуры ЦК КПСС.

Но в советское время он стал настолько избит, что превратился в объект насмешек, как в песне Галича «Леночка»:

Прекрасная и гордая,
Заметна за версту…

«Старое» понимание *гордости* в ее противопоставлении подлинному *смирению* в то время почти ушло в прошлое. Лишь только в нонконформистском и в эмигрантском словоупотреблении понятию «гордость» могло придаваться «старое» значение, как в статье «Демонская твердыня» свящ. Александра Ельчанинова:

> … главные этапы развития гордости от легкого самодовольства до крайнего душевного омрачения и полной гибели;
> Гордость есть крайняя самоуверенность, с отвержением всего, что не мое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божией помощи.

Однако и в нонконформистском словоупотреблении последнего полувека понятию «гордость», как правило, придавалось положительное значение. В частности, почти всегда с положительными коннотациями использовал его Солженицын. При этом интересно, что Солженицын несколько раз демонстрировал понимание *гордости* как важнейшей ценности польской культуры, соединенной с готовностью к жертвам. Это особенно ярко отражено в известном эпизоде из «Архипелага ГУЛАГ»:

> И тут я понял, что значит польская гордость — и в чем же были их самозабвенные восстания. Тот самый инженер поляк Юрий Венгерский был теперь в нашей бригаде. Он досиживал свой последний десятый год. Даже когда он был прорабом — никто не слышал от него повышенного тона. Всегда он был тих, вежлив, мягок.
> А сейчас — исказилось его лицо. С гневом, с презрением, с мукой он откинул голову от этого шествия за милостыней, выпрямился и злым звонким голосом крикнул:
> — Бригадир! Не будите меня на ужин! Я не пойду!
> Взобрался на верх вагонки, отвернулся к стене и — не встал. Мы ночью пошли есть, а он — не встал! Он не получал посылок, он был одинок, всегда не сыт — и не встал. Видение дымящейся каши не могло заслонить для него — бестелесной Свободы!
> И напрашивающийся вывод, выраженный в риторическом вопросе:
> Если бы все мы были так горды и тверды — какой бы тиран удержался?

Впрочем, секуляризованное понимание *гордости*, нашедшее отражение в «новом» словоупотреблении, никак не может считаться исключительной принадлежностью русского языка советского времени. Английский язык (особенно в американском варианте) пошел в этом отношении еще дальше, так что смысл слов *proud* и *pride* отчасти даже стерся. Вера Белоусова [2011] обратила внимание на то, что фраза *I am so proud of you!*, произнесенная родителем в ответ на сообщение

ребенка, что он получил хорошую оценку за контрольную работу, функционально близко русским похвалам *Молодец!* или *Умница!*. Различие разговорных рутин объясняется тем, что русские культурные скрипты предполагают возможность оценки человека, а американские предписывают говорить о себе и своих чувствах, а не наклеивать ярлыки.

И заметим, что, когда слово *гордость* метонимически указывает на причину чувства, т. е. на то, чем можно *гордиться*, как во фразе *Петя — гордость нашей школы*, для этической оценки вообще не остается места: ясно, что говорящий не обвиняет в смертном грехе гордости ни Петю, ни школу. Глагол *гордиться* стал почти исключительно употребляться для обозначения чувства, которое может оцениваться положительно, если говорящий считает причину гордости достаточным основанием для возникновения этого чувства (например, в сочетаниях *по праву гордиться*, *с полным основанием гордиться*, во фразе *Вы можете гордиться*…, в форме *гордись* и т. п.). Это употребление проникло и церковно-проповеднический язык, и, когда Святейший Патриарх Алексий II, обращаясь к родственникам погибших подводников, говорил: «Вы можете ими гордиться», — он, конечно, не призывал слушателей впадать в смертный грех гордости.

Тем самым противопоставление *гордиться* vs. *стыдиться*, пришедшее на смену противопоставлению *гордиться* vs. *смириться*, стало практически общепринятым. Приведем пример из романа Солженицына «В круге первом», когда инженер-энергетик, свесившись с верхней койки и обращаясь к Рубину, естественным образом использует это противопоставление:

> Надо так перестроить совесть человечества, чтобы люди *гордились* только трудом собственных рук и *стыдились* быть надсмотрщиками, «руководителями», партийными главарями.

И это дало почву для противопоставления *гордости* и *стыда*. В самом деле, в современном русском языке толкования слов *гордость* (в одном из значений) и *стыд* почти симметричны: *гордость* — это ‘приятное чувство, вызванное тем, что, по мнению субъекта, он или кто-то, к кому он имеет непосредственное отношение, обладает чем-то очень хорошим или сделал что-то очень хорошее, из-за чего другие люди могут думать о нем лучше’, тогда как *стыд* — это ‘неприятное чувство, которое испытывает человек, вопреки своей воле попавший или могущий попасть в ситуацию, по его мнению, в каком-то отношении отклоняющуюся от нормы, из-за чего другие люди думают или могут думать о нем хуже’[12].

Встает вопрос о том, как отразить современное употребление слов со значением ‘гордость’ в семантическом описании и, в частности, в толковых словарях. Соответствует ли «положительное» и «отрицательное» отношение к гордости разным лексическим значениям слова? Аналогичная проблема встает в связи со словами со значением ‘гордость’ в других языках. Напомним, что А. Вежбицка (в разделе «Moral Concepts» книги [Wierzbicka 1992]) рассматривает английское слово *pride*

[12] Разумеется, это лишь приблизительные толкования, не претендующие на точность.

как оценочно нейтральное и именно этим объясняет его способность использоваться как в положительных, так и в отрицательных контекстах, тогда как словари усматривают у этого слова два значения: «положительное» (чувство собственного достоинства) и «отрицательное» (преувеличенно высокое мнение о себе самом). Именно так трактуется слово *pride* в словарях [Hornby et al. 1958; Macmillan; Webster]. Ср. соответствующие словарные статьи:

> **pride** 1) ‘too high an opinion of one’s own worth, rank, qualities, etc.; conceit; arrogance; haughtiness’. *Pride goes before a fall*; 2) ‘a knowledge of one’s own true worth and character, preventing one from doing anything base or mean’; also *proper pride*. *His pride would not allow him to accept any reward* [Hornby et al. 1958];
>
> **pride** 1) ‘sense of one’s personal worth or dignity; self-respect’: *Despite years of poverty, the man had maintained his pride*; 2) ‘exaggerated or unreasonable sense of one’s worth or importance’: *Ken knew he was wrong, but his foolish pride kept him from apologizing* [Macmillan];
>
> **pride** 1a) ‘an unduly high opinion of oneself; exaggerated self-esteem; conceit’; 1b) ‘haughty behavior resulting from this; arrogance’; 2 ‘proper respect for oneself; sense of one’s own dignity or worth; self-respect’ [Webster].

Сходным образом словари английского языка подают и соответствующие значения прилагательного *proud*:

> **proud** 1) (in a good sense) ‘having or showing a proper pride or dignity’. *He was too proud to complain*; 2) (in a bad sense) ‘esteeming oneself too highly; thinking oneself superior; haughty; arrogant’. *He was too proud to join our party* [Hornby et al. 1958];
>
> **proud** 2) ‘having a sense of one’s personal worth or dignity’: *He is too proud to beg*; 3) ‘having an exaggerated or unreasonable sense of one’s personal worth or dignity; haughty’: *Harold is a proud, vain man* [Macmillan].

Как видно из толкований, отрицательная окраска возникает у слова *proud*, как правило, в тех случаях, когда связанная с ним самооценка субъекта воспринимается говорящим как необоснованно завышенная. Однако не вполне ясно, что лучше: трактовать это как распределение по контекстам разных лексических значений или как контекстную модификацию единого лексического значения.

Аналогичный вопрос встает и в отношении русских слов *гордиться*, *гордый*, *гордо* и *гордость*. Выясняется, что даже лингвисты, принадлежащие Московской семантической школе, не едины в трактовке этих единиц. В «Новом объяснительном словаре синонимов», в статье «*Гордиться*» Ю. Д. Апресян дает ряду *гордиться*, *кичиться* толкование ‘испытывать чувство, какое бывает, когда субъект считает, что он или близкий ему человек имеет или сделал нечто очень хорошее и что из-за этого другие люди будут лучше о нем думать’ [Апресян 2004]. Он указывает, что оба глагола управляют формой творительного падежа со значением предмета и одновременно причины гордости, и добавляет, что глагол *кичиться* в этом

же лексическом значении может употребляться абсолютивно, а глагол *гордиться* в абсолютивном употреблении имеет другое значение — ‘вести себя высокомерно, задаваться’ [Там же: 232]. А в «Активном словаре русского языка» В. Ю. Апресян выделяет у глагола *гордиться* единственное значение, не предусматривая других значений и, соответственно, возможности абсолютивного употребления [Апресян 2014]. Можно полагать, что В. Ю. Апресян считает абсолютивное употребление глагола *гордиться* устаревшим. Тем не менее примеры, в которых *гордиться* явно означает ‘вести себя высокомерно, задаваться’[13], встречаются в современных текстах, хотя и действительно не очень часто:

> Ты, Ларионов, не *гордись*! Ты, брат, ничем нас не лучше! (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь, 1993–2003).

Для слов *гордый* и *гордость* ситуация несколько более сложная. Наряду со значениями, непосредственно соотносимыми с глаголом *гордиться* (в основном значении) и описывающими чувство человека, который считает, что с ним связано нечто хорошее (а также метонимически производные значения или типы употребления), слова *гордый* и *гордость* могут употребляться не по отношению к чувству, а по отношению к общей установке человека, его мнению о себе и вытекающему из этого поведению. Если *гордость* как чувство в общем не подлежит этической оценке, то *гордость* как общая установка может оцениваться положительно, нейтрально или отрицательно. В случае положительной или нейтральной оценки *гордость* сближается с чувством собственного достоинства и нежеланием зависеть от других людей; в случае отрицательной оценки *гордость* сближается с высокомерием и самомнением. В соответствующих статьях «Активного словаря русского языка» [Гловинская 2014; Санников 2014] значения общей установки (и метонимически связанные с ними значения и типы употребления) отделены от значений, указывающих на чувство, и при этом для значений общей установки положительной и отрицательной оценке *гордости* соответствуют разные значения (т. е. принимается решение, сходное с решениями английских и американских лексикографов, а не с решением Анны Вежбицкой).

Интерес представляет стилистическая характеристика отрицательно оцениваемой *гордости*. Если А. В. Санников [2014] значение слова *гордость*, указывающее на то, что носитель данной установки слишком высоко ценит себя и, возможно, считает себя выше других людей, характеризует как книжное или церковное[14], то М. Я. Гловинская [2014] соответствующее значение слова *гордый* (т. е. такой, какой, по мнению говорящего, имеет слишком высокое мнение о себе: *Ишь, какой гордый!*) описывает как разговорное. В целом, хотя это и может казаться парадоксальным, и та и другая характеристики применимы к большинству случаев употребления этих слов. Но все же стоит заметить, что слово *гордость* в рассматриваемом

[13] Обратим внимание на то, что именно это значение является мотивирующим для производного глагола *возгордиться*.

[14] Это соответствует выводу, сделанному в более ранней работе [Санников 2006: 451].

значении может употребляться не в книжных или церковных, а вполне в разговорных и даже сниженных контекстах, например: … *у него пока гордость играет* [https://otvet.mail.ru/question/66121160]; *Интересно, тебе реально пофиг или тоже гордость играет?* [https://twitter.com/dolche_milk/status/537307498144104448]. Можно привести и менее сниженные примеры. Вспомним русскую поговорку *Нарастает гордость на сердце, как сало на свинье* (эта поговорка многим памятна, потому что цитируется в четвертой главе «Архипелага ГУЛАГ»). Едва ли поговорки как таковые можно отнести к книжным или тем более церковным выражениям. Но очевидно, что слово *гордость* употреблено в ней именно в значении слишком высокой самооценки в сочетании с презрением к другим людям.

Пожалуй, несколько жаль, что в словник «Активного словаря русского языка» не вошло наречие *гордо*. Как кажется, интересная особенность этого слова заключается в том, что оно весьма часто характеризует внешнее поведение, одновременно намекая на то, какое чувство или какая установка могут лежать за этим поведением.

В целом представляется, что приведенный материал свидетельствует о необходимости детального анализа всех идиосинкратических особенностей каждой отдельной лексической единицы. Собственно, это и есть то, что Ю. Д. Апресян уже довольно давно называл лексикографическим портретированием, используя выражение А. К. Жолковского, но существенно расширяя его. При этом, как справедливо отмечено в [Апресян 2006: 29–30], обнаруживается «принципиальное единство проблем в синхронии, диахронии и лексической типологии», демонстрирующее «тесную связь синхронии и диахронии в семантике». В этом отношении полное описание лексической единицы должно было бы включать ее историю и сопоставление с аналогичными единицами других языков. В применении к русским словам со значением ‘гордость’ мы можем констатировать, что старое противопоставление *гордости* и *смирения* сменилось новым — противопоставлением *гордости* и *стыда*. При этом «старое» противопоставление еще актуально для некоторых типов контекстов, например религиозных, а «новое» еще не успело пронизать всю систему языка. «Старое» противопоставление охватывало слова разных частей речи: противопоставлялись прилагательные *гордый* и *смиренный*, существительные *гордость* и *смирение*, наречия *гордо* и *смиренно* (*гордо вскинул голову* vs. *смиренно опустил голову*). Лишь для глаголов *гордиться* и *смириться* четкость противопоставления нарушается, поскольку *гордиться* — это глагол несовершенного вида, обозначающий внутреннее состояние субъекта, а *смириться* — глагол совершенного вида, указывающий на возникновение внутреннего состояния (в этом отношении глаголу *смириться* противопоставлен не столько глагол *гордиться*, сколько глагол *возгордиться*). В «новом» противопоставлении участвуют лишь некоторые слова со значениями ‘гордость’ и ‘стыд’. Оно четко выражено для глаголов *гордиться* и *стыдиться*, менее четко — для слов *гордость* и *стыд*. Это связано с тем, что для слова *гордость* значение испытываемого чувства не единственное и, вероятно, даже не основное (на первый план выходит общая установка на независимость и чувство собственного достоинства, а также сохраняется значение

самомнения), а слово *стыд* может еще обозначать самое способность испытывать чувство стыда (*совсем забыла стыд*), а также давать общую характеристику ситуации (*Какой стыд!*). Наречие *гордо* вообще не соотносится со словом *стыдно*, поскольку *стыдно* в современном языке — предикатив, а не обстоятельство образа действия [Булыгина, Шмелев 2000: 217–219]. Наконец, *гордый* тоже вообще не соотносится со словом *стыдный*, поскольку *стыдный* характеризует не человека, а обсуждаемую ситуацию, и к тому же в современном языке является уходящим и используется преимущественно в полемических контекстах [Там же: 220–221].

Можно добавить, что в следующем примере из «Ответа молодому ученому» Солженицына *гордость* противопоставляется не *стыду*, а *стыдливости*:

> Так говоря «интересно» — говорите, по крайней мере, это не с *гордостью*, а со *стыдливостью*! — со *стыдливостью* за ту утреннюю яичницу, и за то, что вам не приходится возить батонов в мешке сперва в тесном поезде, потом в переполненном автобусе. С певчей птицей себя не сравнивайте, ибо она сама себе добывает пищу и поет только в промежутке между невеселыми этими хлопотами. Ответ «мне просто интересно» — безнравственный.

Обычно слово *стыдливость* относится к более или менее постоянному свойству человека — склонности испытывать чувство смущения. Однако в данном примере слово *стыдливость* обозначает актуальное чувство, близкое чувству стыда. Очевидно, слово *стыд* казалось Солженицыну слишком сильным и он «смягчил» его. Тем не менее видно, что описываемое чувство близко именно стыду, а не смирению, так что и здесь мы имеем дело с «новым» противопоставлением.

Сопоставление с другими языками иногда может пролить свет на структуру полисемии рассматриваемых слов. Так, известно, что при обозначении актуальных эмоциональных состояний русский язык часто использует глагол там, где, скажем, по-английски используется прилагательное (*X is angry* и *X сердится*). Соответственно, естественно переводить английское *I am proud of you* как *Я горжусь тобою* (а не *Я горд тобою* или *Я горд за тебя*). Правда, как уже отмечалось выше, в силу различия культурных скриптов перевод *Я горжусь тобою* тоже звучит не очень естественно во многих контекстах. Но в любом случае нейтральное обозначение актуальной эмоции осуществляется при помощи глагола *гордиться*, и это приводит к тому, что для прилагательного *гордый* значение актуальной эмоции уходит на второй план, тем самым структура полисемии и контексты употребления каждого из значений прилагательного *гордый* не вполне соответствуют структуре полисемии английского *proud*. Разумеется, все приведенные наблюдения должны быть дополнены сопоставлением с другими языками и тщательным анализом переводных соответствий, в том числе в реальных переводах (например, на материале параллельных корпусов). Но это дело будущего.

Рассмотренные семантические сдвиги отражают некоторые изменения русской «наивной этики». Представление, согласно которому плохо, если человек преувеличивает свои достоинства, считает себя лучше других людей и вследствие этого относится к ним с пренебрежением, смотрит на них свысока и ведет себя

соответствующим образом, не исчезло из русской «наивной этики», но в какой-то степени ушло на задний план. Оно представлено в целом ряде языковых выражений, отражающих отрицательную оценку таких свойств и вытекающего из них поведения (существительных *высокомерие*, *гонор*, *гордыня*, *спесь*, прилагательных *высокомерный*, *надменный*, *спесивый*, *кичливый*, глаголах *задаваться*, *кичиться* и др.). Однако большинство таких выражений не относится к числу самых употребительных, их можно характеризовать как книжные или, напротив, разговорные. Это же верно в отношении уходящих или сдвинувшихся на периферию значений слов *гордиться*, *гордый*, *гордость*. На первый план вышло представление, согласно которому хорошо, когда человек обладает чувством собственного достоинства и не хочет зависеть от других людей, а также когда человек знает, что с ним связано нечто хорошее и радуется этому. Именно это представление отражается в самых характерных для современной речи употреблениях слов *гордиться*, *гордо*, *гордый* и *гордость*.

Литература

Апресян В. Ю. Гордиться // *Апресян В. Ю.*, *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Галактионова И. В.*, *Гловинская М. Я.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Лопухина А. А.*, *Птенцова А. В.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка. Т. 2 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 651.

Апресян Ю. Д. Гордиться, *кичиться* // *Апресян В. Ю.*, *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Галактионова И. В.*, *Гловинская М. Я.*, *Григорьева С. А.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Птенцова А. В.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 230–234.

Апресян Ю. Д. Предисловие // *Апресян В. Ю.*, *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Языковая картина мира и системная лексикография / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2006. С. 23–30.

Белоусова В. Lost in translation: романтики и прагматики // Новый мир. 2011. № 2. С. 146–157.

Булыгина Т. В., *Шмелев А. Д.* Грамматика позора // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 216–234.

Гловинская М. Я. Гордый // *Апресян В. Ю.*, *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Галактионова И. В.*, *Гловинская М. Я.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Лопухина А. А.*, *Птенцова А. В.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка. Т. 2 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 652–653.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Художественная литература, 1935.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. 204 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Павлова А. В. Предисловие составителя // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» / ред. И. Ф. Данилова. СПб. : Антология, 2013. С. 5–24.

Санников А. В. Понятия достоинства и смирения // *Апресян В. Ю.*, *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Языковая картина мира и системная лексикография / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2006. С. 405–468.

Санников А. В. Гордость // *Апресян В. Ю.*, *Апресян Ю. Д.*, *Бабаева Е. Э.*, *Богуславская О. Ю.*, *Галактионова И. В.*, *Гловинская М. Я.*, *Иомдин Б. Л.*, *Крылова Т. В.*, *Левонтина И. Б.*, *Лопухина А. А.*, *Птенцова А. В.*, *Санников А. В.*, *Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка. Т. 2 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 651–652.

Толстая С. М. Русская *честь* и польский *honor* // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. 2013. T. 25. S. 9–21.

Чуковский К. Люди и книги. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1958. 544 с.

Шмелев А. Д. Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 380–389.

Шмелев А. Д. Русский взгляд на «западные» концепты: языковые данные // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 306–324.

Шмелев А. Д. Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к «Красному Колесу» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу» / сост. Л. И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 491–496.

Шмелев А. Д. Гордость, *стыд* и *позор* в произведениях Александра Солженицына // Солженицынские тетради. 2018. Вып. 6. С. 80–110.

Hornby A. S., *Gatenby E. V.*, *Wakefield H.* Advanced learner's dictionary of current English. London : Oxford University Press, 1958. 1528 p.

Macmillan — Macmillan Dictionary. New York : Macmillan Publishing Co., 1973. 1158 p.

Webster — Webster's New World dictionary of American English / ed. by V. E. Neufeldt. 3rd ed. Cleveland ; New York : Simon & Schuster, 1988. 1574 p.

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York : Oxford University Press, 1992. 487 p.

A. D. Shmelev
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow Pedagogical State University
St Tikhon's Orthodox University
(Moscow, Russia)
shmelev.alexei@gmail.com

GORDOST' 'PRIDE' IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND RUSSIAN CULTURE: FROM THE STRONGHOLD OF DEMONS TO SELF-RESPECT

This paper studies the evolving meaning of some Russian linguistic expressions referring to the notion of 'pride' as well as the relation of these expressions to certain shifts in the Russian linguistic worldview. For a long time, the Russian linguistic model of the world conceptualized 'pride' as arrogance, that is, an unduly high opinion of oneself and haughty behavior resulting from this. That conceptualization had been shaped by the traditional Christian ethos, which treated 'pride' as the first of the grievous sins, the lack of humility befitting a creature of God. As a result of secularization and the rethinking of the traditional view, 'pride' came to refer to feeling something good because you or people connected with you have done or got something good. With reference to the general attitude of a person, it came to be interpreted as self-respect, that is, a knowledge of one's own true worth and character, preventing one from doing anything base or mean.

Key words: lexical semantics, linguistic conceptualization of the world, ethics, conceptual history, semantic oppositions.

References

Apresyan V.Yu. [*Gordit'sya* 'to be proud']. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka T. 2* [The Active dictionary of the Russian language. Vol. 2]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, p. 651. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [*Gordit'sya* 'to be proud', *kichit'sya* 'to be on one's high horse']. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Grigor'eva S. A., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Novyi ob''yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The New Explanatory dictionary of Russian synonyms]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 230–234. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [Preface]. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [The Linguistic worldview

and systemic lexicography]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2006, pp. 23–30. (In Russ.)

Belousova V. [Lost in translation: romantics and pragmatists]. *Novyi mir*, 2011, no. 2, pp. 146–157. (In Russ.)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. [The Grammar of shame]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki etiki* [The Logical analysis of language. The Languages of ethics]. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko, N. K. Ryabtseva (Eds.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 216–234. (In Russ.)

Chukovskii K. *Lyudi i knigi* [People and books]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1958. 544 p.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1935. Vols. 1–4.

Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Russian folk proverbs]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1957. 204 p.

Glovinskaya M.Ya. [*Gordyi* 'proud']. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka T. 2* [The Active dictionary of the Russian language. Vol. 2]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, pp. 652–653. (In Russ.)

Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H. *Advanced learner's dictionary of current English*. London, Oxford University Press, 1958. 1528 p.

Macmillan Dictionary. New York, Macmillan Publishing Co., 1973. 1158 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National corpus of the Russian language]. Available at: http://ruscorpora.ru

Pavlova A. V. [Author's preface]. *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoi mental'nosti»* [From linguistics to myth: Cultural linguistics in search of an "ethnic mentality"]. I. F. Danilova (Ed.). St Petersburg, Antologiya, 2013, pp. 5–24. (In Russ.)

Sannikov A. V. [The Notions of dignity and humility]. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [The Linguistic worldview and systemic lexicography]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2006, pp. 405–468. (In Russ.)

Sannikov A. V. [*Gordost'* 'pride']. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka T. 2* [The Active dictionary of the Russian language. Vol. 2]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, pp. 651–652. (In Russ.)

Shmelev A. D. [The Pluralism of ethical systems in the light of linguistic data]. *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki etiki* [The Logical analysis of language. The Languages

of ethics]. N.D. Arutyunova, T.E. Yanko, N.K. Ryabtseva (Eds.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 380–389. (In Russ.)

Shmelev A.D. [The Russian view of "Western" concepts: linguistic data]. *Evolyutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury* [The Evolution of notions in the light of the history of Russian culture]. V.M. Zhivov, Yu.V. Kagarlitskii (Eds.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 306–324. (In Russ.)

Shmelev A.D. [Linguistic motifs in Solzhenitsyn's life and literary work: towards the *Red Wheel*]. *Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna: na puti k «Krasnomu Kolesu»* [The Life and work of Alexander Solzhenitsyn: Towards the *Red Wheel*]. L.I. Saraskina (Ed.). Moscow, Russkii put' Publ., 2013, pp. 491–496. (In Russ.)

Shmelev A.D. [*Pride*, *Shame* and *Disgrace* in the works of Aleksandr Solzhenitsyn]. *Solzhenitsynskie tetradi*, 2018, iss. 6, pp. 80–110. (In Russ.)

Tolstaya S.M. [The Russian *chest'* 'honor' and the Polish *honor*]. *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*, 2013, iss. 25, pp. 9–21. (In Russ.)

Webster's New World dictionary of American English. V.E. Neufeldt (Ed.). 3rd ed. Cleveland, New York, Simon & Schuster, 1988. 1574 p.

Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York, Oxford University Press, 1992. 487 p.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.19

Г. М. Зельдович
Варшавский университет
(Польша, Варшава)
zeldowicz@yahoo.com

СПОСОБНОСТЬ МОДИФИЦИРОВАТЬ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДТЕКСТА КАК ПРИМЕТА ПЕРВОГО ДИСКУРСИВНОГО ПЛАНА В ЛИРИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

В прототипическом случае лирический текст распадается на эмпирическую часть, где представлен какой-то переживаемый автором (точнее, лирическим героем) опыт, и фокус, т. е. часть, в которой автор приходит к тому или иному обобщению, открытию важной истины и/или в которой существенным образом изменяются его взаимоотношения с миром и/или с самим собой. Это ключевое для лирики композиционное противопоставление получает множество собственно лингвистических манифестаций, значительная часть которых связана с ощутимым повышением информативности в «итоговых» фрагментах. Одна из таких примет «итога» рассматривается в настоящей статье. Показано, что при прочих равных условиях лучшие шансы стать главным содержательным открытием имеет фрагмент, способный ретроспективно воздействовать на интерпретацию предтекста. Вынуждать переосмысление эмпирических фрагментов фокус может несколькими способами. Во-первых, он может в некотором плане обеднить их содержание, по сравнению с тем, какое мы были бы склонны им приписать в его отсутствие. Во-вторых, иногда фокус заставляет пересмотреть уже как будто присутствующие в более ранних частях текста смыслы, в частности сложившиеся там дискурсивные связи, и заменить их другими смыслами. В-третьих, бывает так, что в определенный момент своего развития лирический текст мог бы уже восприниматься как завершенный, однако к этому «как бы завершенному» фрагменту добавляется еще один, разрушающий возникшее представление о законченности — и он-то как раз и становится фокусным. В-четвертых, нередко случается, что если в развитии лирического текста просматривается та или иная общая тенденция, то именно фокус ее нарушит, тем самым переводя из ранга твердых правил в гораздо более низкий ранг статистического предпочтения.

Ключевые слова: лирика, композиция, фокус, первый дискурсивный план, лингвистические манифестации дискурсивной привилегированности, модификация содержания.

Юрию Дерениковичу Апресяну –
с почтением и признательностью

1. Предварительные замечания

Среди важнейших исследовательских интересов юбиляра с давних времен были типология лингвистической информации и принципы, которые управляют взаимодействием отдельных присутствующих в высказывании смысловых компонентов. Смещая акценты в сторону лингвопоэтики, мы хотели бы на очень скромном материале показать, что в лирических стихотворениях нетривиальное типологическое обогащение выражаемых определенным фрагментом смыслов и одновременно особенное, тоже нетривиальное, взаимодействие этого фрагмента с иными фрагментами может становиться важным маркером композиционной структуры.

Известно, что в прототипическом случае лирический текст распадается на эмпирическую часть, где представлен какой-то переживаемый автором (или, точнее, лирическим героем — но здесь эта тонкость не слишком существенна) опыт, и часть, в которой автор приходит к тому или иному обобщению, открытию важной истины и/или в которой существенным образом изменяются его взаимоотношения с миром и/или с самим собой [см. особенно: Сильман 1977].

Очевидно, будучи предопределено самой природой жанра, именно это противопоставление является основным для лирического текста композиционным разломом, причем посвященные авторскому опыту эмпирические фрагменты и фрагменты, где совершается названное открытие (в дальнейшем именуем их *фокусом*), далеко не равноправны: первые содержательно подчинены вторым и уместны лишь в той степени, в какой эти вторые собой подготавливают, служат им своеобразной когнитивной опорой. Иными словами, эмпирические фрагменты формируют неглавный, или, если воспользоваться термином из нарратологии, «фоновый», план лирического дискурса, а главным планом являются фрагменты фокусные.

Как показывают проводимые нами исследования, оппозиция между эмпирическими частями текста и его фокусом получает вполне конкретные и достаточно последовательные лингвистические манифестации [см.: Зельдович 2015; 2016; 2018а; 2018б; Zeldowicz 2016]. Например, частыми отличительными особенностями фокуса являются богатство его дискурсивных связей с остальным текстом, его референциальная оторванность от иных, эмпирических фрагментов, определенного типа синтаксический параллелизм, особая целостность авторского сознания и т. д.

Глядя на это явление шире, можно предположить, что если не все, то весьма многие используемые при маркировании фокуса стратегии имеют общий знаменатель: коль скоро фокус обладает большей дискурсивной важностью, должна быть в общем случае более высокой и его информативность[1]. Разумеется, измерить и сопоставить информативность двух фрагментов текста в целом обычно либо очень

[1] В первом приближении эту информативность можно отождествить с тыняновской «теснотой» стихового ряда, но все-таки это не совсем одно и то же [см.: Зельдович 2018а].

трудно, либо и вовсе невозможно, однако может быть так, что один из фрагментов отчетливо более содержателен в каком-то отдельном и при этом когнитивно хорошо доступном, легко «вычленимом» аспекте своей смысловой структуры (или в нескольких таких аспектах).

К таким аспектам, разумеется, принадлежит типологическое богатство передаваемой соответствующим фрагментом информации. Действительно, в целом подобное богатство характерно для фокуса намного больше, нежели для эмпирических частей стихотворения [см.: Зельдович 2018а]. При этом, однако, в названной статье речь шла о богатстве, создаваемом в основном вполне «традиционными» типами информации, прежде всего прагматическими импликатурами. Здесь же мы хотим показать, что та же стратегия может осуществляться и иным, куда менее каноническим, но вместе с тем достаточно частым в реальных текстах способом.

2. Гипотеза

Допустим, читая в лирическом стихотворении некоторый фрагмент, мы построили его вполне удовлетворяющую нас (удовлетворяющую нашим ожиданиям относительно новизны, релевантности и пр.) интерпретацию, но за ним следует новый фрагмент, который эту интерпретацию настоятельно требует изменить. Безусловно, если последний, сверх того что он передает свой собственный смысл, еще и управляет интерпретацией другого, то при прочих равных условиях он окажется **содержательно более богатым**, притом более богатым не только в количественном, а и в определенном качественном плане, ибо данная информация, какое бы конкретное место мы ни отвели ей в нашем описании соответствующих текстов, очевидным образом не укладывается в традиционные типологические рамки. Следовательно, по логике наших рассуждений, у такого фрагмента есть больше шансов оказаться фокусом либо частью фокуса.

Вынуждать переосмысление эмпирических фрагментов фокус может несколькими способами. Во-первых, он может в некотором аспекте обеднить их содержание, по сравнению с тем, какое мы были бы склонны им приписать в его отсутствие; здесь преимущество фокуса по информативности оказывается связано сразу с двумя обстоятельствами: и с уменьшением содержательности эмпирических фрагментов как таковых, и со способностью фокуса их интерпретацией управлять, которая повышает его собственную содержательность. Во-вторых, иногда фокус заставляет нас пересмотреть уже как будто присутствующие в более ранних частях текста смыслы, в частности сложившиеся там дискурсивные связи, и заменить их **другими** смыслами. В-третьих, бывает так, что в определенный момент своего развития лирический текст мог бы уже восприниматься как завершенный (он содержательно самодостаточен, его структура уже соответствует жанровому канону, в частности переживаемый автором опыт уже привел его к открытию достаточно общей и важной истины, и т. д.), однако к этому «как бы завершенному» фрагменту добавляется еще один, **разрушающий** возникшее представление о законченности — и он-то как раз и становится фокусом либо наиболее важной

частью в фокусе данного стихотворения. В-четвертых, нередко случается, что если в развитии лирического текста просматривается та или иная общая тенденция, то именно фокус ее нарушит, тем самым переводя из ранга твердых правил в гораздо более низкий ранг статистического предпочтения.

Ниже все эти возможности будут проиллюстрированы.

3.1. Примеры 1–2

Посмотрим сначала на случай, когда фокус своим содержанием как бы «разреживает» смысл эмпирической части, по сравнению с тем смыслом, какой можно было бы у нее усматривать при обычных условиях. Примером будет стихотворение японского поэта Т. Кито (XVIII в.; перевод А. Седых; здесь и ниже всюду, где речь идет о переводах иностранной поэзии, нас интересует именно русский текст):

Покашливая,
Выходит из дома старик.
Ворота открыть?

Ясно, что главная по смыслу строка здесь — последняя: именно она неожиданным образом вводит «прямо в суть» старости, в ее немощь и сопутствующее ей «мира обнищанье». Эта особенность последней строки имеет и непосредственно лингвистическую манифестацию.

Согласно хорошо известному прагматическому закону, если нам сообщают о некоторой ситуации и если это сделано обычным, конвенциональным способом, мы склонны предполагать, что соответствующие события происходят **обычным образом**, представлять себе наименее «маркированную», стереотипную их реализацию [см. особенно: Horn 1984; Levinson 2000].

Так, хотя фраза *Я порезал палец* на семантическом уровне, на уровне собственно **сказанного** не уточняет, кому же палец принадлежал, интерпретируя ее, мы руководствуемся, во-первых, тем, что о порезанном пальце сказано самым простым и общепринятым способом (едва ли можно это сделать короче; едва ли можно найти более употребительные слова), во-вторых, тем, что, согласно нашим представлениям о мире, человек чаще всего режет **свой собственный** палец, — и поэтому приходим к выводу, что палец был пальцем самого говорящего.

Аналогичным образом в предложении *Я был в кино с женой* выбран, несомненно, наиболее привычный способ сообщить о соответствующем событии. Поэтому, хотя здесь не указывается прямо, что это была жена говорящего, такая интерпретация для нас все равно очевидна и среди возможных тут осмыслений наиболее привилегированна, попытка же ее «денонсировать» создает как минимум комический эффект (ср. *Я был в кино с женой, причем со своей собственной*), а нередко и аномалию (ср. диалог: *– Я ходил в кино с женой. – Тогда почему домой ты вернулся один? – ??Потому что это была не моя жена*).

Подобное же «приведение к стереотипу» имеет место и в огромном числе менее очевидных случаев. Например, в норме наш обеденный стол стоит на ножках, так,

что его столешница горизонтальна, а чайник мы ставим именно на нее. Поэтому фразу *Я поставил чайник на стол* крайне трудно отнести к ситуации, когда стол опрокинут набок, а чайник ставится на боковую поверхность ножки или на ребро столешницы, — притом что буквальному смыслу сказанного (‘в результате действий говорящего чайник принял такое положение в пространстве, при котором он ориентирован вертикально и какая-то часть стола мешает силе тяготения каузировать падение чайника’) такой вариант тоже вполне соответствует [см. подробнее: Herskovits 2009].

С другой стороны, поскольку смысл ‘событие совершается стереотипным образом’ достраивается к буквальному смыслу сказанного путем прагматического вывода и является импликатурой, постольку в принципе он отменим: мы в общем случае вполне готовы от подобной инференции отказаться, если контекст прямо или косвенно ей противоречит[2].

Вернемся теперь к стихотворению Т. Кито.

В принципе выйти из дома человек может и для того, чтобы уйти в другое, сравнительно удаленное место, и чтобы сделать что-то возле дома, и чтобы посмотреть, какая погода, не подъезжают ли гости и т. д. Однако в обычном случае, зная о чьем-то выходе из дома и **не зная** других относящихся к делу обстоятельств, мы будем предполагать первый вариант: что данный человек собирается отойти от дома достаточно далеко. Эту импликатуру как раз и снимает последняя строка стихотворения: мир старика так сузился, что для него выход из дома стал чаще всего лишь выходом к воротам.

Если, как видим, первые две строки демонстративно лишаются «нормальной» для них импликатуры и обедняются в своем содержании и происходит так благодаря присутствию третьей строки, то в этой ее способности управлять интерепретацией остального текста вполне логично усмотреть примету ее фокусного статуса.

В более простой версии этот же прием можно найти и в немалом числе других японских хокку и танка, например в стихотворении Минамото-но Санэтомо (XII–XIII вв.; перевод В. С. Сановича):

---

[2] Напомним, что для П. Грайса отменимость импликатур была их дефиниционным свойством [см., например: Грайс 1985]. Позднее было признано существование «сильных», плохо или вовсе не отменимых импликатур, однако такой вариант надо признать особым и маркированным, ибо во всех подобных случаях неотменимость имеет свои посторонние и легко опознаваемые причины [см., например: Sperber, Wilson 1995; Carston 2002; Levinson 2000], в целом же импликатуры все-таки определенно тяготеют к отменимости. Что касается конкретного рассматриваемого тут типа импликатур, то «избавиться» от них бывает неодинаково легко, поскольку неодинаково прочны соответствующие стереотипы. Скажем, стереотип ‘режут обычно свой палец’ весьма тверд, поэтому текст *??Я порезал палец. То есть палец соседа* либо комичен, либо предельно неловок (лучше импликатуру ‘это был мой палец’ тут вовсе не создавать, а сказать сразу *Я порезал палец соседа*). С другой стороны, стереотип ‘разбивают чаще свою машину’ явно слабее, явно более открыт для возможных исключений, поэтому текст *Я разбил машину. Машину соседа* уже достаточно приемлем. Обсуждать факторы, делающие такие импликатуры в большей или в меньшей степени отменимыми, мы не можем. Здесь важно лишь то, что в интересующем нас случае сама эта отменимость несомненна.

Если б в нашем мире
Ничто не менялось вовек!
О, лодчонка на взморье!
Рыбак в ней правит веслом,
Второй — бечевой ее тянет.

Обычно, интерпретируя сообщения наподобие *Ничто в доме не поменялось*; *Все в ней изменилось* и т. п., мы отдаем себе отчет в том, что буквально они не могут быть истинными, и потому с помощью определенных прагматических процедур немедленно сужаем область действия квантификатора, так что смысл подобных фраз автоматически уточняется, конкретизируется до чего-то вроде ‘в доме не поменялось ничто существенное’; ‘в ней изменилось все существенное или многое из существенного’. Поэтому, например, высказывание *Ничто в доме не поменялось* в естественной речи вполне совместимо с допущением, что в доме подкрасили подоконник, починили карниз, что в доме появилась новая кошка и т. п. Иными словами, чисто логический смысл подобных предложений практически всегда дополнительно обогащается описанной импликатурой.

Того же типа импликатура должна возникать и тогда, когда мы читаем первые две строки рассматриваемой танка: они воспринимаются так, будто бы автор хочет, чтобы в мире не менялось нечто **наиболее существенное**. Однако в четвертой и пятой строках выясняется, что удержать от движения автор хотел бы даже то, что заведомо, с необходимостью подвижно и скоропреходяще, даже то, что в отказе от своей мимолетности, скорее всего, и не способно существовать. Таким образом разрушается часть предполагавшегося в строках 1–2 смысла, и это, вероятно, причина или одна из причин, почему две заключительные строки прочитываются тут как фокус.

3.2. Пример 3

Посмотрим на стихотворение Г. В. Иванова, где уже было сложившаяся интерпретация одного из фрагментов впоследствии существенно изменяется под влиянием фрагмента более позднего и фокусного:

1.
Остановиться на мгновенье,
Взглянуть на Сену и дома,
Испытывая вдохновенье,
Почти сводящее с ума.

2.
Оно никак не воплотится,
Но через годы и века
Такой же луч зазолотится
Сквозь гаснущие облака,

3.
Сливая счастье и страданье
В неясной прелести земной...
И это будет оправданье
Всего, погубленного мной.

При первом чтении первой строфы мы склонны думать, что вдохновенье, о котором говорит автор, либо было испытано им лишь однажды, либо (это более вероятно) посещало его многократно, но здесь описывается в наглядно-примерном модусе, как выделенный из целого ряда сходных эпизодов **единичный** эпизод. Когда же в конце стихотворения автор упоминает о том, что́ им погублено, то подразумевается наиболее очевидным образом именно вдохновение, причем здесь из вдохновения, испытанного однажды или мыслимого как лишь однажды испытанное, оно практически наверняка становится «вдохновением вообще», некоей жизнеопределяющей всевременной ценностью.

Чтобы понять, насколько существен такой смысловой сдвиг, вспомним о важном разделении предикатов на предикаты «стадиального» и «индивидного» уровня (в английской традиции, соответственно, *stage level predicates*, *individual level predicates* [см.: Carlson 1980]; из более поздних работ на эту тему исключительно важна статья [Jaeger 2001]). Предикат стадиальный описывает ситуацию, которая приурочена к определенному месту и/или времени, а предикат индивидный характеризует главного участника ситуации на всем интервале его существования или, по крайней мере, на очень долгом подынтервале последнего; например, стадиальные предикаты выступают во фразах *Маша сварила суп*; *Петя заболел*, но индивидные — в: *Маша — Петина сестра*; *Петя инженер*; *Петя высокий*.

Разумеется, бывают случаи, когда один и тот же признак субъекта допустимо трактовать и как стадиально-преходящий, и как сверхдлительный («индивидный»). Скажем, если кто-то совершил ряд однотипных действий, то можно воспринять их как разрозненные, «стадиальные», но можно в их повторяемости увидеть и некую существенную, уже «индивидную», характеристику субъекта. Более того, подобного рода обобщение иногда способно строиться даже и на одном-единственном факте; например, говоря: *Иван совершил однажды скверный поступок* или *Иван меня в жизни обманывал* (неизвестно, сколько раз; возможно, что и лишь однократно), нередко подразумевают нечто вроде ‘Иван (вообще) непорядочный человек’, ‘Иван (вообще) не заслуживает доверия’.

Тем не менее, как показано Г. Карлсоном, Г. Эйгером и многими другими авторами, разграничение между предикатами стадиального уровня и предикатами индивидными является лингвистически настолько основополагающим, что, если то или иное предложение и допускает двойственную интерпретацию, речь должна идти о **полисемии**, но ни в коем случае не о простой диффузности значения.

Поэтому когда у Г. В. Иванова *вдохновение* сначала выступает как некий частный эпизод или, может быть, ряд эпизодов в жизни автора, т. е. как сущность

стадиального уровня, а затем отождествляется со всем авторским талантом и оказывается сущностью индивидной, с переходом этим сопряжена несомненная и существенная **реинтерпретация** соответствующих фрагментов текста — причем настоятельно требуют ее заключительные и вместе с тем фокусные тут строки.

3.3. Пример 4

Обратимся к восьмистишию М. И. Цветаевой:

1.
Дней сползающие слизни,
...Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.

2.
И до бед мне мало дела
Собственных... — Еда? Спанье?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.

Особенность этого стихотворения в том, что оно «двуфокусное»: ярко выраженными свойствами фокуса обладают здесь и четвертая, и восьмая строки. В частности, обе они заставляют определенным образом реинтерпретировать предшествующий им текст, а именно — сформированные в нем дискурсивные связи.

Действительно, в третьей строке то, что автору нет дела до собственной жизни, логично воспринимать как **следствие** из обстоятельств, которые даны в первой-второй строках: упрощенно говоря, однообразие жизни делает человека к ней равнодушным. Однако в строке 4 предъявляется уже совсем иная причина этого равнодушия, причем если бы мы попытались и сохранить первую причинно-следственную связь, и «достроить» к ней эту связь пояснительную, то должна возникнуть серьезная аномалия.

Как показано, среди прочих, Н. Эшером и А. Ласкаридес [Asher, Lascarides 2003], язык не позволяет, построив причинно-следственную дискурсивную связь между предшествующим предложением P_1 и следующим предложением P_2, позднее добавить к P_2 предложение P_3, вступающее с P_2 в пояснительные отношения (т. е., проще говоря, указывающее на **еще одну** причину ситуации P_2). Поэтому, например, интерпретируя текст *В комнате, где сидел Иван, вдруг запахло гарью. Он почувствовал себя не в своей тарелке. В комнату вошел ненавистный ему человек*, как причину плохого самочувствия Ивана можно воспринять дурной запах, можно — появление ненавистного ему человека, но ни в коем случае — не то и другое вместе; ср. текст с иным порядком частей, где подобное уже допустимо, так как указание на обе потенциальные причины предшествует сообщению о плохом самочувствии Ивана: *В комнате, где сидел Иван, вдруг запахло гарью.* [*Вдобавок*]

туда вошел ненавистный ему человек. Он почувствовал себя не в своей тарелке. Точно так же в тексте *Было холодно. Маша простыла. Она промочила ноги* как причину простуды позволительно трактовать либо холод, либо промоченные ноги, но не то и другое вместе — хотя такая интерпретация оказывается вполне естественной (пускай, конечно, и не единственно возможной) для текста *Было холодно. Маша промочила ноги. Она простыла*.

Поэтому в цветаевском стихотворении четвертая строка заставляет переосмыслить уже как будто сложившуюся причинно-следственную связь между первой-второй строками и третьей строкой (вероятно, третья строка должна восприниматься теперь как указание на причину, а не следствие того, о чем говорится в первой и второй, но это здесь не столь существенно).

Сходным образом устроена и вторая строфа. Риторические вопросы *Еда? Спанье?* естественно понять в отчасти презрительном (и, конечно, расширительном) смысле наподобие ‘с телом не происходит ничего, что заслуживало бы интереса’, и тогда вопросы эти должны хоть и не совсем прямым, но достаточно внятным образом указывать на причину того, о чем говорит седьмая строка, — на причину, почему автору безразлично собственное тело. Однако другую, еще более весомую причину этому предъявляет уже восьмая строка, и в силу описанной выше закономерности причинно-следственная дискурсивная связь между второй половиной шестой строки и седьмой строкой должна быть, фигурально выражаясь, денонсирована.

Как видим, дискурсивно первоплановый статус четвертой и восьмой строк сопрягается с их способностью управлять (ре)интерпретацией предшествующего текста.

3.4. Пример 5

Весьма схожий прием обнаруживается и в стихотворении О. Э. Мандельштама:

1.
После полуночи сердце ворует
Прямо из рук запрещенную тишь.
Тихо живет — хорошо озорует,
Любишь — не любишь: ни с чем не сравнишь...

2.
Любишь — не любишь, поймешь — не поймаешь.
Не потому ль, как подкидыш, молчишь,
Что пополуночи сердце пирует,
Взяв на прикус серебристую мышь?

При первочтении строку 6, *Не потому ль, как подкидыш, молчишь*, более чем логично воспринять как находящуюся в причинно-следственной дискурсивной связи с предшествующими строками или, возможно, с одной только пятой строкой.

Однако строки 7–8 недвусмысленно указывают на совсем другую причину, зная о которой, усматривать здесь названную связь уже никак нельзя[3]. Если причинно-следственная связь тут и возможна, то устанавливаться она должна существенно по-иному, между предшествующими строками или, возможно, самой по себе пятой строкой и строками 6–8 **как единым целым**.

Таким образом, тут две заключительные и, несомненно, фокусные строки тоже обнаруживают способность принуждать к реинтерпретации предшествующего текста.

3.5. Пример 6

Более сложный пример подобной рекурсии находим у Г. В. Иванова:

1.
Теперь, когда я сгнил и черви обглодали
До блеска остов мой и удалились прочь,
Со мной случилось то, чего не ожидали
Ни те, кто мне вредил, ни кто хотел помочь.

2.
Любезные друзья, не стоил я презренья,
Прелестные враги, помочь вы не могли.
Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья,
Но даже черви им, увы, пренебрегли.

Поначалу строки 5–6 воспринимаются так, будто в них делается определенный вывод из сказанного в строках 3–4: позднейшие события свидетельствуют, что друзьям автора не следовало его презирать, а врагам — пытаться оказать ему помощь.

Однако в свете двух заключительных и, безусловно, фокусных строк становится понятным, что строки 5–6 не только содержат это умозаключение, но в них еще и наглядно, в самой их парадоксальной, оксюморонной организации являет себя тот «талант двойного зренья», чье присутствие у автора будет прямо декларироваться в седьмой строке.

Особенно важно здесь то, что, если бы автор, сказав: *Со мной случилось то, чего не ожидали* / *Ни те, кто мне вредил, ни кто хотел помочь*, дальше никаким, хотя бы косвенным, образом не пояснил, что же именно случилось, возник бы ощутимый эффект недосказанности; поэтому такое сообщение заставляет нас ожидать, что следующее за ним будет его **детализацией**, будет более конкретно представлять существо случившегося.

[3] Очевидно, поскольку само понятие дискурсивной связи предполагает, что вступают в нее самостоятельные предикации, постольку названное указание, конечно, связано со строкой 6 уже не собственно дискурсивным, а семантико-синтаксическим отношением, но от этого существо дела не меняется.

Разумеется, если в строках 5–6 авторское «двойное зренье» являет себя в самом способе их организации, это не значит, будто бы между ними и третьей-четвертой строками устанавливается детализационная **дискурсивная связь**. И тем не менее тут можно увидеть вполне распознаваемое ее подобие, причем подобие, возникающее только «с подсказки» двух заключительных, дискурсивно первоплановых строк.

3.6. Пример 7

Как мы говорили выше, иногда кажется, что лирический текст уже пришел к своему содержательному завершению, к открытию достаточно важной истины — однако за как будто оканчивающим его фрагментом следует открытие истины еще более неожиданной, играющее роль подлинного фокуса и принуждающее прежнее представление о границах данного текста пересмотреть.

Примером будет стихотворение Ф. Пессоа (перевод с португальского наш. — *Г. З.*):

1.
Наедине, наедине
С моей тревогой неминучей,
Где нет на дне
Ни просветлений, ни созвучий…

2.
Я в ней исчезну,
Но эту боль не передам;
Она как бездна: видишь бездну –
И ничего не видишь там.

В каком-то смысле то, что тревога автора подобна бездне, уже объясняет ту ее невыразимость, мотив которой разрабатывался в первых шести строках, и потому начало седьмой строки с определенной долей правдоподобия могло бы восприниматься здесь как главный смысловой итог[4]. Тем не менее на этом текст не завершается, следом идет куда более ошеломительное обобщение, оказывающееся истинным фокусом и одновременно заставляющее подобную интерпретацию начисто отвергнуть.

3.7. Пример 8

Кажется, еще нагляднее описанный композиционный принцип обнаруживает себя в стихотворении А. Мачадо (перевод с испанского наш. — *Г. З.*):

[4] Разумеется, этому препятствуют ритмико-метрические обстоятельства, но мы сейчас говорим только о содержании.

Легко лететь, легко лететь, как птица:
Довольно оторваться от земли –
И не суметь на землю опуститься:
И ты летишь, и крылья понесли...

По своей и неожиданности, и обобщенности уже третья строка здесь вполне способна быть фокусом, однако за ней следует еще и четвертая, которая то удивительное, даже ошеломительное, о чем сказано в третьей, дополнительно вводит в более широкий ситуативный контекст — и тем самым делает его в нашем восприятии куда более **правдоподобным**. Иными словами, именно благодаря четвертой строке наша реакция на третью ощутимо сдвигается от изумления к принятию, а тем самым содержание третьей в своем модальном аспекте серьезно видоизменяется. Этим обстоятельством, по-видимому, объяснимо то, что как фокус тут воспринимается не только третья, откровенно «фантастическая», но также и заключительная, куда более предметная в своем содержании, строка и что она отнюдь не производит впечатления лишней, создающей просто ненужную длинноту.

3.8. Пример 9

Наконец, как мы уже говорили выше, присущая фокусу способность управлять восприятием предшествующего текста проявляется в том, что фокус может подчеркнуто нарушить некую сложившуюся в предтексте устойчивую и заметную инерцию, тем самым существенно изменяя ее статус, переводя ее из твердого правила в куда менее обязывающее статистическое предпочтение.

Присмотримся к тому, как строятся дискурсивные связи в четверостишии Омара Хайяма (перевод с фарси Г. Плисецкого):

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!

Вторая строка суть логический вывод из первой, точнее из содержащегося в ней смысла ‘рая нет’. Третья — снова вывод, следствие из того, что сказано во второй. Таким образом, в первой-третьей строках уже формируется ощутимая инерция: всякая предшествующая и следующая строки находятся в причинно-следственной дискурсивной связи.

Четвертая строка эту инерцию ломает, ибо ее содержание хотя и входит тоже в причинно-следственную связь, но не с содержанием третьей или второй строки, а с содержанием **первой**, вдобавок еще и с той его частью ‘ада нет’, которая в прежних авторских рассуждениях практически полностью игнорировалась.

Поэтому дискурсивная связь с предтекстом у четвертой строки существенно иного характера, нежели между второй и третьей, причем перемена эта должна оказаться особенно ощутимой как раз на фоне того обстоятельства, что сам семантический **тип** связи тут не изменяется, но остается таким, каким был и прежде.

Кажется убедительным заключить, что одной из примет фокусного статуса финальной строки здесь и является ее способность денонсировать возникшую ранее установку «текст развивается за счет того, что в каждом следующем предложении извлекается вывод из предыдущего».

4. Статистические данные и выводы

В начале статьи мы предположили, что достаточно частая примета фокуса состоит в его способности управлять интерпретацией более ранних фрагментов текста, вынуждая на такое их осмысление, которое иначе не возникало бы или оказалось бы маловероятным. Статистические данные, полученные нами при анализе материала, эту гипотезу подтверждают. Обследовав 200 лирических стихотворений, мы в семи рассмотренных выше случаях обнаружили подобное свойство у фокусной части текста и ни разу — у каких-либо эмпирических фрагментов.

Наиболее очевидное и уже представленное выше объяснение этому феномену заключается в том, что при прочих равных условиях способность модулировать восприятие иных частей текста обеспечивает соответствующему фрагменту даже не просто более высокую информативность, но, поскольку такая информация принадлежит весьма редкому, скорее почти не встречающемуся за пределами поэтической речи роду, обеспечивает передаваемым в этом фрагменте смыслам еще и особое типологическое разнообразие.

Литература

Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237.

Зельдович Г.М. Об одном способе маркировать дискурсивную перспективу в лирической поэзии. Композиция и референциальные связи, или В чем неправы П. Хоппер и С. Томпсон // Linguistica Copernicana. 2015. № 12. С. 245–270.

Зельдович Г.М. «Золотое сечение» и композиция лирического текста // Wiener Slawistischer Almanach. 2016. Bd. 78. S. 95–148.

Зельдович Г.М. Композиция лирического стихотворения и «теснота» стихового ряда: Типологическое богатство информации как маркер первого дискурсивного плана в лирическом тексте // Людмила Савченко. Душа воспламененная : сб. науч. тр. / сост. Е.В. Маслий, А.В. Кардашова. Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2018а. С. 287–346.

Зельдович Г.М. Целостность авторского сознания как признак главного дискурсивного плана в лирическом стихотворении // Linguistica Copernicana. 2018б. № 15. С. 323–353.

Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л. : Советский писатель, 1977. 224 с.

Asher N., Lascarides A. Logics of Conversation. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 552 p.

Carlson G. N. Reference to Kinds in English. New York : Garland Publishing, 1980. 311 p.

Carston R. Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication. Oxford : Blackwell, 2002. 418 p.

Herskovits A. Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 220 p.

Horn L. Toward a new taxonomy for pragmatic inference: Q-based and R-based implicature // Meaning, Form, and Use in Context / ed. by D. Schiffrin. Washington : Georgetown University Press, 1984. P. 11–42.

Jaeger G. Topic-comment structure and the contrast between stage level and individual level predicates // Journal of Semantics. 2001. Vol. 18. P. 83–126.

Levinson S. Presumptive Meanings. Cambridge : MIT Press, 2000. 480 p.

Sperber D., *Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. 2nd ed. Oxford : Blackwell, 1995. 326 p.

Zeldowicz G. Extraverted consciousness, introverted consciousness, and composition of lyrical discourse // Linguistica Copernicana. 2016. № 13. P. 301–318.

G. M. Zeldovich
Warsaw University
(Poland, Warsaw)
zeldowicz@yahoo.com

ABILITY OF MODIFYING THE MEANING OF EARLIER PARTS OF TEXT AS A PROPERTY OF FOREGROUND IN LYRICAL DISCOURSE

Prototypically, lyrical discourse comprises an empirical part, where some experience open to the author (lyrical hero) is presented, and a focal part, in which the author arrives at some generalization, discovery of a significant truth and/or changes her/his attitude towards the world and/or oneself. This basic compositional divide has a range of linguistic manifestations, many of which are related to increase of informativity in the 'wisdom' fragments. The paper is concerned with one such a manifestation consisting in that, other conditions being equal, better contenders for the focal role are those fragments capable of modifying the interpretation of the earlier ones. Such a modification may be realized through various mechanisms. First, the focus may somehow impoverish the meaning of the previous parts of the text, as compared to their most natural *prima facie* construal. Second, sometimes the focus calls for substitution of their interpretation with another one, e.g. such that implies different discourse links. Third, one may find lyrical texts that, at some point of their development, sound as fully competed, but then a new fragment is added; the latter one both destroys our previous expectations, and often turns out to be focal. Finally, in quite a few instances the development of the poem first strictly follows rule, but the focus departs from it, thus demoting it to the rank of a mere preference and also changing to some extent the meaning of what was said earlier.

Key words: lyric poetry, composition, focus, foreground, linguistic manifestations of discourse salience, modification of meaning.

References

Asher N., Lascarides A. *Logics of Conversation.* Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 552 p.

Carlson G. N. *Reference to Kinds in English.* New York, Garland Publishing, 1980. 311 p.

Carston R. *Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication.* Oxford, Blackwell, 2002. 418 p.

Grais P. [Logic and conversation]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 1985, vol. 16, pp. 217–237. (In Russ.)

Herskovits A. *Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English.* Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 220 p.

Horn L. Toward a new taxonomy for pragmatic inference: Q-based and R-based implicature. *Meaning, Form, and Use in Context.* D. Schiffrin (Ed.). Washington, Georgetown University Press, 1984, pp. 11–42.

Jaeger G. Topic-comment structure and the contrast between stage level and individual level predicates. *Journal of Semantics,* 2001, vol. 18, pp. 83–126.

Levinson S. *Presumptive Meanings.* Cambridge, MIT Press, 2000. 480 p.

Sil'man T. I. *Zametki o lirike* [Notes on lyrical poetry]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1977. 224 p.

Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition.* 2nd ed. Oxford, Blackwell, 1995. 326 p.

Zel'dovich G. M. [On one way of marking discourse perspective in lyrical poetry, or Where P. Hopper and S. Thompson go wrong]. *Linguistica Copernicana*, 2015, no. 12, pp. 245–270. (In Russ.)

Zel'dovich G. M. [The 'golden proportion' and composition of lyrical discourse]. *Wiener Slawistischer Almanach*, 2016, vol. 78, pp. 95–148. (In Russ.)

Zel'dovich G. M. [Composition of lyrical poem and 'density' of poetic range: Typological richness of information as marker of foreground in lyrical text]. *Lyudmila Savchenko. Dusha vosplamenennaya* [Lyudmila Savchenko. The ignited soul]. E. V. Maslii, A. V. Kardashova (Eds.). Kharkov, KharkovNational Univ. Publ., 2018a, pp. 287–346. (In Russ.)

Zel'dovich G. M. [Integrity of the author's conscience as marker of foreground in lyrical poem]. *Linguistica Copernicana*, 2018b, no. 15, pp. 323–353. (In Russ.)

Zeldowicz G. Extraverted consciousness, introverted consciousness, and composition of lyrical discourse. *Linguistica Copernicana*, 2016, no. 13, pp. 301–318.

https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.2.20

М. В. Ляпон
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyapon@list.ru

СТРАТЕГИИ КОМИЧЕСКОГО. ПЕРИФРАЗИРОВАНИЕ ИДИОМЫ (КРОССВОРД, АНЕКДОТ)

Цель статьи — обратить внимание на характерную для современной вербальной коммуникации экспансию экспериментальной метафоры. Специальный объект внимания — факты, подтверждающие активное использование препарированной идиоматики, вовлекаемой в языковую игру. Изучаемые приемы комического иллюстрируют: 1) смысловые смещения, обусловленные фигуральной логикой; 2) буквализацию фразеологизмов; 3) «мерцающие» смыслы, извлекаемые из реконструируемого надтекста, подтекста, затекста; 4) информацию на языке жеста и др. В статье также прокомментирован характерный для современной игровой риторики опыт контаминаций, нивелирующих междужанровые различия «кроссворд ↔ анекдот». В таких случаях отправитель информации выполняет сверхзадачу. Например, в анекдоте об ученом, разгадывающем кроссворд и сосредоточенном на поиске антонима к слову *эврика*, комический эффект сопровождается шлейфом производных ассоциаций. «Целительные рецепты» от фрустрации (‘обман, неудача, тщетная надежда’) облечены в форму фразеологизмов, подсказанных затекстом. В результате соль анекдота (его суперсмысл) дополняется прагматически значимой информацией. Продукты остроумия стимулируют творческую инициативу читателя-разгадчика при интерпретации тенденциозных анекдотов. Изучаемый материал демонстрирует неисчерпаемость креативного потенциала языка и подтверждает эвристическую результативность экспериментаторов в области игровой риторики.

Ключевые слова: природа комического, языковая игра, анекдот, кроссворд, игровая риторика, фразеология, ассоциации.

Предельная открытость языка и есть его победа

П. Рикёр

Случаи, когда возникает аномалия, дают нам гораздо больше информации, чем те случаи, когда все идет гладко

З. Вендлер

Гомер дает каждому, что тот может взять

А. Фет

Основная задача статьи — привлечь внимание к феномену остроумия. Экспансия комического рассматривается как тенденция, захватывающая разные сферы современного вербального общения.

Заслуживает ли тема остроумия серьезного исследования? «Я думаю, что это не подлежит сомнению», — так отвечает на этот вопрос Зигмунд Фрейд [1997: 15].

Юмор нуждается в интерпретации в разных аспектах, учитывая психофизиологическую природу самой смеховой реакции, ее защитные функции. Человек устает чувствовать себя постоянно рабом логики и здравого смысла. Наше подсознание напоминает нам о том, что у разума есть сильный конкурент — неконтролируемая энергия эмоции. Смеховая реакция — состояние психокинетическое; в нем отражается двойственная природа феномена смеха, действующего в двух направлениях: заряжать энергией и отнимать ее. В самом деле, смех обезоруживает (смеющийся человек «уличен» в искренности, и искренность в такой ситуации неподдельна). В смехе человек отдает себя во власть стихии, чтобы вернуться во власть разума, сохраняя при этом чувство юмора — способность, отличающую нас от животных.

Фрейд обращает внимание на один затекстовый фактор, важный для адекватной оценки остроты: она должна быть нова для слушателя и в этом случае действует ошеломляюще. «Это свойство остроты, обусловливающее ее недолговечность и побуждающее к продукции все новых и новых острот, проистекает, очевидно, из того, что ошеломить или застигнуть врасплох можно только один раз. При повторении остроты внимание направляется на выплывающее воспоминание о первом разе. Исходя из этого, мы можем понять затем стремление рассказать слышанную остроту другому человеку, который еще не знает ее» [Фрейд 1997: 154]. Фрейд подчеркивает неподдельность реакции, ее спонтанный характер.

Под влиянием таких факторов, как императивы остроумия, прелесть новизны, антипатия к шаблону, к заигранным ментальным стратегиям, нивелируются жанровые различия между анекдотом и кроссвордом. Причастность анекдота к комическому жанру не требует доказательств. Притязания кроссворда на этот жанр объяснимы его аналогией с паремией.

«Почему так трудно объяснить, что в шутках смешного? И почему трудно сказать, что такое шутка? Существует ли “базисная грамматика юмора” или “глубинная комическая структура”? <…> Чем дольше мы занимаемся поисками этой общей структуры, тем более очевидным становится отсутствие единства во всех многообразных проявлениях юмора» [Минский 1988: 297].

Слово стремится обрести новые способы употребления, т. е. слово пребывает в лексиконе «в ожидании» непредсказуемых смысловых модуляций; метафора — это только один из вариантов полисемии, вариант, при котором слово «работает по совместительству», не отменяя своих стационарных словарных значений.

В электричке молодой человек сидит, сжав голову руками, рядом с компанией подростков, своих сверстников, но не принимает участия в их шумном, оживленном споре о чем-то. На вопросы приятелей «Что с тобой?» отвечает: «У меня мигрень». Случайный попутчик, наблюдая ситуацию, вмешивается в разговор: «Молодой человек! У вас *не может быть мигрени*. Это недуг аристократический. Другое дело, если у вас *жбан раскалывается*»[1].

Обновляя заигранные «бродячие» сюжеты, авторы анекдотов варьируют приемы комизма, используя креативный потенциал лексики; при этом фиксируемая контекстом периферийная информация обогащается дополнительными смысловыми акцентами.

После недельной кропотливой работы с микроскопом крупный ученый поднимает свои красные от усталости глаза и обращается к коллегам:
— Господа, вы не подскажете антоним к слову *эврика*?

Рассматриваемый анекдот во всем объеме его содержания (надтекст, подтекст, затекстовые умозаключения) намекает на то, что изображаемый персонаж был лишен какого-то (заслуженного?) поощрения. Речь идет о состоянии, которое в медицине называется фрустрацией[2].

Автор анекдота об ученом конструирует модель поведения, рекомендуемую человеку, потерпевшему *фиаско*[3]: *не падать духом*; *смотреть на вещи открытыми глазами*; *взять себя в руки*; *не терять чувства юмора и чувства собственного достоинства*; *называть вещи своими именами*; *смотреть правде в глаза*. В дополнение к перифразам, изображающим ситуацию, напрашиваются устойчивые речения: *смех сквозь слезы*; *горечь поражения*; *хорошая мина при плохой игре*[4]. В поведении

[1] Ср. в кроссворде: *Вопрос*: «“Жбан”, который болит с похмелья» (*ответ*: «голова»).

[2] Фрустрация (лат. *frustratio* ‘обман, неудача, тщетная надежда’) — психическое состояние. возникающее в ответ на объективно непреодолимые трудности и включающее эмоции гнева, чувство раздражения.

[3] Изображаемый персонаж, очевидно, пытается разгадать кроссворд, в котором искомый антоним к слову *эврика — фиаско* (это слово в данном контексте адекватно не только стилистически, но и по количеству букв).

[4] *Хорошая мина при* (*в*) *плохой игре* ‘о внешне спокойном поведении, видимости благополучия, предназначенных скрыть чтон. плохое’ [ТСРЯ: 448].

персонажа из анекдота опознаем известный постулат З. Фрейда, который подчеркивал роль комизма («смехотворения») как целительной силы, энергетического заряда, подавляющего душевные конфликты. Остроумие, по Фрейду, является деятельностью, направленной на получение удовольствия от интеллектуальных процессов. Пуант, положенный в соответствии с правилами жанра анекдота, в данном случае отсутствует, точнее говоря, он скрывается в слове, которое в тексте прямо не названо. Читателям анекдота предлагается «помочь» персонажу ответить на вопрос внутритекстового кроссвордиста, т. е. найти антоним к слову *эврика*, принимая во внимание склонность персонажа цитируемого анекдота к высокопарному слогу (ср.: *Господа!*; *эврика*). Слово *фиаско* соответствует вербальной идионорме ученого, а также его поведенческой стратегии (информация, необходимая для осмысления его реакций).

***

Современный кроссворд привлекает внимание читателя-разгадчика множеством разноаспектных ассоциаций, провоцируемых вопросом составителя игры-загадки. Маскируя подсказку, намекающую на идиому, такой кроссворд оказывается источником (своего рода потенциальным «инвентарем») идиоматики, фразеологии в разных версиях этого понятия (пословицы; поговорки; поверья; приметы; «крылатые» цитаты, претендующие на мудрые изречения; максимы в роли афоризма; группировки, выделенные по лексико-грамматическим признакам; «сращения» — «единства» — «сочетания» в классификации В. В. Виноградова[5] и др.).

Вопрос: Автомобиль, у которого «крыша едет» (*ответ*: кабриолет) <идиома *крыша поехала* — намек на автоматически складывающийся верх кабриолета>.
Вопрос: Чувство в шаге от безумной любви (*ответ*: ненависть).
Вопрос: Ломаная монетка за никчемную вещь (*ответ*: грош).
Вопрос: Везунчик, обласканный судьбой (*ответ*: баловень).
Вопрос: Птица, которую пытаются натянуть на глобус (*ответ*: сова) <сова, бодрствующая в темное время суток, — образный аналог движущейся ночи>.
Вопрос: Работяга, который *кирпича просит* на стройке (*ответ*: каменщик) <в данном случае буквализация замаскирована дезориентирующей идиомой[6]>.
Вопрос: Ватерлиния на ноге пьяницы (*ответ*: колено).
Вопрос: Врач, которому пациенты «строят глазки» (*ответ*: окулист).

Сам процесс созревания итогового ответа не оставляет видимых следов; речь идет о состоянии сознания, которое ощущается субъектом как «невербальное внутреннее слово» (М. Мамардашвили); как «жестикуляция смыслов» (А. Белый); как некая «порождающая активность» (М. Бахтин). Идиома расчленяется на условно автономные части. Разгадчик опознает в вопросе идиому в полном составе

[5] О трудностях категоризации идиоматики писал В. В. Виноградов в своих статьях «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины»; «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» [Виноградов 1977а; 1977б]. Таксономия идиоматики остается проблемой, заслуживающей внимания лингвистов.

[6] *Кирпича просит* ‘*прост*. об отвратительном, грубом лице’ [ТСРЯ: 336].

и выделяет из нее искомое ответное слово. Намекающий вопрос в кроссворде препарирован таким образом, чтобы разгадчик опознал в нем подсказку искомого слова; с этой целью подразумеваемая идиома может расчленяться.

В соответствии с игровым режимом загадки вопрос во многих случаях прозрачно намекает на внутреннюю форму искомого слова.

Вопрос: Знойная «талия» земного шара (*ответ*: экватор).
Вопрос: Лодырь, «мотающий головой» (*ответ*: лоботряс).
Вопрос: Насмешник, не скрывающий белоснежную улыбку (*ответ*: зубоскал).
Вопрос: Кусачая муха с «плохим зрением» (*ответ*: слепень).
Вопрос: Формалист, «пожирающий алфавит» (*ответ*: буквоед).
Вопрос: «Единогласная» часть слова (*ответ*: слог).
Вопрос: Жучок-«фонарик» (*ответ*: светлячок).
Вопрос «Расческа» среди моллюсков (*ответ*: гребешок).
Вопрос: Трактирообразный овощ (*ответ*: кабачок).
Вопрос: Гладкоствольное охотничье ружье, заряжаемое «нецелыми числами» (*ответ*: дробовик).
Вопрос: «Таинственный» шкаф с откидной доской, заменяющей письменный стол (*ответ*: секретер).
Вопрос: Участница «маскарада» из молочных продуктов (*ответ*: ряженка).

Заслуживает внимания техника подсказки, при которой кроссвордист в своем вопросе намекает на обычай, народную примету, поверье — популярный в узусе данного социума «культурный знак», необходимый разгадчику для восстановления в памяти нужного слова.

Вопрос: «Прибыль» от найденной подковы (*ответ*: счастье).
Вопрос: «Счастье», прибитое над дверью (*ответ*: подкова).
Вопрос: Воспитательный стык стен (*ответ*: угол).
Вопрос: Человек, отпугивающий деньги (*ответ*: свистун).
Вопрос: Огородная «конкурентка» аиста-«демографа» (*ответ*: капуста).

В современной коммуникации популярность кроссворда подтверждается анекдотами, в которых разгадчик предстает как персонаж-типаж (реалистический, комический, пародийный и т. п. — так или иначе увлеченный игрой-загадкой). Пример междужанровой комбинации — дружеский шарж на предприимчивого разгадчика кроссворда:

Звонок по телефону.
— Алло, такси? Вы в столицу Казахстана возите?
— Извините, нет, слишком далеко. Вы представляете, где мы и где Астана?
— Ага спасибо… Ас-та-на… Шесть букв… Подходит!

Высшее образование в наше время необходимо. Когда вы выйдете на пенсию, вдруг вам повезет найти работу сторожа, как вы без образования будете *кроссворды отгадывать*?

***

В отличие от кроссворда анекдот — жанр рассказывательный. Благодаря этому преимуществу автор анекдота может использовать интонацию как средство, дезориентирующее при интерпретации смысла.

Сравним два текста.

(1) *Вопрос* в кроссворде: дерево в названии российского ракетного комплекса (*ответ:* тополь).

(2) *Анекдот*: Увидел новость: То́поля Мо́не продали за 22 млн долларов. Долго думал, кто такой Моня и почему ему так дорого продают ракеты.

В данном случае мы наблюдаем пример междужанрового параллелизма: искомое слово в кроссворде (ответ — *тополь*) служит подсказкой к анекдоту, который построен как загадка. Ответ в анекдоте остроумно замаскирован: человек, читающий текст новостей бегущей строкой («*Увидел* новость…»), ошибается в ударении (речь идет о картине французского живописца Клода Моне «Тополя»).

Категоризация анекдотов при изучении их «системных связей» [Шмелева, Шмелев 2000: 593–594] может быть дополнена информацией о персонажах и сюжетах, подтверждающих тесные междужанровые контакты «анекдот ↔ кроссворд».

Приведем несколько примеров, включающих речения разного синтаксического формата.

Когда женщина говорит о *надежном мужском плече*, то, как правило, имеет в виду шею.

Разница между друзьями и врагами чисто анатомическая: первые в трудную минуту *подставляют плечо*, вторые — *ногу*.

Главный тренер футбольной команды на вопрос, почему он не ставит на игру талантливого нападающего, пояснил журналистам, что тот *потерял форму*. Не понимаю: клуб же богатый, они что, не могут ему другую футбольную амуницию выдать?

Подтяжка лица — это молодость, *притянутая за уши*.

Хороший стоматолог *не всем по зубам*.

— Сапожник, как говорится, без сапог. А вон у того человека вообще ничего нет.
— Почему?
— Потому что он *мастер на все руки*.

— Что за профессия вообще такая — кинолог?
— *Не твое собачье дело*.

Студент Сидоров всегда берет в булочной два хлеба, потому что *одним хлебом сыт не будешь*.

Вот говорят, что *противоположности сходятся*. Но тогда почему не могу сойтись с какой-нибудь умной, красивой и богатой женщиной?

Доктор (мужу пациентки, в ее отсутствие): Мне ваша жена *не нравится*.
Муж: Мне она давно уже *не нравится*.
<На языке медиков означает: *диагноз настораживает*>.

— Надеюсь, Вовочка, я *не увижу*, как ты сегодня списываешь контрольную?
— Я тоже на это надеюсь.

<Автор анекдота конструирует комическую ситуацию, используя разночтения глагола *видеть*, который «создал свою собственную грамматику и логику употребления» [Арутюнова 1989: 21]. Ученик игнорирует предостережения: он рассчитывает на то, что учительницу подведет ее зрительный анализатор и она не увидит, как (каким образом) он осуществит свой замысел[7]>.

Из телепередачи «Кабачок “Тринадцать стульев”»:
Пан спортсмен:
— Вчера у меня голова чуть не лопнула.
— Почему?
— Я был на лекции пана профессора; он говорил очень умные вещи, а у меня *в одно ухо вошло, а из другого не вышло*.

«В Китае фраза “*чихал я на тебя*” приравнивается к покушению на убийство»[8].

Мотиватором комического эффекта могут служить так называемые мелкие слова, например дейктические местоимения в сочетании с предлогом[9]. Один фрагмент из диалога персонажей в кинофильме «Приключения барона Мюнхаузена»:

— Если вы не прекратите так фамильярно со мной обращаться, я мужу пожалуюсь!
— А кто *у нас* муж?

Чтобы исправить грубую оплошность, сохранить расположение женщины и предотвратить конфликтную ситуацию, ухажер меняет тактику общения: благодаря примирительному *у нас* (вместо *у вас*) актуализируется модальный акцент «соучастие». В результате изображаемая ситуация оборачивается безобидной шуткой, намекающей на любовный треугольник, в котором невольно оказались оба.

---

[7] «Л. Витгенштейн усматривал принципиальное различие между чисто перцептивным и когнитивным видением. <…> Он называл зрительное восприятие, включающее интерпретацию объекта, “видением как…”» [Арутюнова 1989: 24]. В русском языке ситуация, фиксирующая визуальный опыт, передается синтаксической моделью «видеть, что…».

[8] Намек на эпидемию, вызываемую коронавирусом. Коронавирусы — семейство вирусов, имеющих на поверхности характерные бахромчатые выросты в виде короны; некоторые виды — возбудители ОРЗ. Коронавирус передается воздушно-капельным путем.

[9] О вторичных значениях местоимений *мы*, *вы*, *они* см. [КРГ: 207].

Примыкающие к полнозначному слову модальные ремарки (частицы, междометия) способствуют формированию широко употребительного речения-эвфемизма. Диалог построен на каламбуре:

— Фаина Георгиевна! Что ж вы не спрашиваете, как я живу?
— Роза, как вы живете?
— Ой, *и не спрашивайте*! [Раневская 2004: 64].

Пример речения, претендующего на афоризм:

Наш ответ на извечный шекспировский вопрос «Быть или не быть?»: эх, была не была!

***

При толковании некоторых анекдотов мы ощущаем присутствие некоего «фантома» — «эксперта», побуждающего нас всерьез анализировать текст, как если бы вымышленная ситуация была тождественна реальной жизненной коллизии.

Я позвонил другу и спросил, что он делает. Он ответил, что работает над аквотермической обработкой керамики, алюминия и стали в условиях ограниченной среды. Я был впечатлен… Поинтересовавшись, я узнал, что он моет посуду горячей водой под присмотром жены.

Читатель сталкивается с неоднозначностью анекдота:

1) версия *маскирующая*: человек представляет себя своему собеседнику находящимся как бы в экспериментальной лаборатории (работает с керамикой, алюминием, сталью и т. п.); эта версия соответствует принципу «Тьмы *низких истин* мне дороже нас *возвышающий* обман»;

2) карикатура (пародия) на тех, кто, не владея навыками естественной разговорной речи, вынужден пользоваться языком, заштампованным книжно-письменными нормами.

Наблюдения над фактами спонтанного остроумия убеждают в том, что «градус» комического (и соответственно, эффект удовольствия) определяется своевременностью актуализации: реплика, озвученная вовремя, превращается в перл даже в тех случаях, когда в ней речь идет о рутинной, обыденной реальности, в которой нет ничего смешного. В одной из дискуссий о категории грамматического рода Д. Вайс, рассматривая ситуацию в немецком языке, затронул вопрос о приоритетах «мужское / женское» начало[10] в социокультурном аспекте. Д. Н. Шмелев, оппонируя докладчику, откликнулся шуткой: «А как у нас по-русски? Вечером, если на кухне гора немытой посуды, то муж скажет жене: “Ложись спать! *Завтра вымоешь*!”»

Примером невербализованной шутки служит эпизод, рассказанный Максимом Галкиным. Во время торжественного правительственного приема в Кремле среди

[10] Шутка на тему «Флексия как отпечаток категории рода в структуре языка синтетического строя»: «Жизнь женщины — сплошное ла-ла-ла… Встала, разбудила, проводила, приготовила, убрала, забрала, накормила, уложила… Короче, просто песня».

гостей присутствовал Геннадий Хазанов. Генерал, проходя мимо Хазанова, хлопнул артиста по плечу. Хазанов в ответ целует это свое плечо, демонстрируя отклик на языке жеста. Импровизированный «ответ» Хазанова можно истолковать не как безобидную шутку, а как адекватный (окрашенный иронией) отклик на фамильярность[11]. Так или иначе, присутствующие наблюдали остроумный блиц-диалог, подтверждающий семиотическую природу юмора, потенциальную неоднозначность комического — его форм и мотиваций.

Информативность языка жеста подтверждает Ф. Г. Раневская.

> Раневская обедала в ресторане и осталась недовольна и кухней, и обслуживанием.
> — Позовите директора, — сказала она, расплатившись.
> А когда тот пришел, предложила ему обняться.
> — Что такое? — смутился тот.
> — Обнимите меня, — повторила Фаина Георгиевна.
> — Но зачем?
> — На прощание. *Больше меня здесь не увидите* [Раневская 2004: 109].

Фразеологические ресурсы языка целенаправленно вовлекаются в сферу комического, подтверждая взаимодействие креативного потенциала языка с индивидуальным даром остроумия. Женщина, способная *остановить коня на скаку*, преобразована в анекдотический персонаж, который развивает интригу в сторону конфликта:

> Принцесса так и не дождалась *принца на белом коне*, потому что его *остановила на скаку случайно встретившаяся на пути русская женщина*.

Остроумный пример буквализации идиоматики приводит Б. Ю. Норман [1987: 178–189]. Автор ориентирует читателя на опознание замаскированных устойчивых речений:

> Хата Макара стояла с краю на кисельных берегах реки Молочной. Встав как-то поутру с прокрустова ложа и вломившись в открытую дверь, Макар подлил масла в огонь, вывел на чистую воду уток и привычно погнал куда-то телят. Утро было ясное, как божий день. Отмахнувшись от дыма без огня, Макар покатился по наклонной плоскости вниз, к стаду. На пастбище телята разбрелись — кто в лес, кто по дрова. Макар сел в лужу, закусил удила и просто открыл ларчик с ломаным грошом, который он ошибочно принял за чистую монету. Послышался звон. «Откуда он?» — подумал Макар и посмотрел вокруг сквозь пальцы…

Пользуясь языком метафоры, данный эксперимент можно назвать «стриптизом разоблаченных фразеологизмов». Для тех, кто изучает русский как иностранный, будет полезно задание: опознать русские идиомы, в родном языке обучающихся найти возможные смысловые эквиваленты.

[11] *Похлопывать по плечу кого-н.* ‘ *неодобр.* относиться покровительственно или панибратски’ [РСС 1: 495].

***

При изучении стратегий комического мы убеждаемся в том, что языковая игра «живет вне рамок противоположности “мудрость — глупость”» [Хёйзинга 1992: 16]. Шутка — аномалия целенаправленная, диктуемая потребностью разрушить клише, чтобы «сдвинуть» истину с насиженного места. Наблюдаемые приемы комизма подтверждают закономерность, сформулированную Э. М. Береговской в остроумном иносказании «Язык заигрывает с нами». С оглядкой на полисемию читатель использует множество измерений смысла, которые так или иначе задействованы в контексте и небезразличны для адекватного толкования комического эксперимента.

Литература

Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1989. С. 7–30

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977а. С. 118–139.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977б. С. 140–161.

КРГ — *Белоусов В.* Н., *Ковтунова И.* И., *Кручинина И.* Н., *Лопатин В.* В., *Ляпон М.* В., *Плотникова В.*, *Суханова М.* С., *Улуханов И.* С., *Шведова Н.* Ю. Краткая русская грамматика. М. : Наука, 1989. 726 с.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 281–309.

Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск : Вышэйшая школа, 1987. 222 с.

Раневская Ф. Г. Случаи, шутки, афоризмы. М. : Захаров, 2004. 160 с.

РСС — Русский семантический словарь. Словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998–. Т. 1–.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб. ; М. : Университетская книга : АСТ, 1997. 320 с.

Хёйзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М. : Прогресс, 1992. 464 с.

Шмелева Е. Я., *Шмелев А. Д.* Современный русский анекдот: языковые характеристики // Русский язык сегодня. Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. С. 587–596.

M. V. Lyapon
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
lyapon@list.ru

STRATEGIES OF THE COMIC. PARAPHRASING AN IDIOM (THE CROSSWORD PUZZLE AND THE JOKE)

The objective of the paper is to attract attention to the expansion of the experimental metaphor, typical for modern verbal communication. Special emphasis is put on the facts that confirm the active use of idioms in the language play. The paper gives examples that illustrate (1) the tactics of hinting prompts, (2) methods of using idioms in the literal sense, (3) "flickering" meanings, extracted by the reader from the reconstructed subtext, supertext, or context. Contamination neutralizing inter-genre differences between the crossword and the joke, which is characteristic of modern language play rhetoric, is discussed. It is shown that in such cases, the author that provides the information performs a supertask. For example, a joke about a scientist who is solving a crossword puzzle and seeks to find an antonym for the word *eureka*, has the comic effect accompanied by a chain of derivative associations. Healing "prescriptions" are clad in phraseological units prompted by the context. In this case, the ultimate sense, or gist, of the joke acts as an implicative model of an "if... then..." type. Wits stimulate the creativity of a reader solving a riddle (a crossword puzzle), or interpreting a biased joke. The material studied demonstrates the vastness of the creative potential of the natural language and confirms the heuristic effectiveness of experimenters engaged in language play rhetoric.

Key words: nature of the comic, language play, joke, crossword puzzle, play rhetoric, phraseology, associations.

References

Arutyunova N. D. [*Polagat'* 'to believe' and *videt'* 'to see'. On the issue of mixed propositional attitudes]. *Logicheskii analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Logical analysis of the language. Problems of intensional and pragmatic contexts]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 7–30. (In Russ.)

Belousov V. N., Kovtunova I. I., Kruchinina I. N., Lopatin V. V., Lyapon M. V., Plotnikova V., Sukhanova M. S., Ulukhanov I. S., Shvedova N. Yu. *Kratkaya russkaya grammatika* [The short Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 726 p.

Freud S. *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*. Leipzig, Wien, Franz Deuticke, 1905. 217 s. (Russ. ed.: Freud S. *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu*. St Petersburg, Moscow, Universitetskaja Kniga Publ., AST Publ., 1997. 320 p.).

Huizinga J. *Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture*. London, Routledge & Kegan Paul, 1949, 217 p. (Russ. ed.: Huizinga J. *Homo Ludens. Stat'i po istorii kultury*. Moscow, Progress Publ., 1992. 464 p.).

Minsky M.*L.* Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious. *Cognitive constraints on communication.* L.M. Vaina, J. Hintikka (Eds.). Springer, 1982, pp. 175–200 (Russ. ed.: Minsky M. Ostroumiye i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 1988, iss. 23, pp. 281–309).

Norman B.Yu. *Yazyk: znakomyi neznakomets* [The language: a familiar stranger]. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1987. 222 p.

Ranevskaya F.G. *Sluchai, shutki, aforizmy* [Cases, jokes, aphorisms]. Moscow, Zakharov Publ., 2004. 160 p.

Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. [The modern Russian joke: linguistic characteristics]. *Russkii yazyk segodnya. Vyp. 1* [Russian language today. Iss. 1]. L.P. Krysin (Ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, pp. 587–596. (In Russ.)

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Russian semantic dictionary. A dictionary organized by classes of words and meanings]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998–. Vols. 1–.

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

Vinogradov V.V. [Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline]. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977a, pp. 118–139. (In Russ.)

Vinogradov V.V. [On the main types of phraseological units in the Russian language]. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977b, pp. 140–161. (In Russ.)

Научный журнал

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

№ 2. 2020
От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке
К 90-летию академика Юрия Дерениковича Апресяна

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 30.07.2020. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,7. Заказ № 2094
Тираж 300 экз.

Адрес редакции: г. Москва, 119019, Волхонка 18/2

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86